

А. И. ПОЛТОРАК

От
Мюнхена
до
Нюрнберга

А. И. Полторак

ОТ
МЮНХЕНА
ДО
НЮРНБЕРГА

*Издательство
ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Москва 1961

«Должны ли мы все еще стыдиться Мюнхена?» — вопрошала английская газета «Санди экспресс», пытаясь реабилитировать тех, кто в 30-е годы дал «зеленую улицу» гитлеровской агрессии, а заодно оправдать современную мюнхенскую политику западных держав.

Широко используя материалы Нюрнбергского процесса, в том числе мало известные советскому читателю, автор показывает, что именно Мюнхен открыл шлюзы нацистской агрессии, что без Мюнхена не было бы не только войны, но и Освенцима и Трешлинки, Лидице и Орадур.

Настоящая работа является вторым дополненным и переработанным изданием книги «От Мюнхена до Нюрнберга», вышедшей в Издательство ИМО в 1960 году.

ВВЕДЕНИЕ

...29 ноября 1945 г. В Нюрнберге необычный день: в зале, где заседает Международный Военный Трибунал, объявлено, что в порядке предъявления доказательств виновности подсудимых обвинители представят *вещественное доказательство*.

Шли первые дни исторического Нюрнбергского процесса, начавшегося 20 ноября. Лишь значительно позже присутствовавшие в зале суда все чаще стали слышать о *вещественных доказательствах* — одно за другим такие доказательства предъявлялись Трибуналу в виде высушенных человеческих черепов, превращенных в пресс-папье, аккуратно упакованных пакетов с человеческими волосами, брикетов муки, полученной в результате размола человеческих костей... Однако тогда, 29 ноября, заявление обвинителя о намерении предъявить *вещественное доказательство* на процессе бывших руководителей крупного европейского государства казалось весьма необычным.

Но вот в зале появился белый экран, погас свет и началась демонстрация фильма.

Американский журнал «Гарвард Лоу ревью» писал, что «Нюрнбергский процесс — это историческое событие, результат немецкой склонности к систематическому ведению записей и неожиданно быстрой победы, благодаря которой важнейшие документы попали в руки союзников. Не имея протоколов секретных совещаний руково-

дителей государства и всех других документальных доказательств, обвинение было бы очень затруднено»¹.

Да, гитлеровцы не только на бумаге (в виде секретных приказов), но и на киноплёнке фиксировали свои «доблестные» дела в Освенциме и Майданеке, Дахау и Треблинке. Тысячи метров такой плёнки были захвачены в подвалах гестапо союзниками. Из этой плёнки был смонтирован фильм, и он послужил яркой иллюстрацией к представленным в Нюрнберге подлинным приказам об уничтожении миллионов людей. Приказы шли из ведомства Гимmlера к начальникам концлагерей и на основании их нацисты загоняли несчастных узников в топки лагерных крематориев.

В свое время гитлеровские руководители услаждали себя просмотрами таких фильмов. Но теперь, в ноябре 1945 года, когда было объявлено о демонстрации фильма «Нацистские концентрационные лагеря», нельзя было заметить каких бы то ни было признаков энтузиазма на лицах бывших властителей «третьей империи». Напротив, злость, страшная злость — какому это болвану вздумалось сохранять такую пакость, которая могла бы сгореть без остатка от одной лишь спички! О, эта тевтонская страсть к тому, чтобы все подробнейшим образом заносить на бумагу, это ужасное тщеславие: мало бумаги — оставьте потомству кинодокументы!

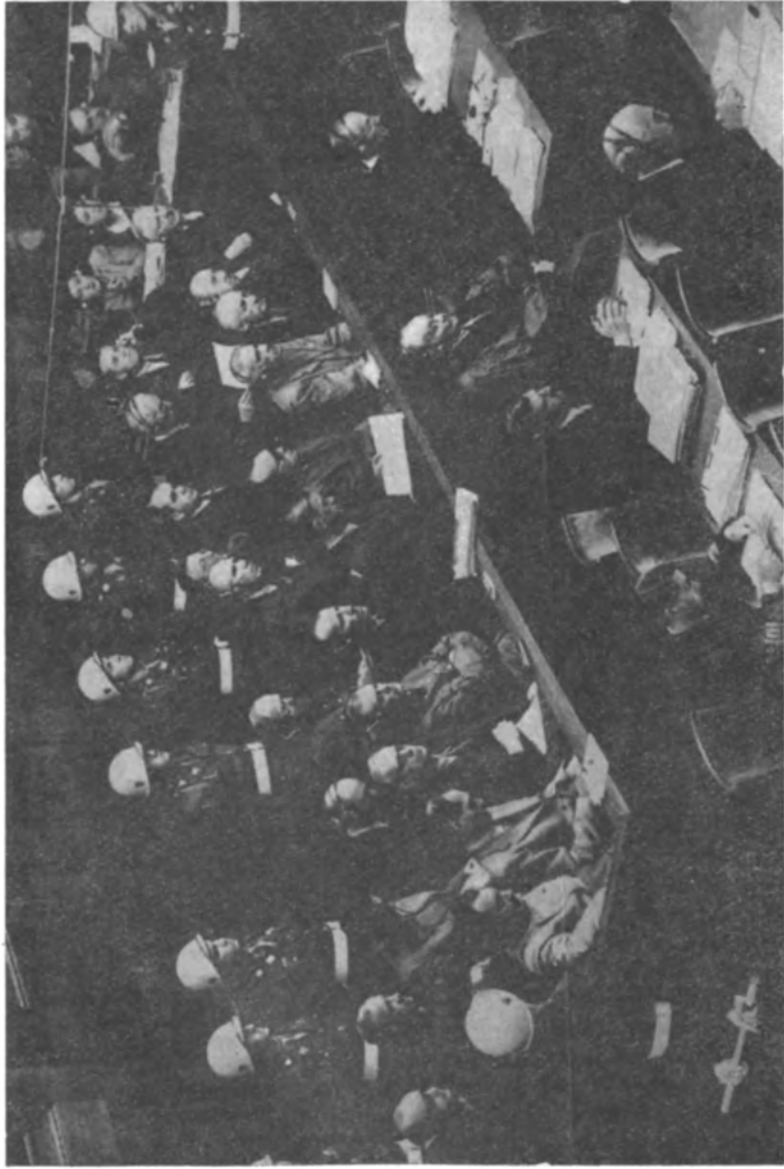
...На экране колючая проволока Освенцима. Тысячи людей, раздетых догола. Их загоняют в газовые камеры. Ужас в глазах людей, идущих в последний путь. Душе-раздирающие крики матерей, из трюк которых вырывают детей и бросают живыми в топки крематориев.

Рядом с этим — педантичные нацисты ведут подсчет золотых колец, часов, серег, взвешивают золотые мосты и коронки.

...Но что это происходит на скамье подсудимых? Шахт демонстративно отвернулся от экрана. Ему последовал фон Папен. Франк казался страшно подавленным. Солдаты, охранявшие подсудимых, рассказывали, что он истерически всхлипывал. Никто, конечно, не верил в то, что Франк раскаялся. Когда однажды во время войны ему сообщили, что в Праге нацистские власти вывесили объявление по поводу казни семи чешских патрио-

---

¹ «Harvard Law Review», 1947, vol. 60, p. 904.

Главные военные преступники на Нюрнбергском процессе. Справа налево — первый ряд Геринг, Гесс, Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Штрейхер, Функ, Шахт; второй ряд: Дениц, Редер, Ширах, Заукель, Иодль, Папен, Зейсс-Инкварт, Шпеер, Нейрат, Фриче.

тов за «саботаж», Франк ухмыльнулся и заявил: «Если бы я хотел в Польше вывешивать объявления по поводу казни каждого семи поляков, нехватило бы польских лесов для производства бумаги под такие объявления».

Но теперь, в Нюрнберге, подсудимым не до таких зловещих шуток, они уже ознакомлены с огромным множеством обвинительных документов, они увидели и это *«вещественное доказательство»*.

После демонстрации фильма судебный психиатр д-р Джильберт беседовал с подсудимыми, интересуясь, какое впечатление на них произвели просмотренные кадры. Записи своих бесед в этих и в других случаях Джильберт приводит в изданной им в США книге «The Nuremberg Diary» («Нюрнбергский дневник»).

Вот что сказал Джильберту Кейтель, бывший начальник штаба верховного главнокомандования гитлеровской Германии:

«Это ужасно! Когда я вижу такие вещи, мне стыдно, что я немец... Я никогда не смогу смотреть людям в глаза».

Джильберт спросил фон Папена, почему он отвернулся от экрана? Тот самый Папен, который передал власть Гитлеру и потом верно служил ему, ответил: «Я не хотел видеть позора Германии».

«Это ужасно, это ужасно!» — причитал Функ, тот самый Функ, который, будучи президентом имперского государственного банка, принимал от СС на хранение золотые кольца и золотые протезы жертв Освенцима.

Ганс Фриче, заместитель Геббельса, который в течение всей войны только и делал, что «опровергал» факты гитлеровских зверств, теперь, в Нюрнберге, вынужден был заявить: «Нет силы на земле и на небесах, которая могла бы снять этот позор с моей страны».

Гитлеровский работороговец Фрик Заукель был лаконичнее и признал: «Это позор для нас, наших детей и для наших внуков».

Так говорили сами подсудимые в Нюрнберге. Говорили не потому, что с самого начала решили раскаяться, а потому, что оказались в окружении страшных по своей доказательной силе улики, были поставлены на очную ставку не только с живыми свидетелями их человеконенавистнической политики — людьми, чудом уцелевшими в гитлеровской мясорубке и выжившими, чтобы рассказать миру о коричневой чуме фашизма, но и с миллиона-

ми «немых свидетелей», запечатленных в документах, фотографиях и фильмах. Гитлеровские сатрапы были схвачены за горло. У них хватало силы воли, чтобы, сидя в берлинских кабинетах, подписывать приказы «Nacht und Nebel» («Мрак и туман»), «Kugel» («Пуля») и др., согласно которым уничтожались миллионы людей. Но они вдруг сникли, обмякли, потеряли элементарное самообладание, когда были поставлены перед необходимостью отвечать за свои кровавые дела.

Они не выдержали очной ставки с историей, с правдой.

* * *

1960 год. По Западной Германии совершает турне французский профессор Поль Рассинье. Он читает лекции о Нюрнбергском процессе. И самое интересное, что он сообщил своим слушателям, сводилось к следующему: нельзя верить Нюрнбергскому приговору, ибо, оказывается, он был вынесен на основе «фальшивых свидетельских показаний и коммунистической травли».

Поль Рассинье далеко не одинок. Это лишь один из многих примеров той кампании нападок реакции на Нюрнбергский процесс, которая ведется на Западе уже много лет и, конечно, наиболее активно в Западной Германии. Неонацистская газета «Национ Эйропа» писала недавно, что Геринг и Кейтель, Кальтенбруннер и Франк были осуждены незаконно, ибо они «не нарушили ни одного из существующих где-либо законов» и вся вина их заключается лишь в том, что они выполняли свой «долг перед народом и отечеством». День казни гитлеровских руководителей в Нюрнберге газета называет «черным днем германской истории».

Для того чтобы уж до конца показать свое отношение к Нюрнбергскому процессу, шведские реакционеры недавно выдвинули отбывающего в тюрьме Шпандау наказание Рудольфа Гесса на соискание... Нобелевской премии мира.

«Подлейшая фальсификация истории», — так резюмирует свою оценку Нюрнбергского процесса западногерманский журнал «Анклаге».

В чем же дело? Почему столь ненавистным оказался Нюрнбергский процесс и его приговор, почему в идейной борьбе с ним объединились реакционеры всего мира? Ведь не только в Европе, но и в Америке этот процесс был встречен в определенных кругах с большим раздражением. Известно, что сенатор Тафт вскоре после приговора в припадке откровенности заявил, что «Соединенные Штаты еще долго будут сожалеть о приведении в исполнение Нюрнбергского приговора».

«Вы должны будете согласиться, — писал английский реакционный публицист Монтгомери Бельджион, — что если бы обыкновенный человек попал с Луны в Нюрнберг, то он пришел бы к выводу, что там царит сплошная бессмыслица». Да, с точки зрения укоренившихся в эксплуататорском обществе понятий, ведение разбойничьих агрессивных войн никогда не считалось преступлением. История знала сотни захватнических, агрессивных войн. Но история еще не знала ни одного случая, когда бы люди, повинные в развязывании этих войн, в гибели миллионов людей, были судимы и поплатились собственной жизнью за агрессию.

В течение столетий раздавались голоса, требовавшие установить ответственность за агрессию. Но увы... Грозилась судить Наполеона, а кончили тем, что отдали ему в подарок остров Эльбу. Обещали судить Вильгельма II, но побоялись таким судом создать прецедент: кто знает, кому придется быть следующим... И Вильгельм покинул Германию, двадцать лет спокойно прожил в Голландии, поздравив в 1940 году Гитлера с победой во Франции. В судьбе кайзера Гитлер видел гарантию своей безнаказанности. Идея наказания агрессоров казалась мертворожденной.

Но вот в 1945 году на весь мир прозвучало грозным эхом слово «Нюрнберг». То, что произошло в Нюрнберге, было крайне непривычным: правительство одной из крупнейших империалистических держав схвачено, что называется, *in flagrante*, схвачено и посажено в тюрьму, посажено и судимо, судимо и наказано смертью. Но огромное историческое значение Нюрнбергского процесса заключается не только в этом. Гораздо важнее то, что своим приговором Международный Трибунал авторитетно подтвердил: агрессия является международным преступлением. И не только деклари-

ровал, но в знак уважения к этому правилу повесил десяток министров государства-агрессора. Вот это-то и не нравится агрессивным силам империалистических держав.

В период подготовки Нюрнбергского процесса многие защитники гитлеровской клики на Западе, пытаясь выдать себя за противников фашизма, выступали за то, чтобы... без всякого суда расстрелять «всех этих герингов и риббентропов». Надо ли говорить, что скрывалось за подобными «архирадикальными» требованиями!

Нет, Нюрнбергский процесс должен был состояться, народы должны были получить возможность услышать из уст «всех этих герингов и риббентропов» нечто такое, что с головой выдало бы фашизм как самое чудовищное порождение империализма, разоблачило бы человеконенавистническую сущность империализма, раскрыло бы преступные методы и средства агрессоров и тем самым затруднило бы любителям новых авантур развязывание агрессии. И в этом смысле Нюрнберг сыграл свою историческую роль.

В наши дни происходит ожесточенная борьба между теми, кто вновь в интересах агрессии хочет использовать германский милитаризм, и теми, кто, помня об ужасах гитлеровского господства, ведет титаническую борьбу за мир, за то, чтобы не позволить германской военинне ввергнуть Европу в кровопролитную бойню.

Материалы Нюрнбергского процесса служат мощным и острым оружием в руках сторонников мира. Нюрнбергский процесс, его материалы и приговор — сегодня не только история, но и жгучая современность. Документы этого процесса живут, борются, разоблачают. Хорошо известна политическая физиономия гитлеровца Оберлендера, известно, как держался за своего министра Аденауэр. Но в руках сторонников мира разоблачительные материалы Нюрнбергского процесса стали такой силой, что вынудили западногерманского канцлера уволить этого матерого фашиста. Аденауэр продолжает цепляться за другого гитлеровца в своем правительстве — Ганса Глобке. «Я не знаю никого, кто мог бы заменить Глобке», — с восторгом говорит о нем Аденауэр.

Канцлеру Аденауэру не доставило большого удовольствия, когда ему напомнили, что гитлеровский министр внутренних дел Фрик, учитывая заслуги Глобке, харак-

теризовал его как «одного из самых старательных и прилежных чиновников министерства»... В нюрнбергских материалах сохранился и текст присяги Глобке фюреру...

Провокация как метод развязывания агрессивных войн всегда широко использовалась империалистами. И нередко эти тщательно подготовленные провокации приводили к обману народных масс, создавали некое оправдание агрессивной политики.

Ценность материалов Нюрнбергского процесса заключается и в том, что они раскрыли перед миром эти тайники империалистической агрессивной политики. Убийство германского посла в Праге как повод для нападения на Чехословакию, нападение переодетых в польскую форму нацистов на радиостанцию немецкого города Глейвиц как оправдание для развязывания второй мировой войны, бомбардировка гитлеровской авиацией немецкого города Фрейбурга — это лишь некоторые примеры империалистических провокаций, к которым прибегали гитлеровские агрессоры для оправдания нападения на другие страны. Многие десятилетия историки спорили и еще продолжают спорить по поводу того, кто на кого напал первым в минувших империалистических войнах. И как сразу благодаря Нюрнбергскому процессу стали ясны чудовищные провокации германской военщины, к которым она прибегала для развязывания второй мировой войны.

* * *

С огромным удовлетворением встретило человечество приговор Международного Военного Трибунала гитлеровской клике.

Нюрнбергский приговор был обращен не только к прошлому, но и к будущему. Он должен был служить грозным предостережением всем тем, кто в новых условиях попытался бы посягнуть на мирную жизнь народов.

«Во имя священной памяти миллионов невинных жертв фашистского террора, — сказал в своей речи главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко, — во имя укрепления мира во всем мире, во имя безопасности народов в будущем — мы предъявляем подсудимым полный и

справедливый счет. Это — счет всего человечества, счет воли и совести свободолюбивых народов. Пусть же свершится правосудие!»

Поставив свою подпись под Нюрнбергским приговором, член Международного Военного Трибунала от СССР И. Т. Никитченко вместе с тем оказался вынужденным дополнить его Особым мнением, которое тогда, в 1946 году, казалось кое-кому не то излишним, не то «чрезмерно суровым». Советская делегация выразила свое несогласие с той частью приговора, в которой содержался отказ Международного Военного Трибунала признать гитлеровский генеральный штаб преступной организацией.

Вспоминается пылкая дискуссия в кулуарах Дворца юстиции. Только что завершился суд. Нюрнберг еще бурлил. Некоторые представители делегаций западных стран, с которыми советские юристы работали в полном согласии в течение всего процесса, выражали сожаление по поводу того, что советские судьи, как им казалось, «без всякой необходимости» внесли своим Особым мнением «столь нежелательный диссонанс» в приговор.

«Зачем нужно было это Особое мнение? — спрашивал советских представителей один английский журналист. — Ведь германский милитаризм раздавлен... Неужели не ясно, что после такого урока немцы будут минимум столетие бояться самого слова „солдат“?».

Английский журналист был далско не единственным, кто так думал в осенние дни 1946 года.

Исторический опыт, однако, показал, что Особое мнение Советского Союза не было излишним, что оно было очень и очень дальновидным.

Вовсе не сто лет потребовалось для того, чтобы вновь обрел силы германский милитаризм. Прошло всего несколько лет, и из Западной Германии стали приходить тревожные вести. Опять, как в достопамятные времена Мюнхена, определенные державы, влекомые агрессивными антисоветскими устремлениями, стали проявлять особую заботу о возрождении германского милитаризма.

Сегодня в Западной Германии опять начали действовать мрачные силы войны и разрушения, уже дважды в XX веке ввергавшие человечество в пучину мировых войн. Германские империалисты с помощью своих западных покровителей создали агрессивный бундесвер.

Вновь раздаются призывы к агрессивной войне, к захвату и порабощению других стран. И вновь германские милитаристы до хрипоты кричат о «походе на Восток».

Отражая агрессивные устремления германских милитаристов, боннский военный министр Штраус, этот наиболее развязный и крикливый реваншист, недавно угрожал «стереть с географической карты Советский Союз». Аденауэр и Штраус встречают в штыки каждую попытку ослабить международное напряжение и устранить угрозу новой мировой войны.

В центре Европы появилось государство, политические и военные руководители которого откровенно призывают к реваншистской войне с целью пересмотреть существующие границы и на Востоке и на Западе. Снова слышатся призывы к завоеванию «жизненного пространства» и покорению соседних народов.

Как указывается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий (ноябрь 1960 г.), «угроза делу мира и безопасности народов Европы, исходящая от западногерманского империализма, усиливается. Западногерманские реваншисты открыто заявляют о своем намерении пересмотреть границы, установленные после второй мировой войны. Как и гитлеровская клика в свое время, западногерманские милитаристы подготавливают войну против социалистических стран и других государств Европы, стремятся осуществить свои собственные планы агрессии»².

Реакционные круги Западной Германии идут по существу тем же путем, которым шли империалисты после 1918 года.

И сегодня мир стал свидетелем разительной картины — отъявленные гитлеровские преступники, получившие от нацистского фюрера генеральские звания, стали во главе бундесвера, а сам бундесвер, насчитывающий 300 тыс. человек, уже сейчас является вторым по численности военным контингентом НАТО.

Западногерманский канцлер Аденауэр время от времени делает широковещательные заявления о том, что правительство ФРГ не несет ответственности за преступления гитлеровской Германии. И при этом он старается

---

² «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», Госполитиздат, 1961, стр. 55.

внушить мысль о том, что гитлеровцы не допускаются в западногерманский бундесвер.

В своей речи на VII съезде Венгерской социалистической рабочей партии Н. С. Хрущев в связи с подобными заявлениями Аденауэра сказал: «Канцлеру Аденауэру положено знать, что он сейчас представляет правительство Западной Германии, которое обязано помнить о злодеяниях Гитлера. Он, канцлер, говорит, что не отвечает за дела гитлеровской Германии. Но где те люди, которые вели фашистских солдат против Советского Союза, были в Сталинграде, вели войну против других стран? Для того, чтобы их найти, не надо вооружаться биноклем или другими оптическими средствами. Каждый понимает, что их не следует искать в Германской Демократической Республике, эти люди обрели почву в Западной Германии и многие из них занимают там видное положение. Некоторые из них формируют западногерманскую армию, а другие уже командуют войсками НАТО»³.

Огромная опасность возрождения германского милитаризма усиливается и тем, что бундесвер оснащается ракетным и атомным оружием. В начале второй мировой войны гитлеровский генерал Каммхубер с целью создать повод для террористических налетов на английские города учинил дикую провокацию — подверг бомбардировке германский город Фрейбург. Кто поручится за то, что тот же Каммхубер, в прошлом правая рука командующего гитлеровской авиацией Геринга, а сегодня главнокомандующий военно-воздушными силами бундесвера, не использует атомное оружие для совершения столь привычных ему провокаций. Человечество еще не забыло чудовищных преступлений германских милитаристов во второй мировой войне, чтобы не отдавать себе отчета в огромной опасности, которая таится в вооружении новой германской армии атомным и ракетным оружием.

Народы мира активно выступают против нового Мюнхена, уже однажды стоившего мировой войны с ее бесчисленными жертвами. Эта война, развязанная в Европе фашистской Германией, а на Востоке — империалистической Японией, втянула в свою орбиту более 80%

³ Н. С. Хрущев, Мир без оружия — мир без войн, т. 2, Госполитиздат, 1960, стр. 406.

населения всего мира. В ней участвовало 61 государство с населением 1700 млн. человек. Под ружье было поставлено 110 млн. человек. Вторая мировая война унесла почти пятьдесят миллионов человеческих жизней. Война причинила огромный материальный ущерб народному хозяйству многих стран.

Трудно предвидеть, что произошло бы с человечеством, если бы не героические усилия Советской Армии, разгромившей гитлеровские орды. В 1945 году над гитлеровским рейхстагом было водружено красное знамя, олицетворявшее победу сил демократии и мира над фашизмом. Народы вздохнули свободно.

Но, увы, ненадолго. Грубо нарушая международные обязательства, правящие круги западных держав, влекомые теми же стремлениями, что и в Мюнхене, уже в первые же послевоенные годы стали на путь ускоренного восстановления германского милитаризма. Эта политика, естественно, вызывает большое беспокойство и возмущение многих миллионов людей, в памяти которых так живы тяжкие преступления гитлеровского фашизма.

Понимая это, реакционные круги Запада направляют усилия своей пропаганды на то, чтобы скрыть от народов те ужасные для человечества последствия, к которым однажды уже привело поощрение германского милитаризма. И на помощь немедленно пришел целый сонм фальсификаторов истории, которые, прибегая к извращению фактов, их подтасовке, стремятся переписать историю возникновения второй мировой войны в угодном для реакции направлении.

Подлинная, правдивая история второй мировой войны является определенным моральным препятствием для тех, кто захотел бы развязать третью мировую войну. Эта история является определенным препятствием для возрождения милитаризма и фашизма в Западной Германии. Вот почему так ополчились реакционеры на Западе против правды.

О том, какого размаха достигла деятельность фальсификаторов истории второй мировой войны, можно судить хотя бы по следующему признанию американского буржуазного историка Бернса, который пишет: «Никогда со времен средневековья не использовались такие организованные и мощные силы, какие действуют сейчас, чтобы... не дать возможности американскому народу озна-

комиться с фактами об ответственности за вторую мировую войну»⁴.

Главные усилия наиболее отъявленных фальсификаторов истории направляются на то, чтобы выгородить империалистическую политику агрессии и взвалить всю ответственность за развязывание второй мировой войны на Советский Союз.

Надо подчеркнуть, что подобные утверждения — это не только плод безответственных упражнений буржуазных историков, а нередко и отражение официальных позиций западных держав. В этом смысле достаточно указать на весьма пространное заявление госдепартамента США летом 1959 года под названием «Советская нота о Берлине. Анализ». В этом документе, перепечатанном с сокращениями 6 июля 1959 г. на страницах журнала «United States News and World Report», «доказывается», будто развязыванию гитлеровской агрессии способствовали вовсе не западные державы, которые своей политикой по существу сделали возможным приход Гитлера к власти, а затем экономически и политически содействовали осуществлению его планов, а... Советский Союз. Стыдливо обходя многочисленные договоры и пакты, заключенные западными державами с Гитлером, цель которых состояла в чем угодно, но не в стремлении укрепить мир, фальсификаторы истории весь огонь сосредоточивают на советско-германском договоре о ненападении.

Стремясь освободить германский милитаризм от ответственности за развязывание войны, обелить тех германских генералов, которые и сегодня стоят у кормила бундесвера, фальсификаторы истории взваливают всю вину за проигрыш войны персонально на Гитлера, который якобы в силу своих личных качеств оказался неспособным довести до конца дело «разгрома коммунизма», но что вполне сумеют сделать оставшиеся в живых его преемники.

Вновь взят на вооружение гитлеровский миф о «превентивном» характере войны нацистской Германии против СССР.

Окопавшиеся в Западной Германии гитлеровские генералы наводнили книжный рынок различными «иссле-

---

⁴ Цит. по «Вопросы истории КПСС», 1959 г., № 4, стр. 36.

дованиями», в которых они старательно пытаются «доказать», что не фашистская Германия преступно напала на СССР, а, напротив, Советский Союз готовил нападение на Германию, и что Гитлер в этих условиях лишь оказался вынужденным вести превентивную войну. В общем хоре фашиствующих историков в ФРГ нередко слышны голоса и официальных руководителей страны, пытающихся представить политику Советского Союза как агрессивную.

Не гнушается этим и сам Аденауэр, который совсем недавно заявил: «Ни одна из стран в этом столетии не вела столько войн, не захватила столько стран, сколько Советский Союз».

Разоблачая эти фальсификаторские заявления, Н. С. Хрущев, заметил:

«Читая речи канцлера Аденауэра, можно подумать, что не гитлеровская Германия, а Советский Союз развязал вторую мировую войну, стоившую народам десятки миллионов жизней и неисчислимых материальных жертв; можно подумать, что это Советский Союз напал на Германию, а не гитлеровская Германия совершила разбойничье нападение на нашу страну»⁵.

Ведя такую разнузданную антисоветскую пропаганду, реакционные круги Запада и находящиеся у них в услужении фальсификаторы истории руководствуются старым гитлеровским рецептом — «ложь, для того чтобы ей поверили, должна быть колоссальной».

Вот почему так важно оживить в памяти народов подлинную историю второй мировой войны. История эта учит тому, куда ведет политика потворства германскому милитаризму, она раскрывает сущность антикоммунизма как средства маскировки агрессивных замыслов. История эта показывает, сколь губительной, в частности и для самих западных держав, оказалась их политика заигрывания с Гитлером. Как известно, это вынуждены были признать многие из видных деятелей западных держав. Это признавал Рузвельт, об этом пишет в своих мемуарах Черчилль. Французский президент де Голль, раскрывая ошибочность для Франции мюнхенской политики, писал о ее французских проводниках: «Они были

---

⁵ Н. С. Хрущев, Мир без оружия — мир без войн, т. 2, стр. 407.

более озабочены тем, как нанести удар России., чем вопросом о том, как справиться с Германией».

Даже такой английский политик, как Киркпатрик, на совести которого немало грехов в проведении курса на восстановление германского милитаризма, и тот вынужден был написать в своих недавно изданных мемуарах: «История спросит еще — каким образом могло случиться, что английское правительство так явно закрывало свои глаза и глаза своего народа перед ясной и грозной опасностью... Никто не может осмелиться встать на защиту тех упущений и грехов, которые неизбежно привели нас к мюнхенской капитуляции»⁶.

Современные фальсификаторы истории второй мировой войны особое внимание уделяют реабилитации германского милитаризма и германского монополистического капитала. Насилюя и игнорируя исторические факты, фальсификаторы пытаются отвести удар от германской военщины, представляя ее как силу, якобы стоявшую на пути гитлеровской агрессивной политики. Если верить современным присяжным буржуазным историкам, то германские генералы не только не одобряли гитлеровскую агрессивную политику, но, более того, вели борьбу за то, чтобы не дать возможности Гитлеру ввергнуть Европу в мировую войну.

Особое внимание реакционная буржуазная историография уделяет реабилитации германских империалистических монополий. Задача здесь та же — освободить германские монополии от ответственности за создание в Германии фашистского режима, за его агрессивную политику и массовые преступления. Идеологи империалистической реакции в своем рвении заходят так далеко, что даже пытаются представить тех, кто вскормил гитлеровский режим, его противниками.

Разоблачение подобных фальсификаций, раскрытие подлинной реакционной роли германских монополий и германских милитаристов в становлении в Германии фашизма, в подготовке и развязывании агрессивных войн является одной из важнейших задач марксистской историографии второй мировой войны.

---

⁶ Цит. по «Новое время», 1959 г., № 41, стр. 30.

ГИТЛЕРОВСКИЕ АГРЕССОРЫ И ИХ ПОСОБНИКИ

Альфа и омега

...Над миром нависла грозная опасность новой войны. С огромным беспокойством люди следили за зловещим развитием событий в центре Европы, в Германии, где к власти пришел Гитлер. Из огня, в котором горел подожженный Герингом рейхстаг, гитлеровская клика стремилась раздуть пожар мировой войны.

Гитлеровская Германия лихорадочно вооружалась. И вовсе не так скрытно, как это делалось во времена Веймарской республики. Военные заводы работали с полной нагрузкой. По всей стране строились аэродромы. Гитлеровская Германия приняла такой темп вооружений, который, как потом стало ясно, обеспечил ей возможность за пять лет подготовить страну к большой захватнической войне.

Как же реагировали на это западные державы, совсем недавно с большими жертвами и экономическими потерями закончившие кровопролитную войну с германским милитаризмом?

Что и говорить, быстрое восстановление Германии, создание крупной армии, распространение в германском народе военного психоза не могли не вызвать тревоги у авторов Версальского договора. И тем не менее Запад не только удивительно спокойно наблюдал за процессом перевооружения Германии, но, более того, оказывал всемерную помощь германским империалистам.

...Вот за свидетельским пультом на Нюрнбергском процессе дает показания Ялмар Шахт — бывший гитле-

ровский министр хозяйства и президент имперского банка. Недовольный тем, что западные державы вынуждены были под давлением ряда обстоятельств арестовать его и предать суду Международного Трибунала, Шахт время от времени в состоянии раздражения раскрывает подлинную сущность политики западных держав в отношении гитлеровской Германии.

«Я должен сказать, — заявил Шахт, — что, когда началось вооружение Германии, то другие страны не предприняли ничего против этого. Нарушение Версальского договора Германией было воспринято совершенно спокойно: ограничились лишь нотой протеста, но не сделали ни малейшего шага, чтобы снова поставить вопрос о разоружении... В Германию были посланы военные миссии, чтобы наблюдать за процессом вооружения, посещались военные заводы Германии. Делалось все, но только не для того, чтобы воспрепятствовать вооружению»¹.

Затем Шахт пустился в воспоминания о встречах с видными представителями Запада, которые выражали полное удовлетворение ходом событий в Германии.

В момент, когда об этом шла речь, к трибуне подошел главный американский обвинитель Джексон и заявил: «Господа судьи, ...я не могу понять, каким образом тот факт, что видные иностранцы *могли быть обмануты режимом* (курсив мой.— А. П.), который подсудимый старался рекламировать, прикрывая его своим именем и авторитетом, может оправдать действия подсудимого или помочь ему»².

Здесь немало правды, ибо Шахт, этот ответственный представитель германского монополистического капитала при ряде правительств Германии, действительно сделал все, чтобы не только рекламировать Гитлера, но, что важнее, помочь ему захватить власть. Что же касается того, что «видные иностранцы», о которых говорил Джексон, «были обмануты режимом», то справедливость требует признать, что никто так страстно не хотел быть «обманутым» в Мюнхене, как Чемберлен и Боннэ и их заокеанские режиссеры.

Дело обстояло гораздо сложнее и в то же время проще.

¹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 22, стр. 29.

² Там же, стр. 17.

К 30-м годам Германия экономически резко выдвинулась вперед и стала по существу первой державой в капиталистической Европе. По уровню промышленного производства Германия значительно опережала своих империалистических соперников. Этому способствовало еще и то, что разразившийся с осени 1937 года экономический кризис затронул главным образом США, Англию и Францию, не повлияв на агрессивные империалистические страны, такие как Германия, Италия, Япония, которые в тот период осуществили перевод экономики на военные рельсы. Германия в 1937 году значительно обогнала Англию и Францию по выплавке чугуна, стали и алюминия. Рост промышленного производства в Германии сопровождался резким увеличением экспорта, причем за счет рынков ее соперников.

Германия с ее высоким и все растущим промышленным потенциалом представляла угрозу не только для европейских капиталистических держав, но и для США. Германия успешно вытесняла своих американских конкурентов с европейских и даже латиноамериканских рынков. Опасность все растущей германской конкуренции усугублялась еще и тем, что Германия заключила военно-политический союз с империалистической Японией, которая, как известно, была главным конкурентом США на Дальнем Востоке и в Азии.

И тем не менее, несмотря на резкие противоречия в экономической области, а, может быть, в определенной мере благодаря им, западные державы — США, Англия и Франция — способствовали агрессивной политике Германии и Японии, хотя это, несомненно, должно было привести к дальнейшему усилению экономического и военного потенциала этих стран.

На чем же основывалась эта политика западных держав? Безусловно, в основе ее лежало стремление разрешить свои противоречия за счет единственного в то время в мире социалистического государства — Советского Союза. Западные державы, поощряя фашистских агрессоров и сколачивая единый антисоветский фронт, стремились толкнуть Германию и Японию на войну с Советским Союзом, рассчитывая на то, что в такой войне будет уничтожено Советское государство и, помимо этого, резко ослабнут империалистические соперники — Германия и Япония. В результате западные страны сумеют

поживиться за счет тех, кого удастся втравить в военный конфликт.

Стремление толкнуть и Германию и Японию на Советский Союз подогревалось еще огромными успехами социалистического строительства, которые вызывали большую тревогу в реакционных кругах Запада.

Цели американской реакции в этой «большой игре» хотя и совпадали с интересами других западных держав в том, что касалось уничтожения Советского Союза, но отличались определенной спецификой. США стремились предотвратить сепаратное англо-германское сближение, которое могло иметь антиамериканское острие, и, более того, искали возможность самим занять положение руководящей силы, положение арбитра. США стремились путем заключения соглашения с Германией оторвать ее и Италию от союза с главным американским конкурентом на Дальнем Востоке — Японией.

Но всем этим не ограничивались причины, обусловившие пособничество западных держав гитлеровской агрессивной политике, — политику Мюнхена.

Следует иметь в виду, что в годы, непосредственно предшествовавшие второй мировой войне, на формирование политики западных держав в германском вопросе оказывала влияние революционная ситуация в Европе и в других частях света. Известно, какую тревогу вызывало и у английских и у американских империалистов все разрастающееся национально-освободительное движение китайского народа. Разумеется, и США и Англия с надеждой взирали, как японские империалисты подавляют китайский народ, хотя это, несомненно, было чревато опасностью усиления позиций Японии на дальневосточных рынках.

В Европе империалисты выражали огромное беспокойство в связи с усилением революционного движения в ряде стран. С каждым годом в этих странах усиливались позиции демократических и прогрессивных сил. Примером могла служить Франция. Добившись единства действий с социалистической партией, коммунисты на базе единого рабочего фронта развернули борьбу за широкий Народный фронт. Морис Торез в своей речи 24 октября 1934 г. призвал создать «против фронта реакции и фашизма Народный фронт свободы, труда и мира».

Широкие народные массы во Франции выступили против реакционных мероприятий правительства. С каждым месяцем Народный фронт добивался новых успехов. Весной 1935 года на коммунальных выборах³ Коммунистическая партия вышла в Париже на первое место. 14 июля 1935 г. состоялись грандиозные демонстрации трудящихся — сторонников единого Народного фронта, в которых участвовало свыше двух миллионов человек. В одном только Париже их собралось свыше 500 тысяч. Столица Франции еще не знала народных выступлений такого масштаба. Французский народ выступил под знаменем борьбы против своих поработителей, против фашизма и войны, за установление дружественных отношений с Советским Союзом.

Все эти события, происходившие не только во Франции и свидетельствовавшие об исключительном росте политической сознательности пролетариата и его организованности, вызывали серьезную тревогу в империалистических странах. Реакционные круги Запада с удовольствием использовали бы нацистов для того, чтобы подавить силы демократии в своих странах.

Все это, конечно, не могло не влиять на формирование политики западных держав в отношении гитлеровской Германии. Германия с ее милитаристскими традициями, огромным опытом борьбы с демократией весьма привлекала в этом смысле империалистические круги Запада.

Альфой и омегой политики западных держав в предвоенный период и явилось стремление толкнуть гитлеровскую Германию к нападению на Советский Союз. Отсюда и колоссальные денежные субсидии для финансирования гигантской гитлеровской программы вооружений, полное потворствование агрессивным планам, «невмешательство» в политику воссоздания крупных вооруженных сил. Дать Гитлеру все — лишь бы бросить хищный германский милитаризм на Восток. Уже одно то, что гитлеровцы, придя к власти, немедленно приступили к ликвидации внутри страны демократических свобод, к террору и расправам над коммунистами, свидетельствовало о том, что Гитлер «заслуживает» помощи международной реакции.

---

³ Выборы в органы местного самоуправления.

Игра в мяч

Но если именно такую роль готовили для Гитлера западные державы, то сам он более широко представлял себе задачи германского империализма: коренной передел мира, создание грандиозной германской колониальной империи, ликвидация американской и английской конкуренции, завоевание мирового господства. Конечно, являясь олицетворением фашизма, ударного кулака международной контрреволюции, Гитлер рассматривал уничтожение Советского государства и покорение народов СССР как важнейшую составную часть политики нацистской Германии. Но если империалистам Запада так уж это нравится, то он, Гитлер, до поры до времени будет особенно рекламировать антисоветское направление своей политики, тем более, что под такое направление Запад дает большие авансы.

До хрипоты крича о «походе на Восток» и стремясь таким образом завоевать доверие Парижа, Лондона и Нью-Йорка, Гитлер в тесном кругу своих подручных говорил: «Мне придется играть в мяч с капитализмом и сдерживать версальские державы при помощи призрака большевизма, заставляя их верить, что Германия — последний оплот против красного потопа. Для нас это единственный способ пережить критический период, разделиться с Версалем и снова вооружиться»⁴.

Читателю нетрудно будет установить, что в сущности началась сложная игра между западными державами и Германией: кто кого перехитрит — западные державы Германию, канализировав ее агрессию на Восток и обезопасив себя таким путем от германской конкуренции, или Германия — западные державы, выжав из них все что возможно под флагом «антикоммунизма», а потом решив вопрос о направлении агрессии, и вовсе не обязательно так, как это желательно Западу.

Вряд ли есть необходимость подробно доказывать, что нацистская Германия преуспела в своей политической игре. Гитлеровская клика, к великому удовольствию империалистической реакции Запада объявившая «дранг нах Остен» основным направлением своей внеш-

---

⁴ K. Lüddecke, I Knew Hitler. The Story of a Nazi Who Escaped the Blood Purge, N. Y., 1938, p. 468.

ней политики, за короткое время сумела добиться ликвидации всех ограничений Версальского договора. Германия открыто отказалась от военных статей этого договора, что легализовало создание гитлеровского вермахта. В 1935 году было заключено англо-германское морское соглашение, санкционировавшее создание германского морского флота. Так зарождалась политика, которая лишь в 1938 году получила название мюнхенской.

„Отступить, если появятся французские войска“

Гитлер решил оккупировать Рейнскую демилитаризованную зону. Это не «дранг нах Остен». Здесь уже были все основания насторожиться французам и бельгийцам.

Гитлер сообщает об этом генералу Бломбергу, военному министру, говоря, что имеет в виду оккупировать Рейнскую область без предварительного предупреждения.

Через несколько дней Гитлер сообщает о своем намерении высшему генералитету. Горячие генеральские головы готовы рукоплескать фюреру. Но среди многоголосого хора оптимистов — отдельные осторожные голоса. Генерал Фрич сомневается в своевременности этого акта. Фрич, конечно, по существу ничего против не имеет. Но германская армия еще не готова, он так много усилий тратит на реорганизацию вермахта, он так заботится о том, чтобы вермахт стал способен на акции большого масштаба, что не хотел бы преждевременно ставить армию перед серьезным риском. Фрич прямо заявил Гитлеру, что в тех условиях вооруженные силы Германии, не готовые еще к войне, могут потерпеть поражение от одной только французской армии. А кто поручится за то, рассуждал Фрич, что Франция в случае попытки немцев оккупировать Рейнскую область не предпримет ответные меры!

Гитлер, однако, отверг эти соображения Фрича, указав на то, что политическая обстановка в Европе ему, Гитлеру, знакома лучше, чем Фричу. Гитлер заверил своих генералов, что Франция ничего не предпримет и

германские войска смогут действовать во вполне спокойной обстановке.

Выведенный из себя непонятливостью одного из генералов, который продолжал спрашивать, что делать в том случае, если Франция все же предпримет ответные действия, Гитлер резко и с театральным жестом ответил:

— Тогда я покончу жизнь самоубийством, и вы сумеете отдать приказ об отступлении.

...В субботу, 7 марта 1935 г., гитлеровские подразделения молча, почти смущенно переправились через мост и заняли Рейнскую область. Уверенность Гитлера в том, что Запад ради будущего «дранг нах Остен» проглотит рейнскую пилюлю, была настолько велика, что немецкой пехоте не было выдано ни одного патрона, а артиллерия не получила ни одного снаряда.

Тогда эти унижительные для Запада детали официально не сообщались. Напротив, капитулянтские и реакционные круги во Франции распространяли слухи о том, что Гитлер ввел в Рейнскую область 90 тыс. солдат, — отсюда ясно, что и предпринять-то трудно было что-либо в условиях неожиданности действий Гитлера.

Много лет спустя начальник штаба германского верховного командования Кейтель и его ближайший помощник Иодль внесли соответствующий корректив. Вот выдержка из стенографического отчета Нюрнбергского процесса:

«Экснер (адвокат Иодля): Скажите, сколько войск было в Рейнской области после занятия ее территории?

Иодль: Мы заняли Рейнскую область в общем и целом одной дивизией. Причем только три батальона вошли в Западную Рейнскую область, по одному батальону в Аахен, в Трир и Саарбрюкен»⁵.

«Вы только представьте себе, — вспоминал в Нюрнберге Кейтель, — мы оккупировали Рейнскую область *тремя* (курсив мой. — А. П.) батальонами! Я сказал Бломбергу: «Как мы это можем сделать *тремя* батальонами? Представьте себе, что французы будут сопротивляться!» — «О, — сказал Бломберг, — не беспокойтесь, мы имеем основание попытаться счастье»⁶.

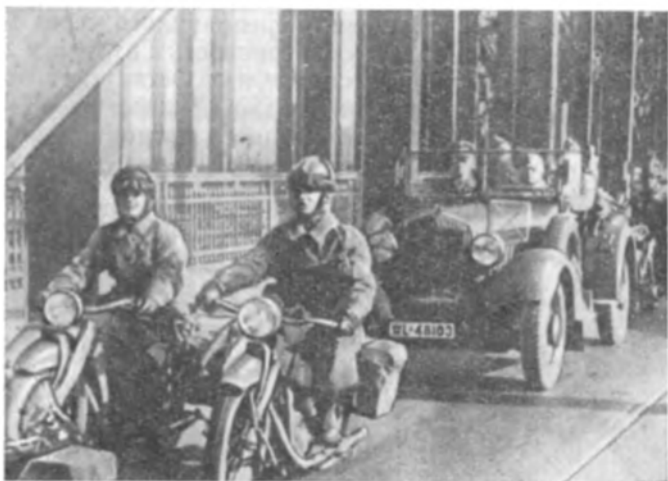
---

⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 27, стр. 12670.

⁶ G. M. Gilbert, The Nuremberg Diary, N. Y., 1948, p. 93.

Конечно, предпринимая эту авантюрную акцию, Гитлер был убежден в том, что Франция не будет действовать. На всякий случай отрядам, вступившим в Рейнскую зону, немецкое командование приказало немедленно отступить без боя на свою территорию, если появятся французские войска.

«Франция не может допустить, чтобы Страсбург был под угрозой германских пушек!», «Нет больше мира в

Вступление германских войск в Рейнскую область.

Европе!» — патетически восклицал французский премьер-министр. Но это были лишь слова... Не то что силы, достаточно было солидного окрика, чтобы Германия отступила. Но его не последовало.

Напротив, реакционные круги во Франции и Англии со всей силой обрушились на тех, кто посмел выразить опасение по поводу событий в Рейнской зоне. Небезызвестный лорд Астор предостерегал английское правительство от действий, «равнозначных превентивной борьбе против Германии». Он требовал оказать помощь главе национал-социалистского правительства, «спасти Германию и Европу от коммунистической революции».

Только Советский Союз настойчиво и последовательно проводил политику мира и боролся за предот-

вращение нозой войны. Уже через несколько дней после оккупации Рейнской зоны Советское правительство заявило: «Ремилитаризация Рейнской области, несомненно, усилила угрозу для стран, находящихся к востоку от Германии, и в частности для СССР. Не видеть этого было бы неправильно. Тем не менее ввод германских войск в Рейнскую область, пограничную с Францией и Бельгией, и создание укреплений вдоль франко-бельгийской границы, в нарушение известных международных договоров, означает угрозу, прежде всего, в отношении западных соседей, Франции и Бельгии»⁷.

Учитывая, что ремилитаризация Рейнской зоны создала непосредственную угрозу нападения на Францию, Советское правительство заявило: «Вся помощь, необходимая Франции в связи с возможным нападением на нее европейского государства, поскольку она вытекает из франко-советского договора, который не содержит никаких ограничений в этом отношении, Франции была бы оказана со стороны Советского Союза».

Но все усилия Советского Союза, являвшегося единственным тогда в мире социалистическим государством, создать систему коллективной безопасности и предотвратить угрожающее для мира развитие событий наталкивались на упорное сопротивление правящих кругов Запада, видевших свою цель как раз не в том, чтобы вместе с Советским Союзом идти против агрессора, а, напротив, объединившись с Гитлером, уничтожить первую в мире страну социализма. Ослепленные этими целями, упорно отменяя мысль о том, что, усилившись, Гитлер может первый удар нанести по Западу, поборники мюнхенского курса Чемберлен, Саймон, Боннэ и др. продолжали плести антисоветскую сеть.

Заговор против Австрии

Британский министр иностранных дел Саймон в 1935 году прибывает в Берлин. Цель — создать единый фронт против СССР. Саймон нашел самый благоприятный прием у Гитлера. Позднее, проездом из Москвы, американский дипломат Буллит беседует в Берлине с

⁷ «Правда», 24 марта 1936 г.

гитлеровским министром иностранных дел Нейратом. Цель — сближение Германии с Францией и проведение согласованного антисоветского курса.

Империалисты США, Англии и Германии оказывают все возможное давление на страны Европы и добиваются того, что последние отказываются от советских предложений по созданию системы коллективной безопасности. Империалистическая реакция стремится заставить Францию и Чехословакию, с которыми Советский Союз в 1935 году заключил договоры о взаимной помощи против агрессии, отказаться от этих договоров. Общественное мнение этих стран не позволило правительствам Франции и Чехословакии разорвать договоры, но это не помешало французскому и чехословацкому правительствам занять вероломную позицию в отношении Советского Союза.

В эти грозные предвоенные годы, сознавая надвигающуюся опасность, Советский Союз принял энергичные меры для использования Лиги наций в целях предотвращения войны и обуздания агрессора. Но все оказалось тщетным, ибо руководящую роль в Лиге играли те же Англия и Франция, правящие круги которых только и стремились к тому, чтобы, используя и Лигу наций, расчистить путь для гитлеровской агрессии на Восток. Вот почему в тот период Лига наций, превращенная по существу в орудие империалистической дипломатии Англии и Франции, демонстративно отказывалась принимать любые советские предложения, направленные на укрепление мира.

Понимая, что политика, в основе которой лежит обещание осуществить «дранг нах Остен», находит такое признание в среде реакционных кругов Запада, Гитлер, создав агрессивный союз Германии, Италии и Японии, назвал его «антикоминтерновским». Вряд ли есть необходимость напоминать, что каждый из участников этого антикоминтерновского пакта начал свою агрессивную деятельность с нападения на капиталистические страны. Но это случилось через несколько лет. Когда же этот союз был создан, руководящие круги Запада видели в нем лишь осуществление своих планов консолидации антисоветских сил для уничтожения Советского Союза. Империалистической реакции явно не терпелось... Готовился уже и Гитлер.

25 сентября 1937 года происходит встреча двух диктаторов — Гитлера и Муссолини. Пышно и торжественно встречаются они в Мюнхене. Муссолини не имеет оснований придирается к протоколу встречи. Все сделано, чтобы усладить дуче — от вокзала и до центра города он проезжает между двумя рядами бюстов римских императоров. Может, придет время — и (Муссолини верит в это) галерея этих бюстов пополнится еще одним...

27 сентября оба диктатора в Берлине. И здесь Муссолини не может нарадоваться помпезности встречи. Несколько километров в открытой машине от имперской канцелярии до Олимпийского стадиона показались для дуче лучезарной поездкой — позади него в машине Адольф Гитлер. Да, надо отдать должное нацистам: они умеют встречать своих друзей. Нет дома, с которого не свешивались бы итальянские и германские государственные флаги. Сотни пилонов и колонн украшены секирами с пучками прутьев и свастикой.

28 сентября 1937 года. Ровно год отделяет мир от Мюнхена. В Берлине грандиозный митинг. Он должен продемонстрировать прочный союз фашистских диктаторов, он должен заставить кое-кого сложить оружие. Гитлер не скупится на похвалы. Он чествует своего гостя, истерически выкрикивая, что в лице Бенито Муссолини история запечатлеет «одного из величайших людей всех веков, одного из тех редких гениев, которых создает не история, а которые сами творят историю». Обращаясь к тем, от кого он хочет добиться капитуляции, Гитлер вопит, что содружество двух фашистских государств «насчитывает сто пятьдесят миллионов человек, решивших бок о бок сражаться против разрушительной заразы демократического интернационала и оказать сопротивление любым попыткам внести раскол...».

Муссолини не остается в долгу и, употребляя все свое красноречие, преодолевая итальянский акцент, говорит на малопонятном немецком языке о своей клятве быть вечным другом рейху. «Когда фашизм имеет друга, он идет с ним до конца». «Завтра Европа станет фашистской», — гремит итальянский дуче.

«Внезапно, — вспоминает известная французская журналистка Женевьева Табуи, — гремят мощные раскаты грома. Начинается ужасная гроза. Молнии освещают небо, покрытое зловещими тучами, и в полумраке эта

картина кажется трагической. Проливной дождь обрушивается на толпу, которая в панике бросается к трамваям».

Рассказывая об этом, французский посол Франсуа-Понсе вечером того же дня заметил:

— Итак, кажется, сами силы природы возвещают людям о несчастьях, которые вскоре будут низринуты на их головы благодаря союзу двух диктаторов.

Понсе скромно умолчал лишь о том, как много он сам в те дни делал для того, чтобы ровно через год мог состояться Мюнхен и чтобы Франция шаг за шагом капитулировала перед фашистским диктатором. А ведь именно Понсе ровно через год будет сидеть рядом с Гитлером, подписывающим вместе с Даладье мюнхенское соглашение. Франсуа-Понсе сегодня еще жив. Он мог бы дополнить эту картину уже новыми фактами из своей деятельности после второй мировой войны — время другое, а Понсе остался прежним. Он по-прежнему мечтает о том, чтобы бросить силы германского милитаризма на Восток, против Советского Союза.

Но вернемся к истории.

5 ноября 1937 г. в имперской канцелярии состоялось совещание. Участники — Гитлер, германский военный министр генерал-фельдмаршал фон Бломберг, главнокомандующий армией генерал-полковник фон Фрич, главнокомандующий флотом генерал-адмирал Редер, главнокомандующий воздушным флотом генерал-полковник Геринг, имперский министр иностранных дел Нейрат и адъютант Гитлера полковник Госбах, оставивший запись этого совещания, которая была много лет спустя предъявлена на Нюрнбергском процессе. Во время этого совещания Гитлер в общих чертах рассказал о возможностях германской внешней политики и просил, «чтобы в случае его смерти его заявления рассматривались как его последняя воля и желание». Гитлер заявил: «Перед Германией стоит теперь вопрос о том, где можно ценой наименьших потерь добиться максимального результата»⁸.

---

⁸ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов», т. 1, Госюриздат, 1957, стр. 608—609. В дальнейшем «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов».

Первоочередная задача, сказал Гитлер, «прежде всего должна заключаться в одновременном захвате Чехословакии и Австрии»⁹. Как же будут реагировать западные державы, если Германия предпримет эти агрессивные акты, не сделают ли они своим энергичным вмешательством невозможным их выполнение? Этот вопрос, конечно, вставал перед заговорщиками. В записи совещания по этому поводу имеется весьма многозначительное заявление Гитлера: «Лично фюрер считает, что, по всей вероятности, Англия и, возможно, Франция молча уже отказались от Чехословакии и что они уже привыкли к мысли о том, что в один прекрасный день этот вопрос будет разрешен Германией»¹⁰.

И в самом деле, реакционные правящие круги западных держав не заставили себя долго ждать...

19 ноября 1937 г. в Оберзальцберг для «серьезного» разговора к Гитлеру приезжает британский министр иностранных дел Галифакс. После войны тайна этой беседы была раскрыта. Трудно назвать эту беседу дипломатической: сняты все покровы, и разговор «двух джентльменов» происходит в исключительно откровенной манере. Можно сказать, что покупателю и продавцу не пришлось торговаться — Галифакс уступил Гитлеру во всех его требованиях, которые были условием похода Германии на Восток. Гитлер потребовал свободы рук в отношении Австрии, Чехословакии и Данцига. Галифакс в ответ на это заявляет: «Все остальные вопросы можно охарактеризовать в том смысле, что они касаются изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут. К этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции...»¹¹. Яснее и не скажешь: захватывайте Австрию, оккупируйте Чехословакию, мы мешать не будем, но извольте не устраивать пушечную пальбу, ибо мы не собираемся на нее отвечать. Применительно к Австрии Галифакс несколько позже сделал

---

⁹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 1, 1957, стр. 612.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I — ноябрь 1937—1938 гг., Госполитиздат, 1948, стр. 35—39.

еще более ясное заявление: «Английский народ никогда не поймет, почему он должен воевать только из-за того, что два германских государства хотят объединиться»¹².

„Приготовить все для охоты...“

4 февраля 1938 г. Гитлер сделал новый шаг по пути ускорения агрессии в Европе. Отныне он сосредоточил в своих руках все руководство вооруженными силами, объявив себя верховным главнокомандующим.

Вместо не всегда решительного Нейрата министром иностранных дел был назначен Риббентроп. На руководящие посты в вермахте были назначены наиболее оголтелые и открыто нацистски настроенные генералы.

12 февраля 1938 г. Гитлер, получивший от Запада необходимые векселя, вызвал к себе австрийского канцлера Шушнига. Оберзальцберг стал свидетелем разнузданного военного давления, оказанного на главу иностранного государства с целью побудить его «мирно» согласиться на ликвидацию австрийской суверенности и поглощение Австрии Германией. Подробные отчеты об этой встрече, предъявленные на Нюрнбергском процессе, с полной очевидностью раскрывают последствия сговора империалистических держав, направленного на закабаление австрийского народа германским фашизмом.

В обстановке, характеризующейся полным потворством западных держав агрессивным замыслам фашистской Германии, состоялась 12 февраля 1938 г. в Оберзальцберге беседа Гитлера с австрийским канцлером Шушнигом. Цель беседы — заставить Шушнига подписать смертный приговор Австрии.

Имелось в виду, что это будет смертный приговор с самой незначительной отсрочкой его исполнения. Гитлер потребовал от Шушнига предоставить важнейшие посты в австрийском правительственном аппарате нацистам и допустить в Австрии полную свободу нацистской пропаганды и террора. Гитлер применил в этой беседе свойственный ему прием военного запугивания. «Мне достаточно издать один приказ, — заявил Гитлер Шушнигу, — и

---

¹² «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 30, стр. 14187.

в течение одной ночи граница будет вся уничтожена... Вы, конечно, отдаете себе отчет в том, что вряд ли вы сумеете меня задержать даже на полчаса...». Шушниц сделал слабую попытку сослаться на западные державы: «Господин канцлер, хотели бы мы или нет, это приведет к пролитию крови. Мы ведь с вами не одни находимся во всем мире...»¹³.

Вряд ли Шушниц стал бы делать такие беспомощные намеки, если бы ему было известно, что Австрия давно уже продана Гитлеру именно теми западными державами, которые в свое время Сен-Жерменским договором гарантировали независимость Австрии.

Между тем Кейтель и германский генеральный штаб уже сделали все, чтобы деморализовать Австрию, чтобы создать впечатление неминуемого военного нападения на страну. Германские генералы оказались достаточно искусными и на дипломатическом «поле брани».

В одном из документов германского генштаба предписывалось распространять ложные слухи, которые могут привести к заключению, что готовится военное выступление против Австрии:

«...а) осуществлять это через наших специальных людей в Австрии; б) через наших таможенных служащих на границе; с) через коммивояжеров;

3) новости и слухи могут носить такой характер: а) ожидается отмена всех отпусков в секторе расположения 7-й армии; б) подвижной железнодорожный состав концентрируется в Мюнхене, Аугсбурге и Регенсбурге; с) генерал-майор Муфф, военный атташе в Вене, вызван на совещание в Берлин..; d) полицейские посты, расположенные на границе Австрии, затребовали подкрепления»¹⁴.

На следующий день после совещания в Оберзальцберге Иодль, начальник оперативного отдела ОКВ, сделал многозначительную запись в своем дневнике: «Вечер 12 февраля. Генерал К. (Кейтель), генерал фон Рейхенау и Шперле в Оберзальцберге. Шушниц вместе с Г. Шмидтом¹⁵ снова подвергнуты сильнейшему политическому и военному давлению. В 23 часа Шушниц подписы-

¹³ «Münchener Illustrierte», 1958, Nr. 5, S. 17.

¹⁴ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, Госюриздат, 1958, стр. 180.

¹⁵ Гвидо Шмидт — австрийский министр иностранных дел.

ваёт протокол»¹⁶. Это был протокол о реорганизации австрийского правительства и введении в его состав гитлеровских агентов, в частности Зейсс-Инкварта, получившего портфель министра общественной безопасности с правом полного контроля австрийской полиции. Жребий был брошен, и отныне судьба Австрии по существу была решена.

Неужели же хотя бы для формы западные гаранты не реагировали на эти действия Гитлера? Да, конечно, реагировали и в совершенно определенной форме. 21 февраля 1938 г. член британского кабинета Джон Саймон заявил в парламенте, что Великобритания никогда не давала специальной гарантии независимости Австрии. Саймон дважды соврал в одном выступлении, ибо такие гарантии были даны Англией и Францией в Версальском и Сен-Жерменском договорах и в трехсторонней декларации (Великобритании, Франции и Италии) от 17 февраля 1934 г., а Гитлер получил еще одно заверение в том, что он может добить Австрию.

День захвата Австрии приближался.

Но в это время бурно росло движение протеста против капитулянтской политики правящих кругов страны. Большое значение имела деятельность нелегальных рабочих организаций, которые уже с 1934 года сурово преследовались правительством Шушнига. Под давлением этого движения правительство Шушнига решилось оказать сопротивление.

9 мая 1938 г. было объявлено, что австрийскому народу будет предоставлена возможность высказать свое мнение о будущем Австрии — быть ли ей по-прежнему независимым государством или согласиться на требование фашистской Германии об аншлюсе. Для этого был назначен на 13 марта 1938 г. плебисцит. Это решение правительства привело к еще большему усилению народного движения сопротивления надвигавшейся агрессии. Ни у кого тогда не могло возникнуть сомнения в том, что если бы западные державы в тех условиях оказали хоть некоторое давление на Германию, Австрия была бы спасена.

Это, конечно, хорошо понимали и нацисты, которые в те роковые дни решили ускорить события.

---

¹⁶ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1953, стр. 179.

Совершенно очевидно, что плебисцит, на котором австрийский народ мог бы свободно выразить свою волю, был крайне нежелательным для гитлеровской клики, стремившейся представить политику аншлюса как якобы выражающую интересы и чаяния австрийского народа. Руководители австрийского национал-социализма — прямые агенты Гитлера, Клауснер, Юри, Рейнер, Глобочник и Зейсс-Инкварт, немедленно сообщили об этом намерении австрийского правительства Гитлеру. Глобочник тотчас же выехал в Берлин.

Гитлер был взбешен. Плебисцит, который мог кончиться вовсе не тем «волеизъявлением», какого ждало нацистское правительство, грозил сорвать или по крайней мере сильно затруднить реализацию агрессивных планов против Австрии.

Гитлер решил во что бы то ни стало сорвать плебисцит. Последовавшие меры находят свое отражение в дневниковых записях Иодля за 10 марта 1938 г.:

«Неожиданно и без консультации с министрами Шушницг приказал провести плебисцит в воскресенье 13 марта, что повлечет за собой выигрыш сильного большинства легитимистами¹⁷ в случае отсутствия плана или подготовки. Фюрер полон решимости не потерпеть этого.

В ту же ночь с 9 на 10 марта он вызвал Геринга. Генерал фон Рейхенау отозван обратно из Олимпийского комитета в Каире. Генералу фон Шоберту также приказано вернуться, как и министру Глейзе-Хорстенау, который находился с гаулейтером Бюркелем в Палатинате. Генерал Кейтель сообщил об этом в 9 часов 45 минут. Он приехал в имперскую канцелярию в 10 часов. Я прибыл в 10 часов 15 минут согласно желанию генерала фон Виебана для того, чтобы передать ему разработанный проект подготовки «плана Отто».

В 13 часов генерал К. сообщает начальнику оперативного штаба адмиралу Канарису о том, что Риббентроп задержался в Лондоне. Нейрат принимает министерство иностранных дел. Фюрер желает направить ультиматум австрийскому правительству. Направляется личное письмо Муссолини, где излагаются причины, которые заставляют фюрера действовать. В 18 часов 30 минут издается

---

¹⁷ Так именовались сторонники независимой монархической Австрии.

приказ о мобилизации командующему 8-й армией (корпусного района 3), а также 7-му и 13-му армейским корпусам, без резервной армии»¹⁸.

11 марта 1938 г. Гитлер издает директиву, касающуюся «операции Отто», то есть плана нападения на Австрию. В этой директиве, совершенно ни к чему сославшись на его стремление создать «конституционные условия» в Австрии, Гитлер пишет: «Если другие меры окажутся безуспешными, я намереваюсь вторгнуться в Австрию при помощи вооруженных сил... Части армии и военно-воздушных сил, предназначенные для этой операции, должны быть готовы к вторжению или к действию 12 марта 1938 г., самое позднее в 12.00 часов».

И чтобы уже совсем ясно было, как он уважает австрийский государственный суверенитет, Гитлер указал в приказе, что он оставляет «за собой право давать разрешение пересекать и перелетать границу (австрийскую. — А. П.) и принять решение о моменте вторжения».

Последовал ряд действий в целях оказания давления на Шушнига с тем, чтобы он отменил плебисцит. 11 марта 1938 г. в 2 часа дня Шушник созвал совещание всех министров. Австрийские национал-социалисты решили ждать результатов этого совещания, а в случае если в течение часа не получат никаких сообщений, начать необходимые шаги по захвату власти. Но в 2.30 Зейсс-Инкварт, являвшийся членом кабинета, сообщил, что Шушник капитулировал и плебисцит отменен.

Как и следовало ожидать, этой капитуляцией дело не могло завершиться. Гитлеру нужна была Австрия и не нужен был Шушник, даже колеблющийся. Ему нужно было создать в Австрии правительство во главе с Зейсс-Инквартом с тем, чтобы это правительство уже по всем юридическим канонам запрдало страну нацистской Германии. Поэтому, добившись отмены плебисцита, Гитлер потребовал, чтобы Шушник ушел в отставку, а его пост был передан Зейсс-Инкварту.

События последних часов перед вторжением находят свое отражение в записи телефонных переговоров Геринга и Зейсс-Инкварта от 11 марта 1938 г.:

---

¹⁸ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 181—182.

«Геринг: Как у вас дела? Вы ушли в отставку или у вас есть какие-нибудь новости?

Зейсс-Инкварт: Канцлер отменил выборы, которые были назначены на воскресенье, и поэтому он поставил «С» (Зейсс-Инкварта) и других господ в трудное положение. Помимо того, что он отменил выборы, он отдал приказ о широких мерах предосторожности, например, запретил появляться на улицах после восьми часов вечера».

Геринг ответил, что, по его мнению, меры, принятые канцлером Шушнигом, неудовлетворительны во всех отношениях. В данный момент он не может компрометировать себя официально. Скоро Геринг займет ясную позицию. В отмене выборов он видит только отсрочку, а не изменение нынешнего положения, которое было вызвано поведением канцлера Шушнига из-за того, что последний порвал Берхтесгаденское соглашение...

Затем произошел разговор между Герингом и фюрером. После этого Геринг снова вызвал Зейсс-Инкварта. Этот разговор состоялся в 15 часов 05 минут.

«Геринг сказал Зейсс-Инкварту, что Берлин совершенно не согласен с решением, принятым канцлером Шушнигом, поскольку последний не пользуется больше доверием нашего правительства потому, что он порвал Берхтесгаденское соглашение. Поэтому не существует больше доверия к его действиям в будущем. Следовательно, национальному министру Зейсс-Инкварту и другим предлагается, чтобы они немедленно подали канцлеру прошение об отставке и также просили последнего уйти в отставку. Геринг добавил, что если через час не будет ничего сообщено, они будут предполагать, что Зейсс-Инкварт больше не в состоянии звонить по телефону. Это будет значить, что господа вручили свои прошения об отставке.

Зейсс-Инкварту затем было предложено послать телеграмму фюреру, как было согласовано ранее. Конечно, после отставки Шушнига президент даст Зейсс-Инкварту полномочия создать новое правительство»¹⁹.

Ровно через час Герингу сообщили, что Шушниг ушел в отставку. Геринг тут же потребовал, чтобы пост канц-

---

¹⁹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 185—186.

лера был передан Зейсс-Инкварту. Вслед за этим Геринг позвонил в германское посольство в Вене и получил информацию о том, что все нацистские организации в Австрии узаконены. Тогда он решил проявить заботу о создании правительства Австрии. Хотя по его же расчетам это правительство должно было просуществовать ровно столько, сколько это нужно было для того, чтобы по первому разряду похоронить Австрию, передав ее Германии, Геринг все же не мог удержаться от того, чтобы дать свои рекомендации о персональном составе правительства. В телефонном разговоре с германским посольством в Вене Геринг напоминает о необходимости включения в правительство ряда близких ему лиц («Фишбок должен получить министерство экономики и торговли»; «Кальтенбруннер должен получить министерство безопасности, а Бар — вооруженные силы»).

Но через 20 минут Герингу сообщили, что австрийский президент Миклас отказался назначить Зейсс-Инкварта канцлером. Разъяренный Геринг дает указания вручить Микласу ультиматум, тот самый ультиматум, существование которого он потом будет старательно отрицать. Но для потомства, для суда Международного Военного Трибунала сохранились записи телефонных разговоров Геринга. Одна из этих записей была процитирована в зале Нюрнбергского процесса. Это телефонный разговор Геринга с Зейсс-Инквартом.

«Геринг: Теперь запомните следующее: немедленно отправляйтесь вместе с генерал-лейтенантом Маффом и скажите президенту, что если условия, о которых вы знаете, не будут немедленно приняты, то войска, которые частью уже находятся на границе или приближаются к ней, начнут продвижение по всему фронту и Австрия прекратит свое существование. Генерал-лейтенант Мафф должен пойти с вами, чтобы вас немедленно допустили для переговоров. Пожалуйста, сообщите нам немедленно о позиции Микласа. Скажите ему, что сейчас не время для каких-либо шуток. Мы отложили действия только в связи с полученным нами ложным донесением, но сейчас положение таково: вторжение начнется сегодня ночью со всех концов Австрии. Вторжение будет приостановлено и войска задержатся на границе только в том случае, если в 7.30 нам сообщат, что Миклас назначил вас на пост канцлера...

...Если Миклас не мог этого понять в течение 4 часов, то теперь мы заставим его понять то же самое в 4 минуты»²⁰.

Прошел еще один час. Геринг с нетерпением ожидал. В 6.20 вечера в кабинете Геринга зазвучал телефонный звонок. Звонили из Вены. Слышимость была скверной, но Геринг разобрал, что Зейсс-Инкварт все еще не назначен Микласом.

На Нюрнбергском процессе Геринг пытался представить свое поведение в период австрийского аншлюса как поведение государственного деятеля, который ничем не был так озабочен, как тем, чтобы возникший кризис был разрешен на основе уважения воли австрийского народа, суверенитета Австрии. Конечно, Герингу хорошо известно, что насилие или угроза насилием не являются законными способами борьбы. Но Герман Геринг позеленел от злости, когда Международному Трибуналу были предъявлены записи его телефонных разговоров («какой болван сохранил их!»). Нетрудно было представить себе выражение лица этого гитлеровского сатрапа, когда ему сообщили о нежелании Микласа назначить Зейсс-Инкварта. Узнав об этом, Геринг прокричал в телефонную трубку:

«Ну, что же? Тогда Зейсс-Инкварт должен его выгнать. Пойдите сюда наверх и прямо скажите ему, что Зейсс-Инкварт вызовет охрану национал-социалистов и через 5 минут войска начнут продвижение по моему приказу».

На процессе Геринг и другие подсудимые пытались представить дело таким образом, что австрийский народ якобы с нетерпением ожидал прихода германских войск, которые с цветами были встречены населением. Ни о каком сопротивлении не было и речи.

Так говорили гитлеровцы. Но для того чтобы подавить сопротивление австрийских патриотов, Геринг прежде всего добился легализации в Австрии национал-социалистских банд СА и СС, эти банды в последние часы перед вторжением германских войск своими террористическими действиями навели страх на население. Сам Геринг и после этого еще боялся сопротивления австрий-

---

²⁰ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 187.

ского народа. Поэтому в 11 часов вечера 11 марта, после того как истек срок ультиматума, он сказал по телефону Зейсс-Инкварту:

«Геринг: Хорошо, я дам приказ продвигаться в страну, а вы обеспечьте захват власти. Сообщите людям, стоящим у руководства, следующее: все, кто окажет сопротивление или будет организовывать сопротивление, будут преданы нашему военному суду — военному суду наших войск вторжения».

После этого предстояло решить самый важный вопрос: как оправдать перед миром вторжение германских войск в Австрию, как сделать так, чтобы создать впечатление полной законности в действиях германского правительства?

Конечно, Германия связана Версальским договором, ст. 80 которого предусматривала, что Германия признает и будет уважать независимость Австрии и что она согласна с тем, чтобы «эта независимость была нерушимой».

Но разве это нарушение международного права, если правительство одного государства просит правительство другой страны оказать ему честь приходом своих войск? Да, германские войска вступили в Австрию 12 марта 1938 г. Но ведь это было сделано только после того, как «законное правительство» Австрийской Республики обратилось с соответствующей просьбой к правительству Германии. И действительно, правительство гитлеровской Германии опубликовало в печати полученную от австрийского правительства Зейсс-Инкварта телеграмму с просьбой прислать войска.

Но в том и ценность Нюрнбергского процесса, что он ярко разоблачил подобные ухищрения агрессоров, имевшие своей целью обмануть народы и скрыть агрессию.

...Главный гитлеровский агент в Австрии после захвата власти в стране Кепплер с восторгом сообщает Герингу: «Сейчас мы представляем правительство».

«Геринг: Да, да! Вы — правительство. Слушайте внимательно: следующая телеграмма должна быть послана сюда Зейсс-Инквартом. Запишите. Диктую: «Временное австрийское правительство, которое после отставки правительства Шушнига считает своей задачей установление мира и порядка в Австрии, направляет германскому правительству безотлагательную просьбу о поддержке его

в этой задаче и помощи, чтобы избежать кровопролития. С этой целью оно просит германское правительство при-
слать как можно скорее германские войска».

Кепплер: Части СА и СС маршируют по улицам, но все спокойно.

Геринг: Тогда наши войска перейдут границу сегодня?

Кепплер: Да.

Геринг: Да, он должен послать телеграмму как мож-
но скорее.

Кепплер: Хорошо, пошлите телеграмму Зейсс-Инквар-
ту в канцелярию государственного канцлера.

Геринг: Пожалуйста, покажите ему текст телеграммы
и скажите ему, что мы просим... Да, впрочем, ему не
нужно посылать телеграммы, все, что ему нужно сде-
лать, — это сказать: „согласен“²¹.

Вряд ли данный разговор нуждается в комментариях.
Скажем лишь, что после этого Геринг решил позаботить-
ся о том, чтобы за границей его действия выглядели
возможно респектабельнее. Поэтому в беседе с герман-
ским послом в Лондоне Риббентропом он сказал:

«Геринг: Скажите следующее Галифаксу и Чемберле-
ну: «Неверно, что Германия предъявила ультиматум.
Это — ложь Шушнига, поскольку ультиматум был
предъявлен ему Зейсс-Инкартом, Глейзе-Хорстенау и
Юри. Кроме того, неверно, что мы вручили ультиматум
президенту. Этот ультиматум был передан другими, и,
насколько я знаю, только военный атташе присутствовал
там, вызванный Зейсс-Инквартом, в связи с некоторыми
техническими вопросами»... «Кроме того, я хочу заявить,
что Зейсс-Инкварт настойчиво просил нас по телефону и
в телеграмме послать войска, потому что он не знал поло-
жения в Вене и т. д., поскольку в Вене было роздано
оружие. Кроме того, он не мог знать, как будет реагиро-
вать «Отечественный фронт», потому что они всегда так
много шумели»²².

Но Геринг напрасно беспокоился насчет позиции Га-
лифакса и Чемберлена.

11 марта 1938 г. в Лондоне состоялись беседы Риббен-
тропа с Галифаксом и Чемберленом. Много лет спустя,
29 марта 1946 г., давая показания на Нюрнбергском про-

²¹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958,
стр. 189.

²² Там же, стр. 190—191.

цессе, Риббентроп в следующих словах передал их содержание:

«**Риббентроп:** Затем, на следующее утро, я имел длинную беседу с лордом Галифаксом. Лорд Галифакс также получил сведения из Австрии, и я попытался, не зная точно, как там обстояли дела, убедить его в том, что лучше было бы немедленно разрешить этот вопрос...

Лорд Галифакс очень спокойно выслушал меня и сказал, что я еще буду иметь возможность во время предстоящего завтрака переговорить по этому вопросу с Чемберленом. Затем у меня была продолжительная беседа с Чемберленом. Во время этой беседы мистер Чемберлен еще раз подчеркнул свое желание прийти к соглашению с Германией. Я был чрезвычайно обрадован подобным заявлением и сказал ему, что твердо убежден в том, что таково же желание фюрера... Вскоре после этой беседы прибыли телеграммы из Австрии... Мистер Чемберлен и лорд Галифакс пригласили меня к себе в бюро... Я сказал им, что у меня, разумеется, нет никаких точных сведений: дело в том, что поступило сообщение сначала об ультиматуме, потом о вступлении германских войск, мы договорились, что я постараюсь связаться со своим правительством и что лорд Галифакс после полудня приедет ко мне в посольство, чтобы обсудить эти вопросы. Я хочу подчеркнуть, что и тут г-н Чемберлен занял очень спокойную, как мне казалось, разумную позицию по вопросу об Австрии. После полудня лорд Галифакс приехал ко мне, я имел с ним продолжительную беседу. Тем временем было объявлено о вступлении германских войск, и я хотел бы подчеркнуть, что эта беседа с лордом Галифаксом протекала в чрезвычайно дружественных тонах и что в конце беседы я пригласил британского министра иностранных дел посетить Германию. *Он принял приглашение и заявил, что с удовольствием приедет, и просил приготовить все для охоты*»²³.

Риббентроп был вне себя от восторга по поводу атмосферы взаимного понимания между гитлеровской кликой и Чемберленом. На все лады он тогда восхвалял государственную мудрость Галифакса и Чемберлена. Упиваясь своими дипломатическими успехами, он говорил об этом

---

²³ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 17, стр. 417.

по телефону 13 марта 1938 г. Герингу. Вот выдержка из этого телефонного разговора:

«Риббентроп: Я хочу сообщить вам нечто, г-н Геринг. На днях после завтрака у меня был разговор с Чемберленом. Он произвел на меня очень хорошее впечатление; он дал мне письмо — кое-что новое для фюрера... От Чемберлена осталось у меня наилучшее впечатление.

Геринг: Рад слышать это...»

Так была продана и предана Австрия.

Немалую роль в этом деле сыграли американские реакционные круги. США, стремясь канализировать гитлеровскую агрессию против СССР, всячески поощряли Англию и Францию к продолжению их мюнхенской политики. Германский посол в США Дикгоф в дни осуществления гитлеровской акции против Австрии доносил германскому министерству иностранных дел, что государственный департамент США «проявил понимание германской акции в отношении Австрии»²⁴. Когда Шушник сделал попытку провести плебисцит в Австрии, госдепартамент проявил явное раздражение. «Объявление Шушника о плебисците, — доносил в Берлин Дикгоф, — вызвало в США опасения и даже недовольство. Государственный департамент считает, что Шушник «сам лезет на рожон». Условия плебисцита подверглись критике. Отставка Шушника была воспринята как логический вывод из событий. Появление на посту канцлера Зейс-Инкварта встречено спокойно, а к его просьбе о посылке (германских. — А. П.) войск отнеслись с полным доверием. Сообщение о вступлении германских войск в Австрию носило благожелательный для Германии характер». Госдепартамент, как доносил Дикгоф, «изучив обращение Гитлера от 12 марта 1938 г.²⁵, не высказал никакого неодобрения»²⁶. Видимо, гитлеровский посол ожидал, что прямой захват Австрии вызовет резкую реакцию со стороны США, по крайней мере для того, чтобы удовлетворить возмущенное американское общественное мнение. Но этого не произошло. Сенатор Бора с олимпийским спокойствием сделал тогда заявление о том, что «аншлюс

---

²⁴ Б. Е. Штейн, Буржуазные фальсификаторы истории 1919—1939, Изд-во АН СССР, 1951, стр. 74.

²⁵ День вступления гитлеровских войск в Австрию.

²⁶ Б. Е. Штейн, указ. соч., стр. 75.

Австрии является вполне естественным и неизбежным и ни в какой мере не касается Соединенных Штатов»²⁷.

В сложившейся обстановке только Советский Союз выступил с резким осуждением гитлеровской агрессии и призывом противодействовать дальнейшим планам агрессоров. В заявлении народного комиссара иностранных дел СССР представителям печати указывалось: «Имевшие место в течение последних четырех лет нарушения международных обязательств по пакту Лиги и по Парижскому договору Бриана — Келлога, нападения одних государств на другие давали повод советскому правительству выявлять не только его отрицательное отношение к этим международным преступлениям, но и его готовность принять активное участие во всех мероприятиях, направленных к организации коллективного отпора агрессору, даже пренебрегая неизбежным ухудшением его отношений с агрессором. Советское правительство при этом предостерегало, что международная пассивность и безнаказанность агрессии в одном случае фатально повлекут за собой повторение и умножение таких случаев. События международной жизни, к сожалению, подтверждают правильность этих предостережений. Новое подтверждение они получили в совершённом военном вторжении в Австрию и насильственном лишении австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости.

Если случаи агрессии раньше имели место на более или менее отдаленных от Европы материках или на окраине Европы, где наряду с интересами жертвы агрессии были задеты интересы лишь нескольких ближайших стран, то на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором 11 стран, но и для всех европейских государств, и не только европейских. Создана угроза... территориальной неприкосновенности и, во всяком случае, политической, экономической и культурной независимости малых народов, неизбежное порабощение которых создаст, однако, предпосылки для нажима и даже для нападения и на крупные государства»²⁸.

²⁷ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 24, стр. 11268.

²⁸ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 103—104.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

„Должны ли мы всё еще стыдиться Мюнхена?“

Захват Австрии заметно улучшил военно-стратегические позиции гитлеровской Германии. В этом смысле весьма характерны признания Йодля, ближайшего военного советника Гитлера, который 7 ноября 1943 г. заявил:

«Австрийский «аншлюсс», в свою очередь, привел не только к достижению нашей старой национальной цели, но также и укрепил нашу боевую силу и значительно улучшил наше стратегическое положение. До того времени территория Чехословакии вдавалась самым угрожающим образом прямо в Германию (осиная талия в направлении Франции — территория, которая могла стать воздушной базой для союзников, особенно для России). Теперь Чехословакия сама попала в клещи. Ее стратегическое положение стало таким неблагоприятным, что она должна была стать жертвой любой атаки, которая была бы энергично направлена прямо в цель и проведена до того, как могла бы прибыть эффективная помощь с Запада»¹.

Захват Австрии был лишь этапом на пути мюнхенской политики западных держав, главная цель которых по-прежнему заключалась в том, чтобы направить гитлеровскую Германию против Советского Союза.

Наступил черед Чехословакии. На горизонте уже вырисовывался Мюнхен в своей классической форме. Мож-

---

¹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 193.

но смело сказать, что ни на одном этапе предвоенной политики западные державы не проявляли столько заботы о Гитлере, такого стремления ускорить осуществление его агрессивных планов, как в период март — сентябрь 1938 года.

Ничто так не содействовало приближению мирового катаклизма 1939—1945 годов с его многочисленными жертвами, с бездной человеческих страданий, как политика западных держав в тот период.

Конечно, не каждому человеку тогда, в 1938 году, было ясно, что за Мюнхеном скрывается большая война, далеко не всем было ясно, что Чемберлен, Галифакс и Боннэ нагло лгали, когда называли себя по возвращении из Мюнхена «миротворцами», людьми, спасающими Европу от войны.

Лишь после Нюрнбергского процесса, после состоявшегося там патолого-анатомического вскрытия Мюнхена, последний перестал быть «загадкой» даже для тех обывателей на Западе, которые все еще верили в искренность мюнхенских «миротворцев».

В то же время история с очевидностью раскрыла тот факт, что Мюнхен в конечном итоге явился ошеломляющим политическим просчетом западных держав. Им не удалось перехитрить историю, напротив, они поплатились собственной головой, и, если бы не усилия Советской Армии, никто бы не поручился за судьбы «западной демократии».

История буржуазной дипломатии не знает столь позорной страницы, как Мюнхен. Само слово «мюнхенец» стало оскорблением.

После окончания второй мировой войны даже многие из тех буржуазных деятелей, которые в период Мюнхена находили ему различные оправдания, вынуждены признать, что мюнхенская политика закончилась провалом и привела к усилению германского империализма и большому ущербу для Запада.

Однако по мере того, как правящие круги западных держав после войны стали отходить от политики сотрудничества с Советским Союзом, по мере того, как антисоветские мотивы стали решающим образом определять их линию поведения, все чаще слышались голоса в защиту мюнхенской политики.

Вся послевоенная политика Запада в германском во-

просе, заключающаяся в восстановлении германского милитаризма и превращении Западной Германии в плацдарм для нападения на Советский Союз и другие социалистические страны, является ярким свидетельством того, что некоторые круги на Западе хотели бы более успешно повторить довоенный мюнхенский эксперимент.

Буржуазные фальсификаторы истории до сих пор предпринимают попытки оправдать Мюнхен и его авторов. Даже Черчилль, который в своих мемуарах о второй мировой войне в остальном оценивает политику Чемберлена критически, утверждает, что в Мюнхене Чемберленом руководила «искренняя любовь к миру». Английский историк Джон У. Уиллер-Беннет, находя резкие выражения в адрес германского милитаризма, в то же время стремится оправдать позицию Чемберлена и Далада в Мюнхене ссылками на присущее им «чувство реальной политики»².

Известный английский философ Бэкон, перефразируя латинскую поговорку, советовал говорить о мертвых или ничего, или правду. Этим советом своего великого соотечественника пренебрегли многие органы английской печати, решившие отметить 20-летие Мюнхена. Так, влиятельная английская газета «Обсервер» 28 сентября 1958 г. поместила большую статью Себастьяна Хаффнера, оправдывавшего политику Чемберлена. Хаффнер шантажирует читателя тем, что у организаторов Мюнхена-де был ограниченный выбор — либо большая война, к которой Европа не была готова, либо уступка Гитлеру Чехословакии. «Вопрос заключался в том, — пишет Хаффнер, — оказывать ли Германии сопротивление, серьезно рискуя развязать новую войну, или согласиться с создавшимся соотношением сил и соответственно пересмотреть европейские границы и союзы в пользу Германии и заключить с нею соглашение». Да к тому же, восклицает Хаффнер, Гитлер не говорил о том, чтобы полностью «стереть кого-либо с лица земли»; он ставил правдоподобную, ограниченную и не совсем лишенную здравого смысла цель: объединение всех чистокровных немцев в единый рейх. «...Немцы в Богемии отстаивали свою национальную самобытность».

---

² Цит. по «Новая и новейшая история», 1958 г., № 4, стр. 145.

Так в наши дни делается попытка мимоходом оправдать гитлеровскую агрессивную политику против Австрии, Чехословакии и Польши, ибо, как известно, агрессия против этих стран происходила под флагом «объединения всех немцев и защиты их от преследований» в других странах.

Вряд ли надо напоминать читателю, что и теперь окружение Аденауэра, идя и в этом отношении по стопам своих нацистских предшественников, выдвинуло оголтелую реваншистскую программу территориальных захватов под флагом «расовой общности». Вновь германские реваншисты кричат об аншлюсе Австрии, захвате Судетской области, требуют польских земель.

Английская газета «Манчестер гардиан» от 30 сентября 1958 г. пытается убедить читателя в том, что все участники мюнхенской сделки исходили из искренних побуждений. «В каком же свете предстает оно перед нами 20 лет спустя, это громкое дело, о котором столько шумели в свое время? — спрашивает газета. — Разве Гитлер рассматривал получение Судетской области как этап на пути развязывания мировой войны и разве Чемберлен хотел ему в этом помочь?»

«Ничего подобного, — читаем мы в «Манчестер гардиан», — ведущие актеры мюнхенской драмы были искренни... Они действительно считали, что обеспечили мир в Европе...»

Дж. П. Тэйлор — автор этой статьи в «Манчестер гардиан» — утверждает, будто бы участники Мюнхена пошли на капитуляцию перед Гитлером, ибо уверовали в военное всемогущество фашистской Германии и беспомощность Англии и Франции в тот период. «Перед участниками мюнхенского совещания, — пишет Тэйлор, — вырисовывалась зловещая тень Герники³. Все считали, что Лондон и Париж будут сровнены с землей в течение первых нескольких часов после начала войны».

Какова мораль всей этой истории, вопрошает в заключение Тэйлор и отвечает: «Умиротворение было

---

³ Герника — город в Испании, в провинции Бискайя. Во время фашистского мятежа и итало-германской интервенции 1936—1939 годов беззащитная Герника подверглась 26 апреля 1937 г. разрушительной бомбардировке германской авиации.

благородным путем, даже если оно и было применено не к такому человеку (имеется в виду Гитлер. — А. П.), к какому его нужно было применять, — и оно остается благороднейшим словом в дипломатическом лексиконе».

Особую активность проявила «Санди экспресс», напечатавшая на своих страницах пространную статью члена английского парламента Беверли Бакстера. Поражал уже один ее многозначительный заголовок: «Должны ли мы все еще стыдиться Мюнхена?».

И чем больше вчитываешься в эту статью, тем яснее становится, что бьет она по двум целям сразу: фальсифицировать историю и оправдать возможность ее повторения в новых условиях.

Рассказывают, что после окончания франко-прусской войны 1870—1871 годов к графу Мольтке пришли правоверные прусские историки. Пришли затем, чтобы сообщить, что имеют намерение написать историю победоносной войны против Франции. Разумеется, господа историки были бы весьма благодарны его превосходительству, если бы он своими советами, указаниями помог им создать историю, достойную прусского воинства. Старый Мольтке выразил крайнее удивление и даже похоже на то, что возмутился: «Позвольте, господа, какие советы, какие указания? Пишите правду, только правду... но не всю правду».

Достопочтенный член британского парламента Беверли Бакстер, как, впрочем, и многие другие буржуазные историки второй мировой войны, пошел дальше этого совета и решил писать «всю неправду».

Лейтмотив статьи Бакстера заключается в том, что Мюнхен якобы явился поражением для гитлеровских генералов. «В наши дни, в 1958 году, — пишет Бакстер, — мы часто слышим фразу: такой-то и такой-то пошел на Мюнхен... Но что же в то время говорили и писали немецкие генералы? Мы узнаем из захваченных дневников, что *они рассматривали Мюнхен как полную для себя катастрофу...* (курсив мой. — А. П.), они писали, что Чемберлен обошел фюрера, и блицкриг, только ожидавший сигнала, был отсрочен»⁴.

Концепция ясна. Гитлеровский вермахт был пол-

---

⁴ «Sunday Express», Sept. 28, 1958.

ностью отобилизован, готов к большой войне, которая угрожала всей Европе. Гитлер и его генералы только и мечтали о том, чтобы развязать такую большую войну летом 1938 года. Но вот прилетел в Берхтесгаден Чемберлен и сорвал этот блицкриг. Именно поэтому, по мнению Бакстера, «Чемберлен войдет в историю как мученик, подставивший свою голову под стрелы оскорблений и презрения для того, чтобы цивилизованные народы мира имели время обрести боевой дух и мужество».

Если в Англии делаются попытки оправдать Мюнхен и Чемберлена, то в американской историографии проповедуется противоречащая исторической действительности версия о том, будто бы Соединенные Штаты Америки, проводившие политику «изоляциизма», были в стороне от европейских дел, и в частности Мюнхена.

Так буржуазные фальсификаторы до сих пор предпринимают попытки извратить сущность Мюнхена. Фальсифицируя историю, утверждая, в частности, что буржуазное чехословацкое правительство Бенеша сделало все, чтобы спасти республику, эти фальсификаторы в то же время пытаются набросить тень на принципиальную и последовательную советскую внешнюю политику. В этих провокационных усилиях они доходят до откровенно клеветнических утверждений о том, будто бы Советский Союз не был намерен оказать Чехословакии действительную помощь.

Что и говорить, много написано о Мюнхене, написано с разных позиций — с позиций правды и с позиций беспардонной лжи. То, что лгали в дни Мюнхена, никого не могло и не может удивлять. То, что так цинично лгут теперь, после того как кровавым вихрем пронеслась по Европе война, которой «зеленую улицу» дал Мюнхен, глубоко возмущает. Как же нужно не уважать человеческую память, чтобы сегодня, 20 лет спустя, так извращать историю!

Автор не ставит своей задачей дать описание всего комплекса вопросов, связанных с Мюнхеном. В этом плане уже имеется большая литература. Автор стремится лишь дополнить историческую картину Мюнхена, как, впрочем, и всю предысторию второй мировой войны, неизвестными или, скорее, мало известными широкому советскому читателю материалами Нюрнбергского процесса.

Майский кризис

Буквально через несколько дней после аншлюса Советское правительство с тревогой за дальнейшие судьбы мира предупреждало другие страны, что если не будут приняты коллективные меры по обузданию агрессора, то Австрия явится лишь первым, но далеко не последним эпизодом в цепи агрессивной политики Гитлера.

«В первую очередь, — указывалось в уже цитированном выше заявлении народного комиссара иностранных дел СССР в марте 1938 года, — возникает угроза Чехословакии, а затем опасность в силу заразительности агрессии грозит разрастись в новые международные конфликты...»

Советское правительство заявило, что оно, со своей стороны, по-прежнему готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы разработаны совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранить усилившуюся опасность новой мировой войны. Оно призвало государства приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами. «Завтра может быть уже поздно, — указывалось в этом заявлении, — но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»⁵.

Игнорируя предупреждения Советского Союза и отвергая все его предложения, направленные на создание системы коллективной безопасности, западные державы делали все, чтобы ускорить наступление этого «завтра», а твердая и недвусмысленная позиция их заключалась как раз в том, чтобы быстрее осуществить цель мюнхенского заговора — нападение на Советский Союз.

Вот почему после Австрии нацистская дипломатия встретила самую широкую поддержку Запада в своих агрессивных притязаниях на Чехословакию.

14 мая 1938 г. влиятельная английская газета «Дейли экспресс» писала: «Захват Австрии Германией ничего не меняет. В конце концов Австрия была германской стра-

---

⁵ «Известия», 18 марта 1938 г.

ной и до того, как Гитлер двинул туда свои войска. Мы должны заниматься собственными делами. Чехословакия — это не наше дело»⁶. Это было не только мнение английской газеты. Это была точка зрения всей западной дипломатии. Задолго до Мюнхена участь Чехословакии была предрешена. И вовсе не потому, что империалисти-

Митинг протеста в Праге против политики западных держав

ческие заправилы Запада были ввергнуты в страх мощью гитлеровской военной машины: они прекрасно знали, что в начале 1938 года этой мощью нацисты еще не обладали. Их тревожили колоссальные успехи советского народа в мирном социалистическом строительстве, они были ослеплены звериной ненавистью к первому государству рабочих и крестьян. Конечно, свобода и независимость Чехословакии не были их делом, и в этом отношении целиком можно согласиться с заявлением «Дейли экспресс». Выдать Чехословакию Гитлеру, обратиться с помощью этой жертвы гитлеровскую агрессию на Восток, на Советский Союз — вот это действительно явилось тем, к чему стремилась западная дипломатия.

Характерно, что германские империалисты — и об этом также хорошо были осведомлены реакционные кру-

---

⁶ Цит. по Г. А. Деборин, Вторая мировая война, Воениздат, 1958, стр. 20.

ги западных стран — вначале считали, что для захвата Чехословакии потребуется вооруженное нападение. Они и не рассчитывали, что их захватнические аппетиты будут удовлетворены столь легким путем. Именно с целью вооруженного захвата Чехословакии был разработан пресловутый «план грюн» («зеленый план»), предусматривавший нападение на Чехословакию. В директиве, разработанной в соответствии с этим планом, Гитлер говорил: «Я принял окончательное решение разбить Чехословакию путем военных действий в ближайшем будущем»⁷.

Однако «план грюн» был отложен в сторону. Мощный патриотический порыв народных масс Чехословакии, вставших на защиту своей родины, решительная позиция Советского Союза, заявившего о своей готовности оказать эффективную военную помощь Чехословакии, — все это умерило воинственный пыл фашистских захватчиков и заставило их искать новые пути для осуществления своей агрессии.

Когда угроза вооруженного нападения германской армии на Чехословакию нависла над Европой, Советский Союз, верный духу советско-чехословацкого договора 1935 года, оказался единственным государством, которое твердо и недвусмысленно заявило о своей готовности дать отпор фашистским агрессорам. 23 апреля 1938 г. чехословацкий посланник в Москве Зденек Фирлингер сообщал чехословацкому правительству: «Советский Союз, если от него потребуют, готов по договоренности с Францией и Чехословакией принять все меры, касающиеся безопасности Чехословакии»⁸.

Согласно советско-чехословацкому договору 1935 года, помощь Советского Союза Чехословакии в случае вооруженного нападения на последнюю была поставлена в зависимость от помощи Франции. Однако на пути оказания Советским Союзом помощи Чехословакии было и другое препятствие: буржуазные правительства Польши и Румынии отказались пропустить через свои территории советские войска, а общей границы с Германией или Чехословакией Советский Союз тогда не имел. И все же, несмотря на это, Советское правительство было пре-

---

⁷ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 261.

⁸ «Вопросы истории», 1958 г., № 2, стр. 80.

исполнено готовности оказать военную помощь чехословацкому народу даже в том случае, если бы Франция отказалась от своих обязательств помощи (так оно и случилось в дни Мюнхена). Об этом неопровержимо свидетельствует целый ряд заявлений, с которыми выступили в те дни руководящие советские государственные деятели. Еще 15 марта 1938 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин заявил чехословацкому посланнику в СССР Зденеку Фирлингеру, что Советский Союз готов безоговорочно выполнить свой долг, вытекающий из договора с Чехословакией⁹. В конце марта 1938 года представитель Вооруженных Сил Советского Союза в Чехословакии без всяких оговорок о французской помощи заверил чехословацкий генеральный штаб, что советские войска незамедлительно придут на помощь Чехословакии в случае нападения на нее со стороны гитлеровской Германии¹⁰. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин в докладе о международном положении сказал, что советско-чехословацкий договор «не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции»¹¹. Наконец, в мае 1938 года И. В. Сталин через Клемента Готвальда передал Бенешу, что «Советский Союз готов оказать военную помощь Чехословакии даже в том случае, если этого не сделает Франция, что и было условием советской помощи, и даже в том случае, если тогдашняя бековская Польша или боярская Румыния откажутся пропустить советские войска». И. В. Сталин указывал, что «Советский Союз может оказать помощь Чехословакии при одном условии: если сама Чехословакия будет защищаться и попросит о советской помощи»¹².

Твердая и решительная позиция Советского Союза нашла подтверждение в неоднократных заявлениях представителей тогдашнего чехословацкого правительства.

---

⁹ См. «Новые документы из истории Мюнхена», Госполитиздат, 1958, док. № 2.

¹⁰ Там же, док. № 6.

¹¹ М. И. Калинин, О международном положении. Доклад на собрании агитаторов, пропагандистов и беседчиков Ленинского района г. Москвы 26 апреля 1938 г., изд-во «Молодая гвардия», 1938, стр. 15.

¹² «Правда», 28 декабря 1949 г.

В частности, министр иностранных дел Чехословакии Крофта заявил советскому полпреду в Праге С. С. Александровскому 30 мая 1938 г., что Чехословакию очень ободряет «уверенность в том, что СССР совершенно серьезно и без всяких колебаний намеревается и готовится оказать помощь Чехословакии в случае действительной нужды»¹³.

Тогда же, весной 1938 года, нарком иностранных дел СССР на очередной сессии Лиги наций предложил французскому министру иностранных дел Боннэ начать переговоры между представителями советского, французского и чехословацкого генеральных штабов и принять совместные меры дипломатического воздействия на Польшу и Румынию с целью изменения их позиции в вопросе о пропуске частей Красной Армии в случае необходимости оказания действенной помощи Чехословакии¹⁴. Советская дипломатия заботилась и о создании благоприятных международных условий для оказания помощи Чехословакии.

Таким образом, Советский Союз сделал тогда все от него зависящее, чтобы позиция его была ясна и Чехословакии, и Франции и чтобы ее хорошо поняли и гитлеровцы. Приведенные выше документы с полной очевидностью свидетельствуют о решительном намерении Советского Союза оказать необходимую военную помощь Чехословакии, если она будет атакована нацистской Германией.

Обстоятельства, вызванные позицией СССР и патристическим порывом чехословацкого народа защищать свою родину, привели к тому, что фашисты вынуждены были умерить свой пыл. В создавшихся условиях чисто военное решение не устраивало гитлеровцев. «План грюн» в тот момент был оставлен. Начались усиленные поиски другого решения. А это другое решение могло быть найдено только при активной помощи западных держав, которые были крайне заинтересованы в том, чтобы толкнуть Гитлера на Восток.

И Гитлер не ошибся. Дипломатия западных держав развила в те дни бешеную активность, оказывая всяче-

---

¹³ «Новые документы из истории Мюнхена», док. № 16.

¹⁴ Там же, док. № 14.

ское давление на Чехословакию с целью заставить ее капитулировать перед Гитлером.

13 июня 1938 г. американский посол в Лондоне Кеннеди в беседе с германским послом в Лондоне Дирксеном признал за Германией «свободу рук на Востоке и Юго-Востоке»¹⁵. По свидетельству статс-секретаря германского министерства иностранных дел Вейцекера, американский посол Вильсон целиком разделял недовольство германского дипломата по поводу того, что «с чешских политиков не сбита спесь»¹⁶.

Сетования гитлеровцев находили явное сочувствие у американских дипломатов. Американский посол Вильсон считал необходимым (это мнение он довел до сведения английского правительства), чтобы Великобритания официально заявила, что «симпатии британского народа (к Чехословакии. — А. П.) зависят от того, проявит ли Бенеш действительное стремление к компромиссу и примирению»¹⁷. Тот же Вильсон во время своей миссии в Прагу всячески заверял Бенеша в «самых мирных намерениях берлинского правительства» и пытался внушить, что разрыв чехословацко-советского договора — одна из главных целей, которую преследует Германия. При этом Вильсон «советовал» Бенешу удовлетворить германские претензии¹⁸.

Давление на Прагу, поразительное по своей грубости и цинизму, все более усиливается.

Позорная деятельность руководителей западной дипломатии приближает черный день мюнхенской катастрофы.

14 сентября 1938 г. английское правительство вынесло решение о поездке Чемберлена к Гитлеру в Берхтесгаден. И вот уже на следующий день американская газета «Нью-Йорк таймс» пишет о том, что «усилия Чемберлена получили... горячее одобрение»¹⁹. Это те усилия, в результате которых Гитлер и Чемберлен незамедлительно договорились о присоединении Судетской области к Германии.

---

¹⁵ «Вопросы истории», 1958 г., № 2, стр. 81.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 82.

Вопрос Кейтелю

Понимая всю опасность чисто военного решения чехословацкой проблемы, Гитлер дал директиву своим подручным создать в области пропаганды такое состояние, которое ясно показало бы безнадежность военного положения Чехословакии²⁰.

Поразительно, как быстро дошла эта директива не только до Геббельса и его ведомства, но и до Лондона и Парижа, а также Вашингтона. Как по заказу, началась пропагандистская свистопляска.

Стремясь заставить Чехословакию капитулировать перед Гитлером, западная пропаганда всячески создавала в те критические дни впечатление военного всемогущества Германии, сеяла по всей Европе панические настроения. Усилия реакционных правительств западных держав были направлены не на организацию отпора гитлеровской экспансии, а на создание атмосферы страха, неуверенности, паники. Чемберлен и К° кричали о том, что «Франция слаба в военном отношении», «СССР не в состоянии прийти на помощь Чехословакии».

Американский провокатор полковник авиации Линдберг специально в те дни отправился в Москву, где он присутствовал на воздушном параде. Вернувшись, он стал распространять слухи о слабости советской авиации, о запущенном состоянии промышленности. По словам английского военного атташе в Париже Фразера, Гитлер «нашел в лице полковника Линдберга наиболее удобного посла, который создал во Франции впечатление о могуществе и готовности германского воздушного флота». В начале сентября Линдберг имел беседу в Праге с Бенешем и другими государственными деятелями Чехословакии, которым он всячески внушал, что «сопротивление Германии просто бессмысленно»²¹. В Лондоне Линдберг снова заявил, «что Германия легко может разбить воздушные силы всех остальных европейских держав»²². Нечего и говорить, что лживые свидетельства Линдберга правая печать поспешила аттестовать как по-

²⁰ См. «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 262.

²¹ J. W. Wheeler-Bennett, Munich—Prologue to Tragedy, L., 1948, p. 99.

²² «The Memoirs of Cordell Hull», vol. I, N. Y., 1948, p. 590.

казание «беспристрастного американца», а самого Линдберга сторонники «умиротворения» подняли на щит.

Не случайно после совершения мюнхенской сделки Линдберг получил из рук Геринга один из высших германских орденов.

Миссия Линдберга была лишь одним из звеньев в бесконечной цепи провокаций, имевших своей целью дезинформировать мировую общественность и создать благоприятные предпосылки для фашистской агрессии.

Вдохновители Мюнхена в Англии нарочито создавали в стране впечатление неотвратимой угрозы большой войны. Среднему англичанину пытались внушить мысль о том, что «какая-то Судетская область» может стоить войны для всей Европы. И для того чтобы слова не расходились с делом, 22 сентября 1938 г. в Лондоне открылось 14 пунктов раздачи противогазов. Город стали демонстративно готовить к противовоздушной обороне. В парках рылись щели и траншеи. На улицах появились мешки с песком. Усиленно распространялся слух об эвакуации столицы.

...В Париже усилиями Жоржа Боннэ делалось то же самое. Строились бомбоубежища и траншеи, во многих местах устанавливались зенитные батареи. Всячески развивая панические настроения, государственный департамент США дал указание своим посольствам и консульствам в Европе «рекомендовать» американцам спешно эвакуироваться из Англии, Франции и других европейских стран²³. 14 сентября консульства США в европейских странах предложили американским гражданам, находившимся в Европе, «немедленно» покинуть континент «в связи с приближением военной опасности». Свой вклад в дело создания паники внесли и американские дипломаты Буллит и Кеннеди (послы США в Париже и Лондоне), усиленно рекомендовавшие американцам покинуть Англию и Францию. В том же направлении действовали посольства США в Венгрии, Чехословакии и Польше. Началось паническое бегство американцев из Европы.

Вряд ли следует подробно останавливаться на том, какое впечатление все это должно было произвести на рядового европейца. Чехословакия обречена, западные

---

²³ См. «The New York Times», Sept. 27, 1938.

страны к войне не готовы, и если Гитлеру не дать то, что он требует, Европе угрожает победоносное фашистское нашествие. Единственный выход, единственная возможность предотвратить войну — «умиротворение».

Так действовала в те критические дни империалистическая пропаганда западных держав.

А как же обстояло дело в действительности? Может быть, Чехословакия действительно не в состоянии была сопротивляться Германии, может быть, гитлеровское военное превосходство было настолько очевидным, что делало это сопротивление просто бессмысленным?

Тогда, в 1938 году, гитлеровские военачальники всячески раздували слухи о своем всемогуществе.

Но вот отгремели последние залпы второй мировой войны. Германия повергнута в прах. В Потсдаме свою подпись под Актом о капитуляции ставит гитлеровский фельдмаршал Кейтель. Совсем немного времени осталось до того, как Кейтель вместе с другими участниками гитлеровской клики сядет на скамью подсудимых в Нюрнберге.

Трудно забыть, какое напряжение охватило всех присутствовавших в зале Международного Трибунала, когда Кейтелю, бывшему начальнику штаба верховного командования вооруженными силами гитлеровской Германии, был задан по этому поводу вопрос.

Вот выдержка из стенограммы:

«Нельте (адвокат Кейтеля): Однако до войны с Чехословакией дело не дошло, так как было заключено соглашение в Мюнхене. Как вы и генералы оценивали это соглашение?

Кейтель: Мы были чрезвычайно счастливы тем, что дело не дошло до военных операций, ибо *были убеждены, что наши военные средства нападения недостаточны для прорыва пограничных укреплений Чехословакии* (курсив мой. — А. П.). Таким образом, рассматривая дело с чисто военной точки зрения, для наступления и для прорыва укреплений у нас не было сил»²⁴.

В этом признании, бросающем злобеший ответ на поведение тех, кто в дни Мюнхена насаждал панический

---

²⁴ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 18, стр. 311.

страх перед германским бронированным кулаком, фельд-маршал Кейтель не был одинок.

«...Если бы дело дошло до войны, мы не могли бы действительно эффективно защищать ни западную, ни восточную границу, и, без сомнения, если бы Чехословакия стала сопротивляться, мы задержались бы на ее укреплениях, так как практически у нас не было средств для их прорыва. Таким образом, о военных испытаниях в этом случае, без сомнения, нельзя говорить. Это скорее было испытание «политических нервов»²⁵. Эти слова также были произнесены на Нюрнбергском процессе и принадлежали они одному из гитлеровских военачальников, фельдмаршалу Манштейну. Более того, на Нюрнбергском процессе были представлены любопытные документы, из которых явствовало, что руководящая верхушка германской армии в ту пору весьма настойчиво предостерегала Гитлера на случай военного конфликта. В одном из таких документов, приведенных американским обвинителем Олдермэном, говорилось о том, что тогдашний германский военный министр фон Бломберг чрезвычайно высоко оценивал чехословацкие военные укрепления на границе с Германией, сравнивая их с линией Мажино, и предостерегал в связи с этим Гитлера против крайних мер²⁶.

В одной из директив, также предъявленной среди других документов суду американским обвинителем Олдермэном, сам Гитлер писал: «...Я приму решение начать действия против Чехословакии только в том случае, если я буду вполне уверен, как это было при занятии демилитаризованной зоны и вступлении в Австрию, что Франция не выступит и Англия поэтому не вмешается»²⁷.

В своих показаниях Международному Трибуналу в Нюрнберге фельдмаршал Рундштедт рассказал о меморандуме, в котором начальник генерального штаба германской армии Бек выступал против войны из-за Судетской области. «Нас спросили о нашем мнении относительно меморандума, — говорил Рундштедт, — и мы единодушно считали, что не следует вести войну. Мы счи-

---

²⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 36, стр. 18135, 18136.

²⁶ Там же.

²⁷ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 264.

тали, и в меморандуме говорилось то же самое, что германская армия не в состоянии вести эту войну...»²⁸.

Небезынтересны высказывания по этому вопросу представителей западных держав в Германии. Английский военный атташе в Берлине полковник Мэсон-Макфарлан писал 9 мая 1938 года: «Германская армия еще далеко не завершила свою организацию и вооружение» и, «несомненно, не готова к европейской войне». Тот же военный атташе на основании длительного изучения военного положения в Германии доносил 27 июля из Берлина в Лондон: «Я постоянно сталкиваюсь со все новыми доказательствами того, что Германия в целом не готова начать войну этой осенью», а в это же время посол Великобритании в Берлине Невиль Гендерсон признавался Галифаксу: «Если бы мы как следует показали когти, Гитлер сегодня не решился бы на войну».

И в самом деле, Чехословакия в ту пору располагала весьма мощными вооруженными силами, не говоря уже об исключительном моральном потенциале страны.

Генерал Фоше, глава французской военной миссии в Праге, оценивая военные возможности Чехословакии, писал: «Даже если предположить, что Чехословакия оказалась бы одна лицом к лицу с Германией, война могла бы длиться многие месяцы. Если только подумать, что чешская армия обладала 40 прекрасными дивизиями, это значит, что перевес германских сил был бы не больше, чем перевес германских войск над французскими под Верденом. Гитлер это знал и, несомненно, никогда бы не напал на Чехословакию, не будучи уверенным в том, что она будет покинута Францией и Англией».

Эти высказывания в достаточной мере разоблачают не только Чемберлена и К°, но и современных их защитников.

Впрочем, официальные английские историографы, стремясь отвести от правящих кругов Англии обвинение в гнусном предательстве чешского народа, утверждают, будто Чемберлен, направляясь на самолете в Мюнхен, не знал, что Гитлер преследует цель полного расчленения и захвата Чехословакии. Ведь речь все время шла лишь о Судетской области, одной лишь части чехословацкой

---

²⁸ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 36, стр. 18253.

территории, и откуда Англия могла знать секретные планы «третьей империи», хранившиеся за семью печатями и ставшие известными лишь на Нюрнбергском процессе?

Оказывается, могла и не только могла, но и знала достоверно. А разоблачил в этом Англию ее же платный агент Гизевиус, одновременно крупный чиновник германской разведки и активный участник заговора против Гитлера.

Гизевиус говорил о деятельности заговорщиков в период мюнхенского кризиса. И сказал Гизевиус нечто такое, что опрокинуло всякие английские утверждения. Вот выдержка из стенограммы:

«Гизевиус: Когда кризис приблизился к кульминационному пункту и когда мы подготовили все для путча²⁹, мы предприняли необычный по форме и по содержанию шаг и оповестили английское правительство, что... Гитлер намеревается занять всю Чехословакию, а не только Судетскую область»³⁰.

Эти сведения шли прямо от верховного командования вооруженными силами Германии. Так что, получив их, Англия прекрасно понимала, на что она идет, предъявляя Чехословакии ультиматум о передаче Германии Судетской области.

Решительный голос Востока

В современных условиях определенные круги на Западе пытаются проводить в отношении германского империализма ту же политику, которую они проводили в достопамятные мюнхенские времена. И сегодня германские экспансионисты снова кричат на весь мир о «германской Чехии», о том, что чешские земли должны принадлежать им и что Прага всем ходом исторического развития призвана стать германским городом. Они хотят даже польстить Праге и сделать ее столицей германской империи. «Без Богемии Германия выглядела бы... прямо-таки четвертованной»,— восклицает один из современных идеологов пангерманизма Барник в своей книге

²⁹ Гизевиус говорил о том, что уже в 1938 году определенные круги, к которым принадлежал и он, готовили свержение Гитлера.

³⁰ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 21, стр. 124.

«Германские козыри», о которой министр обороны ФРГ Штраус заявил, что прочел ее «с огромным вниманием и интересом».

Отрицая право народа Чехословакии на национальный суверенитет, Барник заявляет: «...При ближайшем рассмотрении идея чешской нации... вообще становится проблематичной... Чех — это типичный восточный немец, только не говорящий по-немецки».

А раз это так, то, следовательно, пришла пора вновь устроить свидание в Мюнхене...

17 мая 1959 г. в Вене состоялся реваншистский слет судетских немцев. Более двухсот тысяч человек съехались на этот провокационный слет, где, как и во времена 1938 года, раздавались реваншистские требования о захвате чехословацких земель. При этом речь шла не только о Судетской области, но и о всей Чехии. Германские реваншисты заявляют, что «западные территории Польши и вся Чехия и Моравия должны быть присоединены к Западной Германии». Они не забыли мюнхенского договора и время от времени напоминают о нем. Так, газета «Дейче зольдатенцейтунг» писала, например: «Судеты ныне, как и 20 лет тому назад, являются территорией немецкого государства... Судеты в границах мюнхенского договора и на его основе принадлежат Германии!».

Мы сознательно отвлекли читателя от исторической нити повествования, чтобы показать, насколько заразной оказалась политика Мюнхена, насколько империалисты Германии, а заодно и их нынешние союзники по НАТО ничего не забыли и мало чему научились.

Исторические факты можно приукрасить, можно обеднить, но рано или поздно фальсификация всегда всплывает наружу. Даже автор цитированной выше статьи из «Манчестер гардиан», явно вступая в разлад со своим же утверждением о благотворных побуждениях и действиях режиссеров мюнхенской драмы, вынужден признать, что Гитлер «начал ломиться в чешскую дверь только тогда, когда британское правительство стало настойчиво твердить, что она уже распахивается». Тот же автор заявляет, что, «безусловно, чешская армия была достаточно сильна, чтобы противостоять немцам»³¹. Та-

³¹ «Manchester Guardian», Sept. 20, 1958.

ким образом, даже откровенные выразители идей, имеющих целью реабилитацию Мюнхена, подобными признаниями подрывают сук, на котором они сидят.

Только Советский Союз в те критические дни не упускал ни одной возможности, чтобы предотвратить гитлеровскую агрессию против Чехословакии.

22 августа 1938 г. германский посол фон дер Шуленбург, выполняя указание своего шефа Риббентропа, нанес визит наркому иностранных дел СССР М. М. Литвинову. Шуленбург заявил ему, что «Германия вторгнется в Чехословакию лишь в случае какой-либо провокации со стороны чехов». Отлично сознавая цель подобного заявления, М. М. Литвинов парировал: «Провокация со стороны чехов — вещь немыслимая, и в любом могущем возникнуть конфликте немцы, несомненно, явятся агрессором»³².

Обнажая действительные цели германских агрессоров, М. М. Литвинов продолжает: «Вы хотите уничтожения Чехословакии, вы хотите завоевать эту страну. Естественно, вы предпочитаете достигнуть своей цели мирными средствами. Война — это всегда риск. Всякий попытался бы избежать войны, если бы он мог добиться своих целей без нее». Советское правительство вновь через М. М. Литвинова предупредило нацистскую Германию, что Советский Союз «обещал Чехословакии свою поддержку; он сдержит свое слово и сделает все, что только в его силах»³³.

Для того чтобы советская позиция в возникшем кризисе была ясна не только той стране, которая стремилась к нападению на Чехословакию, но и тем странам, от позиции которых зависело, решится Гитлер на агрессию или нет, Литвинов информировал о своей беседе с Шуленбургом английское и французское посольства в Москве, а также и чехословацкую миссию.

Как было расценено заявление М. М. Литвинова 22 августа иностранной печатью? Ответ можно найти в газете «Дейли телеграф энд морнинг пост» от 27 августа 1938 г. Газета писала, что ответ Литвинова Шуленбургу был очень определенным «и не оставил никаких сомне-

³² «Documents on British Foreign Policy 1919—1939», Third Series, vol. II, L., 1949, pp. 140—141.

³³ Цит. по Э. Ротштейн, Мюнхенский сговор, ИЛ, 1959, стр. 249.

ний относительно последствий, которые может иметь какая-либо подобная акция со стороны Германии. Послу было сказано, что всякое военное выступление против Чехословацкой республики тотчас же приведет в действие гарантии, данные Советами. Германскому послу было заявлено, что Советский Союз выполнит договор немедленно и самым точным образом»³⁴.

2 и 5 сентября 1938 г. в ответ на запрос французского министерства иностранных дел Наркоминдел заявил, что, по мнению Советского правительства, необходимо при угрозе нападения гитлеровской Германии на Чехословакию обратиться в Лигу наций, согласно ст. 11 ее Устава, для констатации угрозы агрессии и соответствующего воздействия на Польшу и Румынию; срочно созвать международное совещание с участием Англии, Франции и СССР, с тем чтобы совместно выступить с декларацией, которая могла бы заставить Гитлера отказаться от мысли о нападении на Чехословакию; созвать совещание представителей генеральных штабов Франции, СССР и Чехословакии для совместного определения конкретных форм помощи Чехословакии. Наряду с этим представителям Франции в форме, не вызывающей никаких кривотолков, было заявлено, что Советский Союз полон решимости выполнить вместе с Францией свои обязательства по советско-чехословацкому договору³⁵.

Нетрудно представить, что если бы западные страны так же горячо и решительно поддерживали Чехословакию, как Советский Союз, то был бы не только предотвращен захват фашистами Чехословакии, но и трагические события, последовавшие после него. Беда, однако, была не только в предательской позиции реакционных правящих кругов Запада, но и в предательской линии, которой придерживалось правительство Бенеша. Бенеш прекрасно знал о готовности Советского Союза оказать военную помощь Чехословакии (даже и в том случае, если бы Англия и Франция оказались в стороне). Во второй половине сентября 1938 года, когда английское и французское правительства резко усилили свой нажим на Чехо-

³⁴ Цит. по Э. Ротштейн, Мюнхенский сговор, стр. 249.

³⁵ См. «Новые документы из истории Мюнхена», док. № 26, 27.

словакию, чехословацкое правительство запросило правительство СССР:

1. Окажет ли СССР, согласно договору, немедленную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь.

2. Поможет ли СССР Чехословакии как член Лиги наций на основании ст. ст. 16—17 Устава Лиги, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в Совет Лиги с просьбой о применении этих статей³⁶.

Советское правительство немедленно дало положительный ответ, поставив о нем в известность также и правительство Франции³⁷.

В ответе указывалось, что 1) Советский Союз окажет немедленную и действенную помощь, если Франция останется верной договору, и 2) СССР выполнит свои обязательства, вытекающие из ст. ст. 16 и 17 Устава Лиги наций. Об этом было сообщено чехословацкому правительству как через советского посла Александровского, так и через чехословацкого посла в СССР Фирлингера. Одновременно было сообщено, что Советский Союз осуществляет техническое обеспечение необходимых операций.

Однако весьма симптоматично было то, что чехословацкое правительство во всех этих случаях ни разу не поинтересовалось и не поставило вопроса перед советским послом о том, окажет ли Советский Союз помощь Чехословакии независимо от позиции Франции и безотносительно к позиции Лиги наций в целом. Заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин даже выразил удивление Фирлингеру по поводу того, что Бенеш не задал этого вопроса.

Что касается Советского правительства, то оно продолжало использовать любую возможность, чтобы отвести от Чехословакии опасность агрессии.

Узнав о том, что панская Польша сосредоточивает на границе с Чехословакией свои войска, правительство СССР немедленно предупредило правительство Бека, что в случае польской агрессии против Чехословакии будет денонсирован без предупреждения советско-польский пакт о ненападении от 25 июля 1932 г.³⁸ 25 сентября 1938 г.

³⁶ См. «Новые документы из истории Мюнхена», док. № 36.

³⁷ Там же, док. № 38.

³⁸ Там же, док. № 50.

Советское правительство довело до сведения правительства Чехословакии и французского генштаба, что на западных границах СССР сконцентрированы и приведены в боевую готовность значительные воинские соединения. Однако ни у французского, ни у чехословацкого правительства настойчивые усилия Советского Союза отклика не нашли.

Бенеш и реликвии прошлого

Ради осуществления своих далеко идущих антисоветских целей реакционные буржуазные правители Англии и Франции уже решили выдать Чехословакию Гитлеру.

Что же касается чехословацкого буржуазного правительства, то оно также боялось своего народа, не хотело поэтому освободительной борьбы против фашистской агрессии и решило встать на путь отказа от советской помощи, если Франция не придет на выручку Чехословакии. Еще в мае 1938 года чехословацкий министр иностранных дел Крофта прямо сказал советскому полпреду в Праге, что без Франции Чехословакия не может пойти на военное сотрудничество с СССР. В сентябре 1938 года Бенеш уполномочил английского «посредника» лорда Ренсимена «передать Чемберлену, что даже на случай войны Чехословакия не имеет никаких специальных соглашений с Россией и без Франции никогда ничего не предпринимала и не предпримет»³⁹.

В свете этих фактов вполне ясно, почему Бенеш не воспользовался советом Готвальда «сформулировать точно и запросить Правительство СССР» о помощи Советского Союза «сверх обязательств»; понятно, почему оставались без внимания многочисленные сообщения чехословацкого посла в Москве З. Фирлингера о предпринимаемых СССР мерах на случай войны с Германией и даже то из сообщений, в котором З. Фирлингер извещал свое правительство о недоумении в руководящих кругах СССР по поводу того, что чехословацкое правительство, как заявил заместитель наркома иностранных дел

---

³⁹ «Новые документы из истории Мюнхена», док. № 32, стр. 88.

В. П. Потемкин, никогда не ставило вопроса о безусловной помощи со стороны Советского Союза⁴⁰.

За несколько месяцев до мюнхенских событий, 16 февраля 1938 г., между Бенешем и германским посланником в Праге Э. Эйзенлором состоялась весьма примечательная беседа. Бенеш не стеснялся в выражениях. Вот выдержка из записи этой беседы, сделанной Эйзенлором и приводящей слова Бенеша: «Пакт с Россией — реликвия прошлой эпохи, хотя его нельзя просто выбросить в корзину для бумаг. Но он (Бенеш.— А. П.) не разрешает вести коммунистическую пропаганду в стране и желает установить регулярное сотрудничество между чехословацкой и германской полицией, чтобы выслеживать и подавлять лиц, проводящих такую пропаганду»⁴¹. Наряду с этим 17 мая 1938 г. Бенеш заявил британскому посланнику Б. Ньютону: «Если Западная Европа станет относиться безучастно к судьбе России, Чехословакия последует ее примеру. Его страна будет всегда связана с Западной, а не с Восточной Европой»⁴².

Эти заявления в достаточной мере раскрывали реакционную позицию Бенеша, который скорее был готов пожертвовать независимостью Чехословакии, нежели согласиться принять помощь от Советского Союза. Бенеш боялся собственного народа, его пугал патриотический порыв чехословацких трудящихся, готовых с оружием в руках отстаивать свою родину от посягательств германского фашизма. Чехословацкому народу становилась ясной капитулянтская позиция Бенеша. Вот как рисует обстановку тех предмюнхенских дней советский полпред в Чехословакии в телеграмме в Москву: «В Праге происходят потрясающие сцены... Толпы поют национальный гимн и буквально плачут. Поют «Интернационал». В речах первая надежда на помощь СССР, призывы защищаться, созвать парламент, сбросить правительство.

Имена не только Годжи, но и Бенеша встречаются свистом и криком»⁴³.

Но реакционное правительство Бенеша, боявшееся этих грозных народных манифестаций, не могло и не хо-

---

⁴⁰ См. «Новые документы из истории Мюнхена», док. № 37, 47.

⁴¹ Цит. по «Вопросы истории», 1959 г., № 6, стр. 154.

⁴² Там же.

⁴³ «Известия», 30 сентября 1958 г.

тело возглавлять патриотическое движение народных масс. Чехословацкая буржуазия поставила свои классовые интересы выше национальных. Она пошла на сделку с международной реакцией и предала свой народ. Таким образом, народ Чехословакии стал жертвой вероломных антисоветских комбинаций, в цепи которых одним из звеньев явилась предательская политика национальной буржуазии.

Подарок на золотом блюде

Многие из сегодняшних мюнхенцев изображают Мюнхен чуть ли не триумфом западной дипломатии. Они серьезно уверяют, что в Мюнхене Чемберлен и его соратники нанесли поражение Гитлеру. Подобные измышления вызывают не только ироническую улыбку, они рождают тревогу и беспокойство: Мюнхен не был объектом увеселительной прогулки для английского и французского премьер-министров; он явился роковым актом, трагические последствия которого испытал вскоре весь мир, в том числе и народы Франции, Англии, тяжело поплатившиеся за империалистическую, антисоветскую политику своих правителей. Замолчать или забыть это невозможно. Английских или французских представителей в Международном Трибунале, судившем гитлеровских преступников в Нюрнберге, вряд ли кто-либо мог заподозрить в стремлении обличить политику западных держав накануне второй мировой войны. Наоборот, допрашивая подсудимых, они всячески старались обходить все, что непосредственно было связано с Мюнхеном. И все же английским, французским и американским судьям не раз приходилось испытывать чувство неловкости, когда сподвижники Гитлера, оправдывая германскую агрессию, напоминали о Мюнхене, о сознательном попустительстве западных держав, создававших условия для этой агрессии. И это вполне понятно: картина мюнхенского предательства, дополненная признаниями гитлеровских преступников, предстала в столь компрометирующих деталях и фактах, что чудовищное вероломство и политическая слепота организаторов позорной сделки не могли уже вызвать никаких сомнений.

Вот идет допрос Шахта. Экономический диктатор гитлеровской Германии раздражен. Его уличают в том, что он явился одним из соучастников в подготовке и развязывании агрессивных войн против ряда стран Европы. Шахт пытается представить себя противником Гитлера. Заходит речь о Чехословакии. Шахт отрицает свое участие в ее расчленении. Тогда американский обвинитель Джексон напоминает Шахту, что как только Гитлер захватил Чехословакию, он, Шахт, конфисковал все ценности чехословацкого банка.

Судя по последовавшему диалогу, Шахта возмущает сама мысль о том, что англичане и американцы пытаются выдать себя за защитников Чехословакии. Уж он-то хорошо помнит, как западные державы за несколько дней до Мюнхена предъявили ноты Чехословакии с требованием капитулировать перед Гитлером; он не забыл того, что Чемберлен пугал чехов, будто если они не отдадут Судеты Германии, то Запад оставит Чехословакию на произвол судьбы. Что же касается Америки, то Шахт, видимо, никак не мог понять, почему официальное сообщение государственного департамента США, в котором последний одобрил мюнхенскую сделку и назвал встречу Чемберлена и Гитлера «исторической конференцией», дает право американскому обвинителю выступать в роли обличителя и видеть захватчиков лишь в лице гитлеровской клики.

И поэтому, когда Джексон с полным основанием напомнил Шахту о его участии в экономическом разграблении Чехословакии, Шахт с неменьшим основанием парировал следующим образом:

«Но, простите, пожалуйста, Гитлер же не взял эту страну силой. Союзники просто подарили ему эту страну»⁴⁴.

А дальше последовал еще более характерный диалог: «Шахт: Я не могу ответить на ваш вопрос, так как я уже сказал, что *имел место не захват, а подарок* (курсив мой.— А. П.). Если мне делается такой подарок, как этот, то я с благодарностью принимаю его.

Джексон: Даже если это не принадлежит тому, кто делает этот подарок?

---

⁴⁴ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 22, стр. 10123.

Шахт: Да. А судить о благовидности этого я представляю тем, кто делает такой подарок».

Вряд ли нужно комментировать этот диалог. Здесь незачем говорить о предельном политическом цинизме Шахта. Гораздо важнее выяснить природу щедрости тех, кто отваливал Гитлеру такие «подарки». Впрочем, если отбросить одиозное и назойливое желание Шахта использовать трибуну Нюрнбергского процесса для своей реабилитации, для того, чтобы доказать, что он был антигитлеровцем, то надо признать, что он был недалек от истины в объяснении такой политики Запада. Веймарская республика кое-кого на Западе не устраивала, говорил Шахт. И в самом деле. Веймарская республика ведь заключила Раппальский договор с Советской Россией. Поэтому Веймару, говорил Шахт, на все его обращения Запад отвечал «нет». «Но когда к власти пришел Гитлер, все изменилось. Возьмите всю Австрию, ремилитаризуйте Рейнскую область, возьмите Судеты, возьмите всю Чехословакию, возьмите все — мы не скажем ни слова. *До заключения Мюнхенского пакта Гитлер не осмеливался даже мечтать о включении Судетской области в империю* (курсив мой.— А. П.). Единственно, о чем он думал,— это об автономии для Судет. А затем эти глупцы, Даладье и Чемберлен, все преподнесли ему на золотом блюде. Почему они не оказали Веймарской республике хотя бы одну десятую такой поддержки?»⁴⁵.

Шахт, конечно, разыгрывал из себя простачка, когда удивлялся такой щедрости Запада. Уж он, такой прожженный делец, хорошо понимал, что вся эта мюнхенская политика в том и заключалась, чтобы, вскормив гитлеровский империализм, натравить его на Восток, против Советского Союза.

„И не стыдно Жоржу Боннэ!“

Во время заседаний Международного Военного Трибунала не раз складывалась весьма любопытная ситуация: как только гитлеровцев обвиняли в агрессии против Чехословакии, они хватались за Чемберлена и Даладье, как за спасательный круг. В глазах мировой общественности это, конечно, не создавало никаких оснований к

⁴⁵ G. M. Gilbert, The Nuremberg Diary, p. 155.

тому, чтобы считать действия гитлеровской клики оправданными. Когда подсудимые или их адвокаты в Нюрнберге при обсуждении вопроса об агрессии против Чехословакии ссылались на то, что они действовали с согласия Англии и Франции, они доставляли немало неприятных минут представителям западных держав в Трибунале. Так, например, когда английский обвинитель, опираясь на секретные архивы гитлеровского правительства, с полным основанием изобличал Риббентропа в подготовке и реализации «плана грюн» против Чехословакии, то адвокат Риббентропа Хорн, обращаясь к председательствующему лорду Лоуренсу, заявил: «Господин председатель, я возражаю против этого вопроса. Я думаю, что для экономии времени необходимо указать на то, что четыре великие державы — Англия, Франция, Италия и Германия, а также и мюнхенское соглашение, которое явилось завершением германо-судетской политики, санкционировали эту политику. Поэтому я не вижу здесь состава преступления с точки зрения международного права»⁴⁶.

Позвольте, может возразить distinguished член парламента Великобритании Беверли Бакстер, это еще вовсе не опровергает тезиса о том, что мюнхенское соглашение было невыгодно для гитлеровской дипломатии, ибо не дало ей возможности развязать тогда большую войну.

Если приведенных уже материалов недостаточно, то, может быть, будет полезным сослаться на следующее заявление Риббентропа: «Что касается германо-судетской проблемы, то нужно сказать, что королевское британское правительство само в Мюнхене заключило это соглашение и *эта проблема была разрешена так, как я этого хотел с точки зрения немецкой дипломатии* (курсив мой.— А. П.)»⁴⁷.

А дальше Риббентроп, непосредственный участник мюнхенского совещания, стал предаваться таким воспоминаниям, которые вряд ли способствовали укреплению репутации западной дипломатии.

---

⁴⁶ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 18 стр. 43.

⁴⁷ Там же.

Если поверить современным английским историографам Мюнхена, Великобритания сделала все, чтобы спасти Чехословакию от Гитлера. А вот Риббентроп с этим не согласен: «Я знаю,— заявляет он суду,— из моих личных бесед в бытность мою послом в Лондоне, что вопрос о Судетах представлялся вполне определенным для Форейн оффиса и что именно Англия очень часто, уже *до 1938 года* (курсив мой. — А. П.), сотрудничала с Конрадом Генлейном»⁴⁸.

«В последней трети сентября,— показал Риббентроп,— ко мне однажды приехал французский посол и сказал, что он привез благоприятные вести в связи с судетской проблемой». Затем «французский, а потом английский послы посетили фюрера и на карте показали примерное решение судетского вопроса, о котором, по-видимому, договорились Франция, Англия и Италия. Фюрер, я помню, указал французскому послу, что это предложение неудовлетворительно». Гитлер потребовал нарезать ему новый кусок Чехословакии. Что же, не срывать же всего плана — надо дать ему все, что потребует, и двигать его дальше на Восток. «После этого,— продолжает Риббентроп,— французский посол объяснил, что по этому вопросу можно будет, конечно, еще говорить так же, как и по вопросу о том, где находится немецкое население, т. е. каковы границы Судетской области. Во всяком случае, фюрер может быть уверен, что со стороны Англии и Франции существует намерение как можно скорее *разрешить проблему в духе немецких пожеланий*»⁴⁹.

Да, вряд ли Беверли Бакстеру и его единомышленникам удалось бы найти необходимые иллюстрации в материалах Нюрнбергского процесса для своей насквозь лживой версии о том, что Мюнхен был поражением Гитлера. Ведь там, в Мюнхене, по вопросу о том, как удобнее расчленить независимое государство, советовались и английские, и французские, и германские, и итальянские дипломаты. Единственно, кого забыли пригласить,— это представителей чехословацкого государства. Впрочем, оперируемого, если он дал согласие на операцию (а именно так в конечном итоге поступила реакционная

⁴⁸ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 17, стр. 419.

⁴⁹ Там же, стр. 425.

правляющая клика Бенеша), уже не спрашивают, как действовать ножом. Справедливости ради надо отметить, что Чемберлен как представитель более тонкой буржуазной дипломатии сделал осторожную попытку, как говорят, сохранить лицо для потомства. Как показал на процессе Риббентроп, «английский премьер-министр сделал сначала известные оговорки и сказал, что, может быть, нужно будет еще поговорить с чехами, т. е. с Прагой. Французский министр заявил, что если уж принялись за решение этой проблемы, то четыре великие державы должны будут здесь принять решение (курсив мой. — А. П.). Наконец, все четыре государственных деятеля присоединились к этому мнению, и был заключен Мюнхенский пакт»⁵⁰.

Хорошо подготовленная французская и английская реакционная пресса по возвращении из Мюнхена министров Англии и Франции подняла невероятную шумиху. Особенно неистовствовала правая французская печать. «Они спасли мир», «Боннэ предотвратил войну», «Слава французской дипломатии». Все было сделано, чтобы вывести из-под удара общественного мнения этих «героев Мюнхена». Но среди многоголосого истерического шума раздавались и отдельные критические возгласы: «И не стыдно Жоржу Боннэ, который сидит в кресле великого Талейрана, что он так позорно был обманут Гитлером!», — писала одна французская газета. По сути дела это была запоздавшая попытка спасти лицо французской дипломатии. Уж, конечно, Боннэ не был обманут своим коллегой Риббентропом. Не так был глуп Боннэ, а главное, не так богат умом от природы был Риббентроп, чтобы что-то подобное могло произойти. Когда в начале процесса вездесущие американские журналисты спросили Шахта, что, по его мнению, ожидает Риббентропа в результате процесса, гитлеровский министр экономики ответил: «Я не знаю, за что собираются повесить Риббентропа, я бы его повесил за глупость».

Все дело, следовательно, было в том, что Боннэ сам страстно хотел быть обманутым, а при такой ситуации вполне хватало умственных ресурсов Риббентропа.

---

⁵⁰ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 17, стр. 426.

Потребовалась многолетняя кровавая война, миллионы человеческих жертв, потребовалось проникнуть в гитлеровские архивы, чтобы человечество поняло, чего стоил ему Мюнхен. Но «человеческая память коротка», — заявил на Нюрнбергском процессе главный английский обвинитель Шоукросс. И, видимо, рассчитывая на это, английская и французская дипломатия пытается заново переписать историю, представить участников мюнхенского сговора защитниками мира. Но, как говорится, мертвые иногда хватают за горло живых...

В камере Геринга

...Декабрь 1945 года. Рождественская ночь над Нюрнбергом. Город в развалинах.

По широкому и пустынному коридору нюрнбергской тюрьмы гулко раздаются шаги. Мимо часовых, стоящих у каждой камеры, проходил человек в форме американского офицера. Он подошел к камере, над которой была прикреплена табличка «Герман Геринг». Лязгнул замок — и дверь на мгновение отворилась...

Это были дни, когда Международный Военный Трибунал не заседал: объявлены рождественские каникулы. У Геринга свободное время, он многое перебирает в памяти. Он размышляет о причинах поражения Германии и основную ошибку видит в том, что в 1940 году Гитлер не заключил мира с Англией и Францией, чтобы всеми силами обрушиться на Советский Союз... А жаль, ведь в Мюнхене ему казалось, что события развернутся именно в таком направлении...

...Они сидели вдвоем в камере. Геринг предоставил гостю, тюремному психиатру Джильберту, стул, а сам удобно устроился на койке. Он как бы мысленно повторил незадолго до этого слышанные слова американского обвинителя: «...Мы не можем переделать историю Мюнхена». Еще бы! Кому-кому, а Герингу — одному из немногих оставшихся в живых участников этой империалистической сделки — ясно было ее значение, уж кто-кто, а он знал, как Англия и Франция, а наряду с ними и стоявшие за их спиной США защищали малую страну в Мюнхене. Уж он-то знает подлинную цену газетной шумихи,

поднявшей на щит «миротворцев» Чемберлена и Дала-
дье... И Геринг вспоминал.

...Мюнхен. Сюда приезжает Чемберлен. В высоком

Геринг в тюремной камере.

цилиндре, серых брюках в полоску и с неизменным зонтиком в руках. Впрочем, портфель и зонтик таскал аристократический отпрыск — лорд Хьюм, личный секретарь премьер-министра. (Пройдут 22 года, и умудренный мюнхенским опытом своего шефа Хьюм станет министром иностранных дел Великобритании и летом 1960 года будет уже в таком новом качестве сопровождать английского премьер-министра Макмиллана в новую Мекку — в

Бонн, на встречу с Аденауэром, встречу, которая по своим глубоко затаенным целям мало чем отличается от происходившей в 1938 году)⁵¹.

У двери камеры Геринга.

⁵¹ В дни визита в Бонн агентство Рейтер передало: «Лорд Хьюм, министр иностранных дел Англии, который в 1938 году был личным секретарем г-на Невилля Чемберлена, на следующей неделе остановится в том же отеле, где г-н Чемберлен встречался с Адольфом Гитлером для переговоров, которые привели к мюнхенскому соглашению. Лорд Хьюм, сопровождающий г-на Гарольда Макмиллана в его поездке в Бонн, 10 и 11 августа будет жить в роскошном отеле «Дризен» в Бад-Годесберге на берегу Рейна. Гитлер останавливался там во время переговоров».

Комментарии к этому сообщению вряд ли необходимы...

Геринг не забыл, с каким удовлетворением встретили в Берлине сообщение о заседании в палате общин 28 сентября. Члены парламента ликовали, когда Чемберлен зачитал свои обращения к Гитлеру и Муссолини с призывом к соглашениям. Гитлер не может нарадоваться: ведь вместо того, чтобы выполнить свои обещания и защитить Чехословакию, английский парламент сам подтягивает ее к германской плахе. Молодцы все-таки и лейбористы — Эттли, Синклер и другие! И они, в исступлении аплодируя Чемберлену и бросая в воздух бумаги, требовали, чтобы Чемберлен скорее летел к Гитлеру. Правда, выступал еще и Галлахер, он предупреждал английский парламент об ответственности за то, что Чехословакия будет принесена в жертву. Но что может сделать Галлахер, единственный член парламента от коммунистов!

...Итак, Чемберлен и Даладье в Германии. Удивительно, каким покладистым оказался британский премьер. Стоило Гитлеру возразить против того, чтобы чехи были допущены к обсуждению, как Чемберлен сразу же понял, что это действительно уместается в его понятие о равенстве и уважении государств. Правда, он ведь добивался того, чтобы чехословацкий представитель находился в соседней комнате — ну, разумеется, для того, чтобы иметь возможность получить от него любое необходимое заверение. Не его вина, а беда чехов, что Гитлер оказался столь неуступчив...

...Мюнхен. 6 часов вечера. Геринг отлично помнит, как все — Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладье — собрались возле большого камина в холле дома Гитлера.

Вот Муссолини занимает свое место. Слева от него погрузился в кресло английский премьер Чемберлен. Гитлер на этот раз в штатском, чтобы не очень уж шокировать респектабельного аристократа Невилля Чемберлена формой штурмовика. Но все же «фюрер» не забыл надеть нарукавную повязку с изображением свастики. Геринг явился на встречу в полном параде — огромный, в мундире со всеми орденами, с сияющим лицом. Да, огромный. И чего он только не делал, чтобы похудеть, но все было напрасно. Это теперь, сидя в камере нюрнбергской тюрьмы, он с горечью констатирует, что слишком поздно добился своего, — в Нюрнберге он похудел на тридцать килограммов. Впрочем, не при помощи тюремной камеры он мечтал стать более элегантным.

Справа от Муссолини сидел Даладье. Позади каждого из премьеров — их советники.

Уже после Мюнхенской конференции Геринг читал европейскую прессу. Боже, как там шумели по поводу мужества и самоотверженности старого и сгорбленного Чемберлена и озабоченного судьбами мира Даладье! Но никак не может Геринг вспомнить об этом мужестве. На память приходит кое-что прямо противоположное. И, разговарившись с Джильбертом, Геринг повествовал:

«В действительности все это произошло довольно просто. Ни Чемберлен, ни Даладье, в конечном итоге, не были заинтересованы в том, чтобы жертвовать или рисковать чем-либо для того, чтобы спасти Чехословакию. Это было для меня ясно, как день. Судьба Чехословакии была решена в основном в течение трех часов. После этого они в течение четырех часов спорили по поводу слова «гарантия». Чемберлен казался совершенно незаинтересованным. Даладье вообще едва обращал на что-либо внимание. Он сидел вот так, — Геринг вытянул ноги, откинулся назад с лицом без всякого выражения. — Все, что он сделал, заключалось в том, что он время от времени одобрял то, что говорил Гитлер. Никакого возражения против чего бы то ни было. Я был просто поражен, как легко все удалось Гитлеру. В конце концов, они ведь знали, что заводы Шкода и другие военные заводы находились в Судетской области и что захват их означал бы, что Чехословакия будет у наших ног. Когда Гитлер потребовал, чтобы некоторые военные заводы, находящиеся за границами Судетской области, были бы переведены на Судетскую территорию, как только она к нам отойдет, я ожидал взрыва, но не последовало и писка. Мы получили все, что мы хотели. Получили вот так! — Геринг щелкнул пальцами. — Они даже не настаивали на том, чтобы проконсультировать чехов, хотя бы для формы. В конце заседания посол Франции в Чехословакии сказал: «Хорошо, теперь мне предстоит передать приговор осужденным!». Вот и все по этому поводу. Долгий спор по поводу слова «гарантии» был решен тем, что Гитлеру было предоставлено право гарантировать остальную часть Чехословакии. Они прекрасно понимали, что это значит»⁵².

---

⁵² G. M. Gilbert, The Nuremberg Diary, p. 91.

Риббентроп (справа) торопит Даладье с подписью под мюнхенским соглашением, а стоящий рядом нацистский генерал готовится отдать команду германскому вермахту взломать чехословацкую границу.

Это ли не образец «искренности» империалистической дипломатии, это ли не основание для утверждения, что Чемберлен войдет в историю как «мученик, подставивший свою грудь под стрелы оскорблений и презрения»? Не потому ли чехословацкий народ ничего не забыл и понял, что свобода его и подлинная независимость никогда не будут лежать на путях сотрудничества с империалистами Запада.

В 2 часа 30 минут ночи закончилась позорная Мюнхенская конференция. Чемберлен и Даладьё возвращаются на автомашинах в отель. Провожая их взглядом, Гитлер с чувством презрения и брезгливости говорит Риббентропу и Отто Абецу:

— Ужасно, какие это ничтожества!

Чего следовало бояться Даладьё

Но вернемся к Нюрнбергскому процессу. Геринг уже достаточно ясно показал, чего стоила забота Чемберлена и Даладьё о Чехословакии!

Геринг, конечно, не удивился тому, что, когда пришел его черед давать показания Международному Трибуналу, никто из обвинителей западных держав не задавал ему вопросов о Мюнхене. И все же вышколенные адвокаты сумели прорваться сквозь завесу молчания — они задали вопрос Герингу: «А что было бы, если бы после мюнхенской сделки чехи не согласились уступить Германии Судетскую область?».

«О, — ответил Геринг, — этот вопрос мы поставили перед Чемберленом и Даладьё. Оба ответили: «Тогда мы принудим чехов».

Геринга дополнил видный гитлеровский дипломат и палач Чехословакии Нейрат. Когда среди участников конференции возник вопрос, не стоит ли запросить мнение чехов по судетскому вопросу (а делегация Чехословакии в это время находилась за дверьми), вспоминает Нейрат, то ответ дал французский премьер-министр. «И вы знаете, что Даладьё мне сказал? Это действительно нельзя повторить слишком громко. Он сказал: «Чехи должны будут выполнять то, что мы решим». Вот как это было. После того как был подписан пакт, он немножко

обеспокоился и сказал мне: «Я полагаю, меня забросят камнями за это, когда я вернусь домой»⁵³.

Опасения Даладье как будто бы начинали оправдываться. Находясь уже на борту самолета «Пуату» и подлетая 30 сентября в 3 часа дня к Парижу, хранивший до сих пор молчание Даладье замечает внизу, на аэродроме Бурже, огромную волнуемую толпу народа.

— Эти тысячи людей,— говорит он,— пришли, чтобы меня освистать. Прикажите пилоту сделать несколько кругов над аэродромом. Я еще не успел обдумать ни краткую речь, которую мне хотелось бы произнести, ни, тем более, как я должен вести себя при выходе.

Но случилось нечто такое, чего никак не ожидал Даладье, но что хорошо знал и подготовил подлинный вдохновитель Мюнхена—Жорж Боннэ: бурная овация встречает французского премьера.

Потрясенный столь неожиданной встречей, Даладье шепчет одному из своих приближенных, встречавших его:

— Я думал, что эта толпа собиралась расправиться со мной!

Наконец-то Даладье пробрался через многотысячную толпу и оказался в военном министерстве. Здесь он уже не выдерживает славословий, и, когда поздравлявшие

Мюнхен. Даладье после подписания соглашения.

⁵³ G. M. Gilbert, The Nuremberg Diary, p. 180.

министры потащили его к окну, уверяя, что толпа требует Даладые, он вполголоса заметил:

— Глупцы, если бы они знали, чему аплодируют!

Итак, как показали события, Даладые мог не опасаться того, что его «забросают камнями».

Французская реакционная печать и его и Боннэ подняла на щит. А вот через два года с ним действительно случились неприятности. Гитлер напал на Францию, оккупировал страну, арестовал массу французов, среди которых оказался и Даладые. Находясь несколько лет в фашистском застенке, он мог и, видимо, действительно понял, куда он в Мюнхене завел Францию. Понял слишком поздно, после того, как обильно была пролита кровь французского народа, после того, как многие французские города были повержены в прах. Может быть, этот исторический урок и способствовал тому, что Даладые после войны выступает противником сближения Франции с германскими милитаристами.

„Я, конечно, имею в виду Соединенные Штаты“

До сих пор речь шла об участии Англии и Франции в Мюнхене. А что же Соединенные Штаты Америки? Какова была их роль в мюнхенской трагедии?

Монополистические круги США были сильно обеспокоены ростом экономического могущества нацистской Германии. С большой тревогой наблюдал Уолл-стрит за внешнеэкономической экспансией Германии на рынках Западной Европы, Азии и Латинской Америки. Хорошо понимал эту опасность госдепартамент США, который уже в 1936 году выразил недовольство правящих кругов страны тем, что с помощью «узкой, произвольной и искусственной торговой и финансовой политики» Германия вытеснила значительную часть товаров с маркой «Made in USA» с рынков Латинской Америки⁵⁴. Дальнейшее усиление конкурентной борьбы, укрепление военного могущества гитлеровской Германии, к тому же вступившей в союз с империалистической Японией — главным соперником США на Тихом океане, не могли не тревожить Белый дом. Вот почему с такой тревогой были восприняты

⁵⁴ Цит. по «Вопросы истории», 1959 г., № 3, стр. 85.

поступавшие в Вашингтон через агентурные каналы сведения о том, что фашистская Германия вместо «дранг нах Остен», о чем так много и так громко кричал в последние годы Гитлер, стремится осуществить марш на Запад. Успешное нападение на западные страны могло привести к полному захвату Германией европейского капиталистического рынка и вытеснению оттуда американских экспортеров. Вот почему на заседании американского кабинета 27 января 1939 г. президент и государственный секретарь высказали мысль о том, что «если Гитлер решит маршировать на Запад вместо Востока», то это будет иметь «серьезные последствия» для США, которые вступят «в таком случае в наиболее критический период во всей своей истории»⁵⁵.

В сложившейся в конце 30-х годов ситуации наиболее радикальное решение вопроса об устранении для себя германской угрозы США видели в том, чтобы канализировать гитлеровскую агрессию на Восток. Именно в этом направлении энергично действовала империалистическая пропаганда в США, всячески разжигавшая аппетиты германских милитаристов на советские земли. «Будущее продвижение Германии в любом другом направлении, кроме как на Восток или Юго-Восток, будет крайне трудным или невозможным», — писал в то время орган деловых кругов США «Анналист». В таком же направлении действовала и американская дипломатия. Наиболее ярко раскрыл сокровенные мечты монополистических кругов США в тот период известный американский реакционер Буллит, занимавший тогда пост посла США в Париже. Без обиняков он заявил в беседе с польским послом в США графом Потоцким, что США заинтересованы в войне Германии с СССР. Он даже подсказывал Гитлеру необходимость в ходе такой войны создать «независимое» украинское государство.

В среде американской крупной буржуазии немало важную роль играли профашистски настроенные и связанные с германским капиталом монополистические круги. Именно эти круги упорно стремились в предвоенные годы к урегулированию разногласий с фашистской Германией и сговору с ней. Ярким проявлением активной деятельности этих кругов явилась тайная конференция,

---

⁵⁵ См. «Новая и новейшая история», 1959 г., № 3, стр. 89.

состоявшаяся в ноябре 1937 года в Сан-Франциско, в которой, с одной стороны, участвовали гитлеровские эмиссары фон Типпельскирх и фон Киллингер, с другой стороны, сенатор Ванденберг, крупные американские монополисты Ламмот, Дюпон, Альфред Слоун (председатель «Дженерал моторз») и еще четыре американца. Результатом этой конференции был сговор о разделе между США и Германией рынков СССР и Китая, о дальнейшем оказании помощи со стороны США гитлеровской Германии в проведении ее внешней политики.

В январе 1938 года госдепартамент США обратился в Лондон с предложением созвать совещание представителей Англии, Франции, Германии и Италии для урегулирования положения в Европе. Весьма характерно, что в числе участников этого совещания Советский Союз не упоминался. И это было вполне понятно, ибо американское предложение по существу являлось выражением сговора американских и европейских империалистов против СССР. Такое совещание не состоялось, и скорее всего, видимо, потому, что этому помешали англо-американские противоречия.

Но весь ход событий в решающие месяцы 1938 года свидетельствовал о том, что монополистические круги США были всячески заинтересованы в устранении любых препятствий на пути гитлеровской политики захватов на Востоке. Вот почему один из наиболее реакционных проводников американской внешней политики Буллит всячески стремился не допустить какой бы то ни было помощи Чехословакии со стороны западных держав, в частности Франции. Именно поэтому Буллит в период майского кризиса 1938 года в телеграмме в госдепартамент предлагал «попытаться найти какой-то способ, который позволил бы французам освободиться от их морального обязательства», то есть от оказания в силу договора помощи Чехословакии против германской угрозы. Буллит не постеснялся обосновать свое предложение тем, что иначе «большевизм утвердится от одного конца континента до другого»⁵⁶.

Когда англичане и французы в сентябре 1938 года направили Праге ультиматум с требованием подчиниться территориальным притязаниям Гитлера, посол США в

---

⁵⁶ Цит. по «Международная жизнь», 1959 г., № 4, стр. 101.

Чехословакии Карр настойчиво призвал чехословацкое правительство без промедления принять эти предложения.

Весьма благосклонную позицию США в отношении гитлеровских планов захвата Чехословакии неоднократно отмечали в своих донесениях в Берлин германские дипломаты. «Нет никакого сомнения в том, — писал 24 мая 1938 г. германский посол в США Дикгоф, — что при настоящей ситуации американское правительство в значительной степени разделяет англо-французскую точку зрения». В июне — июле 1938 года состоялись беседы между германским послом в Лондоне Дирксеном и американским послом в Англии Кеннеди. «В течение всего разговора, — доносил Дирксен, — посол Кеннеди неоднократно выражал свое убеждение в том, что в экономических вопросах Германия должна иметь свободу рук на Востоке, а также на Юго-Востоке». Дирксен хорошо понимал, что вкладывает в понятие «экономических вопросов» Кеннеди. Не оставалось сомнения и в том, что имеет в виду американский дипломат под «Востоком». Впрочем, Кеннеди и сам не старался оставлять сомнений. «Кеннеди, — пишет Дирксен, — выразил очень пессимистические взгляды на положение в Советском Союзе»⁵⁷.

В решающие сентябрьские дни 1938 года тот же Буллит предложил госдепартаменту созвать в Гааге конференцию представителей Англии, Франции, Италии, Германии и Польши. При этом Буллит подчеркивал, что «важно не включать правительство Советской России в число участников конференции»⁵⁸.

Небезынтересно, что и Чехословакия, за счет которой предлагалось заключить сделку, также не приглашалась на эту конференцию. С целью реализации плана Буллита Белый дом в послании от 26 сентября 1938 г., направленном главам правительств Германии, Англии, Франции и Чехословакии, призывал в целях разрешения «конфликта» продолжать переговоры, в конечном итоге, как известно, приведшие к Мюнхену. Правящие круги Англии и Франции широко использовали это послание, чтобы убедить общественное мнение в том, что США целиком поддерживают идею переговоров с Гитлером. Прави-

⁵⁷ Цит. по «Международная жизнь», 1959 г., № 4, стр. 101.

⁵⁸ Там же, стр. 104.

тельства Англии и Франции выразили свое одобрение США, а Гитлер, отвечая Белому дому, заявил о «готовности оценить высокие намерения» США⁵⁹.

27 сентября... Проявляя нервозность, Белый дом вновь направляет телеграмму Берлину, Риму, Лондону, Парижу и Праге с предложением «созвать специальную конференцию».

«Я не пытаюсь определить, что непосредственно подействовало на Гитлера, — отмечает в своем дневнике Гарольд Икес, тогдашний министр внутренних дел США, — но это факт, что Гитлер объявил о созыве особой конференции в Мюнхене через несколько часов по получении послания президента США». Через две недели после Мюнхена нью-йоркский журнал «Нэйшн» писал, что послания Белого дома помогли Чемберлену «в деле разоружения и выдачи чехов» и «явились конструктивной помощью нацистскому наступлению»⁶⁰.

Все эти факты в достаточно убедительной форме раскрывают всю ложь современной реакционной историографии США, стремящейся доказать, что США, посвятившие себя в довоенные годы «изоляционизму», были якобы в стороне от европейских дел и уж, конечно, не имели ничего общего с Мюнхеном.

Не случайно «Нью-Йорк таймс» писала тотчас после Мюнхена: «Чемберленовский взбудораженный голубь мира, устало машущий крыльями на пути из Мюнхена домой, является американским детищем. Мы должны гордиться этим».

Надо воздать должное и Чемберлену: он не стал присваивать лично себе лавры «мюнхенской победы». На второй день после возвращения из Германии он сказал в палате общин: «Есть и другое государство, которое не присутствовало на конференции, но которое, как мы чувствовали, оказывало постоянно возрастающее влияние. Я, конечно, имею в виду Соединенные Штаты»⁶¹.

Немедленно после заключения мюнхенского соглашения в среде американских реакционеров началось подлинное ликование. Наконец-то появилась реальная надежда на то, что фашистскую Германию удастся обрушить на Советский Союз.

⁵⁹ См. «Вопросы истории», 1958 г., № 2, стр. 87.

⁶⁰ «The Nation», Oct. 14, 1938.

⁶¹ «The Times», Oct. 4, 1938.

Еще не высохли чернила на мюнхенском соглашении, а «Нью-Йорк геральд трибюн» 1 октября 1938 г. взახлеб призывала: «Дайте Гитлеру воевать против России!», Германия должна создать «великую империю... в просторах России!».

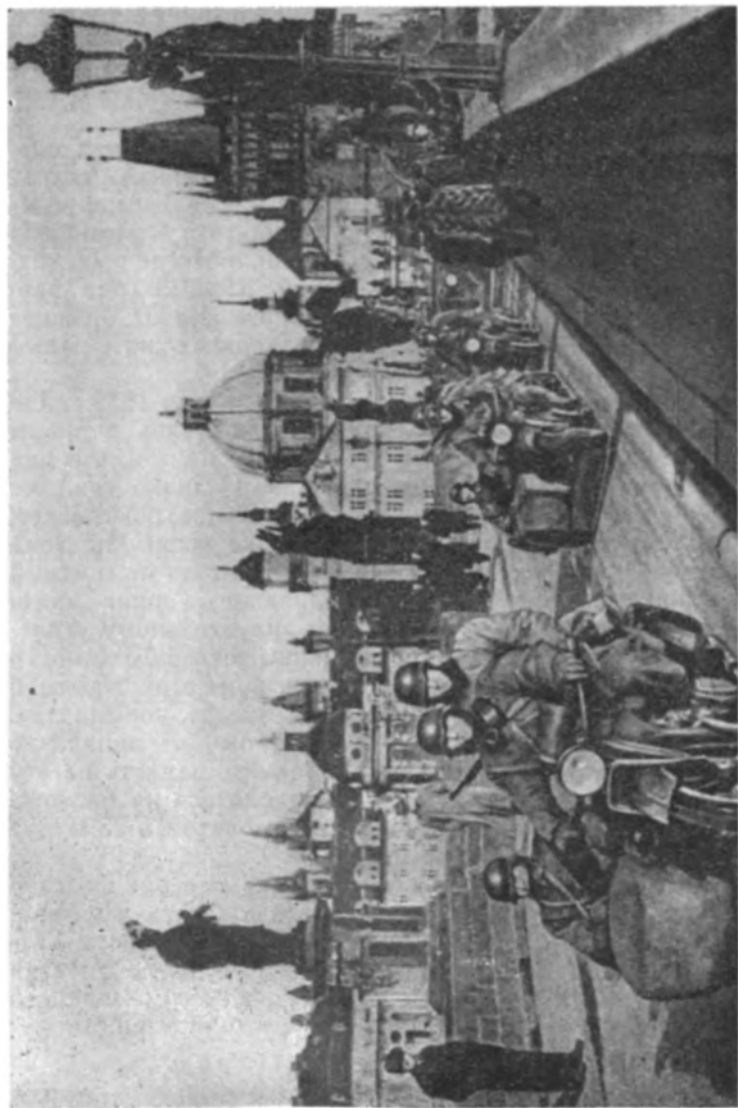
Чего стоил подарок

Советский Союз решительно осудил мюнхенское соглашение. В специальном сообщении ТАСС указывалось, что Советское правительство не имеет никакого отношения к мюнхенской сделке. Советское правительство с самого начала рассматривало мюнхенское соглашение как кульминационный пункт в политике поощрения немецко-фашистской агрессии против Советского Союза и развязывания второй мировой войны, осуществляемой Англией, Францией и США.

Советское правительство предвидело, что фашистские агрессоры не ограничатся захватом Чехословакии, что, закрепив свои позиции в результате мюнхенского «подарка», гитлеровская Германия сумеет еще шире развязать свои агрессивные устремления.

Как известно, предвидение Советского правительства полностью оправдалось. 15 марта 1939 г. Гитлер осуществил захват всей Чехословакии, превратив часть ее в протекторат, а на другой части создав марионеточное словацкое государство. Западные державы и не подумали даже пальцем повести по поводу ликвидации независимого государства Европы, существование и границы которого они же гарантировали. И это было уже давно решено. В своей книге «Защита мира» (каково название!) Жорж Боннэ рассказывает о секретном совещании 28 апреля 1938 г. в Лондоне представителей английского и французского правительств. Чемберлен, согласно протокольной записи, заявил на этом совещании, что он «весьма сомневается в том, что г-н Гитлер стремится к уничтожению чехословацкого государства. Если же Германия хочет его уничтожить, то премьер-министр, говоря совершенно откровенно, не знает, как можно этому воспрепятствовать (курсив мой. — А. П.)».

Комментарии излишни!

Нацистский вермахт занимает Прагу.

Захват Чехословакии и ликвидация ее как независимого государства чрезвычайно усилили позиции Германии. По сути дела вся мощная чехословацкая промышленность стала арсеналом для германской армии. Под контроль гитлеровцев перешла «чехословацкая линия Мажино», представлявшая собой цепь сильных железобетонных укреплений.

Кроме весьма значительного усиления военно-экономического потенциала гитлеровской Германии, захват Чехословакии предоставил нацистам новые базы, с которых они могли начать свою следующую агрессивную войну — нападение на Польшу. Геринг в беседе с нацистской словацкой делегацией зимой 1938/39 года заявил: «Авиационные базы в Словакии имеют большое значение для германских военно-воздушных сил с целью использования их против Востока»⁶².

В беседе с Муссолини и Чиано 15 апреля 1939 г. Геринг, посвящая своих итальянских союзников в планы подготовки большой войны, остановился на том, что дал в этом смысле захват Чехословакии. «Однако тяжелое вооружение Чехословакии, во всяком случае, показывает, насколько оно могло быть опасно даже после Мюнхена в случае серьезного столкновения». Указывая на мощный экономический потенциал Чехословакии, Геринг замечает, что захват его «способствует значительному усилению мощи оси... Кроме того, Германии нет необходимости держать ни одной дивизии для защиты от этой страны в случае возникновения более серьезного конфликта». Геринг, конечно, имел в виду запланированное нападение на Польшу. «Тогда Германия сможет напасть на эту страну с обоих флангов и будет находиться на расстоянии, которое может быть покрыто самолетом в 25 минут от нового промышленного центра...»⁶³.

Что после всего этого могут сказать Беверли Бакстер и его единомышленники, пытающиеся доказать, что Мюнхен был победой дела мира и крупным поражением Гитлера, что германские генералы «рассматривали Мюнхен как полную для себя катастрофу». Если всего сказанного выше мало для того, чтобы показать, что Мюнхен был чу-

---

⁶² «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 317.

⁶³ Там же.

довишным предательством народов, то представим еще одно свидетельство. На этот раз пусть даст оценку тот, кому виднее, чем Беверли Бакстеру, проиграла гитлеровская Германия от Мюнхена или выиграла, — а именно Риббентроп.

Риббентроп писал свои мемуары в 1946 году в камере нюрнбергской тюрьмы. Они в целом почти не расходятся с его показаниями на процессе. И пишет Риббентроп в своих мемуарах, вышедших в Лондоне, нечто такое, что вконец сводит на нет утверждения современных английских и иных реакционных фальсификаторов истории.

«В ходе допроса после моего ареста мистер Киркпатрик спросил меня: «Был ли фюрер очень недоволен, что Мюнхен привел к соглашению, так как это не позволило ему начать войну, и верно ли, будто Гитлер сказал в Мюнхене, будучи недоволен решением, что в следующий раз он „спустит Чемберлена со своих лестниц вместе с его компромиссами“».

«Я могу сказать, что все это абсолютная неправда. Фюрер был очень доволен Мюнхеном. Я никогда не слышал от него ничего обратного. Он позвонил мне по телефону немедленно после того, как премьер-министр уехал, и сообщил о своей радости по поводу подписания дополнительного протокола. Я поздравил Гитлера... В тот же день на вокзале Гитлер еще раз выразил свое удовольствие в связи с мюнхенским соглашением.

Всякие иные версии по поводу точки зрения Гитлера или моей являются полной фикцией»⁶⁴.

Вряд ли после этого есть еще необходимость опровергать лживые утверждения современных апологетов Мюнхена.

Неудачные экскурсы Бакстера и его друзей в область недавних исторических событий можно было бы оставить без внимания, если бы за ревизией мюнхенского сговора не скрывались далеко идущие цели духовных наследников Мюнхена. Эта ревизия призвана оправдать ставку современных империалистических кругов на возрождение германского милитаризма.

Правящие круги западных стран, санкционировавшие в наши дни вооружение Западной Германии атомной и

---

⁶⁴ J. Ribbentrop, *Memoirs*, L., 1954, p. 92.

ракетной техникой, продолжают линию тех, кто в дни Мюнхена санкционировал агрессию Гитлера. Но вряд ли следует правящим кругам Запада забывать, что детищем Мюнхена была не только война фашистской Германии против Советского Союза, но и война фашистской Германии против западных держав. Мюнхен явился потрясающим политическим просчетом западных держав. Всего лишь через два года после Мюнхена, который реакционная пропаганда рекламировала как выдающуюся победу западной дипломатии, германские бомбы рвались над Лондоном и Ковентри, а германские танки сеяли смерть на полях Франции. Чемберлен и его друзья хотели перехитрить историю, но история жестоко посмеялась над ними. Мюнхен навсегда запечатлелся в сознании народов как несмываемый позор буржуазной дипломатии, как синоним коварства, лицемерия и преступного малодушия перед лицом агрессора. Для простых людей всего мира само слово «Мюнхен» стало предвестником трагических испытаний, которые пережило человечество в дни второй мировой войны, развязанной гитлеровскими захватчиками при открытом попустительстве со стороны своих западных покровителей.

ИМПЕРИАЛИСТЫ РАЗВЯЗЫВАЮТ ВОЙНУ В ЕВРОПЕ

Запад ведет двойную игру

Захватив Чехословакию, Гитлер стал открыто готовиться к развязыванию войны. Нацистская Германия и фашистская Италия, объединив свои усилия, явно форсировали новую мировую войну. 22 марта 1939 г. реакционная правящая клика Литвы, предав интересы народа, отдала Гитлеру Клайпеду, которая стала одной из опорных баз будущей агрессии против СССР. На сделку с Гитлером пошли и правящие клики боярской Румынии и хортистской Венгрии, в результате чего эти страны стали плацдармом для фашистского «дранг нах Остен».

Эти успехи гитлеровской агрессивной политики вполне устраивали реакционные круги западных империалистических держав, ибо в этом они видели залог осуществления своих планов двинуть гитлеровскую Германию на Восток, против Советского Союза. Со своей стороны, Англия, Франция и США сделали все, чтобы помочь германо-итальянским агрессорам в Испании задушить там республику и тем самым дать возможность Гитлеру и Муссолини высвободить войска для «похода на Восток».

В апреле 1939 года Гитлер стал усиливать нажим на Польшу. Он потребовал Данциг и право строительства германской железнодорожной линии и автостреды через польский коридор. Дело явно шло к войне.

Широкие круги западноевропейской общественности сознавали опасность, заложенную в пагубной политике Чемберлена и его единомышленников. Многие представители консервативной и лейбористской партии Англии

предвидели катастрофу, которую сулила политика поощрения гитлеровской агрессии и натравливание ее на СССР. Они требовали решительных и единых с Советским Союзом мер против фашизма.

Чемберленовская дипломатия вынуждена была считаться с подобными настроениями общественности. Следует также иметь в виду, что в определенных кругах Лондона и Парижа высказывались опасения, что Англия и Франция слишком далеко заходят в своей политике попустительства германским империалистам. Это попустительство уже привело к подрыву англо-французских позиций в Европе при отсутствии полной уверенности в том, что Гитлер в конечном итоге в главном вопросе поведет себя так, как это планировалось англо-французской реакцией.

Все это, конечно, не значило, что Париж и Лондон решили отказаться от своего мюнхенского курса. Но в сложившейся ситуации правящие круги Англии и Франции пошли на переговоры с Советским Союзом. Таким путем имелось в виду несколько успокоить общественное мнение, давно и упорно требовавшее в интересах безопасности и мира вступить в контакт с СССР.

Эти переговоры, с другой стороны, имелось в виду использовать в целях оказания давления на Гитлера. Нацистской Германии давалось понять, что если она не найдет общего языка с мюнхенцами, то Англия и Франция могут заключить соглашение с СССР.

Начатые в 1939 году переговоры Англии и Франции с Советским Союзом мюнхенские круги пытались представить как серьезную попытку организовать сопротивление гитлеровской агрессивной политике. Эта линия западных держав не была секретом для гитлеровской клики. Вот что писал германский посол в Лондоне Дирксен 3 августа 1939 г. в донесении в Берлин: «Здесь преобладало впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией»¹.

---

¹ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», Госполитиздат, 1948, стр. 37.

Во время четырехмесячных переговоров Англия и Франция стремились навязать Советскому Союзу такое соглашение, которое, возложив на СССР основную тяжесть по отражению возможной агрессии Германии, не связывало бы западные державы какими-либо обязательствами в отношении Советского Союза. Проще говоря, англо-французские мюнхенцы упорно продолжали свой курс на то, чтобы столкнуть Советский Союз и Германию, а самим в удобный момент выступить третьим, выигравшим.

В отличие от западных держав, Советский Союз на летних переговорах 1939 года выдвинул ясный и конкретный план, направленный на создание эффективной системы коллективной безопасности. СССР предлагал заключить с Англией и Францией пакт о взаимной помощи против агрессии, совместно гарантировать государства Центральной и Восточной Европы, включая в их число все пограничные с СССР европейские страны.

Для того чтобы придать такому соглашению максимальную эффективность, Советский Союз предлагал заключить конкретное военное соглашение между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров.

Как же реагировали западные державы на эти советские предложения?

Советскому правительству Запад предложил взять на себя односторонние обязательства по защите граничащих с ним стран и оказать помощь Англии и Франции, если они будут вовлечены в войну с агрессорами из-за Польши и Румынии. Но при этом намеренно обходилась вопрос, на какую же помощь Запада может рассчитывать Советский Союз в случае, если он окажется объектом гитлеровской агрессии.

Англо-французские предложения предусматривали помощь со стороны СССР тем странам, которым англичане и французы дали обещания о гарантиях. В то же время Советский Союз, считаясь с возможностью использования агрессором Прибалтики в качестве антисоветского плацдарма, требовал гарантий и для прибалтийских стран. Однако западные державы не приняли этого советского предложения. Такая же история повторилась, когда возник вопрос о гарантиях Румынии. Таким обра-

зом, каждый раз, когда возникал конкретный вопрос о гарантиях, западные державы обнаруживали стремление связать Советский Союз определенными обязательствами, а самим остаться со свободными руками.

19 марта 1939 г. Советское правительство обратилось к правительству Великобритании с предложением созвать конференцию представителей СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции для выработки мер совместной борьбы против угрозы агрессии. Однако британский кабинет отклонил советское предложение: необходимость созыва такой конференции, гласил ответ британского правительства, еще не назрела...

В то же время Чемберлен предложил принять совместную декларацию правительств Англии, Франции, СССР и Польши против агрессии, предусмотрев в ней обязательство участников проводить необходимые консультации. Конечно, такая мера была в тех условиях явно недостаточной, но Советское правительство, сознавая это, все же согласилось с ней, так как оно хотело использовать любую возможность для организации единого фронта в борьбе против агрессии.

Но уже 27 марта 1939 г. комиссия по иностранным делам при британском кабинете, в которую входили Чемберлен, Саймон, Хор и др., постановила взять обратно свое предложение о декларации четырех держав. Такое решение нельзя было расценить иначе, как отказ от совместных с СССР действий против гитлеровской угрозы, нависшей над Польшей. А это, безусловно, свидетельствовало о том, что англо-французские гарантии Польше покоятся на той же фальшивой мюнхенской основе. Пожалуй, лучше всего истинная сущность этих «гарантий» нашла свое выражение в недвусмысленных признаниях «Таймс».

1 апреля 1939 г. газета писала: «Новое обязательство, взятое... на себя Англией, не обязывает Великобританию защищать каждый дюйм нынешних границ Польши».

Комментируя заявление Чемберлена в палате общин, сделанное им 31 марта 1939 г., «Таймс» указывала, что «решающее слово в тексте этой декларации — не «целостность», а «независимость». Независимость каждого государства, ведущего переговоры, — вот о чем идет речь». Иными словами, правящие круги Англии стояли за такую «независимость», которая на практике могла

привести к зависимости Польши от Германии. Внешне все обстояло вполне благочинно. Польский министр иностранных дел Бек, посетивший в начале апреля Лондон, получил заверение Чемберлена в том, что Англия готова оказать помощь Польше. Правда, Чемберлен сделал при этом оговорку: конвенция о взаимопомощи между Англией и Польшей будет подписана, как только будет достигнута договоренность с Советским Союзом относительно взаимных военных действий против Германии. Но кто же лучше Бека и Чемберлена понимал смысл этой оговорки: ведь профашистские правители Польши не желали пропускать через свою территорию советские войска, а при этом всякие ссылки на необходимость подождать договоренности с Советским Союзом превращались в лицемерную болтовню. Но дело было не только в желаниях прогнившей панской верхушки. Ее действия всячески поощрялись и инспирировались деятелями западной дипломатии, которые, как и их польские партнеры по опасной и нечистой игре, лелеяли надежду, что Гитлер в конце концов ограничится лишь тем, что использует Польшу как участника «крестового похода» против СССР. Главарь гитлеровской банды все это прекрасно понимали.

Между тем в переговорах Запада с Советским Союзом по-прежнему проводилась заранее принятая тактика. В мае 1939 года английский министр иностранных дел Галифакс внес новое предложение, которое сводилось к тому, чтобы Советское правительство заявило, что «в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза, который оказал бы сопротивление, можно будет рассчитывать на помощь Советского правительства, если она будет желательна».

Нетрудно заметить, что и в данном случае Англия, обязывая Советский Союз оказать помощь ряду стран Северной и Восточной Европы, сама оставляла себе руки свободными. Характерно и другое: сами эти страны, соседи СССР — Латвия, Литва, Эстония, Польша и Румыния, — ничем не обязывались в отношении СССР.

Смысл такого английского предложения был слишком очевиден.

Но Советское правительство решило использовать в те критические дни все возможности для того, чтобы установить фронт коллективной безопасности против наступающей гитлеровской агрессии. Указав на неприем-

лемость английских предложений, Советское правительство выступило со встречным предложением, которое заключалось в том, что:

1. Советский Союз, Англия и Франция взаимно обязываются оказывать друг другу всяческую немедленную помощь, включая военную, в случае агрессии против одного из этих государств.

2. Советский Союз, Англия и Франция обязываются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь государствам Восточной Европы, расположенным между Балтийским и Черным морем и граничащим с Советским Союзом, в случае агрессии против этих государств.

3. Советский Союз, Англия и Франция должны обязаться в короткий срок установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждому из этих государств в обоих указанных выше случаях.

Эти советские предложения представляли собой наиболее эффективную программу обеспечения европейской безопасности и противодействия агрессии. Однако они не были приняты. Вновь и вновь Запад пытался навязать Советскому Союзу односторонние обязательства. В начале мая переговоры между Советским Союзом и западными державами были и без того осложнены заявлением польского посла в СССР Гржибовского о том, что «Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР». Ни у кого не могло возникнуть сомнений в том, что этот шаг польской реакции был сделан с ведома и одобрения Англии и Франции.

Всячески срывая возможность заключения соглашения, западная дипломатия в целях дезинформировать общественное мнение и оказать определенное давление на гитлеровскую Германию, чтобы сделать ее более сговорчивой, распространяла через буржуазные газеты слухи об «успехах» переговоров в Москве. Между тем обеим сторонам было слишком хорошо известно, что никакого прогресса в переговорах не достигнуто. Вот почему возникла необходимость публично разоблачить попытки Запада посеять иллюзии в общественном мнении в столь опасные для дела мира дни. 29 июня 1939 г. в «Правде» была опубликована статья А. А. Жданова «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР».

В статье указывалось на попытки Запада навязать Советскому Союзу договор с односторонними обязательствами, раскрывались закулисные цели переговоров со стороны западных держав и говорилось, что «ни одна уважающая себя страна на такой договор не пойдет, если не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками. Тем более не может пойти на такой договор СССР, сила, мощь и достоинство которого известны всему миру»².

Позиция западных держав в переговорах с Советским Союзом носила столь провокационный характер, что вызвала резкую критику даже в буржуазной среде Англии и Франции. С резкими возражениями против такой грубой игры выступили и видные политические деятели этих стран. «Невиль Чемберлен, Галифакс и Джон Саймон не желают никакого соглашения с Россией», — так писал в те дни во французской газете «Се суар» Ллойд-Джордж. «Мистер Чемберлен, — сказал Ллойд-Джордж, — вел переговоры непосредственно с Гитлером. Для свидания с ним он ездил в Германию. Он и лорд Галифакс ездили также и в Рим..., пили за здоровье Муссолини и говорили ему комплименты. Но кого они послали в Россию? У них не нашлось самого скромного из членов кабинета для этой цели; они просто послали чиновника министерства иностранных дел. Это оскорбление... У них нет чувства меры, они не отдают себе отчета в серьезности положения сейчас, когда мир оказался на краю бездонной пропасти...»³.

И действительно, надо добавить, что чиновник министерства иностранных дел Стрэнг, которому было поручено вести переговоры с Советским Союзом, не имел никаких полномочий для подписания каких-либо соглашений с СССР.

В своем дневнике, о чем стало известно впоследствии, Чемберлен в те дни записал, что переговоры с Москвой нужны лишь для того, чтобы оказать давление на Германию и добиться соглашения с ней. Когда 16 мая 1939 г. Чемберлену был задан вопрос, «намерено ли английское правительство заключить пакт о взаимопомощи

---

² «Правда», 29 июня 1939 г.

³ М. Сейерс и А. Кан, Тайная война против Советской России, ИЛ, 1947, стр. 371.

и взаимной гарантии между Англией, Францией и Россией», премьер-министр уклонился от ответа. Оставил он без ответа и вопрос, намерены ли «обеспечить Англия и Франция совместные гарантии для защиты независимости и целостности Советской России против агрессии».

Большая ответственность за создавшееся летом 1939 года в Европе политическое положение лежала на Соединенных Штатах Америки. Правительства Англии и Франции в течение всего времени переговоров с Советским Союзом держали США в курсе дел.

Какова же была позиция США в отношении заключения англо-франко-советского договора о взаимопомощи? Исторические факты свидетельствуют о том, что монополистические круги США были заинтересованы в срыве возможности заключения такого договора, ибо существование такого соглашения исключало бы возможность немедленного столкновения между Германией и СССР. Американским правящим кругам было хорошо известно, что Чемберлен стремился договориться с гитлеровской кликой не только о предоставлении ей свободы рук на Востоке, но и о соглашении, устанавливающем сотрудничество Англии и Германии на мировых рынках. А такое соглашение, несомненно, имело бы в конечном итоге антиамериканскую направленность, ибо его целью являлся раздел мировых рынков в ущерб американским монополиям. Монополистические круги США были всерьез встревожены сообщениями о возможности заключения нового торгового договора между Англией и Германией. Примером такой тенденции являлось достигнутое в Дюссельдорфе 15—16 марта 1939 г. соглашение между Федерацией британской промышленности и германской «Рейхсгруппениндустри», которое, кроме антисоветской направленности, характеризовалось также договоренностью о разделе мировых рынков в ущерб американскому капиталу. Уже 22 марта 1939 г. и. о. государственного секретаря США Самнер Уэллес информировал американского посла в Англии Кеннеди, что текст Дюссельдорфского соглашения не дает Вашингтону «никаких оснований для восторженного одобрения». Правящие круги США выражали опасения, что «Англия может заключить мир с Гитлером, предложив предоставить ему свободу рук в Южной Америке. Это, конечно, серьезно затронуло бы нас (США. — А. П.), но

в конце концов соответствовало бы внешней политике Великобритании в последние годы»⁴.

Монополистические круги США отдавали себе отчет в том, какая опасность для их интересов таится в соглашении между Германией, Англией и Францией. Такое соглашение создало бы большие затруднения в борьбе американских монополий за мировую гегемонию. С этой точки зрения интересам американских монополистических кругов соответствовала бы не только война между Германией и СССР, но в определенной степени и военное столкновение между Германией, с одной стороны, и Англией, с другой стороны. В результате такой войны с помощью США был бы сокрушен главный и наиболее опасный соперник — германский империализм, а вместе с ним были бы ослаблены Англия и Франция как американские конкуренты на мировых рынках. Разумеется, США не были заинтересованы в том, чтобы в такой европейской войне были разгромлены Англия и Франция, ибо это означало бы чудовищное усиление экономической и военной мощи Германии, что отнюдь не входило в планы США.

Но при всем том во главу угла американская буржуазия, руководствовавшаяся острой ненавистью к Советскому государству, ставила столкновение Германии с Советским Союзом, и в этом вопросе линия поведения американских монополистов полностью совпадала со стремлениями английских и французских правящих кругов.

Вот почему в решающие месяцы лета 1939 года, когда Советское правительство предпринимало энергичные меры для предотвращения войны, правящие круги США всячески стремились не допустить соглашения между СССР и западными странами. Напротив, монополистические круги США любыми средствами хотели привести дело к войне между Германией и СССР, и в этом конкретном смысле интересы США совпадали с интересами реакционных правящих кругов Англии и Франции.

Вот почему на всем протяжении летнего кризиса 1939 года американская дипломатия проявляла исключительную активность. Послы Соединенных Штатов Америки в западноевропейских столицах всячески сти-

---

⁴ Цит. по «Новая и новейшая история», 1959 г., № 3, стр. 95.

мулировали англо-французскую политику натравливания гитлеровской Германии на СССР. В этом смысле единодушие англо-французской и американской дипломатии было поистине поразительным. Так, например, 30 мая 1939 г. один из руководителей французского министерства иностранных дел Антуан Роше информировал посла США в Париже Буллита о том, что Англия и Франция в своих предложениях Советскому Союзу оставили себе удобную лазейку для того, чтобы иметь возможность отказаться от предоставления ему своей помощи. «Если, например, Латвия или Эстония, — говорил Роше, — будут атакованы и не станут защищаться или воздержатся от обращения за помощью к России., тогда обязательства взаимной помощи не войдут в силу»⁵. Со своей стороны, 6 июня 1939 г. Буллит в беседе с английским послом в Париже Фиппсом прямо советовал «не спешить с ответом на последние советские предложения», категорически высказавшись против гарантирования Англией и Францией безопасности прибалтийских стран⁶.

Достаточно откровенно выразил стремления империалистов Запада бывший заместитель государственного секретаря США Самнер Уэллес: «В эти предвоенные годы крупные финансовые и торговые группы западных демократий, включая многие группы в США, были твердо убеждены в том, что война между Советским Союзом и гитлеровской Германией может быть только благоприятной для их собственных интересов. Они считали, что Россия неизбежно потерпит поражение и что в связи с этим коммунизм будет разбит. Но и Германия в результате конфликта настолько ослабнет, что на долгие годы окажется не в состоянии реально угрожать остальному миру»⁷.

Критические дни

Ведя переговоры с Англией и Францией, Советское правительство всячески стремилось завершить их соглашением о совместных действиях по отпору агрессии

⁵ Цит. по «Новая и новейшая история», 1959 г., № 3, стр. 103.

⁶ См. «Международная жизнь», 1959 г., № 9, стр. 99.

⁷ Там же.

ру. В этих целях правительство СССР предлагало, чтобы наряду с политическим договором была заключена военная конвенция, которая установила бы формы, методы и сроки взаимной помощи.

В условиях все усиливавшейся угрозы развязывания войны необходимо было без промедления назначить и созвать совещание военных миссий. Придавая большое значение этому вопросу, Советское правительство поставило во главе советской военной миссии одного из руководителей Советского государства товарища К. Е. Ворошилова.

По-другому отнеслись к вопросу о формировании военных миссий западные державы. Во главе английской миссии был поставлен отставной адмирал Дракс, во главе французской — генерал Думанк. Нечего и говорить, что ни того, ни другого нельзя было считать руководящими деятелями вооруженных сил своих стран.

Другие члены миссий по своему положению были лишь незначительными штабными чиновниками.

Уже самый подход правящих кругов Англии и Франции к формированию военных миссий говорил о многом. Но не это одно вызывало опасения. Обстоятельства в Европе складывались таким образом, что требовали самых срочных мер. Опасность войны становилась с каждым часом все более грозной. Всякое промедление было чревато тяжелыми последствиями.

И в этих условиях западные державы начинают столь нарочито медлить, что каждому, даже малопосвященному, человеку становилось ясно, что правительства этих держав озабочены чем угодно, только не стремлением предотвратить надвигающуюся войну. 25 июля 1939 г. Лондон и Париж принимают решение направить свои военные миссии в Москву. Но фактически эти миссии прибыли лишь 11 августа. Для того чтобы всячески задержать прибытие миссий в СССР, их отправляют не самолетом, что было вполне естественным в создавшихся условиях, а известным своей тихоходностью старым товаро-пассажирским пароходом «Сити оф Эксетер», делавшим всего 13 узлов в час. По прибытии в Москву выяснилось, что у английских и французских представителей не было полномочий на заключение военного соглашения.

Вот что писал впоследствии по этому поводу генерал Думанк: «Вопрос о проверке полномочий дал Ворошилову возможность внести ясность в положение. Он поднялся, чтобы торжественно зачитать документ, удостоверявший, что советская миссия имела полномочия на подписание военных соглашений, направленных на поддержание мира, против агрессора. Он потребовал, чтобы руководители других миссий сообщили ему о своих полномочиях. Я имел при себе документ, подписанный г-ном Даладье и удостоверявший мои полномочия *«на обсуждение»* (курсив мой. — А. П.) любых военных вопросов». Слово «обсуждение» имеет широкий смысл, что было принято к сведению. Но руководитель английской миссии адмирал Дракс, немного смешавшись, должен был признать, что у него нет подобного документа».

Только после энергичных настояний советской стороны английская и французская делегации получили соответствующие документы.

В ходе переговоров советская военная миссия представила на совещании конкретный военный план. Этот план предусматривал подробное описание совместных военных действий трех стран на случай агрессии в Европе. В соответствии с советским военным планом Красная Армия должна была выставить против агрессора в Европе 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, 9—10 тыс. танков, от 5 до 5,5 тыс. боевых самолетов. Одновременно советский план предусматривал численность вооруженных сил, выделяемых на случай агрессии Англией и Францией, а также Польшей и Румынией. Предусматривалось, что в случае нападения агрессоров на Англию и Францию Советский Союз должен был выставить 70% от всех вооруженных сил, которые выставили бы Англия и Франция против гитлеровской Германии. В этом случае предусматривалось обязательное участие в войне Польши, которая должна была бы выставить на своих западных границах определенное количество дивизий.

В том случае, если бы агрессор осуществил нападение на Польшу и Румынию, эти страны должны были выставить все свои вооруженные силы, а Советский Союз — столько вооруженных сил, сколько выставили бы Англия и Франция. Советский военный план предусматривал также порядок совместных действий

союзников на случай нападения агрессора на Советский Союз через территории Финляндии, Латвии и Эстонии.

Совершенно очевидно было и то, что, поскольку Советский Союз не имел тогда общей границы с Германией, он мог оказать помощь Англии, Франции, Польше и Румынии только в случае пропуска его войск через польскую и румынскую территории.

Детально разработанный и представленный советской военной миссией военный план свидетельствовал об искреннем и серьезном стремлении Советского Союза достичь соглашения с западными державами. Об этом свидетельствуют и признания, сделанные представителями западных держав.

Французский премьер-министр Даладье в беседе с послом США во Франции Буллитом заявил, что, согласно информации, полученной им из Москвы, советские представители «искренне стремятся добиться окончательного соглашения»⁸.

В донесении министру иностранных дел Англии Галлифаксу английский посол в СССР Сидс сообщал: «Все до сих пор указывает на то, что советские военные представители действительно серьезно относятся к военным переговорам»⁹.

В инструкции английской и французской миссиям прямо отмечалось, что «русские действительно желают одновременного заключения как политических, так и военных соглашений». Глава французской военной миссии на московских переговорах генерал Думанк сообщал в Париж: «Нет сомнения, что СССР хочет военного пакта и что он не хочет, чтобы мы дали ему бумагу, не имеющую никакого конкретного значения»¹⁰.

То обстоятельство, что Советский Союз добивался военного соглашения с западными державами, не вызывало сомнений и у гитлеровских дипломатов. Так, германский посол в СССР Шуленбург сообщал в Берлин 4 августа 1939 г.: «Мое общее впечатление таково, что Советское правительство в настоящее время полно решимости подписать соглашение с Англией и Францией, если они выполняют все советские пожелания»¹¹.

⁸ Цит. по «Международная жизнь», 1959 г., № 2, стр. 141.

⁹ Там же.

¹⁰ «Международная жизнь», 1959 г., № 9, стр. 101.

¹¹ Там же, стр. 102.

Что же касается отношения западных держав к московским переговорам, то, как уже указывалось, оно в достаточно яркой форме выразилось в значительном опоздании, с которым приехали миссии Англии и Франции в Москву, в самом составе этих миссий, включавших в себя лишь второстепенных чиновников, и в отсутствии у них полномочий на заключение военной конвенции. Это, разумеется, не могло не вызвать сразу же подозрений у Советского Союза в том, что западные державы не имеют серьезных намерений прийти к соглашению с СССР о взаимных действиях по предотвращению германской агрессии. О том, что эти опасения имели под собой почву, свидетельствует и то, что, как это и обнаружилось в первые дни переговоров, военные миссии западных держав не имели даже предварительного военного плана совместных операций против общего противника. Такие конкретные планы, необходимость которых обуславливалась сложной международной обстановкой, западные делегации пытались подменить рассуждениями об «общих целях» и «общих принципах» военного сотрудничества.

С полным основанием руководитель советской военной миссии К. Е. Ворошилов заметил, что такие «общие цели» и «общие принципы» могли бы послужить материалом для какой-нибудь «абстрактной декларации», а отнюдь не для заключения конкретного военного соглашения по обороне от конкретного противника.

Характерной особенностью позиций западных военных миссий являлось то, что они практически совершенно не предусматривали участия Красной Армии в совместной борьбе против агрессоров. Вот почему они оказались беспомощными ответить на конкретный вопрос главы советской делегации о том, как генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора.

Советская делегация не раз указывала на то, что участие Советского Союза в совместных действиях против германского агрессора возможно только при условии пропуска советских войск через территории Польши и Румынии. И, как уже указывалось, именно этот вопрос представлял наиболее значительные трудности, ибо реакционные правящие круги Польши и Румынии, не без участия Англии и Франции, наотрез от-

казались дать согласие на пропуск советских войск в случае необходимости выполнения обязательств по договору о взаимной помощи против германской агрессии. К. Е. Ворошилов потому и спрашивал делегации западных стран, как же они мыслят помощь Советского Союза Западу, если вопрос о пропуске не будет разрешен положительно.

Руководители военных миссий Англии и Франции, чтобы избежать прямого ответа на этот вопрос, прибегли ко всяческим уверткам. Руководитель советской делегации К. Е. Ворошилов обратился к делегациям Франции и Англии с вопросом: «Предполагают ли генеральные штабы Великобритании и Франции, что советские сухопутные войска будут пропущены на польскую территорию для того, чтобы непосредственно соприкоснуться с противником, если он нападет на Польшу?».

И далее: «Предполагаете ли, что наши вооруженные силы будут пропущены через польскую территорию для соприкосновения с противником и борьбы с ним на юге Польши — через Галицию?».

И еще: «Имеется ли в виду пропуск советских войск через румынскую территорию, если агрессор нападет на Румынию?»

Вот эти три вопроса больше всего нас интересуют»¹².

В течение всех последующих дней заседания конференции делегаты западных стран всячески уходили от ответа на эти вопросы. Создался заколдованный круг. Советской делегации заявлялось, что Польша и Румыния — независимые государства и поэтому разрешение на пропуск Вооруженных Сил Советского Союза через их территорию должно быть получено непосредственно от их правительств.

С другой стороны, было хорошо известно, что Польша категорически отказывалась от пропуска советских войск через свою территорию и в этом решении Польши проявлялась и воля западных держав, вовсе не стремившихся к искреннему соглашению с Советским Союзом.

Правящие круги Англии и Франции исходили из предположения о том, что Гитлер не нападет на западные страны, а направит свой удар против Польши.

---

¹² Цит. по «Международная жизнь», 1959 г., № 2, стр. 155.

Никто на Западе не сомневался в том, что Польша будет разгромлена и Гитлер, таким образом, окажется лицом к лицу с Советским Союзом. Эта ситуация и должна была явиться одним из завершающих звеньев мюнхенской политики Запада.

При этих условиях Англия и Франция, конечно, не были заинтересованы в том, чтобы заключать военные соглашения с Советским Союзом и тем более советовать Польше пропустить советские войска через свою территорию, что, разумеется, только и создавало единственную практическую возможность участия Советского Союза в совместных действиях против германского агрессора.

В этом смысле небезынтересны воспоминания Поля Рейно, опубликованные после войны во Франции. Рейно пишет: «14 (августа) маршал Ворошилов, намекавший на это накануне, ставит со всей остротой вопрос о том, согласятся ли Польша и Румыния пропустить через свои территории русские войска, заявив, что этот вопрос является «кардинальным».

«Я хочу, — заявил он, — получить вполне ясный ответ. Если эти страны (Польша и Румыния. — А. П.) обратятся за помощью к России слишком поздно, их армии будут уничтожены и Россия ни в чем не сможет быть полезна союзникам».

Генерал Думанк был в состоянии лишь обратиться в Париж за разрешением послать генерала Валена в Варшаву для переговоров, *в чем ему было отказано 16 августа* (курсив мой. — А. П.).

17 августа Ворошилов вновь резко ставит «кардинальный» вопрос. Но из Парижа все нет ответа. Это все более раздражает Ворошилова. Чтобы избежать впечатления разрыва, следующее заседание переносится на 21 августа.

17 августа генерал Думанк отправляет в Париж новую телеграмму, дающую вполне благоприятную оценку позиции Ворошилова¹³.

---

¹³ В этой телеграмме указывалось: «В общем, мы констатируем наличие у Советского Союза желания не остаться пассивным зрителем, а, наоборот, принять активное участие. *Не подлежит сомнению, что СССР желает заключения военного пакта* (курсив мой. — А. П.), и он, естественно, не хочет, чтобы мы предоставили ему бумажку, не имеющую никакого значения».

20 августа Думанк посылает в Варшаву капитана Боффра, чтобы воздействовать на поляков. Но маршал Рыдз-Смиглы отвечает на это таким романтическим заявлением: «С немцами мы рискуем потерять свободу, с русскими мы потеряем душу...».

Небезынтересно в этом же смысле признание Гафенку, являвшегося в то время министром иностранных дел Румынии. Уже после войны он писал: «Правительство Великобритании было счастливо выдвинуть на первый план возражения Польши и Румынии для того, чтобы ограничить все обязательства, которые мог бы взять на себя Советский Союз»¹⁴.

С каждым днем хода московских переговоров советской делегации становилось все более и более ясно, что вопрос о пропуске советских войск намеренно превращается западными странами в непреодолимую преграду.

Вот почему на заседании 21 августа К. Е. Ворошилов заявил: если «этот аксиоматический вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР. Ввиду изложенного ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны»¹⁵.

Пройдет много лет, мировая война унесет миллионы человеческих жизней, прежде чем будут опубликованы некоторые важнейшие архивные документы, без всякого сомнения устанавливающие преднамеренное стремление Англии и Франции не допустить военного соглашения с Советским Союзом в критические дни августа 1939 года.

Так, в секретной директиве, данной английской военной миссии для ведения переговоров в Москве, указывалось, что английское правительство «не желало бы брать на себя какие-либо определенные обязательства по договору», которые могли бы связать его руки при любых обстоятельствах.

Поэтому директива предписывала английской миссии «стремиться к тому, чтобы ограничиться возможно бо-

---

¹⁴ Цит. по «Международная жизнь», 1959 г., № 9, стр. 101.

¹⁵ «Международная жизнь», 1959 г., № 2, стр. 142.

лее общими формулировками» и вести переговоры «весьма медленно»¹⁶.

Подлинное отношение западных держав к переговорам с Советским Союзом раскрывалось в том факте, что одновременно правящие круги Англии вели закулисные переговоры с гитлеровской Германией. Последние должны были показать Гитлеру, что переговоры в Москве не являются серьезными и что Англия прежде всего и больше всего стремится к любовной сделке с Германией; существо сделки должно заключаться в разделе сфер влияния между этими державами. Эта линия политики была наиболее ясно выражена в беседе лейбористского деятеля Родена Бакстона с советником германского посольства в Лондоне Кордтом 29 июля 1939 г. Бакстон заявил, что в случае «разумного соглашения» с Германией «Великобритания обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Великобритания отказалась бы от гарантий, предоставленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов. Далее, Великобритания обещает действовать в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась от всех своих связей в Юго-Восточной Европе». Бакстон заявил, что «Великобритания обещает прекратить ведущиеся в настоящее время переговоры о заключении пакта с Советским Союзом»¹⁷. Германский посол в Англии Дирксен, сообщая Берлину об этих переговорах, отмечал в письме, что «Бакстон, видимо, обсудил свой план с официальными лицами или даже, быть может, был ими инспирирован»¹⁸.

Нетрудно, таким образом, заключить, что Англия стремилась путем соглашения с гитлеровской Германией изолировать Советский Союз. Поэтому английские правящие круги готовы были сорвать (и действительно сорвали) переговоры с Советским Союзом.

В то же время, как показали последующие события, английские правящие круги в конечном итоге оказались

---

¹⁶ См. «Международная жизнь», 1959 г., № 2, стр. 142.

¹⁷ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II — Архив Дирксена (1938—1939 гг.), Госполитиздат, 1948, стр. 125—126.

¹⁸ Там же, стр. 219.

не в состоянии довести до успешного конца свои закулисные переговоры с гитлеровской Германией. Империалистические противоречия между Англией и Германией достигли такой степени, что сделали невозможным соглашение между этими странами.

Удар по провокаторам

Советское правительство не могло не сделать серьезных выводов из факта срыва западными державами летних переговоров 1939 года. Стало совершенно очевидно, что эти переговоры потребовались Западу для политической маскировки и шантажа и вовсе не имели своей целью заключение с Советским Союзом равноправного военного соглашения для совместной обороны от агрессии. В этих условиях Советское правительство встало перед той же дилеммой, что и в период, предшествовавший заключению Брестского мира.

Советская дипломатия отчетливо сознавала, что западные империалистические державы стремились столкнуть лбами Советское государство с германским империализмом, чтобы руками последнего задушить, подавить единственную в мире социалистическую страну.

«Польша была для мюнхенцев пешкой, — сказал в своей речи 21 июля 1959 г. Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии В. Гомулка, — которую они с легким сердцем пожертвовали в грязной игре, надеясь на то, что вермахт, быстро покорив нашу страну, окажется лицом к лицу с Советской Армией. Несколько иными средствами продолжались попытки реализовать концепцию, лежавшую в основе мюнхенской политики: толкнуть 3-ю империю против СССР»¹⁹.

Поэтому, когда германское правительство в августе 1939 года предложило Советскому Союзу заключить пакт о ненападении, Советский Союз в создавшейся критической обстановке не мог просто так отмахнуться от этого предложения. Речь по существу шла о судьбах Советского государства, ибо нет нужды доказывать, в сколь тяжелом положении оказался бы Советский Союз, если бы империалисты сумели сколотить единый антисо-

¹⁹ «Известия», 22 июля 1959 г.

ветский фронт. Советское правительство сделало все возможное, чтобы добиться оборонительного военного соглашения с Англией и Францией на случай германской агрессии. Бывший советник германского посольства в Москве Гильгер, находившийся на этом посту свыше двадцати лет и хорошо осведомленный об обстановке лета 1939 года, пишет в своих воспоминаниях: «Почти до самых последних дней перед прибытием Риббентропа в Москву Советское правительство продолжало обдумывать другую возможность — прочный союз с Англией и Францией». Только неблагоприятный исход переговоров, как пишет Гильгер, вынудил Советское правительство заключить с Германией договор о ненападении.

В создавшихся летом 1939 года условиях отвергнуть возможность заключения договора о ненападении означало лишь одно — содействовать империалистическим кругам западных держав в их политике наталкивания фашистской Германии на Советский Союз. Не вызывало сомнений то обстоятельство, что отказ Советского правительства заключить предложенный ему Германией договор о ненападении привел бы к тому, что западные державы получили бы еще одну серьезную возможность сговориться с Гитлером за счет СССР. Ясно, что в войне фашистской Германии против Советского Союза западные державы заняли бы такую позицию, которая способствовала бы осуществлению Гитлером его преступных целей. Положение для Советского Союза в то время осложнялось еще и откровенно враждебной политикой империалистической Японии, не скрывавшей своих намерений в удобный момент осуществить агрессию против СССР.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что Англия и Франция открыто сосредоточивали свои войска в странах Ближнего Востока с трудно скрываемой антисоветской целью.

Перед советской дипломатией встала важнейшая задача — в интересах обороны социалистического Отечества использовать все для того, чтобы не допустить антисоветского сговора империалистов. Наличие серьезных противоречий в стане самих империалистических государств создавало условия для решения этой задачи.

Тогда, летом 1939 года, перед Советским правительством стоял выбор:

«**Либо** принять в целях самообороны сделанное Германией предложение о заключении договора о ненападении и тем самым обеспечить Советскому Союзу продление мира на известный срок, который мог быть использован Советским государством в целях лучшей подготовки своих сил для отпора возможному нападению агрессора,

либо отклонить предложение Германии насчет пакта о ненападении и тем самым позволить провокаторам войны из лагеря западных держав немедленно втравить Советский Союз в вооруженный конфликт с Германией в совершенно невыгодной для Советского Союза обстановке, при условии полной его изоляции»²⁰.

Вот почему Советское правительство, учитывая всю сложность обстановки, приняло единственно правильное решение: заключить с Германией пакт о ненападении.

Таким путем была предотвращена опасность создания объединенной коалиции империалистических государств, к чему, собственно, и стремилась мировая реакция. Провалился, следовательно, расчет злейших врагов Советского государства достичь единого империалистического фронта в войне против Советского Союза.

Решение Советского правительства о заключении договора о ненападении в немалой мере способствовало благоприятному исходу второй мировой войны для Советского Союза и всех миролюбивых народов.

Мудрость и дальновидность такого решения были отмечены не только друзьями Советской страны. И те, кто никогда не претендовал на положение наших доброжелателей, и, более того, откровенные враги нашей страны должны были признать, что заключение пакта о ненападении в создавшихся условиях было единственно правильным для СССР решением.

В тот самый день, когда был подписан договор, то есть 23 августа 1939 г., французский военный атташе в Москве генерал Паласс доносил французскому премьер-министру: «Я продолжаю считать, что для СССР решение вопроса в смысле соглашения с Германией является лишь выходом на худой конец, а может быть, и средством нажима в целях более быстрого создания прочной, хорошо спаянной во всех своих частях коалиции, кото-

---

²⁰ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 53.

рая, как мне всегда казалось, является предметом желаний советских руководителей»²¹. 27 августа 1939 г. тот же генерал Паласс, характеризуя позицию Советского правительства, писал Даладье: «Я по-прежнему полагаю, что, опасаясь чрезмерного усиления Германии, оно (Советское правительство.— А. П.) предпочло бы соглашение с Францией и Англией, если бы только его достижение оказалось возможным на условиях, ясно определенных в ходе военных переговоров»²².

Было совершенно очевидно, что Советский Союз приступил к переговорам с Германией лишь тогда, когда окончательно выяснилось нежелание западных стран заключить соглашение с СССР. Только полный провал переговоров между СССР и западными странами привел к тому, что договор между СССР и Германией был заключен.

«Не потому, — заявил К. Е. Ворошилов, — прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате между прочим того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»²³.

Отказ западных держав от соглашения с Советским Союзом был большим политическим просчетом правящих кругов Англии и Франции. Что же касается Советского Союза, то заключением пакта о ненападении он спутал все карты мюнхенцев, стремившихся столкнуть Германию и Советский Союз. Характеризуя политику Англии в период летнего кризиса 1939 года, Гарольд Икес, министр внутренних дел США и один из ближайших сотрудников президента Рузвельта, писал: «Англия давно могла бы договориться с Россией, но она продолжала обманывать себя иллюзией, что ей удастся столкнуть Россию и Германию друг с другом и таким образом самой выйти сухой из воды. Она запуталась в собственных сетях и потеряла уважение и сочувствие всего мира». И далее: «Мне трудно порицать Россию (за заключение

---

²¹ «Десятый международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 года. Доклады советской делегации», Изд-во АН СССР, 1956, стр. 681.

²² Там же.

²³ «Правда», 27 августа 1939 г.

пакта о ненападении с Германией. — А. П.). Как мне представляется, один Чемберлен виноват в этом»²⁴.

Так устами одного из руководящих деятелей правительства США была охарактеризована политика Англии в критический период 1939 года. Не ясно ли, что даже в глазах такого буржуазного деятеля, каким являлся Икес, советская политика в канун войны была единственно правильной политикой.

Заключение договора о ненападении с Германией одним из своих результатов имело также срыв планомерно подготавливавшегося японского нападения на советские дальневосточные рубежи. Японские милитаристы готовили агрессивную войну против Советского Союза, приурочивая ее начало к моменту нападения гитлеровской Германии на СССР. Именно в расчете на это японская военщина всячески оттягивала и не желала урегулировать конфликт на реке Халхин-Гол. Заключение советско-германского договора означало провал агрессивных планов японского империализма: через пять дней после заключения этого договора, 28 августа 1939 г., правительство Хиранума подало в отставку, а 15 сентября 1939 г. было подписано соглашение о мирном урегулировании конфликта на Халхин-Голе.

Решение Советского правительства о заключении договора о ненападении в немалой мере способствовало созданию благоприятных предпосылок для борьбы с германскими агрессорами, когда они напали на СССР. Так, например, Черчилль, выступая по радио 1 октября 1939 г. и говоря о выдвижении вперед советских границ в результате советско-германского пакта, заметил: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт»²⁵.

Вот что писал по этому поводу заместитель государственного секретаря США Самнер Уэллес: «С практической точки зрения важно отметить, что советско-германское соглашение дало возможность Советскому правительству добиться преимуществ, которые два года спустя,

---

²⁴ Цит. по «Новая и новейшая история», 1959 г., № 3, стр. 106; «Международная жизнь», 1959 г., № 9, стр. 104.

²⁵ «Новое время», 1957 г., № 48, стр. 25.

когда произошло давно ожидавшееся нападение Германии, сыграли для Советского Союза огромную роль»²⁶.

Вопреки тому, что сейчас твердит империалистическая реакция, пытаюсь представить советско-германский пакт о ненападении как «карт-бланш Гитлеру», Черчилль в личном и секретном послании И. В. Сталину 21 июля 1941 г. писал: «Я вполне понимаю военные преимущества, которые Вам удалось приобрести тем, что Вы вынудили врага развернуть силы и вступить в боевые действия на выдвинутых вперед западных границах, чем была частично ослаблена сила его первоначального удара».

Так или иначе, Советское государство благодаря пакту о ненападении сумело отсрочить на два года начало войны, что дало возможность предпринять ряд важнейших мер по укреплению обороноспособности страны, подвинуть вперед советскую государственную границу на 200—300 км, что в свою очередь создало более благоприятные стратегические возможности обороны. Заключением договора о ненападении Советский Союз сорвал планы консолидации империалистических сил и создал, таким образом, более благоприятные внешнеполитические возможности для будущей борьбы с фашизмом.

Жребий брошен

Гитлер хорошо понял позицию западных держав и уже летом 1939 года стал максимально форсировать нападение на Польшу.

В апреле 1939 года германский генеральный штаб завершил составление плана военного нападения на Польшу. «Белый план» — под таким шифром скрывалась агрессия против Польши — 11 апреля 1939 г. был утвержден Гитлером. В беседе с итальянским министром иностранных дел графом Чиано Гитлер сказал: «...Польшу следует поразить с такой силой, чтобы она в течение пятидесяти лет не была бы в состоянии сражаться»²⁷.

---

²⁶ S. Welles, The Time for Decision, N. Y., 1944, p. 324.

²⁷ «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. I, Госюриздат, 1954, стр. 347.

Уже тогда, заигрывая с западными державами, правящие круги фашистской Германии рассматривали захват Польши как этап на пути к агрессии против самих западных держав. 11 апреля 1939 г. верховное командование германских вооруженных сил в своей директиве, озаглавленной «О единой подготовке вооруженных сил на 1939—1940 гг.», указывало, что главные цели при создании германских вооруженных сил по-прежнему должны определяться антагонизмом с западными демократическими государствами. «План вейс» составляет лишь предварительную меру для этих приготовлений²⁸.

Имея перед собой открытые карты западных дипломатов, расценивая мюнхенскую политику как проявление слабости западных держав, гитлеровская клика считала, что наступает благоприятный момент для нанесения удара по западному блоку, одним из важнейших звеньев которого являлась Польша. Конечно, германские империалисты не переставали считать Советский Союз главным врагом на пути осуществления своих захватнических планов. Но, проявляя осторожность, они считали, что раньше всего следует расправиться с западными государствами, включить в германский экономический потенциал экономику поверженной Европы, а затем уже всей мощью обрушиться на СССР. Нападение на Польшу давало гитлеровцам возможность избежать войны с последней при ударе по Западу — это во-первых, и, во-вторых, захват Польши позволял фашистским захватчикам создать плацдармы для нападения на Советский Союз у его собственных границ.

22 августа 1939 г. на совещании в Оберзальцберге Гитлер заявил своим генералам, что «прежде всего будет разгромлена Польша»²⁹.

По существу дипломатическая подготовка нападения гитлеровской Германии на Польшу началась еще весной 1939 года. 22 марта 1939 г. Польше было предъявлено требование передачи Германии Данцига (Гданьска) и прокладки экстерриториальной германской автостреды и железной дороги через польский коридор. 28 апреля Гитлер расторг германо-польский пакт о ненападении. 5 мая германские предложения были отклонены, но

²⁸ См. «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. I, 1954, стр. 347.

²⁹ Там же, т. 2, 1958, стр. 349.

польское правительство выразило готовность приступить к переговорам. А смысл этих переговоров для польской реакционной верхушки заключался в том, чтобы договориться с Гитлером об участии Польши в совместном походе против Советского Союза. В этой связи польские паны усиленно говорили о своих территориальных притязаниях на Востоке. Но все это уже не могло изменить твердого намерения Гитлера разгромить Польшу, территориальные требования к которой носили лишь характер повода к конфликту. Если Германия не напала на Польшу еще весной или ранним летом 1939 года, то связано это было лишь с одним обстоятельством: Гитлер выжидал исхода англо-франко-советских переговоров. Как только он убедился, что Чемберлен и Даладье и не помышляют о заключении договора о взаимной помощи с СССР, Гитлер стал максимально форсировать нападение на Польшу.

Последовала короткая серия встреч и переговоров с польским послом в Берлине Липским, была искусно продемонстрирована «невозможность» мирного урегулирования конфликта, и 1 сентября 1939 г. в 4 часа 45 минут германская армия напала на Польшу.

К осени 1939 года военная машина гитлеровской Германии значительно усилилась, особенно благодаря захвату Чехословакии. Отмобилизованная германская армия по своей мощи намного превосходила польские вооруженные силы. В первые же дни германская авиация уничтожила польскую авиацию, укомплектованную самолетами устаревших конструкций. Было расстроено управление войсками. Уже к середине сентября обнаружилась полная несостоятельность панской Польши противостоять германским войскам. К 19 сентября основные районы Польши были уже оккупированы противником.

Столь быстрый разгром Польши был обусловлен существовавшим в стране антинародным, по существу фашистским режимом, в основе которого лежали террористический гнет помещиков и капиталистов, ужасающая нищета польских трудящихся, национальное угнетение украинцев и белорусов.

В области внешней политики панская Польша стремилась к сговору с гитлеровской Германией на антисоветской основе. Именно поэтому политика эта характеризовалась изменой национальным интересам страны

во имя своекорыстных интересов правящей панской верхушки.

Стремившаяся к изоляции Советского Союза преступная клика Бека по существу сама поставила страну в положение роковой изоляции, политического одиночества. Это наиболее ярко проявилось в упорном нежелании правящей клики Польши пойти на соглашение с Советским Союзом об организации коллективного отпора германской агрессии. Выше мы уже показали, что инспирируемый Западом отказ Польши дать согласие на проход советских войск в случае гитлеровской агрессии явился тем поводом, который был использован Чемберленом и Даладье для срыва переговоров с Советским Союзом.

Чуждое национальным интересам правительство Бека в критические дни сентября 1939 года оказалось неспособным организовать оборону страны. Своим поведением оно, более того, дезорганизовало ряды армии и силы народа. И несмотря на все это, польские патриоты самоотверженно сражались с гитлеровскими войсками, польские воинские части проявляли исключительное мужество и героизм в защите своей страны. Но все это, разумеется, не могло уже повлиять на общий исход войны.

Агрессивная война гитлеровской Германии против польского народа в результате предательства западных союзников Польши и самой правящей клики Бека закончилась быстрым разгромом Польши.

Польский народ сделал необходимые выводы. Он понял, что ему не по пути ни с продажной панской кликой, ни с западными империалистами. Он хорошо разобрался в том, что его свобода и независимость лежат на путях национально-освободительной борьбы как против германских империалистов, так и их западных покровителей.

Глейвиц: кто на кого напал?

Ныне, когда народ свободной Польши после многих лет героической и самоотверженной борьбы добился своей независимости, в печати западных стран нередко

делаются попытки выгородить германский милитаризм от ответственности за агрессивную войну против Польши.

Особую активность проявляют в этом отношении сами гитлеровские генералы, которые стремятся доказать, что Германия вынуждена была вступить в войну, ибо сама оказалась объектом польских вооруженных провокаций. Эти фальсификаторские версии иногда поддерживаются и реакционерами во Франции и Англии, стремящимися обелить гитлеровских милитаристов в целях облегчить сотрудничество с ними.

Так, например, в одной из книг, вышедших в Париже, под названием «Нюрнберг, или обетованная земля», автор ее Морис Бардеш, оспаривая справедливость Нюрнбергского приговора, пишет:

«Германские историки в определенном будущем прольют свет на польские провокации и зверства, имевшие место перед германским нападением и в отношении которых обвинительное заключение хранит молчание»³⁰.

Об одной из таких «провокаций» говорил еще Геринг, заявивший, что «поляки напали на радиостанцию в Глейвице и взорвали мост близ Диршау»³¹.

1 сентября 1939 г. германские войска, напав на Польшу, начали осуществление гитлеровского плана агрессии против Польши. В тот же день под сенсационным заголовком германское информационное бюро во всех газетах поместило набранное огромными буквами сообщение: «Поляки напали на радиостанцию в Глейвице». Текст этого сообщения гласил:

«Германское информационное бюро. Бреславль. 31 августа.

Сегодня около 8 часов вечера поляки напали и захватили радиостанцию в Глейвице. Силой ворвавшись внутрь здания, поляки успели прочитать на польском и частично на немецком языках воззвание, обращенное к населению. Однако уже через несколько минут они были атакованы и разбиты полицией, предупрежденной глейвицкими радиослушателями. Полиция была вынуждена

---

³⁰ Цит. по J. Sawicki, From Nuremberg to the New Wehrmacht, Warsaw, 1957, p. 42.

³¹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 411.

применить оружие. Со стороны захватчиков есть убитые»³².

«Германское информационное бюро, Оппельн. 31 августа.

О событиях в Глейвице дополнительно сообщают: «Нападение на радиостанцию было, со всей очевидностью, сигналом для общего наступления польских партизан на германскую территорию. Почти одновременно с этим польские партизаны, как удалось установить, перешли германскую границу еще в двух местах. И в этих случаях также речь идет об оснащенных тяжелым оружием отрядах, поддерживаемых, по-видимому, польскими регулярными частями.

Отряды полиции безопасности, несущие пограничную службу, вступили в бой с захватчиками. *Ожесточенные боевые действия продолжаются* (курсив мой.—А. П.)»³³.

Итак, поляки совершили агрессивное нападение на германскую территорию. И поскольку это было не единственным провокационным актом поляков, германское командование в порядке обороны вынуждено было отдать приказ своим войскам о пресечении этих действий путем наступления на Польшу. Такова была официальная версия Берлина.

А теперь попробуем проверить эту версию по материалам Нюрнбергского процесса.

Вот Международному Трибуналу предъявляется протокол секретного совещания Гитлера с германским генералитетом, состоявшегося в Оберзальцберге 22 августа 1939 г. Запись выступления Гитлера. Среди других указаний фигурирует следующее: «Я дам пропагандистский повод для начала войны. Неважно, будет он правдоподобным или нет. Победителя потом не будут спрашивать, говорил ли он правду. Начиная и ведя войну, нужно иметь в виду, что не право, а победа имеют значение»³⁴.

А имеет ли отношение этот «пропагандистский повод» к провокации в Глейвице?

...В зале Нюрнбергского Трибунала напряженная ти-

³² А. Норден, Так делаются войны (Закулисная сторона и техника агрессии), ИЛ, 1951, стр. 89.

³³ Там же, стр. 90.

³⁴ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 350.

шина. Уже несколько свидетелей, говоря о нападении Германии на Польшу, упоминают какие-то польские мундиры, которые вдруг, в последние дни перед нападением на Польшу, потребовались германскому командованию. Кейтель делает вид, что, хотя ему и было известно о том, что такие мундиры ищут, он не знал точно, зачем они вдруг потребовались.

«**Кейтель:** Он (адмирал Канарис — начальник германской разведки. — *А. П.*) сказал мне тогда, что ему нужно представить несколько польских мундиров... Я спросил — для чего? Мы решили, что эти мундиры предназначались для какой-то секретной операции...»³⁵. А вот для какой операции, Кейтель никак не мог вспомнить. В таких случаях он обычно говорил: «Спросите у Иодля, он моложе и память у него лучше».

Но вот показания дает Лахузен, один из руководителей разведки. Послушаем его:

«**Лахузен:** То дело, по которому я сейчас даю свидетельские показания, является одним из наиболее таинственных дел, которое когда-либо имело место в отделе разведки и контрразведки. ...Это было в середине августа... как отдел контрразведки № 1, так и мой отдел... контрразведки № 2 получили распоряжение доставить польские мундиры и снаряжение, а также удостоверения личности и т. п. для мероприятия „Гиммлер“»³⁶.

Польские мундиры были доставлены. Лахузен продолжает: «Канарис поставил нас в известность о том, что эти мундиры были выданы людям из концентрационных лагерей...»³⁷.

Как же были использованы эти польские мундиры и для какой цели они потребовались?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос дал в своих показаниях Нюрнбергскому Трибуналу эсэсовец Науджок.

«Я, Альфред Хельмут Науджок, даю под присягой следующие показания:

---

³⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 18, стр. 320.

³⁶ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 101.

³⁷ Там же, стр. 102.

Примерно 10 августа 1939 г. начальник полиции безопасности и «Особой службы» Гейдрих приказал мне лично инсценировать покушение на радиостанцию в Глейвице, близ польской границы, и придать этому делу такой вид, будто нападение произведено поляками. Гейдрих сказал: «Фактическое доказательство польского нападения необходимо для иностранной прессы и для немецкой пропаганды». Мне приказали ехать с пятью другими членами «Службы безопасности» в Глейвиц, по условному сигналу от Гейдриха захватить радиостанцию и держать ее некоторое время с тем, чтобы дать возможность немцу передать речь на польском языке. Такой человек был предоставлен в мое распоряжение. Гейдрих сказал, что эта речь должна иметь следующее содержание: пришло время для вооруженного конфликта между немцами и поляками; поляки должны сплотиться и уничтожить всех немцев, которые сопротивляются. Тогда же Гейдрих сказал мне, что он ожидает в ближайшие дни нападения Германии на Польшу.

Я отправился в Глейвиц и пробыл там четырнадцать дней. Потом я попросил у Гейдриха разрешения вернуться в Берлин, но мне было приказано оставаться в Глейвице.

Между 25 и 31 августа я разыскал начальника гестапо Генриха Мюллера, находившегося в то время недалеко от Оппельна. В моем присутствии Мюллер обсуждал с одним человеком по имени Мельгорн планы пограничного инцидента, во время которого должно было быть инсценировано нападение польских солдат на германские войска... Для этой цели должны были быть использованы немецкие солдаты числом примерно до одной роты. Мюллер сказал, что в его распоряжении имеется двенадцать или тринадцать осужденных преступников, на которых должны были надеть польские мундиры и трупы которых должны были быть оставлены на месте происшествия для того, чтобы показать, что эти люди были убиты якобы во время нападения. Для этой цели была предусмотрена операция с впрыскиванием яда, которую должен был произвести приглашенный Гейдрихом врач; было также предусмотрено, чтобы на трупах имелись огнестрельные раны. После окончания инсценировки нападения на место происшествия должны были быть приведены представители печати и другие ли-

ца; далее должен был быть составлен полицейский отчет.

Мюллер сказал мне, что он получил от Гейдриха приказ предоставить в мое распоряжение одного из этих преступников для выполнения моей задачи в Глейвице. Условное наименование, которое он дал этим преступникам, было «консервы».

Происшествие в Глейвице, в котором я принимая участие, было осуществлено накануне нападения Германии на Польшу. Насколько я помню, война началась 1 сентября 1939 г. В полдень 31 августа я получил от Гейдриха по телефону условный сигнал, что нападение на радиостанцию должно состояться в тот же день в 8 часов вечера. Гейдрих сказал: «Для выполнения этого задания обратитесь к Мюллеру за консервами». Я это сделал и дал указание Мюллеру передать мне нужного человека поблизости от радиостанции. Этого человека принесли, и я приказал положить его у входа в здание радиостанции. Он был жив, но находился без сознания. Я попытался открыть ему глаза. По глазам я не смог установить, был ли он жив, но я заметил, что он дышал. Огнестрельных ран я не видел, только лицо его было сильно измазано кровью. Он был одет в штатское платье.

Мы заняли, как нам было приказано, радиостанцию, произнесли трех- или четырехминутную речь через вспомогательный передатчик, сделали несколько выстрелов из револьверов и ушли»³⁸.

Так выглядело «нападение» поляков на германскую радиостанцию в Глейвице.

Это «нападение» и явилось тем «пропагандистским поводом», о котором говорил Гитлер на совещании в Оберзальцберге.

Нужно ли после этого говорить о том, сколь провокационный характер носят современные потуги Бардеша и его единомышленников, всячески стремящихся реабилитировать германский милитаризм и таким путем расчистить путь для его новой агрессивной политики в современных условиях.

---

³⁸ «Архив советской делегации в Международном Военном Трибунале в Нюрнберге», док. 2751-PS.

Варшава в огне.

Во что обошлась двойная игра

Итак, война в Европе стала фактом. Десятки миллионов людей были ввергнуты в кровавую схватку. Гитлеровская Германия напала на Польшу. Англия дала гарантии Польше. Но чего стоили эти гарантии? Гитлер имел основание быть уверенным, что западные державы не помешают ему за счет польской территории приблизиться к советским границам. Еще 23 мая 1939 г. на совещании в имперской канцелярии Гитлер в присутствии виднейших представителей нацистской военной клики заявил: «Наша задача заключается в том, чтобы изолировать Польшу. Успех изоляции будет решающим... Не должно быть одновременного конфликта с западными державами (Франция и Англия)... Поэтому вполне основательно можно заявить, что конфликт с Польшей, начиная с нападения на нее, будет успешно разрешен в том случае, если западные державы останутся вне его»³⁹.

У Гитлера было достаточно оснований полагать, что так оно и случится. Ведь именно об этом говорила вся политика западных держав в предшествующие годы формирования и осуществления мюнхенской политики. И вовсе не потому был так спокоен Гитлер, что не верил в способность Англии и Франции оказать военную помощь Польше. Гитлеровский генеральный штаб хорошо знал, что Германия неспособна была тогда, в 1939 году, выдержать войну на два фронта (с Польшей, с одной стороны, с Англией и Францией — с другой). К осени 1939 года, то есть к началу второй мировой войны, фашистская Германия располагала немногим более 100 дивизий, 4400 самолетами и примерно 100 крупными кораблями и подводными лодками. В то же время Англия, Франция и Польша имели 165 дивизий, 8300 самолетов, почти 500 боевых кораблей. Превосходство Запада было совершенно несомненным. Это превосходство было еще более явным, когда Германия готовила агрессивный акт против Чехословакии. Но как тогда, в 1938 году, так и теперь, в 1939 году, Гитлер не выражал никакого беспокойства. Ведь почти все свои вооруженные силы Германия 1 сентября бросила на Польшу. Гитлер понимал,

---

³⁹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 1, стр. 1957, стр. 621.

в какой опасности находилась бы Германия, если бы Англия и Франция в этот момент обрушились на нее с запада. «Обладание Рурским бассейном определит продолжительность нашего сопротивления», — заявил Гитлер своим генералам в мае 1939 года.

Но, может быть, нацистское командование поставило перед Руром сильный заслон, способный задержать англо-французские войска до того, как будет разгромлена Польша?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос был дан на Нюрнбергском процессе начальником штаба ОКВ Кейтелем. И ответ этот как нельзя лучше раскрыл мюнхенскую суть поведения западных держав в момент, когда получившая английские гарантии Польша истекала кровью под ударами гитлеровских войск. Вот выдержка из стенографического отчета Нюрнбергского процесса:

«Кейтель: ...Смотря на дело с военно-оперативной точки зрения, наступление Франции во время польской кампании встретило бы завесу (!), но не настоящую оборону. А так как этого выступления Франции не последовало, нам, солдатам, естественно, казалось, что, очевидно, намерения западных держав не серьезны, если они упускают такую благоприятную стратегическую оперативную возможность, ничего не предпринимая против нас в течение четырех недель, когда все действующие германские соединения были заняты на Востоке. Все это еще раз подкрепило наше мнение относительно предполагаемой позиции западных держав в будущем»⁴⁰.

Во время одного из перерывов заседаний Международного Трибунала Кейтель в связи с рассмотрением вопроса о германо-польской войне сказал американскому офицеру Джильберту, что он в 1939 году перед польской кампанией говорил Гитлеру, что германские вооруженные силы располагают снаряжением, которого хватит только на 6 недель, и что если война затянется, то «они просто должны остановиться в конце шестой недели»⁴¹.

В тот день Кейтель еще более разоткровенничался. «Если иностранные державы не уступили бы в Мюнхене,

---

⁴⁰ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 18, стр. 326.

⁴¹ G. M. Gilbert, The Nuremberg Diary, p. 366.

то Гитлер ничего не мог бы поделаться». Заявив это, Кейтель уже проводит прямую связь между Мюнхеном и поведением Англии и Франции во время нападения Германии на Польшу. Вот почему, говорит Кейтель, «мы никогда и не думали, что французы будут бороться. Они даже не шевельнулись, чтобы оказать противодействие нашим двум (!) дивизиям на линии Мажино. Было похоже на то, что французы просто не хотят воевать. Да, мы тоже. Я был уверен, что это было обманом с обеих сторон и что Гитлер может получить все, что он хотел»⁴².

Это ли не красноречивое свидетельство предательского мюнхенского сговора между гитлеровской Германией и реакционными правящими кругами Англии и Франции! Пусть погибнет Польша, если это нужно для того, чтобы гитлеровский вермахт оказался у ворот Советского Союза. По существу с этого началась так называемая «странная война», которая представляла собой цепь попыток империалистов сговориться для совместных действий против СССР.

Англия, давшая Польше гарантии, объявила Германии войну. Но мы уже видели, чего стоило это объявление войны. «Если Англия и Франция и объявили нам войну, то это не значит, что они будут воевать», — эти слова были сказаны Гитлером в кругу его приближенных в момент, когда были получены соответствующие ноты Франции и Англии.

3 сентября, получив сообщение о том, что английский посол требует аудиенции, Риббентроп и времени не стал тратить на то, чтобы выслушать английскую ноту. Вот что показал в Нюрнберге переводчик Гитлера Шмидт:

«Утром 3-го числа (сентября. — А. П.) между двумя и тремя часами из английского посольства позвонили в имперскую канцелярию, где я тогда находился вместе с министром иностранных дел, поскольку ожидалось еще переговоры, и сообщили, что английский посол получил инструкции от своего правительства, в соответствии с которыми он должен точно в 9 часов утра сделать министру иностранных дел очень важное сообщение от имени английского правительства. Поэтому английский посол просит о встрече с господином фон Риббентропом в это

---

⁴² G. M. Gilbert, The Nuremberg Diary, p. 366.

время. Риббентроп ответил, что сам он не может иметь беседу в такое время, но что он уполномочивает сотрудника министерства иностранных дел, в данном случае меня, принять вместо него это сообщение английского правительства»⁴³.

Итак, ноту об объявлении войны было поручено принять... переводчику.

Подлинные причины предательского поведения западных держав в то время получили правильную оценку в одной из книг, вышедших на Западе.

«Некоторые (западные политики. — А. П.) предлагали покинуть Польшу на произвол судьбы, другие предпочитали сделать широкий жест и объявить войну. Но все предпочитали гибель Польши защите Польши Советским Союзом. И все надеялись, что *результатом будет война между Германией и СССР*»⁴⁴.

Стоит ли после этого удивляться тому, что, когда гитлеровские полчища обрушились на Польшу, когда польский народ истекал кровью, то английские и французские союзники, уже находившиеся в состоянии войны с Германией, с нетерпением ожидали, когда, наконец, германские генералы, перешагнув польские трупы, выйдут к советской границе.

Что же касается самих германских генералов, то они лишь диву давались. Они-то хорошо знали, что западный фронт оголен и что стоит произвести лишь небольшой нажим — и Рур, эта германская кузница оружия, окажется у ног Англии и Франции.

Послушаем по этому поводу главнокомандующего германской сухопутной армией генерала Браухича. Вот его показания на Нюрнбергском процессе:

«Браухич: Англия и Франция объявили Германии войну. Обе эти державы не использовали момента наибольшей слабости Германии в сентябре... Для меня лично было весьма сомнительно, серьезно ли решили обе державы вести войну. Судя по приему, оказанному Чемберлену после заключения мюнхенского соглашения

---

⁴³ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 17, стр. 337.

⁴⁴ Цит. по М. Гус, Американские империалисты — вдохновители мюнхенской политики, Госполитиздат, 1951, стр. 125.

в Лондоне и Даладье в Париже, я считал, что у Англии и Франции нет намерения вести войну»⁴⁵.

И что же дальше? А дальше, понимая, что нужно и западным державам и Гитлеру, Браухич говорит: «Я по-прежнему был убежден, что должна иметься возможность для того, чтобы с помощью политических переговоров закончить эту войну»⁴⁶.

Вряд ли нужно доказывать, что «закончить эту войну» — означало начать новую, гораздо более важную и, с точки зрения империалистов, более перспективную.

Однако, так или иначе, война в Польше была закончена, насквозь прогнивший режим Пилсудского — Бека капитулировал, а англо-французские союзники Польши даже и пальцем не шевельнули, чтобы оказать ей помощь. Хладнокровно и сознательно допустили Англия и Франция разгром Польши.

«Странная война» продолжалась. Друг против друга стояли отмобилизованные армии противников, но ни та, ни другая сторона не проявляла никакого намерения воевать.

Начался затяжной период закулисных переговоров, цель которых по-прежнему заключалась в том, чтобы толкнуть Гитлера дальше на Восток. Не двигались с места англо-французские войска. Не обнаруживали признаков активности и германские войска, переброшенные из Польши на Запад. Действительно, странная война!

Послушаем еще раз по этому поводу Браухича.

«Браухич: Не было предусмотрено никакого наступления... Всякая подготовка была запрещена. Вследствие этого также не было предварительно принято никаких особых мер для обороны. Все распоряжения, которые давались после польской кампании войскам, отправлявшимся на западные границы, носили чисто оборонительный характер»⁴⁷.

Начался период упорного прощупывания. 8 сентября, когда еще шли жестокие бои в Польше, испанское посольство в Париже сообщило своему правительству, что министр иностранных дел Франции Боннэ «стара-

---

⁴⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 36, стр. 18087.

⁴⁶ Там же, стр. 18086.

⁴⁷ Там же, стр. 18087.

ся осуществить соглашение (с Германией. — А. П.), как только операции в Польше будут закончены»⁴⁸.

17 и 25 сентября 1939 г., когда Польша была повержена, представитель министерства иностранных дел Франции Бланш вступил в секретные переговоры с германским посланником в Люксембурге. В беседе с ним Бланш заявил, что Франция и Германия должны найти «почетный выход» из войны, присовокупив при этом, что сторонники такого «выхода» «рассматривали бы усиление войны между Францией и Германией как катастрофу»⁴⁹.

Подлинный смысл этого «почетного выхода» раскрыл в своих мемуарах бывший президент Чехословакии Бенеш, указавший, что Даладые и Боннэ стремились «вовлечь Францию и Англию в войну против СССР», подписав соглашение с Германией. «Германия должна будет тогда атаковать только Советский Союз, заключив мир с западными державами»⁵⁰.

24 сентября 1939 г., уже после оккупации Польши, в Осло происходит еще одна примечательная встреча. Небезызвестный шведский делец Далерус, агент Геринга, встречается с английским посланником Форбсом. Вновь происходят переговоры по поводу заключения соглашения. 26 сентября Далерус уже в Берлине, где он ведет беседу с Герингом и Гитлером⁵¹.

Советский Союз не мог безразлично относиться к этой антисоветской возне империалистов. Нападение фашистской Германии на Польшу не оставляло сомнений в том, что Гитлер хочет обеспечить себе удобные позиции у границ Советского Союза, планы нападения на который уже зрели тогда в Берлине. Никто не мог быть уверенным в том, что, быстро разгромив Польшу, гитлеровские войска не попытаются с ходу попробовать советские границы. Обстановка требовала принятия серьезных мер для предотвращения нападения фашистской Германии на СССР. В создавшихся условиях советский народ не мог безразлично отнестись к судьбе своих братьев — западных украинцев и белорусов, находившихся

---

⁴⁸ Цит. по «Новая и новейшая история», 1958 г., № 1, стр. 78.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См. «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 412—413.

многие годы в порабощенном, бесправном положении, а в обстановке военного разгрома Польши и вовсе брошенных на произвол судьбы. Вот почему 17 сентября 1939 г. по приказу Советского правительства советские войска перешли довоенную советско-польскую границу, освободили Западную Белоруссию и Западную Украину и развернули там строительство обороны вдоль западной линии украинских и белорусских земель. Это была в основном та самая линия, которая известна в истории как «линия Керзона», установленная на Версальской конференции союзников.

Спустя несколько дней после этого Советским правительством были подписаны пакты о взаимопомощи с прибалтийскими государствами, предусматривавшие размещение на территории Эстонии, Латвии и Литвы гарнизонов Советской Армии, организацию советских аэродромов и создание военно-морских баз.

Так был создан фундамент «восточного» фронта.

«Не трудно было понять, что создание «восточного» фронта является серьезным вкладом не только в дело организации безопасности СССР, но и в общее дело миролюбивых государств, ведущих борьбу против гитлеровской агрессии»⁵².

Таким образом, Советское правительство приняло меры, которые предотвращали возможность немедленно-го нападения гитлеровцев на нашу страну. Эти меры, конечно, затрудняли антисоветские маневры западных покровителей Гитлера. Но по-прежнему надо было быть начеку.

Дни шли. «Странная война» на Западе продолжалась. «Бомбардировщики, бороздящие небо, но не сбрасывающие бомб; безмолвствующие пушки и рядом с ними целые горы боеприпасов; стоящие лицом к лицу огромные армии, которые, если не считать редких и незначительных перестрелок, заняты лишь разведкой и наблюдением друг за другом, не имея, очевидно, никакого намерения начинать сражение; важные персоны, совершающие поездки на фронт, где не слышно пулеметных очередей, но где их встречают с приветственными плакатами, а иногда и звуками национальных гимнов»⁵³.

---

⁵² «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 57.

⁵³ Цит. по Ф. Бонг, Дорога чести, ИЛ, 1949, стр. 79.

В таких выражениях описывал «странную войну» один из французских фашистов Жан Ибарнегарэ.

Но если так спокойно было на французском фронте, если так бездействовало французское командование, то реакционное правительство Франции внутри страны отнюдь не отличалось пассивностью. Не желая вести войну против Гитлера, профашистски настроенные правящие круги Франции развернули подлинную войну против демократии в стране, против рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии. Уже 26 сентября 1939 г. французское правительство запретило Коммунистическую партию и примыкавшие к ней демократические организации. Вслед за этим начинается подлинный разгул реакции, подвергаются массовым арестам коммунисты. Флоримонт Бонт, один из руководящих деятелей французской компартии, пишет, что «в 1939 году во Франции уже не было ни республики, ни демократии. Была диктатура реакции, было правительство, служившее врагам народа, уничтожившее все демократические свободы, завоеванные в упорной борьбе несколькими поколениями республиканцев. Был не парламент, а палата лакеев, готовая припасть к стопам зловещего старика из Виши и предложить чудовищу-фюреру свои мерзкие услуги — сотрудничество и предательство»⁵⁴.

Не без удовлетворения наблюдал Гитлер за тем, как французская реакция расправляется с французскими патриотами, с теми силами, которые в случае настоящей войны могли бы оказаться единственно опасными для гитлеровских захватчиков.

Но, ослепленная ненавистью к СССР, влекомая стремлением столкнуть гитлеровскую Германию с Советским Союзом, англо-французская реакция не упускала ни одной возможности в этом направлении. Характеризуя настроения Запада, Геринг в беседе с тюремным врачом в Нюрнберге сказал: «Вы знаете, если бы я только мог встретиться с сэром Дэвидом Максвелл-Файфом⁵⁵ за стаканом виски и иметь с ним сердечный разговор, я уверен, что ему пришлось бы признать, что англичане всем

---

⁵⁴ Цит. по Ф. Бонт, Дорога чести, стр. 34.

⁵⁵ Заместитель главного обвинителя от Великобритании на Нюрнбергском процессе.

своим сердцем желали, чтобы мы начали войну с Россией»⁵⁶.

Зимой 1939/40 года империалистическая реакция на Западе решила воспользоваться советско-финским конфликтом для того, чтобы активизировать свою враждебную деятельность против СССР. Каждый день в Финляндию поступало оружие из западных стран. Франция передала Финляндии 179 самолетов, 472 орудия, более 5 тыс. пулеметов и другое оружие. США направили финнам 400 самолетов и предоставили военный заем. Финляндия получила займы не только от правительства США, но и от частных американских банков. Широко развернулась в США и других западных странах вербовка «добровольцев» для посылки в Финляндию. Началась спешная разработка планов нападения на Советский Союз. При этом предполагалось осуществить наступление как с Ближнего Востока в направлении Баку, так и с территории Финляндии. Для этих целей на Ближнем Востоке (в Сирии и Иране) концентрировались англо-французские войска. Был разработан подробный план нападения на СССР с участием Турции, Ирана, Румынии, Греции и Югославии.

Непосредственно возглавляющий подготовку военных действий генерал Вейган писал Гамелену: «Со своей стороны, я считаю самым главным свернуть шею Советскому Союзу в Финляндии» или «в другом месте». Поль Рейно, тогдашний премьер-министр, требовал завершить всю подготовку нападения на СССР в течение 15 дней. Французский генерал Жоно, командующий авиацией армии Вейгана, заявил на заседании правительства: «Вы не будете воевать на Западном фронте. Воевать будем на Кавказе — дайте нам средства»⁵⁷.

О подготовке Англии и Франции к нападению на Советский Союз стало известно гитлеровскому правительству, которое по понятным причинам вполне это одобряло. В частности, именно в этот период шла интенсивная подготовка к нападению на Францию. А в этих условиях кто же будет удерживать Францию от того, чтобы она не распыляла свои силы.

Геринг дал следующие показания по этому поводу в

---

⁵⁶ Цит. по G. M. Gilbert, The Nuremberg Diary, p. 188.

⁵⁷ «Новая и новейшая история», 1958 г., № 1, стр. 83.

Нюрнберге: «Ко мне все чаще и чаще стали поступать сообщения о том, что со стороны Передней Азии должны быть начаты действия против русских нефтяных бассейнов в районе Кавказа — Баку. Я через надежных людей самым тщательным образом проверил это сообщение агентов и установил, что действительно в Сирии была сформирована армия под командованием генерала Вейгана, которая была названа «армией Востока». Однако значительно больше интересовало меня сосредоточение в Сирии авиаэскадрилий, причем не только французских, но и английских. Я помню, что я получил эти сведения о намеренно формирующихся там франко-английских авиаэскадрильях через доверенных лиц в Турции или самих турок, так как в это время велись переговоры с Турцией о перелете самолетов через ее территорию для внезапного налета и бомбардировки района Баку... Не было никаких других причин для концентрации самолетов в этом районе и именно в это время, так как этот район не был театром военных действий и не существовало в этот момент угрозы со стороны Германии. Напротив, было бы понятнее, если бы все английские и французские самолеты были сконцентрированы в Англии и во Франции, где они были нужны». Кому-кому, а Герингу хорошо было известно, что скоро французские и английские правящие круги почувствуют, насколько им нужны будут эти самолеты для защиты собственной территории.

Для нападения на СССР с севера верховный военный совет Англии и Франции принял решение о направлении своих войск в Финляндию через Швецию и Норвегию. У правительств этих стран потребовали согласия на проход экспедиционных корпусов. Однако серьезное предупреждение правительствам этих стран, которым СССР напомнил, что всякое нарушение может «повести к нежелательным осложнениям и нарушить нормальные взаимоотношения» с Советским Союзом, возымело свое действие. Правительства Швеции и Норвегии не стали торопиться с ответом на требования Англии и Франции.

Агрессивные антисоветские замыслы англо-французских империалистов в то время получили свое отражение и в печати. Так, французская газета «Тан» взяла даже на себя функцию консультанта Гамелена. В номере от 10 января 1940 г. газета писала: «Сначала надо

направить франко-английский флот к побережью Ледовитого океана для захвата Мурманска, затем надо высадить недалеко от Петсамо франко-английские сухопутные войска. Они должны действовать совместно с финскими войсками. Одновременно с интервенцией в Финляндии необходимо предпринять наступательную операцию в другой части колоссальной Советской империи. Районом, непосредственно напрашивающимся для такой операции, является Черное море, куда имеют доступ военные суда союзников».

В своих мемуарах генерал де Голль с полным основанием пишет: «Наши правящие группировки меньше думали о борьбе против гитлеризма, чем об ударах против СССР — о бомбардировках Баку, о высадке в Константинополе»⁵⁸.

Наряду с Англией и Францией, в те дни зимы 1939/40 года большую антисоветскую активность проявляли США. Об этом, в частности, свидетельствовала миссия заместителя государственного секретаря США Самнера Уэллеса. Посещая Рим, Берлин, Париж и Лондон, он стремился добиться мирного соглашения между воюющими странами с тем, чтобы создать во главе с США новый империалистический заговор.

Но на пути создания такого заговора встали серьезные и острые противоречия между самими империалистами. Именно наличие противоречий и не позволило объединиться всем этим странам.

Однако попытки консолидации реакционных сил с антисоветской целью продолжались. Единственно, о чем меньше всего думали французские правящие круги, это о защите собственной территории.

...19 января 1940 г., как об этом вспоминает в своих мемуарах Гудериан, на территории Бельгии совершил вынужденную посадку германский самолет. Случай помог французам. У немецкого офицера, находившегося в этом самолете, был обнаружен секретный план вторжения Германии в Бельгию, Голландию и Францию.

Существовали у англичан и другие верные источники информации. Но ничто не могло сбить с избранного пути узколобых и озлобленных реакционеров, которые в глубине души предпочитали, чтобы Францией правил Гит-

---

⁵⁸ Цит. по Г. А. Деборн, Вторая мировая война, стр. 58.

лер, лишь бы не коммунисты. Правящие круги Англии и Франции до последнего момента надеялись на то, как писала «Нью-рипблик», что «Гитлер может решиться повернуть всю армию на Восток, против России».

Пока западные державы занимались антисоветскими маневрами, Гитлер усиленно готовился к нападению на Францию. При этом он хорошо учитывал неподготовленность Франции к войне, капитулянтские настроения реакционной правящей верхушки, разбросанность французских и английских войск в империях. Но до нападения на Запад Гитлер решил обеспечить для Германии северный фланг. В особенности большое значение имела Норвегия, откуда шли крупные поставки железной руды. В соответствии с разработанным планом «Везер» «переход границы в Дании и высадка десанта в Норвегии должны происходить одновременно. Операция должна готовиться как можно скорее и как можно большими силами... Наибольшую важность имеет то, чтобы наши мероприятия были неожиданными для северных государств и для западных противников»⁵⁹. 9 апреля 1940 г. Германия напала на Данию и Норвегию и в быстрой кампании захватила обе эти страны.

Оккупация Германией Дании и Норвегии еще раз показала всю недалекость политики западных империалистических держав, все еще полагавших, что им удастся отвлечь нападение Гитлера на Запад и направить германскую агрессию на Восток. Нет нужды говорить о том, что нападение на Советский Союз было одним из важнейших пунктов гитлеровской внешней политики. Но нацистские агрессоры осуществляли свою программу в определенной очередности и избирали свои жертвы в зависимости от конкретных возможностей, от степени военной подготовленности. Бесспорно, что именно поэтому Гитлер и решил напасть сначала на Запад. Захват Дании и Норвегии, после которого, конечно, должен был последовать новый удар в западном направлении, еще раз вскрыл всю несостоятельность мюнхенской политики западных держав. Пройдет совсем немного времени — и авторы Мюнхена в этом еще более наглядно убедятся.

---

⁵⁹ К. Типпельскирх, История второй мировой войны, ИЛ, 1956, стр. 55.

В 4 часа 30 минут 10 мая 1940 г. гитлеровские вооруженные силы напали на Бельгию, Голландию и Люксембург.

В 8 часов 30 минут утра германский посол приехал в бельгийское министерство иностранных дел. Входя в комнату министра, он начал вынимать из кармана бумагу. Спаак, бельгийский министр, остановил его: «Простите, господин посол, я буду говорить первым». И возмущенным тоном Спаак прочитал ноту протеста бельгийского правительства:

«Господин посол, германская армия только что напала на нашу страну. Во второй раз в течение 25 лет Германия совершила преступную агрессию против нейтральной и лояльной Бельгии. То, что произошло сейчас, пожалуй, более отвратительно, чем агрессия 1914 года. Никакого ультиматума, никакой ноты, никакого протеста не было вручено бельгийскому правительству... Актом агрессии, совершенным Германией, для которого нет никакого оправдания, глубоко возмущилось сознание всего мира. История будет считать германскую империю ответственной. Бельгия полна решимости защищаться. Ее дело — правое дело, не может быть проиграно...»⁶⁰.

Читатель уже догадался, конечно, что Спаак, произнесший столь гневный и соответствующий обстановке монолог, это именно тот самый Спаак, который ныне является одним из наиболее активных пособников восстановления германского милитаризма. Немало Спаак сделал и для того, чтобы втянуть Западную Германию в НАТО, генеральным секретарем которой он длительное время был.

...Разгромив Бельгию, гитлеровская армия двинулась на Францию. Хорошо известно, что преданная своими капитулянтскими руководителями Франция потерпела жестокое поражение. Разбиты были и английские войска, находившиеся во Франции.

И вот когда стало ясно, что Франция уже не способна эффективно сопротивляться, когда стало очевидным, что окончательное крушение этой страны — дело дней, гитлеровская клика стала подумывать о подготовке нападения на Восток. Но для этого надо было создать проч-

---

⁶⁰ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 473.

ный тыл на Западе, устранить опасность второго фронта и, заключив выгодный мир на Западе, двинуться на Восток.

В мае 1940 года Гитлер делает первую попытку в этом направлении. В конце мая 1940 года значительная группа английских войск была оттеснена в район Дюнкерка. Обстановка сложилась таким образом, что германские танковые соединения могли ликвидировать прижатую к морю группировку англичан. Но Гитлер решил сделать жест, который ясно дал бы понять Англии, что он ищет мира с ней и мира совершенно определенного, основанного на последующем антисоветском сговоре. Вот почему 24 мая 1940 г., посетив штаб-квартиру Рундштедта, Гитлер дал указание приостановить наступление в районе Дюнкерка, что могло означать лишь одно — предоставить возможность английским войскам эвакуироваться в Англию. Гитлер прямо сказал своим генералам, что таким путем он хочет облегчить заключение мирного договора с Англией.

Вот как рисует обстановку того времени в районе Дюнкерка Рундштедт: «Если бы мне позволили действовать по моему усмотрению, англичане не отделались бы так легко в Дюнкерке. Но мои руки были связаны личным приказом Гитлера. Англичане карабкались на суда, стоявшие у берега, а я торчал около порта и не мог пошевелить пальцем. Я рекомендовал верховному командованию немедленно направить мои 5 танковых дивизий в город и полностью уничтожить отступавших англичан, но получил категорический приказ от фюрера, согласно которому я ни при каких обстоятельствах не имел права наступать: мне было запрещено приближаться к городу ближе, чем на 10 километров... На этом расстоянии от города я и оставался, наблюдая за тем, как англичане эвакуировались, в то время как моим танкам и пехоте было запрещено двинуться с места»⁶¹.

Таким образом, английский экспедиционный корпус численностью в 338 тысяч человек получил возможность эвакуироваться в Англию, хотя он и оставил все вооружение в Дюнкерке.

Эпизод с Дюнкерком был звеном в политике Гитлера по созданию благоприятных внешнеполитических усло-

---

⁶¹ Цит. по Г. А. Деборин, Вторая мировая война, стр. 63.

вий для подготовки нападения на СССР. Речь шла о сговоре гитлеровской Германии с Англией, о том, чтобы на определенных условиях организовать антисоветскую интервенцию.

После Дюнкерка начинается серия попыток Гитлера достичь соглашения с Англией. Уже 22 июня 1940 г., когда было подписано перемирие в Компьене, испанский диктатор Франко имел беседу с английским послом в Мадриде Хором, во время которой он заявил ему, что «в интересах спасения европейской цивилизации от гибели» Великобритания должна заключить с Гитлером мир.

Положение Англии, с военной точки зрения, в тот период было весьма критическим. Уже позднее, 23 апреля 1942 г., на секретном заседании палаты общин Черчилль заявил, что «в 1940 году армия вторжения, примерно в 150 тысяч отборных солдат, могла бы произвести смертельное опустошение в нашей среде»⁶².

Тогда, в 1940 году, Гитлер утвердил директиву под кодовым наименованием «Морской лев» о подготовке вторжения в Великобританию⁶³. Геринг организовал серию массовых воздушных налетов на Англию. И тем не менее все эти действия после поражения Франции имели своей главной целью организовать давление на Англию,

---

⁶² «Daily Telegraph», Jan. 28, 1946. Цит. по М. Гус, Американские империалисты — вдохновители мюнхенской политики, стр. 149.

⁶³ Операция «Морской лев» в деталях предусматривала план вторжения на Британские острова. Наряду с чисто военными вопросами операция «Морской лев» содержала ряд мер, направленных на установление кровавого режима в стране, подлежащей оккупации. Был намечен «гаулейтер» Англии, и выбор пал на ближайшего подручного Гиммлера — Гейдриха, того самого Гейдриха, который был палачом чешского народа и впоследствии понес заслуженную кару от рук чехословацких патриотов. Но это случилось уже позднее, а тогда, в момент разработки плана вторжения, Гейдрих составил и отпечатал список наиболее выдающихся лиц Англии, которые подлежат немедленному аресту гестапо. 2700 человек насчитывал этот список и включал он в себя, кроме министров и членов парламента, видных ученых, писателей, артистов. В числе других в списке значился и известный английский писатель Герберт Уэллс.

Видный эсэсовский полковник Сикс должен был непосредственно возглавить осуществление фашистского террора в Англии. Эти и многие другие подробности были описаны в недавно вышедшей в Англии книге Рональда Унтли «Операция «Морской лев». Книга эта еще раз напоминает об опасности политики возрождения германского милитаризма для Англии.

чтобы побудить ее заключить мир с Гитлером на анти-советской основе.

Официальные английские историографы нередко пытаются представить дело таким образом, что в 1940 году Англия находилась в смертельной опасности и что только мужественное сопротивление английских вооруженных сил, победа в воздушной «битве за Англию» спасли страну от захвата ее Гитлером. Безусловно, английские летчики и весь английский народ проявили в те тяжелые дни исключительный героизм и самоотверженность. И все-таки Англия, правящие круги которой были на протяжении ряда лет больше озабочены осуществлением своего мюнхенского курса, чем созданием прочной обороны страны, не смогла бы устоять против германского вторжения. Это вынуждены теперь признать и наиболее известные военные авторитеты Англии. Вот что пишет Лиддель Гарт:

«В то время (в 1940 году) мы верили, что Англию спас отпор, который был дан германской авиации в «битве за Англию». Это только часть объяснения, и притом его заключительная часть. *Основной причиной*, гораздо более глубокой, является то, что Гитлер не желал завоевывать Англию...»⁶⁴. А не хотел Гитлер потому, что рассчитывал вступить в переговоры с английскими правящими кругами и заключить с ними союз.

Английские мюнхенцы, а таких в правящих кругах Великобритании насчитывалось изрядное количество, были склонны начать переговоры. Весь вопрос был в том, каковы будут условия, которые предъявит Гитлер.

Скоро выяснился и этот вопрос.

Рудольф Гесс в Лондоне

...Над восточным побережьем Англии летел истребитель «Мессершмитт». В кабине его находился заместитель Гитлера по руководству национал-социалистской партией Рудольф Гесс. Он летел со специальной миссией в Лондон. Его полет готовился гитлеровской кликой уже давно.

---

⁶⁴ Цит. по М. Гус, Американские империалисты — вдохновители мюнхенской политики, стр. 155.

Вот перед нами показания на Нюрнбергском процессе секретаря Гесса Гильдегард Фат. «Начиная с лета 1940 года,—заявила она,—точной даты я не могу сейчас указать, я должна была по поручению Гесса получать секретные данные о состоянии погоды на Британских островах и Немецком море и передавать эти данные Гессу. Эти данные я получала от капитана Буш, а также частично от г-жи Шпеер — секретаря Гесса в его штабе связи в Берлине». Далее она говорит о том, что «Гесс совершил этот необычный полет для того, чтобы... создать благоприятные предпосылки для заключения мира»⁶⁵ с Англией.

Как заявил Риббентроп, «в течение нескольких недель Гесс проводил пробные полеты на «Me-110»⁶⁶. 10 мая 1941 г. в условиях, когда уже был полностью разработан агрессивный «план Барбаросса» (план нападения на СССР), Гесс вылетел в Англию. Цель его полета не вызвала сомнений. После поражения Франции, когда вся Западная Европа со всем ее военным потенциалом оказалась в руках германских империалистов, были созданы все условия для осуществления нападения на СССР. Надо было еще привлечь Англию к участию в восточном походе. Для этого и полетел Гесс. Он сам пилотировал самолет и взял курс на имя герцога Гамильтона Дунгавел Кастл (Северная Англия). Выбор места приземления был не случаен. Гесс хорошо знал Гамильтона еще с 1936 года, когда тот гостил в Берлине на Олимпийских играх. Известный фашистский идеолог и личный друг Гесса Гаусгофер рекомендовал Гессу начать установление контактов в Англии с Гамильтоном.

Все было подготовлено для встречи гитлеровского посланца. Противовоздушной обороне Англии было дано указание пропустить самолет Гесса. Для его охраны в воздухе было выделено два истребителя.

Просчитавшись в запасе горючего, Гесс вынужден был выброситься на парашюте в 14 км от поместья Гамильтона. При приземлении он был задержан крестьянами.

На следующий день после приземления состоялась беседа. Если в момент приземления Гесс назвался чужим

⁶⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 16, стр. 479.

⁶⁶ Там же, т. 10, стр. 4620

именем, то при встрече 11 мая с Гамильтоном ему уже незачем было маскироваться. Разговор с самого начала принял деловой характер. Гесс заявил, что Гитлер стремится к тому, чтобы «наши две страны никогда больше не воевали». Когда же Гамильтон спросил Гесса об условиях такого соглашения, тот ответил, что «одним из условий будет, конечно, отказ Британии от ее традиционной политики всегда противостоять сильнейшей державе в Европе»⁶⁷.

Гесс в ходе беседы время от времени отпускал комплименты английской внешней политике, заявляя, что Англия уже немало сделала в прошлом для установления взаимопонимания с гитлеровской Германией. В частности, он напомнил Гамильтону о том, что кое-кто пытался помешать Гитлеру решить чехословацкий вопрос. «*Вмешательство мистера Чемберлена и конференция в Мюнхене*, — заявил Гесс, — *были источниками большого облегчения для Гитлера* (курсив мой. — А. П.)»⁶⁸. Эти строки было бы полезно напомнить уже известному читателям члену английского парламента Беверли Бакстеру и его единомышленникам, пытающимся задним числом сфальсифицировать историю и представить Мюнхен как поражение Гитлера.

Однако, с чем же приехал Гесс в Лондон, что мог он предложить английским правящим кругам в обмен на их сотрудничество в войне против Советского Союза?

Гесс сформулировал условия следующим весьма примитивным образом: Англия предоставляет Германии свободу рук в Европе, а за это Германия дает Англии полную свободу действия в Британской империи, с единственным только условием, что Германии будут возвращены бывшие колонии, которые ей необходимы как источник сырья. «Для того, чтобы дать ему возможность высказаться на тему отношения Гитлера к России, — замечает Гамильтон, — я спросил его, включает ли Гитлер Россию в Европу или в Азию. Он ответил: «В Азию».

Этот ответ всполошил одного из столпов британских мюнхенцев — Гамильтона, и он немедленно наставительно заметил: «Я сказал тогда, что поскольку в свете

---

⁶⁷ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 10, стр. 4611.

⁶⁸ Там же, стр. 4612.

его предложений Германия будет иметь возможность свободно действовать только в Европе, то она не сможет напасть на Россию». Гесс поспешил успокоить Гамильтона, заявив: «У Германии есть определенные требования к России, которые должны быть удовлетворены или путем переговоров, или в результате войны»⁶⁹.

Собственно, английские и американские правящие круги и без Гесса знали, что германский генеральный штаб уже в деталях спланировал агрессивную войну против СССР. На то и сидел в Берлине в должности начальника германской разведки адмирал Канарис, англо-американский агент.

В дальнейшей беседе с Гамильтоном выяснилось, однако, что гитлеровцы довольно широко трактуют понятие «свободы рук в Европе». Гамильтон в отчете о своей беседе с Гессом писал: «Затем он (Гесс) перешел к политическим вопросам. Он сказал, что, подумав, вспомнил, что опустил еще два условия, связанные с мирными предложениями. Первое: Германия не может оставить Ирак в нужде. Жители Ирака сражались за Германию (?!), и поэтому Германия будет просить нас эвакуироваться из Ирака. Я заметил, что это выходит за рамки первоначальных предложений об ограничении интересов Германии только Европой, но он возразил, что в целом его предложение более чем справедливое. Второе условие заключалось в том, что мирное соглашение должно было включать пункт о взаимном возмещении британских и германских подданных, чья собственность была конфискована во время войны»⁷⁰.

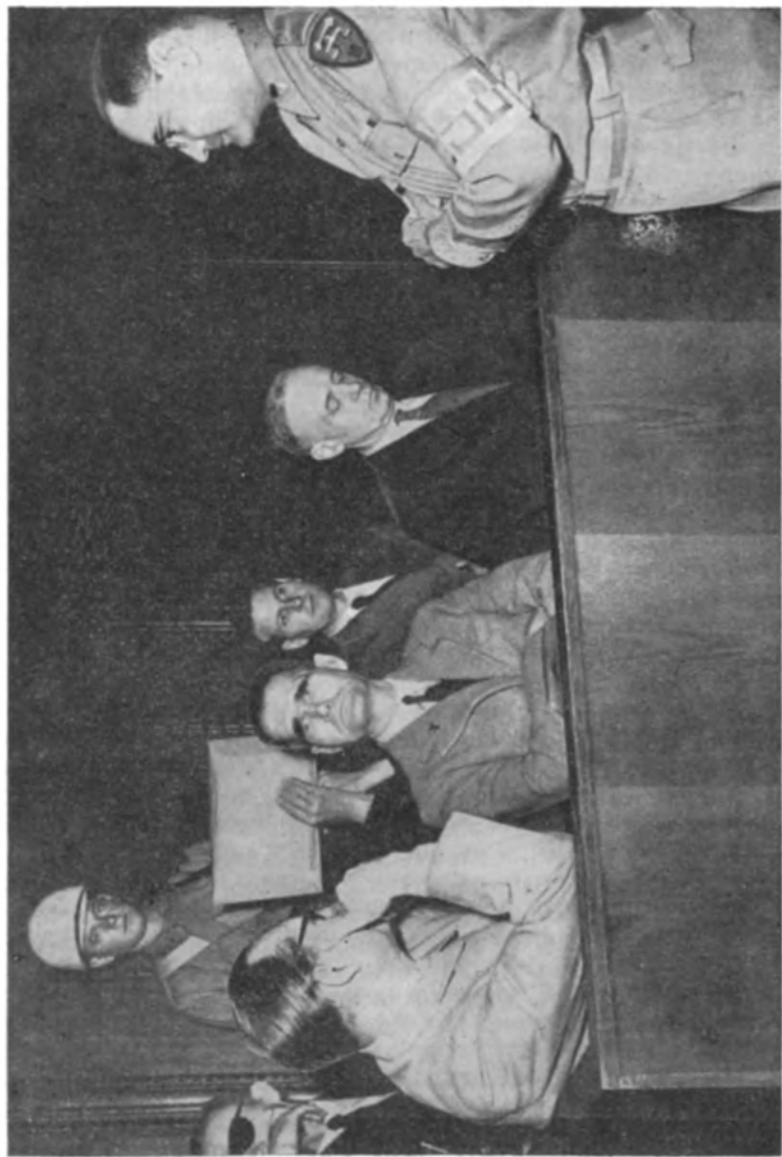
Эта беседа Гесса и Гамильтона состоялась 11 мая 1941 г.

Гесс впоследствии следующим образом обрисовал гостеприимство герцога Гамильтона: «Герцог Гамильтон, после того как он посетил меня, позаботился о том, чтобы я был переведен в хороший военный госпиталь. (Гесс повредил ногу при приземлении. — А. П.). Он находился в сельской местности, в получасе езды от города, в условиях живописной шотландской природы... После 14 дней пребывания в нем меня перевели в Лон-

---

⁶⁹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 10, стр. 4614.

⁷⁰ Там же, стр. 4616.

Гарс (в центре) на Хиттибангском процессе

дон... Маленький домик, в котором я жил, обстановка его в стиле XVII столетия — все это было замечательно. После этого я был переведен в виллу Мишет Плейз около Андершета. Там я был окружен большими, прекрасно пахнущими глициниями... Столовая и музыкальные комнаты... были на первом этаже и выходили прямо в парк».

24 мая 1941 г. английский министр авиации Синклер сделал в парламенте заявление о Гессе, но при этом ни словом не обмолвился о предложениях, изложенных Гессом Гамильтону. Заявление Синклера было преподнесено таким образом, чтобы создавалось впечатление, что на беседе с Гамильтоном переговоры с Гессом закончились. Но в действительности они продолжались.

...9 июня 1941 г., то есть за двенадцать дней до нападения гитлеровской Германии на СССР, в одном из уютных лондонских особняков происходила знаменательная беседа. Судя по официальной стенограмме, одна из «высоких договаривающихся сторон» была представлена доктором Гутри и доктором Маккензи, а другая — господином «У». Но весь этот маскарад нужен был лишь для прибывшей туда стенографистки. В действительности господином «У» был Гесс, доктором Гутри — влиятельный член британского кабинета и законченный мюнхенец лорд-канцлер Саймон, а доктором Маккензи — бывший английский поверенный в делах в Берлине Киркпатрик⁷¹ (впоследствии Киркпатрик — верховный британский комиссар в Западной Германии, один из наиболее активных проводников политики восстановления германского милитаризма).

Мюнхен продолжался. Лорд Саймон с упорством английского купца торговался с Гессом.

Беседа началась с взаимного представления. Саймон, поглядывая на стенографистку, заявил, обращаясь к Гессу: «...Я, доктор Гутри, облечен полномочиями правительства и буду очень рад выслушать Вас и обсудить с Вами, насколько это будет необходимо, все, что Вы пожелаете заявить для информации правительства»⁷².

---

⁷¹ См. «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 17, стр. 5.

⁷² «Архив советской делегации в Международном Военном Трибунале в Нюрнберге. Отчет о беседе Гесса с официальными представителями британского правительства, 9 июня 1941 г.».

Гесс передал Саймону документ под названием «Основы для взаимного понимания». Гесс начал с того, что заявил: «Фюрер всегда говорил о том, что следует добиться взаимопонимания между Англией и Германией и что, как только он придет к власти, он добьется этого. Он сказал мне тогда во Франции, что нельзя ставить суровых условий стране, с которой хочешь добиться взаимопонимания даже и тогда, когда ты победитель»⁷³.

Саймон спрашивает Гесса, прибыл ли он в Англию с ведома фюрера. В протоколе ответ Гесса зафиксирован в следующей форме:

«Гесс (со смехом): Конечно, нет».

Саймон задает еще один вопрос: являются ли предложения, которые привез Гесс, его личным мнением или их придерживаются влиятельные круги в Германии. Гесс отвечает, что они являются изложением взглядов и требований фюрера и ведущих деятелей Германии.

Это заявление Гесса в достаточной мере раскрывает всю фальшь гитлеровской официальной версии о том, что Гесс полетел в Лондон без ведома нацистской верхушки и не отражал ее мнения.

Далее в беседе Гесс по существу повторяет Саймону те же условия, что он излагал Гамильтону: «Сфера интересов — Британская империя».

Затем разговор перешел на Советский Союз — в чью же «сферу интересов» надо его отнести. Гесс отвечает, что «Европейская Россия, конечно, интересуется Германию» и Англия не должна вмешиваться во взаимоотношения Германии и России. По существу гитлеровский эмиссар добивался «благожелательного невмешательства» Англии на случай нападения Германии на СССР.

Читателю уже известно, что гитлеровская клика отмежеввалась от Гесса. Официальные заявления нацистских руководителей сводились к тому, что Гесс, вследствие психического заболевания, сам, по своей инициативе, полетел в Лондон. Подобное объяснение, видимо, требовалось на случай провала миссии Гесса. Но весьма показательно, что условия, выставленные Гессом, полностью совпадали со взглядами по этому вопросу Гитлера, Геринга и других представителей гитлеровской

---

⁷³ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 17, стр. 6—7.

клики. Так, Риббентроп показал на Нюрнбергском процессе, что после Дюнкерка Гитлер начал предпринимать активные меры в направлении заключения мирного договора с Англией.

Приведем выдержку из показаний Риббентропа:

«**Риббентроп:** Я спросил фюрера, должен ли я составить проект договора на такой случай. Фюрер сказал совершенно неожиданно: «Нет, в этом нет никакой необходимости, я сам его сделаю...». Он сказал при этом буквально следующее: «Есть только четыре пункта, на основании которых я хотел бы заключить мир с Англией...». Во-первых, он сказал, что Германия во всех отношениях готова признавать существование Британской империи; во-вторых, Англия, вследствие этого, должна признать Германию крупнейшей державой на континенте; в-третьих, я хочу получить немецкие колонии; в-четвертых, фюрер сказал, что он хочет заключить с Англией длительный союз на жизнь и на смерть»⁷⁴.

Геринг в Нюрнберге заявил: «Я хотел убедить Англию, что это в ее интересах разрешить нам стать доминирующей державой на континенте с тем, что мы будем гарантировать ей свободу рук в ее империи»⁷⁵.

Нетрудно заметить, что, прибыв в Лондон, Гесс изложил английским правящим кругам то же самое, что думали по поводу германо-английских отношений Гитлер и Геринг.

Гесс в Лондоне ясно дал понять, что Германия находится накануне нападения на СССР и что он прибыл с тем, чтобы заручиться поддержкой Англии в виде хотя бы прикрытого сотрудничества в этой агрессивной акции.

Предложения Гесса в этой части были весьма заманчивы для английских мюнхенцев. Поэтому определенная часть британских правящих кругов выступила за принятие его предложений. Другая, более влиятельная часть английских политиков считала предложения Гесса неприемлемыми, ибо они ставили Англию в совершенно невыгодное положение. По существу требуя от Англии сотрудничества или в крайнем случае благожелательного нейтралитета в войне Германии с Советским Союзом, гитлеровцы ничего при этом не давали Англии. Более

⁷⁴ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 17, стр. 479.

⁷⁵ G. M. Gilbert, The Nuremberg Diary, p. 85.

того, Англия должна была помочь Германии в осуществлении территориальных захватов в Европе и при этом не только не получить никаких компенсаций, но, напротив, согласиться на возвращение Германии ее бывших колоний, потерянных после первой мировой войны. Только пренебрежением к Англии и открытым выражением уверенности в ее слабости можно было объяснить предложение Гесса «предоставить Англии свободу рук в Британской империи». Проще говоря, Гитлер тем самым хотел сказать, что на этом этапе он не ставит своей целью завоевание Великобритании. Он не только ничего не давал Англии, а, более того, требовал возвращения колоний. Наконец, зная повадки гитлеровской клики, правящие круги Англии вовсе не были уверены в том, что, используя в своих интересах временный мир на Западе, Гитлер не предпримет в удобный для него момент нападение на Великобританию.

Большое, если не решающее, значение имело настроение английского общественного мнения, которое в самых энергичных формах выражало протест против сделки с Гитлером. Ярким свидетельством этого явились бурные митинги, во время которых народ выражал негодование и протест против каких бы то ни было попыток сговора с гитлеровским эмиссаром. 3 июня 1941 г. конференция лейбористской партии решительно высказалась против всяких переговоров с Гессом, за энергичное продолжение войны с фашизмом до победного конца.

Итак, миссия Гесса провалилась, а вместе с нею провалились попытки гитлеровской клики изолировать Советский Союз перед нападением на него.

Однако авантюризм, столь глубоко укоренившийся в агрессивной политике фашистской Германии, не позволил Берлину понять, что, несмотря на существующие противоречия, антигитлеровская коалиция может стать фактом.

В такой международной обстановке Гитлер начал осуществление своего агрессивного плана против СССР.

РОКОВОЙ ШАГ

„Я прошу вас освещать дело именно таким образом“

Огнем и мечом утверждал вермахт свое господство в Европе. Одна за другой победно завершились молниеносные кампании против Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции, Югославии, Греции. Гитлеровские генералы, опьяненные легкими победами, уверовали в непобедимость германского оружия, нацистская верхушка славилась «полководческий дар» «фюрера».

Но вот опьяненные военными успехами на Западе гитлеровцы совершили роковой шаг. В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. фашистская армия разбойничьи напала на Советскую страну. На огромном пространстве от Балтики до Черного моря гитлеровские дивизии обрушились всей своей мощью на советские границы. Это был кульминационный пункт второй мировой войны и начальный шаг к гибели фашистского государства и «нового порядка», установленного им в поработанных странах.

Спустя пять лет, когда советские войска, завершив триумфальной победой тяжелейшую из войн, сделали возможным привлечение к ответственности нацистских главарей, руководитель прессы «третьего рейха» Фриче давал Международному Трибуналу в Нюрнберге следующие показания: «В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. Риббентроп вызвал меня около пяти часов утра в помещение министерства иностранных дел на совещание, на кото-

ром присутствовали представители нашей и иностранной печати. Риббентроп сообщил нам, что в тот же самый день начинается война против Советского Союза, и просил германскую печать представить эту войну против Советского Союза как войну превентивную... для того, чтобы опередить советское наступление. «И я прошу вас, — сказал Риббентроп, — освещать дело именно таким образом»¹.

Как показал далее Фриче, «утверждение о том, что эта война была превентивной, было повторено позже газетами, которые получили инструкцию от меня во время очередного ежедневного сообщения начальника имперской прессы. Я сам давал такую же интерпретацию причин войны в своих обычных радиопередачах»².

Далее Фриче рассказывает, как он организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том, что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз.

«Должен, однако, заявить, — вынужден был признать в Нюрнберге Фриче, — что никаких оснований к тому, чтобы обвинять Советский Союз в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было. В своих выступлениях по радио я прилагал все усилия к тому, чтобы запугать народы Европы и население Германии ужасами большевизма»³.

Находясь в тюремной камере в Нюрнберге, Фриче в беседе с Джильбертом сказал: «Я всегда говорил, что наша вина в развязывании войны против западных держав равнялась примерно 50 процентам, потому что все-таки они являлись авторами Версальского договора. Но наша вина в войне против Востока — стопроцентная. Это была коварная и неспровоцированная агрессия»⁴.

Итак, в те дни, когда на просторах нашей страны пылал зажженный преступной рукой гитлеровцев пожар агрессивной войны, все 2300 ежедневных газет фашистской Германии и все ее радиостанции твердили о «пре-

---

¹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 30, стр. 14562.

² Там же, т. 8, стр. 3560.

³ Там же, т. 30, стр. 14602.

⁴ G. M. Gilbert, The Nuremberg Diary, pp. 63—64.

вензивном» характере войны с Советским Союзом, который якобы уже был готов к нападению на Германию и только благодаря прозорливости нацистского руководства не осуществил своего плана.

Превентивная война! Может быть, нет смысла возвращаться к этой насквозь лживой версии, разоблаченной самой историей? Нет, смысл есть, и немалый, ибо этот отравленный тезис, призванный оправдать вопиющую разбойничью агрессию, в наши дни подхвачен не только боннскими неофашистами, но и другими милитаристами Запада.

В секретном докладе, представленном национальному совету безопасности США «комитетом Гэйтера», как сообщала газета «Дейли миррор», говорится о том, что «первое нападение в современной атомной войне будет настолько сильным, что страна, предпринявшая нападение, вероятно, добьется победы». Отсюда авторы доклада делают вывод: «Мы не можем позволить себе ждать. Говоря прямо, речь идет о превентивной войне»⁵.

Нетрудно заметить, что в империалистических кругах нацистский тезис не только усвоен, но и развит применительно к условиям атомной эпохи, которая, по мнению составителей упомянутого секретного доклада, еще больше, чем раньше, оправдывает превентивное человеческое истребление.

Единство в этом вопросе у гитлеровских генералов и нынешних западных милитаристов поразительное. Иногда даже трудно различить, где кончаются утверждения отъявленных гитлеровских главарей и где начинаются суждения официальных боннских руководителей и их западных друзей. Все они, сойдясь на доктрине превентивной войны, пытаются открыто реабилитировать гитлеровский разбой и снять ответственность с нацистской клики за вероломное нападение на СССР.

Бывший начальник штаба гросс-адмирала Деница Людде-Нейрат в своей статье «Конец на немецкой земле», проповедуя тезис о превентивной войне и ложно приписывая всему немецкому народу уверенность в том, что Советский Союз готовился к нападению на Германию, пишет, что «война на Востоке с самого начала рас-

---

⁵ «Новое время», 1958 г., № 17, стр. 5.

смастривалась почти всем немецким народом как роковая национальная необходимость»⁶.

Гитлеровский генерал Гюнтер Блюментрит, являвшийся во время войны начальником штаба Рундштедта, ссылается на то, что «Советы создали огромную армию» и Гитлеру пришлось бросить военный вызов Советскому Союзу потому, что тот «намеревался завоевать всю Европу».

В сборнике «Итоги второй мировой войны», изданном в Западной Германии группой гитлеровских генералов, проводится та же лживая и провокационная мысль о превентивной войне. «Россия — и, следовательно, половина Европы, — читаем в сборнике, — лопнула и попала... во власть идей диалектического материализма, во власть полного разрушения и искоренения старого социального строя, старого понимания экономических отношений... Вместо поверженного царизма теперь Германии стала угрожать еще большая опасность — большевизм»⁷.

Известно, что до нападения на Советский Союз гитлеровская Германия осуществила агрессию против Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Франции, Югославии и Греции. Но о причинах нападения на эти страны авторы сборника ничего не пишут, хотя эти страны, как известно, не были «во власти идей диалектического материализма».

Еще откровеннее проповедует миф о превентивной войне бывший начальник гитлеровского генерального штаба Гальдер в своей книге «Гитлер как полководец». Оказывается, никакой агрессии по отношению к СССР фашистская Германия не совершала, ибо Гитлер руководствовался лишь интересами безопасности Германии. «Гитлеру, — пишет Гальдер, — было очень тяжело принять решение о нападении на Россию... Но, с другой сто-

---

⁶ «Итоги второй мировой войны», ИЛ, 1957, стр. 17.

Небезынтересно будет в связи с этим цинично-ложным утверждением привести следующее признание Геринга на Нюрнбергском процессе: «Германский народ узнал об объявлении войны с Россией только тогда, когда война началась. Германский народ не имеет ничего общего со всем этим делом. Его не спрашивали ни о чем» («Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. II, Госюриздат, 1954, стр. 6).

⁷ Там же, стр. 25.

роны, он имел твердое и небезосновательное убеждение, что Россия готовится к нападению на Германию. *Мы знаем теперь из хороших источников, что он в этом был прав*»⁸.

Гальдер пытается оправдать не только Гитлера, но и германский генеральный штаб и самого себя как начальника штаба. «Если политик,— пишет он, имея в виду Гитлера,— не находит больше возможности устранить опасные противоречия дипломатическими средствами, тогда от полководца нельзя отнять право решить свою задачу по защите собственной страны *против вражеского вторжения с помощью нападения...*»⁹.

Вслед за Гальдером идет Гудериан, объясняющий решение Гитлера напасть на СССР желанием «ликвидировать русскую опасность»¹⁰.

Манштейн, идя по стопам своих собратьев по разбою, утверждает, что Гитлер-де был вынужден «устранить Советский Союз как противника путем превентивной войны, пока на Западе не было врага, который мог быть ему опасным на континенте»¹¹.

Так говорят гитлеровские генералы.

А вот что, повторяя те же мысли, говорит сегодня официальный представитель боннского правительства министр обороны Иозеф Штраус: «Гитлер не несет ответственности за нападение на СССР», так как сам Советский Союз «хотел второй мировой войны». Именно так сказал Штраус, выступая летом 1958 года в Тутцинге (Бавария).

Гитлеровский генерал Бодо Циммерман, бывший начальник оперативного отдела в штабе Рундштедта, а ныне один из ярых поборников германского реваншизма, уже прямо призывает к нападению на СССР под тем же флагом превентивной войны. «Будущее принадлежит тому,— пишет Циммерман,— кто отважится начать превентивную войну. Напряженность между Востоком и Западом будет существовать вечно и может быть устранена лишь в результате войны. Поэтому Запад, если он хочет разбить Россию, должен развязать превентивную

---

⁸ F. Halder, Hitler als Feldherr, München, 1949, S. 36.

⁹ Ibid.

¹⁰ «Итоги второй мировой войны», стр. 117.

¹¹ E. Manstein, Verlorene Siege, Bonn, 1955, S. 171.

войну, в которой он использует все виды атомного оружия, находящиеся в его распоряжении»¹².

Гитлеровскому генералу вторит американский командующий стратегической авиацией США генерал Т. Пауэр, который в своем «труде» пропагандирует агрессивную теорию превентивной войны против СССР. Рассуждения этого проповедника агрессии настолько не вяжутся с официальными заявлениями правительства США о его стремлении к миру, что министр обороны США наложил запрет на «труд» Пауэра.

Итак, доктрина превентивной войны отнюдь не отошла в область истории, она принята на вооружение самыми оголтелыми милитаристами наших дней. Поэтому так важно до конца обнажить ее корни, ее сущность; раскрыть опасность, которую несут ее проповедники и сторонники.

Какова же цель этих литературно-политических провокаций, чего добивается империалистическая пропаганда, всячески возрождая гитлеровский миф о превентивной войне?

Ответ на этот вопрос не представляет больших затруднений.

В идеологическом арсенале империализма по-прежнему значительное место занимает пропаганда агрессии против Советского Союза. Вновь и вновь поднимается провокационная шумиха вокруг так называемой «коммунистической опасности», опять идеологи агрессии пытаются сыграть на мифической «угрозе с Востока».

Известно, что в Европе возрожденному германскому милитаризму отводится роль главной агрессивной силы в новых империалистических планах развертывания войны против Советского Союза и других социалистических стран. Бундесвер должен теперь действовать в составе объединенных сил НАТО. Но командуют бундесвером 104 гитлеровских генерала и адмирала, чей путь на полях Европы во время второй мировой войны был отмечен тягчайшими преступлениями.

«Прежде чем шлифовать оружие, надо отполировать репутацию», — говорят современные защитники гитлеровского генералитета, а означает это то, что надо морально реабилитировать гитлеровцев. К тому же никто

---

¹² «Новое время», 1958 г., № 17, стр. 5—6.

еще не доказал, что реакционные круги Запада проиграют от того, что вина за развязывание агрессии будет переложена с Германии на Советский Союз.

Нетрудно понять, что усердные попытки реакции оправдать гитлеровскую агрессию против СССР, поддерживать миф гитлеровской пропаганды о превентивной войне направлены на оправдание подготовки к такой агрессии в новых условиях.

Вот почему так широко издаются в Западной Германии мемуары всякого рода деятелей «третьего рейха», где в числе прочих проповедуется миф о превентивной войне, вот почему в ряде других стран Запада эти книги немедленно переиздаются большими тиражами.

Вот мемуары гитлеровского министра иностранных дел Риббентропа, изданные в Лондоне. Автор их был повешен в 1946 году. Однако нашлись люди, которые позаботились о памяти Риббентропа. И что же, эти «мемуары» пришлось весьма ко двору империалистической пропаганде.

В своем последнем слове Риббентроп сказал, обращаясь к представителям западных держав в Трибунале: «Великобритания и Соединенные Штаты сегодня практически стоят перед той же дилеммой, что и Германия. Я всем сердцем надеюсь, что в интересах моей страны они будут иметь большой успех».

Видимо, он не ошибся в том, что его мемуары сослужат кое-какую службу тем, кому он «от всей души» пожелал «большого успеха». Агрессии Гитлера против СССР, пишет в своих мемуарах Риббентроп, быть не могло, ибо он, министр иностранных дел, «узнал о различных приказах, касающихся военных действий против Советского Союза, только во время процесса в Нюрнберге»¹³. «Я не понимал дело таким образом, что Гитлер хотел атаковать Россию», — пишет Риббентроп.

Широко и усердно пропагандируемая теория превентивной войны имеет своей целью также вывести из-под удара германский генеральный штаб, доказать, что германские милитаристы вовсе не виноваты в ведении агрессивной войны.

В самом деле, версия о превентивной войне весьма удобна для того, чтобы попытаться доказать непричаст-

---

¹³ J. Ribbentrop, Memoirs, p. 152.

ность нацистских генералов к агрессивной политике Гитлера. Раз война не готовилась заранее, а была превентивной, то есть оборонительной, раз она стала необходимой вследствие неминуемого нападения противника, кто же посмеет обвинить германских генералов в том, что они участвовали в такой войне?

«Военные всех стран хотят сейчас восстановить фактическую сторону второй мировой войны, избегая заключений, основанных на личном предубеждении и патриотических чувствах. Это пытался сделать и я».

Такими словами закончил предисловие к английскому изданию своей книги, вышедшей в 1956 году в Лондоне, бывший гитлеровский генерал Ф. фон Меллентин ¹⁴.

Меллентин хочет «восстановить» историю. А кто же ее разрушил настолько, что она требует восстановления? И Меллентин и многие другие гитлеровские генералы недовольны той историей второй мировой войны, которая написана Международным Военным Трибуналом. В течение двух дней судьи этого Трибунала читали приговор. Ему предшествовали десять месяцев единственного в мировой истории международного судебного процесса, кропотливая работа сотен людей, перебравших многие тысячи подлинных документов германского генерального штаба. И в результате такого подлинно научного исследования Международный Трибунал записал в своем приговоре: «От имени подсудимых выдвигалось утверждение о том, что нападение на СССР было оправдано, потому что Советский Союз намеревался напасть на Германию и готовился к этому. Невозможно поверить, что эта точка зрения когда-либо являлась искренним убеждением».

Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и *без тени законного оправдания. Это была явная агрессия* (курсив мой. — А. П.) ¹⁵.

Вот эту историю и хотят «подправить» гитлеровские генералы. Им не нравится утверждение приговора Международного Трибунала о том, что они «были ответ-

¹⁴ Ф. В. Меллентин, Танковые сражения 1939—1945 гг. Боевое применение танков во второй мировой войне, ИЛ, 1957.

¹⁵ «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. II, 1954, стр. 984.

ственны в большей степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей... Без их военного руководства агрессивные стремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными»¹⁶.

«Восстановить» картину, по Меллентину, значит сказать, что германский генеральный штаб был против войны. Поэтому-то он так и пишет, что гитлеровские генералы не хотели войны с Советским Союзом и что, более того, сам Советский Союз спровоцировал эту войну, а они, гитлеровские генералы, оказались вынужденными вести превентивную, оборонительную войну.

1 и 2 октября 1946 г. в городе Нюрнберге был оглашен приговор Международного Военного Трибунала. Многочисленные документы этого грандиозного по своим масштабам и историческому значению судебного процесса были сданы в архив. Но сегодня, перед лицом вопиющего насилия над историей, творимого теми, кто сумел избежать возмездия, возникает необходимость восстановить в памяти то, что происходило на этом процессе.

Было бы неправильным утверждать, что там, в Нюрнберге, не делались попытки со стороны гитлеровцев представить фашистскую агрессию превентивной войной. И там генерал Иодль, ближайший подручный Гитлера по военным вопросам, распинаясь в этом направлении. Вот выдержка из стенографического отчета:

«**Покровский** (заместитель главного обвинителя от СССР): Позавчера, 5 июня, вы заявили, что нападение на СССР, которым Германия нарушила свой договор об отношениях с Советским Союзом, носило характер превентивной войны. Не так ли вы сказали?

Иодль: Да, я это сказал. Это была превентивная война»¹⁷.

„Энергично взяться за русскую кампанию“

Развивая тезис о превентивной войне, некоторые гитлеровцы, как это ни звучало анекдотично, утверждали, что фашистская Германия не могла, если бы даже хоте-

¹⁶ «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. II, 1954, стр. 1044.

¹⁷ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 27, стр. 12938.

ла, вести агрессивную войну, ибо не была к ней готова. В частности, к этому способу исторической фальсификации прибег гитлеровский фельдмаршал Мильх, в прошлом командовавший германской авиацией и являвшийся ближайшим помощником Геринга, а ныне подвизающийся в Западной Германии в качестве одного из советников в деле организации агрессивного бундесвера. Фальшивая версия о неподготовленности Германии к войне по существу должна была служить подспорьем для основной версии о превентивной войне. Мильх прибег к своему утверждению во время допроса его американским обвинителем Джексоном. Вот выдержка из допроса, не требующая никаких комментариев:

«Джексон: Итак, вы пришли сюда сказать, насколько я понял ваше показание, что режим, составной частью которого вы были, ввергнул Германию в войну, к которой она совершенно не была подготовлена. Правильно я вас понял?

Мильх: Я не могу вспомнить, чтобы эти высказывания делались публично, но мне кажется, что для всех сидящих здесь на скамье подсудимых война явилась большой неожиданностью.

Джексон: Вы хотели бы верить в это?

Мильх: Да, я верю в это.

Джексон: Ах, вы верите... А сколько времени потребовалось для германских вооруженных сил, чтобы захватить Польшу?

Мильх: Завоевать Польшу? Кажется, 18 дней.

Джексон: 18 дней. Сколько времени у вас заняло изгнание Англии с континента, включая трагедию Дюнкерка?

Мильх: Кажется, шесть недель.

Джексон: Сколько времени у вас занял захват Голландии и Бельгии?

Мильх: Несколько дней.

Джексон: Сколько времени потребовалось для того, чтобы пройти Францию и взять Париж?

Мильх: Всего около двух месяцев.

Джексон: Сколько времени потребовалось для того, чтобы пройти Данию и захватить Норвегию?

Мильх: Также немного времени. Данию совсем за короткое время, так как Дания быстро сложила оружие, что касается Норвегии, то тоже несколько недель.

Джексон: И вы, давая эти показания, хотите убедить Трибунал в том, что Германия не была подготовлена к войне и что вы не знали о ходе такой подготовки? И вы даете эти показания как офицер?

Мильх: Простите, я не понял вас»¹⁸.

Уже упоминавшийся выше гитлеровский генерал фон Меллентин в своей книге не отрицает того, что подготовка к войне против Советского Союза началась в гитлеровской Германии в конце 1940 года. Но от этого война, по Меллентину, не перестает быть превентивной. Не перестает потому, что эта подготовка будто бы началась после того, как переговоры между Советским Союзом и Германией, происходившие в Берлине в ноябре 1940 года, окончились провалом. Гитлер якобы убедился в агрессивных намерениях Советского Союза в отношении Германии и «ответил на это приказом вооруженным силам начать подготовку к операции «Барбаросса» — вторжению в Россию»¹⁹.

Меллентин далеко не одинок в этом утверждении. Значительная часть западногерманских буржуазных авторов изображает историю таким образом, что подготовка Германии к войне против Советского Союза началась незадолго до самой агрессии. Гитлеровский фельдмаршал Кессельринг, подвизающийся ныне в Западной Германии в «вождях» неонацистских реваншистов, в своих воспоминаниях, как и Меллентин, утверждает, что первые распоряжения о подготовке к нападению на СССР содержались лишь в приказе Гитлера от 18 декабря 1940 г. Известный поборник реабилитации гитлеровской военщины Герлиц пишет, что «и этот поход (против СССР. — А. П.), как и все операции, предпринятые Гитлером, был плодом импровизации»²⁰.

Попробуем на материалах Нюрнбергского процесса разобраться в том, когда именно гитлеровский генеральный штаб начал подготовку нападения на Советский Союз. Даже беглое ознакомление с этими материалами дает нам возможность поймать за руку фальсификаторов, показать, что подготовка к агрессии против СССР

¹⁸ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 13, стр. 30—32.

¹⁹ Ф. В. Меллентин, Танковые сражения 1939—1945 гг. Боевое применение танков во второй мировой войне, стр. 42.

²⁰ W. Görlich, Der deutsche Generalstab, Fr. a/M., 1950, S. 550.

и ее сроки ничего общего не имели с осенними переговорами 1940 года.

1943 год. В Мюнхене собрались на совещание гитлеровские гаулейтеры. Один из докладчиков на этом совещании — тот самый Иодль, который на Нюрнбергском процессе, как мы уже видели, тщился доказать, что война гитлеровской Германии против СССР была превентивной.

Но так уж не повезло Иодлю, что в руках обвинителей на процессе оказалась стенограмма упомянутого совещания. Перед нами полный текст речи начальника штаба оперативного руководства ОКВ Иодля. Он, оказывается, говорил и о том, как проходила подготовка войны против СССР. И здесь Иодль стал опровергать... Иодля: «...Еще в тот период времени, — заявил Иодль гаулейтерам, — когда продолжалась кампания на Западе, Гитлер информировал меня, Иодля, о своих намерениях выступить против СССР»²¹.

Читатель помнит утверждение Гальдера о превентивной войне. А теперь заглянем в оказавшийся в распоряжении Трибунала дневник этого незадачливого гитлеровского вояки. Еще 30 июня 1940 г., когда Западная Европа уже была покорена, но еще задолго до ноябрьских переговоров в Берлине, Гальдер записывает в дневнике: «Взоры обращены на Восток». 20 июля 1940 г. на совещании у Браухича, как отмечает Гальдер в дневнике, был поставлен вопрос о том, чтобы «энергично взяться за русскую проблему» и «продумать план предстоящей операции»²².

Вот на свидетельском месте в Нюрнберге дает показания нацистский генерал Варлимонт. Уж он-то хорошо знал обстановку. Он и должность занимал такую, которая позволяла ему знать больше тех, кто сегодня, вдохновившись идеями «холодной войны», пытается уйти от ответственности за войну 1941—1945 годов.

Итак, когда же началась подготовка к нападению на СССР? Послушаем генерала Варлимонта, являвшегося заместителем начальника оперативного отдела верховного главнокомандования (ОКВ). Варлимонт дает показа-

---

²¹ «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. I, 1954, стр. 262.

²² «Военно-исторический журнал», 1959 г., № 2, стр. 64.

ния начальнику следственной части советской делегации государственному советнику юстиции третьего класса Г. Н. Александрову.

Приведем выдержку.

«Александров: Когда впервые штаб ОКВ получил задание подготовить план нападения на Советский Союз?

Варлимонт: Лично я впервые услышал об этом плане 29 июля 1940 г.

Александров: При каких обстоятельствах это происходило?

Варлимонт: В этот день генерал-полковник Иодль прибыл в специальном поезде на станцию Рейхенгалле, где находился отдел «Л» штаба оперативного руководства. Гитлер был в Берхтесгадене. Это сразу же бросилось в глаза потому, что до этого генерал Иодль к нам никогда не приезжал. Кроме меня он приказал явиться также трем другим старшим офицерам... Иодль ошеломил нас этим сообщением, к которому мы не были подготовлены.

Александров: Что это было за сообщение?

Варлимонт: Я не могу дословно повторить его выражения, но смысл был следующий: Иодль заявил, что фюрер решил подготовить войну против России. Фюрер это обосновал тем, что поскольку война с Россией *должна произойти так или иначе* (курсив мой. — А. П.), то лучше будет, если эту войну начать уже сейчас, во всяком случае начать подготовку к ней.

В дальнейших своих высказываниях Иодль заявил, что «Гитлер уже осенью 1940 года намеревался начать войну против Советского Союза. Однако он отказался затем от этого плана».

В чем же причина этого отказа? Может быть, Гитлер и его генералы сочли недопустимым нарушить мир, может быть, в последнюю минуту было решено, что подготовка к войне против СССР несовместима с договором о ненападении, заключенным в 1939 году?

Отнюдь нет. Вернемся к допросу.

«Варлимонт: Причины были следующие: развертывание армии к этому времени не могло быть выполнено. Для этого отсутствовали все необходимые предпосылки в Польше: железные дороги, казармы, мосты не были подготовлены для продвижения тяжелых танков, связь, аэродромы все еще не были организованы. Кроме того, было

уже поздно, так как приближалась осень. Армия должна была в ближайшее время получить пополнение, что являлось огромным подспорьем для нее в походе против России. По этим причинам нельзя было начать поход раньше весны 1941 года»²³.

Как же после этих признаний выглядят современные утверждения английского военного историка Лиддел Гарта, который, по существу оправдывая агрессию Гитлера против СССР, пишет, что если бы Германия продолжала войну с Англией, то «тем самым Германия поставила бы себя под опасный удар в спину со стороны России»²⁴.

Не следует ли признать, что подобные утверждения являются перепевом гитлеровской пропаганды и достойны ее?

Переполох на скамье подсудимых

...Во время одного из заседаний Международного Военного Трибунала советский обвинитель предъявлял заявление фельдмаршала германской армии Паулюса на имя Советского правительства, в котором он, являвшийся в период подготовки агрессии против СССР заместителем начальника гитлеровского генерального штаба, раскрывал картину этой преступной агрессии. Не успел еще обвинитель приступить к зачитанию этого важного документа, как на скамьях подсудимых и их защиты началась, на первый взгляд, непонятная суматоха. Подсудимые, особенно Геринг, Кейтель, Иодль и их защитники, начали переговариваться. Вот один из адвокатов подходит к пульту и, обращаясь к суду, заявляет протест против зачитания и принятия этого документа Трибуналом.

Всем своим поведением защита хотела создать впечатление, что она вовсе не хочет лишить суд возможности путем показаний Паулюса проверить утверждения некоторых подсудимых о том, что война гитлеровской Германии против СССР носила превентивный характер. Напротив, понимая свою ответственность, свой долг содейство-

²³ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 633—634.

²⁴ Б. Г. Лиддел Гарт, Стратегия непрямых действий, ИЛ, 1957, стр. 318.

вать выяснению истины, отдавая себе отчет в том, какое огромное историческое значение имеет Нюрнбергский процесс, защита хочет лишь помочь суду.

Вот почему защита считает, что такого важного свидетеля, как Паулюс, надо вызвать в суд и допросить лично.

Герингу, Кейтелю и Иодлю хорошо было известно, что Паулюс был тем генералом, который непосредственно разрабатывал в германском генеральном штабе «план Барбаросса». Нужно ли доказывать, что появление такого свидетеля отнюдь не способствовало бы укреплению в глазах Международного Трибунала версии о превентивной войне. Следовательно, надо сделать все, чтобы не допустить его показаний. А вот для этого надо настаивать на его вызове. Пусть Паулюс скажет то, что хочет сказать, в глаза своим бывшим руководителям. Одно дело дать показания в Москве, другое дело — здесь, в американской зоне, где он будет свободен от всякого «влияния», кроме того, которое может быть на него оказано всей обстановкой суда, присутствием тех, с кем он рука об руку работал много лет и с кем он вместе составлял «план Барбаросса».

Итак, защита настаивает на вызове Паулюса «из далеких сибирских лесов, где он находится в заключении», сюда, в Нюрнберг.

Конечно, Паулюс не нужен защите, более того, он опасен для подсудимых. Он слишком много знает. Хорошо известно и его настроение. Все это так. Но ведь и русские предпочли личному допросу Паулюса в Нюрнберге оглашение его заявления, значит они не уверены в Паулюсе. Вот почему защита потребовала доставки Паулюса в Нюрнберг, надеясь, что русские откажутся, а тогда суд не допустит оглашения заявления Паулюса.

Было хорошо известно, что председательствующий лорд Лоуренс, как и другие судьи, с большим вниманием относится к соблюдению прав защиты.

Ходатайство заявлено. Председательствующий, как и ожидала защита, обращается к советскому обвинителю с вопросом: как он смотрит на это заявление защиты. Последовал ответ: если Трибуналу угодно допросить Паулюса непосредственно и предоставить эту же возможность защите, советское обвинение ни в какой мере не возражает.

Опять заметный переполох на скамьях подсудимых и защиты. Зал начинает наполняться журналистами, услышавшими, что происходит нечто заслуживающее их особого внимания (все, что происходило на процессе, транслировалось во Дворце юстиции). Оставалась, однако, надежда, что для доставки Паулюса потребуется слишком много времени (Сибирь ведь далека!). В ответ на вопрос — сколько времени понадобится советскому обвинителю для доставки Паулюса на процесс — последовал ошеломляющий ответ: через несколько минут Паулюс может быть доставлен в распоряжение суда и защиты.

«Сегодня русские бросили бомбу в зал», — говорили потом иностранные журналисты на процессе, комментируя этот ответ.

Нетрудно было заметить, как адвокаты прильнули к Герингу, ожидая его инструкций. Новый юридический вольт — защита неправильно понята, она вовсе не настаивает на личном допросе Паулюса, ибо это может вызвать неоправданную задержку процесса. Поэтому защита считает, что не надо тратить время ни на Паулюса, ни на зачитание его заявления. Несвязное бормотание адвоката вывело из себя даже очень спокойного и уравновешенного председательствующего лорда Лоуренса.

...Паулюс у свидетельского пульта.

Защита, выражаясь военным языком, перестроила боевые порядки. Адвокаты, проинструктированные во время специального перерыва своими подзащитными, ринулись в атаку.

Адвокат Иодля сразу же попытался настроить Паулюса на волну превентивной войны. Последовал вопрос: «В феврале 1941 года наши военные транспорты стали направляться на восток. Скажите, какова была численность тогда русских войск вдоль русско-германской демаркационной линии и румыно-русской границы? Не докладывал ли Гальдер фюреру об угрожающей численности русских войск?». Но на все эти и многие подобные вопросы защита не могла получить желаемых ею ответов. В отчаянии защита прибегла к явной провокации, стремясь скомпрометировать Паулюса. Последнему был задан вопрос, не является ли он преподавателем военной академии в Москве. Смысл вопроса был совершенно очевиден: сбить Паулюса, лишить его равновесия, представить дело таким образом, что вот-де, мол, старый гер-

манский генерал дошел до того, что читает лекции своим бывшим врагам. По этому поводу один из английских обвинителей резонно заметил: «Видимо, адвокат, задавший этот вопрос, не разобрался в итогах второй мировой войны. Насколько я могу судить, Советская Армия разгромила германскую армию, а не наоборот. Поэтому было бы глупо предполагать, что русские офицеры будут слушать лекции побитых немецких генералов. Не более ли резонно было бы германским генералам послушать лекции советских генералов?».

Так или иначе, все потуги гитлеровцев сбить Паулюса, заставить его отказаться от правды не имели никакого успеха.

На вопрос главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко, что ему известно о подготовке гитлеровским правительством и немецким верховным главнокомандованием вооруженного нападения на СССР, Паулюс ответил: «3 сентября 1940 г. я начал работать в главном штабе командования сухопутных войск в качестве оберквартирмейстера. В качестве такового я должен был замещать начальника главного штаба, а в остальном должен был выполнять отдельные оперативные задания... Во время моего назначения я нашел в той области, в которой я должен был работать, еще не готовый оперативный план, который касался нападения на Советский Союз... Начальник штаба сухопутных сил генерал-полковник Гальдер поручил мне дальнейшую разработку этого плана, начатого на основании директивы ОКВ...

...С самого начала нужно было уже учитывать использование румынской территории в качестве плацдарма для южной группировки германских войск, на северном фланге предусматривалось участие Финляндии в войне, но во время разработки этих оперативных планов этот момент не учитывался.

...Разработка, которую я сейчас обрисовал, была закончена в начале ноября и завершилась двумя военными играми, которыми я руководил по поручению главного штаба сухопутных войск. При этом принимали участие старшие офицеры генерального штаба»²⁵.

Кто же эти старшие офицеры? Оказывается, как со-

---

²⁵ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 601.

общает Паулюс, один из них — это начальник оперативного отдела гитлеровского генерального штаба полковник Хойзингер.

Паулюс заявил, что «дальнейшую разработку плана (нападение на СССР. — А. П.) принял на себя начальник оперативного отдела полковник Хойзингер»²⁶.

Напомним, что это тот самый Хойзингер, который ныне играет руководящую роль в создании в Западной Германии агрессивного бундесвера и призывает бундесвер к действиям «на широких просторах России». Теперь он уже генерал и главный инспектор западногерманского бундесвера. Заботами своих западных покровителей Хойзингер избежал уголовной ответственности за планирование и ведение агрессивной войны и, более того, как человек, уже обладающий опытом в восточных делах, поставлен по существу во главе бундесвера²⁷.

На военных маневрах бундесвера в 1958 году генерал Хойзингер заявил: «Мы должны помнить прошлое и не выпускать из виду основные факторы командования, которые приносят успех. Давайте проводить в будущем старые принципы, которыми мы руководствовались в прошлом»²⁸.

Таковы нынешние руководители западногерманского командования. Стоит ли удивляться, что бундесвер воспитывается в духе новой агрессии, в духе, мало чем отличающемся от гитлеровского вермахта.

Но вернемся к Паулюсу и поставим один имеющий важнейшее значение вопрос: располагало ли гитлеровское военное командование какими-нибудь данными о подготовке со стороны Советского Союза нападения на Германию? Паулюс по этому поводу показал: «Примечательным является то, что тогда ничего не было известно о каких-либо приготовлениях со стороны России»²⁹.

Самый характер подготовки войны против СССР, выбор момента — все говорило о том, что решительно ни-

²⁶ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 597.

²⁷ В начале 1961 года Хойзингер был освобожден от должности генерального инспектора бундесвера в связи с назначением на пост председателя постоянного комитета НАТО. Вместо Хойзингера назначен другой гитлеровский генерал — Ферч.

²⁸ «Правда», 30 мая 1959 г.

²⁹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 602.

каких опасений относительно нападения на германскую территорию на Востоке германское командование не испытывало. «Начало войны,— продолжает Паулюс,— было приурочено к тому времени, которое являлось бы наиболее подходящим для продвижения больших войсковых частей на территории России. Возможности подобного продвижения ожидалось в середине мая месяца. И соответственно этому были предприняты все приготовления»³⁰.

Но германский генеральный штаб, как известно, не осуществил нападения на СССР в это время. Оно было отложено.

А как же с опасностью нападения со стороны СССР на Германию? Ведь, как уже указывалось, первоначально планировалось осуществить нападение на Советский Союз еще осенью 1940 года. И опять же под предлогом «опасности с Востока», опасности значительной концентрации советских войск на восточной границе Германии. Следовательно, гитлеровское командование пренебрегало этой опасностью. К маю, когда было намечено произвести нападение, видимо, эта опасность еще более возросла. Ведь пройдет еще полтора месяца — и ночью 22 июня 1941 г. германский посол граф Шуленбург по поручению гитлеровского правительства заявит Советскому правительству, что «концентрация советских войск у германской границы достигла таких размеров, каких уже не может терпеть германское правительство».

И тем не менее в мае 1941 года Гитлер откладывает нападение. Притом вовсе не потому, что «опасность» для Германии уменьшилась, и не потому, что решено было в дипломатическом порядке устранить назревающий конфликт. Нет, просто до нападения на СССР гитлеровское командование решило осуществить мимоходом еще один агрессивный акт. Паулюс по этому поводу показывает: «Этот план (нападение на СССР в мае.— А. П.), однако, был изменен, так как Гитлер в конце марта решил в связи с изменившимся положением в Югославии напасть на Югославию... В результате своего решения напасть на Югославию Гитлер изменил сроки выступления. Выступление должно было быть отсрочено примерно

---

³⁰ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 602.

на пять недель, то есть оно намечалось на вторую половину июня»³¹.

Перед нами документ гитлеровского верховного командования за № 44428/41 «сов. секретно»: «Содержание: подготовка к операции „Барбаросса“». Документ весьма примечательный в рассматриваемом плане:

«1. Время начала операции «Барбаросса» вследствие проведения операций на Балканах переносится по меньшей мере на четыре недели.

2. Несмотря на перенос срока, приготовления и впредь должны маскироваться всеми возможными средствами и преподноситься войскам под видом мер для прикрытия тыла со стороны России...

Кейтель»³².

Далее Паулюс рассказал, насколько тщательно были продуманы и предусмотрены германским командованием мельчайшие детали внезапного нападения на СССР.

В частности, «был организован очень сложный обманный маневр, который был осуществлен из Норвегии и с французского побережья. Эти операции должны были создать видимость операций, намеченных против Англии, и должны были тем самым отвлечь внимание России. Однако не только оперативные неожиданности были предусмотрены. Были также предусмотрены все тактические возможности ввести в заблуждение противника. Это означало, что шли на то, что, запрещая производить явную разведку на границе, тем самым допускали возможные потери во имя достижения внезапности нападения. Но это означало также и то, что не существовало опасений, что противник внезапно попытается перейти границу»³³.

В своих дальнейших показаниях Паулюс привел ряд других фактов, начисто разоблачавших гитлеровскую клику и ее фальсификации.

Так устами германского фельдмаршала, человека, стоявшего у истоков разработки агрессивного «плана Барбаросса» и принимавшего непосредственное участие в его осуществлении, был разоблачен миф о превентивной войне.

³¹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 602—603.

³² «Военно-исторический журнал», 1959 г., № 4, стр. 92.

³³ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 606—607.

Защита подсудимых была настолько травмирована показаниями Паулюса, что оказалась не готовой к перекрестному допросу. Когда председательствующий обратился к защите с предложением приступить к допросу Паулюса, то адвокат гитлеровского генерального штаба³⁴ Латернзер заявил: «Господин председатель, я прошу дать мне возможность в качестве защитника генерального штаба поставить вопросы свидетелю завтра во время утреннего заседания.

Свидетель появился крайне неожиданно, во всяком случае для защиты, и поэтому я считаю необходимым посоветоваться в отношении вопросов, которые могут быть поставлены свидетелю, особенно в связи с тем, насколько важным является такой свидетель»³⁵.

Но, как уже указывалось выше, специально устроенный перерыв ничего защите не дал. Показания Паулюса пригвоздили к позорному столбу тех, кто так нагло и цинично пытался фальсифицировать столь недавнюю историю.

Штаб „Ольденбург“

Международному Трибуналу был представлен и ряд других весьма важных документов из захваченных гитлеровских архивов, изобличающих германских милитаристов. Мы сошлемся лишь на самую малую их часть.

6 сентября 1940 г. Герховное командование за подписью Иодля издало директиву, в которой указывалось: «В последующие недели количество войск на Востоке должно быть сильно увеличено. В конце ноября следует достичь положения, указанного на прилагаемой карте. Эта перегруппировка не должна создавать впечатления в России, что мы готовим наступление на Востоке»³⁶.

5 декабря 1940 г. генеральный штаб подготовил Гитлеру доклад, в котором уже намечался план военных

³⁴ Суду Международного Трибунала, кроме физических лиц, были преданы и организации, такие как нацистская партия, СС и СД, гестапо, германский генеральный штаб и ОКВ, имперское правительство. Обвинители четырех держав требовали признания этих организаций преступными.

³⁵ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 608.

³⁶ Там же, стр. 530.

операций против СССР. Содержание этого документа с исключительной убедительностью опровергает широко распространенную на Западе версию о том, будто бы германские генералы не хотели войны с Советским Союзом и что они якобы отговаривали Гитлера от нее.

Кульминационным пунктом в подготовке нападения на СССР являлся составленный германским генштабом и утвержденный Гитлером «план Барбаросса».

«Немецкие вооруженные силы,— указывалось в плане,— должны быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией *победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию* (курсив мой.—А. П.)»³⁷.

И опять же в плане подчеркивалось, что «особое внимание следует обратить на то, чтобы не было разгадано намерение произвести нападение»³⁸. В плане уже с исключительной скрупулезностью были расписаны военные операции всех групп и родов войск.

«План Барбаросса» состоял из трех частей. В первой части были изложены общие цели агрессии. Вторая часть предусматривала участие союзников Германии в войне против СССР. Третья часть давала описание военных операций на суше, на море и в воздухе. Характерной особенностью этого документа, как отметил в своей речи главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко, было то, что он изготовлен ввиду особой секретности лишь в девяти экземплярах, что полностью соответствовало требованиям сохранить в тайне подготавливавшееся нападение на Советский Союз.

В первой части плана предусматривалось: «Находящиеся в западной части России войсковые массы русской армии должны быть уничтожены...»³⁹.

3 февраля 1941 г. в Берхтесгадене в присутствии Гитлера состоялось совещание нацистского генералитета, во время которого обсуждалась первая директива по «плану Барбаросса»—о стратегическом развертывании сил. Как показал Паулюс, присутствовавший на этом заседании, активное участие в обсуждении этого преступного плана агрессии принимал, наряду с Кейтелем, Иодлем, Браухи-

---

³⁷ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 559.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

чем, также и начальник оперативного отдела генерального штаба Хойзингер.

13 марта 1941 г. в дополнение к «плану Барбаросса» Кейтель подписал оперативную директиву, изданную в форме «директивы для особых округов». Характерная особенность этого и последовавших за ним документов состоит в том, что в них уже содержалось не только и не столько расписание военных операций, сколько описание того, как будет организована оккупационная власть на захваченных советских территориях. Первый раздел этой директивы так и был озаглавлен: «Район операции и исполнительная власть». «Как только район военных операций достигнет значительной глубины, в нем должен выделяться тыл. Оккупированная территория в тылу района операций должна получить свою собственную политическую администрацию...

На этих территориях политическая администрация осуществляется уполномоченными империи, которые получают приказы от фюрера... Командующий офицер является высшим представителем вооруженных сил на соответствующей территории... В качестве такового он несет ответственность, прежде всего, за выполнение следующих задач:

а) тесное сотрудничество с уполномоченным империи с целью оказания ему поддержки в выполнении его политических задач;

б) эксплуатация страны и обеспечение использования ее экономических ресурсов для германской промышленности...»⁴⁰.

Планирование агрессии зашло настолько далеко, что наряду с чисто военными операциями германский генеральный штаб разработал целую систему мероприятий по экономическому ограблению Советского Союза, для чего был создан специальный штаб под кодовым наименованием «Ольденбург». 29 апреля 1941 г. было созвано совещание представителей германских вооруженных сил с целью разъяснения организационной структуры экономического штаба «Ольденбург». По существу «Ольденбург» являлся экономическим разделом «плана Барбаросса». Гитлер решил сосредоточить руководство эксплуатацией советских оккупированных территорий в руках

⁴⁰ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958. стр. 536—537.

Геринга. Насколько хладнокровно и педантично было подготовлено экономическое разграбление Советского Союза, видно из того, что было даже предусмотрено создание при штабе «Ольденбург» 5 хозяйственных инспекций, 23 хозяйственных команд, 12 подотделов, подлежащих размещению в наиболее важных оккупированных районах ⁴¹.

Американский обвинитель Олдермэн, анализируя совместно с советским обвинителем многочисленные документы, с исключительной объективностью и убедительностью устанавливающие преднамеренный характер гитлеровского нападения на СССР, заявил на процессе: «Я считаю, что тех документов, которые я сейчас представил и цитировал, более чем достаточно для того, чтобы окончательно установить преднамеренность и хладнокровный расчет, которые характеризовали военную подготовку для вторжения в Советский Союз. Начав почти за полный год до совершения этого преступления, нацистские заговорщики планировали и подготавливали каждую военную деталь своей агрессии против Советского Союза со всей тщательностью и скрупулезностью» ⁴².

В другом месте своей речи Олдермэн говорит: «Это лишь небольшая часть многочисленных доказательств, которые не оставляют ни малейшего сомнения в том, что вторжение на территорию Советского Союза является в мировой истории одним из наиболее хладнокровно обдуманных заранее нападений на соседнюю державу» ⁴³.

„Мы оба сочли это за дурное предзнаменование“

Однако, кроме архивных документов, разрабатывавшихся в недрах гитлеровского генерального штаба, в распоряжении Международного Трибунала были еще некоторые другие весьма важные материалы, свидетельствовавшие о преднамеренно фальсификаторском характере версии о превентивной войне.

В последние недели перед нападением на Советский Союз гитлеровское министерство иностранных дел вело

⁴¹ См. «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 543—544.

⁴² Там же, стр. 540.

⁴³ Там же, стр. 534.

активную переписку с германским посольством в Москве. Какой же информацией снабжало посольство Берлин? Может быть, германский посол в Москве или военный атташе сообщали в Берлин нечто такое, что заставляло бы насторожиться, может быть, в этих сообщениях содержались данные о таких мероприятиях, которые свидетельствовали бы о подготовке СССР к нападению на Германию? Впрочем, незачем гадать. В распоряжении обвинителей на Нюрнбергском процессе наряду с другими важнейшими документами оказались и секретные донесения германского посла в Москве графа Шуленбурга. Приведем лишь некоторые из таких донесений:

4 июня 1941 г. «Внешне нет никаких перемен в отношениях между Германией и Россией... Русское правительство стремится сделать все для того, чтобы предотвратить конфликт с Германией»⁴⁴.

6 июня. «Россия будет сражаться лишь в случае нападения на нее Германии. Москва считает, что ситуация является сейчас намного более серьезной, нежели она была до сих пор. Все военные подготовительные мероприятия проводятся весьма спокойно, и они носят, насколько это можно определить, лишь оборонительный характер. Русская политика, как и прежде, направлена на то, чтобы поддерживать самые хорошие отношения с Германией»⁴⁵.

В сообщении от 7 июня посол доносит, что Советское правительство делает все, «чтобы избежать конфликта с Германией. Само поведение правительства, так же как и высказывания прессы, которая сообщает о всех событиях, касающихся Германии, в фактической и не вызывающей возражений форме, подтверждает эту точку зрения»⁴⁶.

Таким образом, информация, которую гитлеровское правительство получало от своего посольства из Москвы, не только не свидетельствовала о какой-либо угрозе Германии со стороны Советского Союза, но, более того, говорила о лояльном отношении СССР к обязательствам, вытекающим из договора о ненападении.

Сообщая о том, что Советский Союз не собирается нападать на Германию, что нет абсолютно никаких при-

---

⁴⁴ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 555.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, стр. 556.

знаков, свидетельствующих о таком намерении Советского правительства, германское посольство в Москве одновременно в осторожной форме обращало внимание на опасность затеваемой Гитлером авантюры.

Посол Шуленбург, первый советник Типпельскирх, военный атташе генерал Кестринг и советник Гильгер составили даже специальный меморандум, предупреждающий об опасности войны против Советского Союза. 28 апреля 1941 г. германский посол граф Шуленбург получил аудиенцию у Гитлера. На столе у последнего лежал меморандум. Но в беседе с послом Гитлер ни одним словом не показал, прочел ли он его за это время. Как вспоминает советник посольства Гильгер, «вместо этого он (Гитлер) ограничился общими и ничего не говорящими политическими заявлениями. Посол счел это признаком несогласия Гитлера со взглядами, которые содержались или, по его мнению, должны были содержаться в меморандуме. Однако, когда он откланивался, Гитлер совершенно некстати бросил следующую фразу: «Да, вот еще что: я не собираюсь воевать с Россией».

Весьма многозначительная реплика. Гитлер не доверял в этом вопросе даже собственному послу.

Ничто уже не могло изменить подготовленного и близкого к осуществлению преступного плана.

Закусив удила, уверовав в непобедимость германской армии и в непогрешимость своего военного гения, Гитлер, поддерживаемый генеральным штабом, уже не слушал никого, кто хотя бы в малейшей степени выражал опасения по поводу затеваемой войны. Он не верил своему послу Шуленбургу, не верил военному атташе в Москве генералу Кестрингу. Подтверждая получение указанных выше донесений германского посольства в Москве, Риббентроп показал на суде: «Сообщения такого рода поступали из посольства в Москве. Я всегда представлял их фюреру, но фюрер считал, что дипломаты и военные атташе в Москве вообще хуже всех информированные люди»⁴⁷.

Допрошенный на Нюрнбергском процессе бывший статс-секретарь германского министерства иностранных дел Штеенграхт дал по существу аналогичные показания.

---

⁴⁷ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 18, стр. 106.

Он заявил, что Гитлер «дал только очень короткую аудиенцию графу фон Шуленбургу. Однако и он, который считал такую войну несчастьем и решительно выступал против нее, не мог изложить свои соображения о России и причины, говорившие против войны, так как Гитлер после своего короткого доклада на эту тему, минут через 20, не дав ему договорить, коротко с ним распрощался»⁴⁸.

Исторические события иногда перекликаются.

Ситуация, во многом сходная с той, которая создавалась в последние дни перед нападением гитлеровской Германии на СССР, уже однажды имела место. Это было в начале XIX века. Разгромив ряд стран, став по существу властелином Европы, Наполеон решил напасть на Россию. Воинственно настроенное окружение Наполеона всячески подогревало его захватнические в отношении России устремления. Наполеон, снабженный нарочито благоприятной информацией, был убежден, что и эта очередная военная кампания не продлится долго, Россия будет сокрушена и таким образом последний противник на континенте падет к ногам венценосца.

Но нашелся среди ближайшего окружения императора один человек, который решился предупредить Наполеона о больших опасностях, ожидающих Францию в случае нападения на Россию. Этим человеком был посол Наполеона в России маркиз Коленкур. Четыре года Коленкур пробыл в России. Он знал ее лучше, чем те, кто в Париже делали все, чтобы утвердить Наполеона в его уверенности в быстром разгроме России. Коленкур, как известно, оставил мемуары, впоследствии переведенные на русский язык. Основную часть мемуаров составляет пересказ Коленкуром его бесед с Наполеоном, происходивших как в период подготовки похода на Россию, так и тогда, когда Коленкур находился в свите французского императора на полях сражений в России. Он вел эти беседы, когда сопровождал своего побежденного повелителя во время бегства из России во Францию.

Вспомним попутно, что в числе других источников информации о России на столах гитлеровских генштабистов в период разработки «плана Барбаросса» нахо-

---

⁴⁸ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 17, стр. 188.

дился и томик Коленкура. Но самоуверенные гитлеровцы с пренебрежением отбросили его прочь.

Этот же томик Коленкура попал в роковые дни подготовки нападения на Россию в руки советника германского посольства в Москве Гильгера. И вот что он пишет в своих воспоминаниях по этому поводу: «При чтении воспоминаний Коленкура особое впечатление на меня произвело то место, где автор описывает, как он упорно пытался убедить Наполеона встать на его точку зрения в отношении России и говорил о необходимости поддержания хороших франко-русских отношений. Это место книги так живо напомнило мне точку зрения Шуленбурга, которую он выражал всякий раз, когда ему представлялась возможность говорить с Гитлером о Советском Союзе, что я решил использовать это совпадение и разыграть посла.

Однажды, когда посол зашел ко мне, я сказал, что недавно получил конфиденциальное письмо от приятеля из Берлина; в этом письме имеется очень интересное сообщение о содержании последнего разговора посла с Гитлером. Граф Шуленбург выразил удивление, поскольку он имел основания полагать, что этот разговор известен в Берлине лишь очень немногим. «Как бы там ни было,— ответил я,— вот его текст». С этими словами я стал ему читать отрывок из книги Коленкура, которую я тщательно спрятал от Шуленбурга, вложив ее в папку для документов.

Читая, я не прибавил и не убавил ни одного слова в тексте Коленкура. Я только заменил имена действующих лиц — Наполеона на Гитлера, а Коленкура на Шуленбурга. Посол проявил неподдельное и большое изумление. «Хотя это, по-видимому, не та запись, которую я сделал для себя после встречи с Гитлером,— воскликнул он,— тем не менее, текст почти слово в слово совпадает с тем, что я сказал тогда Гитлеру. Я употребил в разговоре с ним именно эти выражения. Пожалуйста, покажите мне, откуда это письмо».

Когда я протянул послу спрятанный томик мемуаров Коленкура, удивление его было безгранично, так как совпадение было действительно поразительным. Мы оба сочли это за очень дурное предзнаменование».

История показала всю основательность этого дурного предзнаменования.

Так или иначе, эти воспоминания Гильгера, как и показания Риббентропа и Штеенграхта, еще одно яркое свидетельство тщетности попыток доказать, что война, связанная германскими милитаристами против Советского Союза, являлась превентивной войной. Шуленбурга и Гильгера нельзя заподозрить в добрых чувствах в отношении Советского социалистического государства⁴⁹. Шуленбург думал прежде всего и больше всего об интересах своего класса и, надо полагать, сам бы убеждал Гитлера в необходимости покончить со страной социализма, если бы не одна весьма немаловажная деталь — Шуленбург лучше знал Советский Союз, своими глазами наблюдал за огромными экономическими успехами, он знал о все более и более укреплявшейся обороноспособности Советского государства. И он по-настоящему и всерьез опасался за судьбы Германии в таком столкновении. Только поэтому он и отговаривал Гитлера от нападения на нашу страну.

Но Гитлер и его клика считали пораженцами всех тех, кто пытался говорить им правду об экономической и военной мощи Советского Союза. Когда однажды, незадолго до нападения на СССР, приехавшие из Советского Союза германские инженеры сообщили, что Советский Союз располагает большими возможностями в производстве авиационных моторов, чем Германия, то, как показал Мильх, Геринг назвал этих инженеров пораженцами. Он запретил им повторять эту информацию кому бы то ни было и угрожал им отправкой в концлагерь⁵⁰.

Геринг не торопится защищать Германию

Современные проповедники версии о превентивной войне гитлеровской Германии против СССР и не замечают подчас того, в какое противоречие они впадают. Советскому читателю известен вышедший в переводе с немецкого сборник статей германских генералов под на-

⁴⁹ После нападения на Советский Союз Шуленбург возглавил специальный «русский» комитет, деятельность которого должна была способствовать осуществлению гитлеровских планов порабощения народов СССР.

⁵⁰ См. «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 15, стр. 38.

званием «Роковые решения». И в этом сборнике не обошлось без попытки оправдать гитлеровскую агрессию против СССР. Особенно отличился в этом отношении бывший начальник штаба Рундштедта генерал Гюнтер Блюментрит. Провокационно ссылаясь на то, что «Советы создали огромную армию и постепенно увеличивали ее», Блюментрит делает вывод о том, что Советский Со-

Геринг и Гесс на скамье подсудимых в Нюрнберге.

юз был «намерен завоевать всю Европу»⁵¹. Отсюда Блюментриту остался лишь один шаг к утверждению того, что гитлеровская Германия вела против СССР не агрессивную, а превентивную войну. С другой стороны, Блюментрит утверждает следующее: «Весной 1941 года фельдмаршал Рундштедт, который провел большую часть

⁵¹ «Роковые решения. Сборник статей», Воениздат, 1958, стр. 65.

первой мировой войны на Восточном фронте, спросил Гитлера, знает ли он, что значит вторгнуться в Россию. Главнокомандующий сухопутными силами Германии фельдмаршал фон Браухич и его начальник штаба генерал Гальдер отговаривали Гитлера от войны с Россией. С такими же предостережениями обращался к нему генерал Кестринг, который много лет жил в России. Но все это не принесло никаких результатов»⁵².

Эта попытка представить германский генералитет противником войны с Советским Союзом не представляет собой ничего нового. И дальше мы покажем всю ее фальшь. Но в данном случае нас интересует то, что, как утверждается, германские генералы всячески отговаривали Гитлера от нападения на СССР. Собственно, и сам Геринг утверждал в своих показаниях на процессе, что он был противником войны с Советским Союзом. Геринг сообщает суду о том, что ему стало известно о подготовке нападения на СССР в 1940 году. Вот выдержка из стенографического отчета:

«Штаммер (адвокат Геринга): Какова была тогда ваша позиция по вопросу о наступлении на Россию?

Геринг: Я сам вначале был застигнут врасплох (!) и попросил фюрера разрешить мне высказать свое мнение через несколько часов... Затем вечером (наша беседа происходила днем) я сказал фюреру следующее. Я настоятельно и убедительно прошу его в этот момент или в ближайшее время не начинать войну с Россией, и не потому, что я имел в виду соображения международного права или другие соображения, а потому, что я исходил исключительно из политической и военной обстановки»⁵³.

Далее Геринг объясняет, что он опасался войны на два фронта, что нападение на СССР могло ускорить вступление в войну США против Германии. Разумеется, ни на одну секунду нельзя представлять дело таким образом, что Геринг вообще был против нападения на СССР. Он и сам, заключая свои объяснения, сказал на процессе: «Таковы соображения, выдвигавшиеся мною относительно *отсрочки* момента выступления». Геринг

---

⁵² «Роковые решения. Сборник статей», стр. 66.

⁵³ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 15, стр. 475.

считал, что надо сначала закончить войну на Западе, а затем уже обрушиться на Советский Союз.

Так или иначе, Геринг утверждает, что он был против войны с Советским Союзом и в 1940 году и считал, что надо отложить ее с 1941 года на более поздний период.

Но если Советский Союз усиленно готовился к нападению на Германию, угрожающе концентрировал свои войска у германской границы, как же германские генералы, которые так много распинаясь о долге и присяге, могли выступать против войны с СССР, которая при указанных обстоятельствах представлялась вовсе не агрессивной? Как можно говорить о необходимости отложить начало нападения на СССР на неопределенное время (до окончания войны с Англией), если противник с часу на час ринется на Германию?

Тогдашний начальник генштаба Гальдер 22 мая 1941 г. записал в своем дневнике: «Аэрофотосъемка подтверждает наше мнение о том, что русские полны решимости удерживать свои границы».

Он же пишет: «Я не думаю о вероятности русской инициативы... В России управляют разумные люди»⁵⁴.

Не ясно ли без всяких комментариев, что все эти хладнокровные расчеты гитлеровцев в период подготовки войны против Советского Союза могли быть возможны лишь при условии полной уверенности в том, что Советский Союз не собирается нарушать договор о ненападении.

Указанное противоречие было очень остро подмечено во время одного из допросов, произведенных главным обвинителем от СССР Р. А. Руденко на Нюрнбергском процессе. Шел допрос Мильха, главного инспектора военно-воздушных сил. Вот весьма характерная выдержка:

Руденко. И вы утверждаете, что Геринг не желал воевать с Россией?

Мильх: Таково было мое впечатление.

Руденко: А почему Геринг не желал воевать с Россией? Со страной, которая нападает на Германию? Ведь это — оборонительная война?

Мильх: Геринг отрицательно относился к такой войне.

Руденко: К оборонительной войне?

---

⁵⁴ «Военно-исторический журнал», 1959 г., № 2, стр. 65, 70, 84.

Мильх: Он лично отрицательно относился ко всякого рода войнам. (*Смех в зале*)»⁵⁵.

Так разоблачили себя гитлеровцы на Нюрнбергском процессе, так провалилась их попытка представить разбойничью агрессивную войну войной превентивной, оборонительной.

Читатель уже знаком с показаниями заместителя Геббельса Фриче, который вынужден был признать, что лживая версия о превентивной войне была пущена в эфир и на страницы газет по прямому указанию Риббентропа.

В заключение для оценки достоверности этой версии нельзя не привести следующие слова из показаний гитлеровского командующего военно-морским флотом Редера:

«Изданные в начале войны пропагандистские политические и военные статьи министерства иностранных дел и командования вооруженных сил, которые должны были оправдать разрыв договора нарушением его со стороны Советского Союза, пользовались как в народе, так и в вооруженных силах очень небольшим доверием. Они носили слишком большой отпечаток определенно направленной пропаганды и производили отталкивающее впечатление (курсив мой. — А. П.)»⁵⁶.

Таковы в целом бесспорные исторические документы, которые не оставляют камня на камне от насквозь фальшивой, провокационной и антисоветской версии превентивной войны. Война, которую при помощи западных держав Гитлер развязал против Советского Союза, была войной агрессивной, чудовищно преступной.

„Закончить кампанию к началу зимы“

Мирное безоблачное небо стояло над советской землей. В пограничных песках над Бугом и Саном царили покой и тишина, и, казалось, ничто не может ее потревожить.

А в это время на Унтер ден линден в Берлине в бывшем здании советского посольства, где теперь размести-

⁵⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 15, стр. 121.

⁵⁶ Там же, т. 25, стр. 136.

лось ведомство Альфреда Розенберга, склонившись над картами СССР, уже корпели будущие рейхскомиссары оккупированных советских территорий. То сидели нацистские чиновники созданного еще до начала войны с СССР центрального департамента по делам России. Шли последние лихорадочные приготовления к реализации плана расчленения Советского Союза.

...8 июня 1941 г. В этот день рейхслейтер Альфред Розенберг, уполномоченный Гитлера по «центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейскими областями», разослал «Общие инструкции для всех рейхскомиссаров оккупированных восточных территорий». Вот что гласил, в частности, этот документ, представленный в 1946 году Международному Военному Трибуналу: «...На долю национал-социалистского движения выпало осуществить политический завет фюрера, изложенный в его книге, и навсегда уничтожить военную и политическую угрозу с Востока.

Поэтому эта огромная территория должна быть разделена в соответствии с ее историческими и расовыми признаками на рейхскомиссариаты, каждый из которых имеет различное политическое предназначение.

Так, например, перед имперским комиссариатом Остланд, включающим Белоруссию, будет стоять задача подготовиться путем постепенного превращения его в германизированный протекторат к более тесной связи с Германией. Украина станет независимым государством в союзе с Германией, а Кавказ с прилегающими к нему северными территориями станет федеральным государством с германским полномочным представителем. Сама Россия должна занимать в будущем только принадлежащую ей территорию»⁵⁷.

Вероломное нападение на Советский Союз, реставрация на его территории капиталистических порядков, расчленение Советской страны на отдельные части, из которых многие должны быть присоединены к Германии, подчинение экономических ресурсов и природных богатств оккупированной страны германским промышленным магнатам — все эти захватнические цели, забла-

---

⁵⁷ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 549.

говременно поставленные еще в «плане Барбаросса», получили свое отражение в инструкции Розенберга.

Фашистские заправки — да и не только они, но и многие военные и государственные деятели на Западе — не сомневались в том, что разгром Советской Армии и уничтожение социалистического государства — вопрос дней. Руководители гитлеровской Германии не скупилась на хвастливые заявления, в которых выражалась уверенность в быстрой реализации их авантюристических планов.

27 марта 1941 г. германский министр иностранных дел Риббентроп в беседе с японским министром иностранных дел Мацуока заявил: «В Германии уверены, что война с Россией закончится окончательным разгромом русских армий и крушением государственного строя»⁵⁸.

В своих «Воспоминаниях солдата» гитлеровский генерал Гудериан писал: «В верховном командовании вооруженных сил и в главном командовании сухопутных сил так уверенно рассчитывали закончить кампанию к началу зимы, что в сухопутных войсках зимнее обмундирование было предусмотрено только для каждого пятого солдата»⁵⁹. Гудериан опровергает германских генералов, которые пытались отнестись к этому как к промаху за счет Гитлера. Он показывает, что руководство германской армии также было повинно в этом.

«Я не сделаю такой ошибки, как Наполеон, — самоуверенно говорил Гитлер своим приближенным, — когда пойду на Москву. Я выступлю достаточно рано, чтобы достичь ее до зимы».

Характерно, что генерал Иодль незадолго до нападения на СССР вторил Гитлеру: «Через три недели после нашего наступления этот карточный домик развалится»⁶⁰.

Используя фактор внезапного удара, фашистские полчища 22 июня 1941 г. перешли границу и стали быстро продвигаться в глубь советской территории. Части Советской Армии, ведя ожесточенные оборонительные сражения, вынуждены были отходить на Восток. Герман-

---

⁵⁸ «Правда», 20 февраля 1948 г.

⁵⁹ Цит. по Г. А. Деборину, Вторая мировая война, стр. 103.

⁶⁰ «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. I, 1954, стр. 371.

ские генералы ликовали: события разворачивались согласно намеченному плану. Начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал Гальдер самодовольно говорил: «Не будет преувеличением, если я скажу, что кампания против России была выиграна в течение 14 дней».

Первые успехи, достигнутые благодаря внезапности нападения, лишили гитлеровцев чувства реального. Риббентроп в ноябре 1941 года писал в газете «Гамбургер фремденблатт», что СССР «перестал быть фактором, имеющим значение»⁶¹.

Германские военные руководители считали, что участь Советской Армии решена, что советское командование уже не в силах создать боеспособную фронтальную оборону. Гитлер громогласно объявил в начале июля, что важнейшие жизненные центры Советского Союза падут в ближайшие дни. Видимо, не имея терпения дожидаться занятия этих центров, 8 июля 1941 г. он поспешил издать приказ: «Москву и Ленинград сравнять с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов и не кормить его в течение зимы». Впрочем, не только нацистская Германия спешила торжествовать победу над Советским Союзом.

Известно, что многие военные и политические деятели Запада пессимистически оценивали перспективы СССР в войне с Германией. В своих мемуарах Уинстон Черчилль, в то время премьер-министр Великобритании, писал: «Почти все ответственные военные придерживались той точки зрения, что русские армии будут быстро разгромлены и в большей степени уничтожены»⁶². Правда, Черчилль здесь ссылается на военных, но и он сам думал примерно то же. Так, в телеграммах своим сотрудникам от 6 и 19 июля 1941 г. Черчилль указывал на возможное «падение России»⁶³. (Заметим, что в Советской стране в тяжелые для Англии дни не пророчили падения Англии.)

Американское агентство Ассошиэйтед Пресс, имея в виду совещание военных руководителей США с участием генерала Маршалла, объявило:

⁶¹ «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. II, 1954, стр. 177.

⁶² Г. А. Деборин, Вторая мировая война, стр. 123.

⁶³ Там же.

«Хорошо информированные лица заявляют, что Германия должна разгромить Красную Армию в течение трех месяцев. Эти лица допускают возможность, что Германия одержит победу в течение одного месяца...

В случае, если германское вторжение завершится успехом в течение одного месяца, возможно, будет еще время для попытки завоевания Англии в этом году»⁶⁴.

Уходили на Восток первые эшелоны с демонтированными заводами и эвакуируемым населением. Героически сражались защитники осажденного Бреста. Покрывались уличными баррикадами окраины Ленинграда и Одессы. Под Луцком шел ожесточенный танковый бой. Советская Армия, изматывая врага, с тяжелыми боями отступала на восток.

Потом многие поняли: именно тогда, в начале войны, Советская Армия, несмотря на отступление и жестокие потери, выбила из рук германского командования его главный козырь — ставку на «блицкриг».

Советская страна переживала тяжелые, но героические дни. Опасность нависла над социалистическим отечеством. К середине июля немецкие дивизии вышли на дальние подступы к Ленинграду, захватили Смоленск. Войскам генерал-фельдмаршала Рундштедта оставалось менее ста километров до Киева.

„Во-первых..., во-вторых..., в-третьих...“

Головы гитлеровских генералов кружились от успехов.

16 июля 1941 г. в ставке верховного главнокомандующего состоялось совещание, протокол которого для потомства составил Борман, заместитель Гитлера по руководству национал-социалистической партией. Пройдет всего лишь несколько лет — и участники этого совещания, бывшие заправилы «третьего рейха», такие как Геринг, Кейтель, Розенберг, трансформированные в подсудимых на Нюрнбергском процессе, будут с пеной у рта оспаривать достоверность многого из того, что записано в протоколе Бормана. Никто, правда, из этих людей, не мог спорить против того, что протокол составлен лично Бор-

---

⁶⁴ Г. А. Деборин, Вторая мировая война, стр. 123.

маном, и уж подавно не мог утверждать, что тогда, в 1941 году, когда им казалось, что Советский Союз уже у ног Германии, Борман был озабочен сбором доказательств для будущего Трибунала в Нюрнберге.

Обратимся же к этому протоколу. Он начинается следующими словами:

«Ставка фюрера 16. 7. 1941 года.

• Секретный документ государственной важности.

Запись для архива.

По указанию фюрера сегодня в 15 часов у него состоялось совещание с участием рейхслейтера Розенберга, рейхсминистра Ламмерса, фельдмаршала Кейтеля, рейхсмаршала (Геринга. — А. П.) и меня. Совещание началось в 15 часов и, включая перерывы на кофе, длилось до 20 часов».

Гитлер сразу же внес ясность в вопрос о том, кто должен выиграть на войне с Советским Союзом. Одно дело — пропаганда Геббельса, утверждающая, что эта война всей Европы против «русского большевизма», другое дело — кто получит возможность грабить страну и «грабить эффективно», как потом выразился Геринг, кому будет предоставлено право вывозить хлеб, нефть, уголь и прочие трофеи. Заявление, сделанное по этому поводу Гитлером, не оставляло никаких сомнений в том, что никому другому он не собирается передоверять грабеж, да никто так и не сумеет его провести, как многоопытные нацистские грабители. Вот текст протокола:

«Открывая совещание, фюрер заявил, что он хочет сделать несколько принципиально важных заявлений. Сейчас необходимо провести ряд мероприятий. Это доказывает, между прочим, бесстыдный выпад одной вишійской газеты, заявившей, будто война против Советского Союза есть война для всей Европы и ее, дескать, нужно вести на пользу всей Европе. Очевидно, вишійская газета хочет подобными намеками добиться того, чтобы из этой войны извлекали пользу не только немцы, но и все европейские государства».

Надо ли останавливаться на том, что такое посягательство на монопольное право нацистов грабить Советский Союз пришлось не по вкусу участникам совещания и было с презрением отвергнуто.

Протокол этого совещания тем более ценен теперь, когда многие западноевропейские реваншисты из числа

тех, кто подвизается на ниве истории второй мировой войны, пытаются представить гитлеровскую оккупационную политику на оккупированных территориях СССР как некое «благодеение» для населения, стремятся приписать этой политике «идеалистические цели».

«Итак, — заявил Гитлер на этом совещании, — мы снова будем подчеркивать, что вынуждены оккупировать территории, навести на них порядок и обеспечить безопасность; в интересах местного населения мы-де обязаны позаботиться о спокойствии, снабжении, транспорте и т. д. и т. п. Для этого и вводятся наши порядки. Никто не должен догадываться, что эти порядки — окончательные. Все необходимые меры — расстрелы, выселение и т. д. — мы проведем, несмотря ни на что».

«В принципе речь идет о том, чтобы удобно разделить огромный пирог, дабы мы могли им:

во-первых, овладеть,
во-вторых, управлять,
в-третьих, эксплуатировать».

Как же делила этот пирог гитлеровская клика? Сам «фюрер» наметил детальную программу.

«Крым следует очистить от всех инородцев и заселить немцами. Бывшая австро-венгерская Галиция подлежит включению в рейх. Наши отношения с Румынией сейчас хороши, но кто знает, как они сложатся в будущем! Поэтому надо быть готовым ко всему, в том числе быть готовым ко всему в вопросе о границах...»

Гитлер тут же обратил внимание на то, что осуществление разбойничьей программы — «во-первых, овладеть, во-вторых, управлять, в-третьих, эксплуатировать» — будет возможно лишь при условии, если оружие будут носить в Европе только немцы.

«Нельзя допустить существования каких-либо вооруженных сил западнее Урала, даже если для достижения этой цели нам пришлось бы вести войну сто лет. Все преемники фюрера должны знать: безопасность рейха обеспечена лишь тогда, когда западнее Урала нет чужеземной военной силы. Охрану этого района от всех возможных угроз берет на себя Германия. *Железный принцип на веки веков: никому, кроме немца, не должно бы быть дозволено носить оружие*».

А дальше на совещании произошел оживленный обмен мнениями по поводу того, как расчленить террито-

рию Советского Союза. Никто из участников совещания тогда, 16 июля 1941 г., не сомневался в том, что «с Россией покончено». Это потом, несколько лет спустя, находясь уже на скамье подсудимых, Геринг стал что-то мямлить о том, что «тогда-де, мол, рано было еще делить пирог», что надо было еще победить... «Я, как старый охотник, действовал по тому принципу, что шкуру медведя следует делить только после того, как медведь убит»⁶⁵.

Но эта оригинальная мысль пришла Герингу в голову лишь тогда, когда по улицам Берлина маршировали уже советские солдаты и когда сам он оказался в одиночной камере старой нюрнбергской тюрьмы. Вот теперь он пытается представить совещание 16 июля 1941 г. как нечто несерьезное и гипотетическое.

Но достаточно ознакомиться с текстом протокола этого совещания, чтобы убедиться в том, что цели войны гитлеровской Германии в отношении Советского Союза были там намечены, как говорится, «на полном серьезе». Гитлер сказал: «Мы должны действовать так, как будто осуществляем некий мандат. Однако для нас самих должно быть ясно, что из этих областей мы *никогда* не уйдем».

Какие же области имел в виду Гитлер и как нацистская клика планировала расчленение Советского Союза? Об этом лучше всего скажет запись протокола упомянутого совещания у Гитлера. Приведем обширную выдержку, ценность которой и в том, что она вовсе не требует комментариев.

«В Прибалтике должны быть взяты под управление территории до Двины (по согласованию с Кейтелем)...

Рейхсмаршал (Геринг.— А. П.) просит фюрера сообщить, какие территориальные обещания он дал другим государствам.

Фюрер отвечает, что Антонеску хочет Одессу и Бессарабию, а также полосу, идущую от Одессы к западу и к северо-западу... Затем фюрер подчеркивает, что венграм, туркам и словакам не обещано ничего определенного. Затем фюрер ставит на обсуждение вопрос — стоит ли бывшую австро-венгерскую часть Галиции включать в

---

⁶⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 16, стр. 378.

генерал-губернаторство. В ответ на возражения фюрер решает, что эта область (Львов) не войдет в генерал-губернаторство, а будет лишь подчинена рейхсминистру Франку.

Рейхсмаршал заявляет, что считает нужным включить в состав Восточной Пруссии некоторые районы Прибалтики...

Фюрер подчеркивает, что вся Прибалтика должна стать частью рейха; в рейх также следует включить Крым с значительным «хинтерландом» (район севернее Крыма). «Хинтерланд» должен быть значительного размера. Розенберг выражает сомнение, указывая на украинское население...

Затем фюрер заявляет, что приволжская колония⁶⁶ должна стать частью рейха, равно как и район Баку. Этот район должен быть немецкой концессией (военным поселением).

Финны хотят получить Восточную Карелию, однако из-за наличия большого никелевого месторождения на Кольском полуострове последний отойдет к Германии. Крайне осторожно надо начать подготовку присоединения Финляндии в качестве федерального государства. Финны претендуют на район Ленинграда. Однако фюрер сначала сравнивает Ленинград с землей, а затем отдаст его финнам».

„Нижеподписавшийся рекомендует Коха гаулейтером Москвы“

После решения вопроса о том, как расчленить Советский Союз и куда определить куски его территории, «высокое совещание» приступило к подбору кандидатур на должность гаулейтеров. По своим субъективным качествам кандидаты должны были соответствовать задаче, которая ставилась перед ними: колонизировать советские территории, максимально грабить их. Не случайно поэтому на эти посты, как правило, ставились крупные чиновники нацистской партии.

На Нюрнбергском процессе были представлены многочисленные материалы о зверской политике гитлеров-

---

⁶⁶ Гитлер имел в виду территорию, где проживали немцы Поволжья.

ского наместника на Украине Коха. Вряд ли есть необходимость приводить эти материалы здесь. Укажем лишь на то, что Альфред Розенберг (участник пресловутого совещания 16 июля 1941 г.) на процессе в Нюрнберге, не имея возможности оспорить всю массу чудовищных преступлений на Украине, утверждал, что все они были совершены Кохом вопреки его, Розенберга, указаниям. Розенберг оставил потомству мемуары, в которых он изображает свою политику на оккупированных территориях СССР как политику в высшей степени гуманную и соответствовавшую интересам населения этих территорий. Мемуары Розенберга изданы в ряде стран Западной Европы и широко пропагандируются. Сегодня они встали в ряд тех книг, которые составляют идеологический арсенал подстрекателей новой войны.

В этой книге Альфред Розенберг изображает дело таким образом, будто он неизменно протестовал против незаконных действий Коха на Украине, но не мог добиться успеха, так как Кох был непосредственно связан с Гиммлером. Ну, а кто же рекомендовал Коха в качестве рейхскомиссара, кто дал ему соответствующую характеристику? Оказывается, все тот же Розенберг. Да, и он это не скрывает. Он лишь заявляет, что Коха рекомендовал потому, что хорошо его знал, «знал труды Коха 1933—1934 гг., где он высказывал особое расположение ко всему русскому»⁶⁷. Вот такого «гуманного» человека и рекомендовал Розенберг.

Розенберг не отрицает теперь, на Нюрнбергском процессе, что Кох — это злодей, каких мало было даже в гитлеровской шайке. Да, все это так. И тем не менее он, Розенберг, этих черт характера Коха «не знал» и рекомендовал его именно как человека «доброго» и «отзывчивого» ко всему русскому. Но так уж случилось (как, впрочем, и с другими подсудимыми, когда они отрицали предъявленные им обвинения), что обвинители нашли один весьма любопытный документ, содержание которого никак не согласовывалось с упомянутым заявлением Розенберга.

Был апрель 1941 года. Полным ходом шла подготовка нападения на СССР. Точно уже расписаны графики

---

⁶⁷ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 20, стр. 292.

всех основных операций. Намечена уже и дата захвата Москвы. Пройдет немного времени — и Гитлер даст указание подготовить пригласительные билеты на парад германских войск на Красной площади. Но вот беда, никак не могут подобрать подходящего человека на пост гаулейтера Москвы. И здесь на помощь приходит Розенберг. В одном из документов в апреле 1941 года он писал: «Далее может возникнуть необходимость в военной оккупации не только Петербурга, но и Москвы. Эта оккупация, естественно, будет носить совершенно иной характер, чем оккупация балтийских провинций, Украины и Кавказа. Она будет иметь своей целью подавление всего русского и большевистского сопротивления и *потребует жесткости* как от военных властей, так и от политического руководства... Если не предусматривается создание постоянной военной администрации, то нижеподписавшийся рекомендует в качестве рейхскомиссара и имперского уполномоченного в Москве гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха»⁶⁸.

Однако Кох не поехал в Москву. Не пришлось. Но на Украине все же оказался. Оказался как раз в результате того самого совещания 16 июля 1941 г., на котором гитлеровские главари не только произвели раздел территории Советского Союза, но и долго и упорно спорили, кого бы назначить гаулейтерами на эти территории. Принцип был один — отобрать таких, которые идеологически и практически наилучшим образом подготовлены для выполнения террористических и грабительских планов Гитлера.

Для того чтобы представить себе колорит такого обсуждения, приведем цитату из записи Бормана: «Затем начинается долгая дискуссия о пригодности гаулейтера Лозе, которого Розенберг предлагает на пост губернатора Прибалтики. Розенберг неоднократно повторяет, что он уже столкнулся с Лозе, и будет весьма неудобно, если Лозе не получит этого поста. Западную часть Прибалтики пусть получит Кубе, который будет подчинен Лозе. Для Украины Розенберг предложил Заукеля.

Ему возражает рейхсмаршал. Он снова подчеркивает главные принципы, которые для нас важнее всего: обес-

---

⁶⁸ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 20, стр. 292.

печение снабжения; насколько возможно — функционирование экономики; обеспечение путей сообщения.

Рейхсмаршал заявляет, что для Прибалтики подходит Кох, — он хорошо знает ее. В ином случае Коху надо дать Украину, где он будет хозяйничать наилучшим образом, ибо Кох — личность инициативная и у него есть подготовка.

Фюрер спрашивает: а может быть, Кубе подходит в качестве рейхскомиссара для Московской области?

Розенберг и рейхсмаршал отвечают, что он слишком стар...

Для Кавказа Розенберг подыскал своего начальника штаба Шикеданца. Он несколько раз повторяет, что тот, безусловно, хорошо справится с этой задачей. Рейхсмаршал сомневается.

Затем Розенберг заявляет, что Лутце предложил ему использовать ряд командиров СА, в том числе: Шеппмана — в Киеве, Мантеля, д-ра Беннеке, Лицмана — в Эстонии, бургомистра д-ра Дрекслера — в Латвии. Фюрер не возражает против использования командиров СА.

...Розенберг заявляет, что хотел бы использовать в Московской области в качестве комиссаров Шмеера, Зельцнера и Мандербаха.

Фюрер изъявляет желание использовать Хольца, а управление Крымом передать бывшему гаулейтеру Фрауэнфельду.

Розенберг объявляет, что хочет найти пост для капитана фон Петерсдорфа — человека заслуженного. Все возмущены, все протестуют. Фюрер и рейхсмаршал заявляют, что фон Петерсдорф, без сомнения, психопат.

...Ввиду того, что, по мнению рейхсмаршала и Розенберга, Кубе слишком стар для Московской области, эту область должен принять Каше...

Рейхсмаршал заявляет, что хотел бы передать Кольский полуостров для эксплуатации гаулейтеру Тербовену. Фюрер согласен. Фюрер заявляет, что если Лозе чувствует себя в силах, то он должен взять себе Прибалтику, Каше — Москву, Кох — Украину, Фрауэнфельд — Крым, Тербовен — Кольский полуостров, Шикеданц — Кавказ»⁶⁹.

⁶⁹ См. «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 581—585. Перевод дается по: Л. Безыменский, Неправимые, «Новый мир», 1959 г., № 3, стр. 7—149.

Так гитлеровская клика сначала подготовила проект расчленения Советского государства, а затем определила, в чьи руки должны быть отданы управление и эксплуатация советских территорий. Вряд ли следует удивляться той торговле, которая происходила в гитлеровской ставке при распределении портфелей имперских комиссаров. Здесь, кроме общих грабительских интересов нацистской клики, имели место чисто личные соображения, ибо немалая часть награбленного потекла в широкие карманы имперских комиссаров, а через них — и в карманы тех, кто их назначал, особенно Герингу. Недавно в Западном Берлине закончился судебный процесс, в результате которого вдове Геринга присуждено 2,5 млн. марок из имущества, оставшегося после Геринга. И это — лишь самая незначительная часть награбленных им ценностей.

Как уже говорилось, Геринг пытался смягчить впечатление от протокола Бормана, стремясь поставить под сомнение некоторые его положения. Вот выдержка из стенограммы:

«Геринг: Но протокол неправильный.

Руденко: А кем этот протокол был записан?

Геринг: Борманом.

Руденко: А какой же был смысл Борману вести неправильную запись этого совещания?

Геринг: Борман преувеличил кое-что в протоколе.

Руденко: Много?

Геринг: Например, об областях Волги...

Руденко: Тогда давайте уточним, что вы считаете правильным. Крым хотели сделать областью империи — так ли?

Геринг: Фюрер хотел иметь Крым»⁷⁰.

А дальше Геринг фактически уже не мог отрицать, что протокол Бормана правильно отражает то, что происходило в тот достопамятный день, 16 июля 1941 г., в имперской канцелярии.

„Это имя я уничтожу“

Выше речь шла о совещании 16 июля 1941 г. Но следует отметить, что преступные цели войны гитлеровской

⁷⁰ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 16. стр. 374.

Германии, как уже указывалось выше, были определены еще задолго до начала войны. Эти цели повторялись начиная от документов «плана Барбаросса» (18 XII 1940 г.) и кончая речью Розенберга 20 июня 1941 г., то есть за два дня до нападения на СССР. Эта речь была произнесена Розенбергом перед сотрудниками его ведомства. Розенберг не сомневался, что Советский Союз будет в самое ближайшее время разгромлен. Поэтому он потопился изложить перед специалистами по Востоку «принципы обращения» с СССР. А «принципы» эти должны были теоретически оправдать расчленение Советского Союза и его тотальное ограбление. Для наиболее эффективного ограбления Розенберг в своей речи 20 июня 1941 г. предусмотрел создание четырех рейхскомиссариатов: Прибалтика (включая Белоруссию), Украина (с включением Курской, Воронежской, Тамбовской и Саратовской областей), Кавказ (с включением районов восточнее Волги и южнее Ростова) и Россия.

На Нюрнбергском процессе эта речь Розенберга была ему предъявлена, и он не мог отказаться от авторства. Розенберг говорил, что нет причин снабжать русский народ излишком продуктов этих территорий. «Это, — заявил он, — суровая необходимость, при осуществлении которой чувства не принимаются во внимание».

Изложив в деталях человеконенавистническую программу, Розенберг не забыл и того, что многие миллионы советских людей будут выселены, чтобы дать место «более полноценным в расовом отношении». «Без сомнения, — сказал Розенберг, — потребуются интенсивная эвакуация, и в будущем русском предстоит пережить очень тяжелые годы»⁷¹.

О Ленинграде Гитлер уже позаботился, приказав снести его с лица земли. Что же касается Москвы, то «это имя, — сказал Гитлер, — я уничтожу, а там, где находится сегодня Москва, я создам большую свалку»⁷².

Ближайший подручный Гитлера Гиммлер — непосредственный организатор террористической политики нацизма — заявил, что им намечено уничтожить 30 миллионов славян. Вообще же славяне «должны стать не-

---

⁷¹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 20, стр. 272.

⁷² «Münchener Illustrierte», 1958, Nr. 25. S. 26.

исчерпаемым резервуаром рабов в духе Древнего Египта или Вавилона. Отсюда должны поступать дешевые сельскохозяйственные и строительные рабочие для германской нации господ»⁷³.

Так планировали гитлеровцы обращение с народами Советского Союза. Но не только планировали. Население временно оккупированных фашистами советских территорий испытало на себе, что означает гитлеровская программа массового уничтожения и порабощения.

---

⁷³ «Münchener Illustrierte», 1958, Nr. 25, S. 26.

„ДЕРЕВО С ОТРАВЛЕННЫМИ ПЛОДАМИ“

„Прежде чем шлифовать оружие, надо отполировать репутацию“

Разбойничий германский милитаризм дважды на протяжении трех десятилетий развязывал мировые войны. Десятки миллионов человеческих жертв и сотни разрушенных городов—таков печальный и выразительный итог преступлений германских милитаристов.

Но уже через несколько лет после окончания второй мировой войны кое у кого на Западе появилась тоска по германскому милитаризму.

Народам Европы хорошо известна разбойничья роль германского милитаризма. Памятны и чудовищные преступления гитлеровской военщины.

В то же время реакционные круги Запада, поставившие перед собой цель развязывания мировой войны против СССР и других социалистических стран, сразу же сделали ставку на возрождение германского милитаризма. Понимая, однако, что не так-то легко заставить народы, пережившие ужасы гитлеровской оккупации, сотрудничать с возрожденным германским милитаризмом, правящие круги западных держав делают все, чтобы реабилитировать в глазах нового поколения германскую военщину, представить ее как силу, ничего общего не имевшую с гитлеризмом и, более того, выступавшую против Гитлера. Таким путем пытаются идеологи империализма одурачить народные массы, представить новый союз империалистов Запада с германским милитаризмом как нечто вполне закономерное и во всяком случае не

противоречащее национальным интересам западных стран.

Еще Ф. Энгельс указывал, что буржуазии «свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»¹.

Так было во времена Энгельса. Так оно осталось и в наши дни. Для реакционных историков фальсификация стала неперменным методом создания сочинений по истории второй мировой войны. Фальсификация стала средством идеологической борьбы реакции за то, чтобы подготовить народные массы к новой войне.

Вот и стараются реакционные историки и публицисты доказать, что сотрудничество Запада с германским милитаризмом и есть защита идей и нравственных принципов, соответствующих интересам «западной цивилизации».

«Прежде чем шлифовать оружие, надо отполировать репутацию». Руководствуясь этим положением, современные защитники германского милитаризма ложно утверждают, что если Гитлер и имел на своем пути к власти и реализации своей агрессивной программы серьезное препятствие, то им являлся германский генералитет.

Кампания реабилитации германской военщины, начавшись уже в первые годы после второй мировой войны, нарастала по своим темпам и интенсивности по мере усиления процесса перевооружения Западной Германии, то есть по мере того, как гитлеровские генералы вливались в руководящий слой западногерманского бундесвера.

Особую активность проявляют в этом отношении западногерманские реакционные историки и юристы, среди которых, конечно, и те, кто в 1945—1946 годах являлись адвокатами главных немецких военных преступников. Весьма активную роль в деле реабилитации германских генералов играют... и сами эти генералы, наводнившие в послевоенные годы мировой книжный рынок своими «воспоминаниями», основное назначение которых состоит в том, чтобы отделить германский генералитет от Гитлера и представить германских генералов

---

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. X, Госполитиздат, 1948, стр. 104

противниками фашизма и агрессии, возвеличить в глазах нового поколения подлость германской военщины.

Еще на Нюрнбергском процессе генерал Браухич в заявлении на имя Международного Трибунала писал:

«Немецкие солдаты всех рангов подготавливались к обороне и защите своей родины. Они не помышляли о захватнической войне или о распространении германского господства на народы»².

Кто же в таком случае сверг Германию и всю Европу в кровопролитнейшую войну? Ответ в ряде случаев гласит: во всем виноват один лишь Гитлер. «Один человек сумел привести Европу к чудовищному варварству, пережитому народами», «он по своей лишь воле зажег пожаром буквально весь мир», «против него все были бессильны?»³.

Эти слова принадлежат западногерманскому реакционному историку Герхарду Риттеру, отражающему таким образом общее стремление потерпевшего поражение германского генералитета свалить всю ответственность за мировую войну на трусливо покончившего с собой Гитлера.

Кампания реабилитации гитлеровского генералитета не является, конечно, самоцелью, — она лишь средство для восстановления в современных условиях германского милитаризма, средство для привлечения на командные посты отпетых гитлеровских генералов-головорезов. Конечно, политика восстановления разбойничьего германского милитаризма была бы невозможной, если бы Запад этого не хотел, если бы Запад не оказал поддержки гитлеровским генералам в их возвращении к власти.

На XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН английский премьер-министр Макмиллан пытался объяснить помощь западных держав в воссоздании агрессивного бундесвера тем, что будто бы Западной Германии угрожает Германская Демократическая Республика. И уж, конечно, такая политика Запада объясняется «русской угрозой» Европе. Ведь США и Англия с самого начала делали все, чтобы не допустить восстановления германской

² «International Military Tribunal at Nuremberg. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal at Nuremberg», vol. 20, Nuremberg, 1948, p. 574.

³ G. Ritter, *Geschichte als Bildungsmacht*, Stuttgart, 1947, S. 24.

армии. Разве не в американских и английских тюрьмах в первые же дни после войны оказались все виднейшие гитлеровские фельдмаршалы и генералы? Разве не США, Англия и Франция вместе с Советским Союзом организовали Нюрнбергский процесс над Герингом, Риббентропом и другими подручными Гитлера? И все шло хорошо, пока Запад не убедился в «агрессивных замыслах» Советского Союза. Только после этого стала необходима политика создания западногерманской армии как щита против «коммунистической опасности». Безусловно, никто-де, мол, не может сомневаться в том, что в первые годы после окончания войны правительства западных держав искренне стремились к тому, чтобы ни в какой мере не допустить восстановления германской армии.

Германский генеральный штаб под судом

Действительно, 15 лет назад люди, читавшие сообщения из Нюрнберга, где происходил первый в человеческой истории судебный процесс над агрессией, могли думать, что и западные державы — США, Англия и Франция — стремятся на этом процессе не только наказать гитлеровскую клику, но и создать условия, которые затруднили бы в будущем восстановление германского милитаризма.

Обвинительное заключение требовало признания германского генерального штаба преступной организацией. Надо ли объяснять, какое огромное предупредительное значение имел бы такой акт: ведь признание Международным Трибуналом германского генерального штаба преступной организацией означало бы уголовное наказание всего костяка гитлеровской армии — 107 фельдмаршалов и генералов, означало бы создание не только правового, но мощного морально-политического препятствия на пути восстановления в будущем этой агрессивной организации.

Но ведь в том-то и дело, что этого не случилось!

Представив суду массу убедительных по своей силе и ужасающих по своему характеру доказательств преступной деятельности германского генштаба, американский обвинитель генерал Тэльфорд Тэйлор резюмировал:

«Центральной пружиной немецкого милитаризма в течение многих лет являлась группа профессиональных

военных руководителей, которая стала известна всему миру как «немецкий генеральный штаб». Именно поэтому разоблачение и дискредитация этой группы в результате объявления ее преступной являются значительно более важными, чем судьба отдельных лиц, одетых в военную форму и сидящих сейчас на скамье подсудимых».

«Если сбить с дерева отравленные плоды, то этим будет достигнуто немного. Гораздо труднее выкорчевать это дерево со всеми его корнями, однако только это, в конечном счете, приведет к добру.

Деревом, которое принесло эти плоды, является немецкий милитаризм»⁴.

Как же случилось, что уже тогда, в 1946 году, когда еще даже самые крикливые антисоветские газеты Запада не писали об «угрозе с Востока», кое-кто постарался не допустить признания германского генштаба преступной организацией, а сам генерал Тэйлор вскоре был уволен в отставку и превращен в США в мишень для нападок.

Что и говорить! Западные державы действительно наряду с Советским Союзом участвовали в Нюрнбергском процессе. Этого процесса жаждало все человечество, рассматривая его как справедливое возмездие за прошлое и суровое предупреждение на будущее. Хотел сго и американский народ. «Мир потребовал немедленных действий. Надо было удовлетворить это требование...», — эти слова главного американского обвинителя Джексона на процессе и объясняют позицию правительств западных держав, когда они дали согласие на проведение Нюрнбергского процесса.

Вскоре даже для самых твердолобых защитников гитлеризма на Западе стало ясно, что нельзя спасти севшую на скамью подсудимых гитлеровскую клику, нельзя и... нет смысла. Даже самые рьяные апологеты будущего союза с германским империализмом понимали, что Геринг и Риббентроп, Гесс и Розенберг — это уже банкроты, политические мертвецы. Не случайно Джексон заявил в своей речи, что «их личная судьба не имеет большого значения для человечества» Если мировое общественное мнение так решительно требует их осуждения, если уж советские обвинители так

---

⁴ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 6, Госюриздат, 1960, стр. 675.

«некстати» активны в представлении доказательств виновности этих подсудимых, то кто же станет копья ломать по поводу людей, которые никогда уже не пригодятся в будущей политической игре.

Но одно дело — геринги и риббентропы, другое дело — германский генеральный штаб. Вот здесь уже надо быть осторожнее: как бы вместе с водой не выплеснуть и ребенка. Те, кто присутствовал на процессе, могли явственно почувствовать, как меняется атмосфера в зале суда, как пришли в движение подспудные силы для того, чтобы показать некоторым незадачливым юристам, что их активность терпима только до определенных пределов.

Действие этих сил стали замечать и многие подсудимые. Американские офицеры, ведавшие охраной на процессе, были настолько любезны, что регулярно давали читать подсудимым газеты. Не без удовлетворения Геринг прочитал в газете «Старс энд страйпс» (орган американской армии), что американские генералы возмущены нападениями Джексона на «почетную военную профессию». Вот во время обеденного перерыва Шахт читает Деницу статью из «Нью-Йорк геральд трибюн» о растущем напряжении между Россией и США. Шахт читает статью Буллита, призывающего создать антисоветскую «Федерацию европейских стран». С улыбкой Дениц встречает слова Буллита: «Благодаря тому, что у нас есть атомная бомба и наши военновоздушные силы — самые мощные, мы сегодня сильнее, чем Советский Союз, и можем разбить его». Дениц с надеждой замечает Шахту: «Да, американцам скоро потребуются мои подводные лодки»⁵.

Присутствовавший при этой беседе американский офицер Джильберт вспоминает:

«Дениц бросил на меня понимающий взгляд и затем подошел к окну в глубоком раздумье. Мне нетрудно было догадаться, о чем он думал в этот момент. Американцы... все-таки значительно лучше могли бы его использовать, чем выносить ему приговор за военные преступления»⁶.

Вскоре гитлеровская военщина стала уже явственно убеждаться в том, что Запад не намерен оставить без внимания своих будущих союзников.

⁵ G. M. Gilbert, The Nuremberg Diary, p. 78.

⁶ Ibid.

Спасательный круг Деница

Активно готовил защиту германского генерального штаба адвокат Латернзер. В прошлом нацист и гитлеровский офицер, Латернзер находил полную поддержку в тех кругах западной военщины, которые были заинтересованы в том, чтобы не допустить признания германского генштаба преступной организацией.

Еще до начала рассмотрения судом доказательств по генштабу Латернзер с трудноскрываемым удовольствием наблюдал за тем, как проходило дело гитлеровского преемника Деница. Нацистского grossадмирала обвиняли в том, что по его приказам были пиратски потоплены сотни торговых кораблей, что людей, пытавшихся спастись, расстреливали из пулеметов. «Не следует делать никаких попыток спасти членов команд потопленных кораблей, — требовал приказ Деница, — спасение противоречит элементарным требованиям ведения войны». Дениц был приперт к стене неоспоримыми доказательствами. Нетрудно было заметить, что гитлеровский grossадмирал явно тонул. Но именно в этот момент Деницу был брошен спасательный круг.

В дни, когда в Нюрнберге начался процесс, к туманным берегам Великобритании подошел корабль, на борту которого можно было встретить подтянутого молодого человека в форме германского морского офицера. Это был Кранцбюллер — бывший судья в гитлеровском флоте, а теперь адвокат grossадмирала Деница на Нюрнбергском процессе. Кранцбюллер, в отличие от своих коллег, носивших адвокатские мантии, в течение всего процесса ходил в форме офицера германского военно-морского флота. Он даже отказался от гонорара, положенного всем адвокатам, гордо сославшись на то, что, будучи офицером, он получает вознаграждение от германского военно-морского флота, как известно сохраненного в те дни в британской зоне оккупации.

Прибыв в Лондон, Кранцбюллер направился прямо в здание британского адмиралтейства.

В долгой истории этого кастового учреждения, вероятно, не было случая, чтобы иностранцу, а тем более врагу, было разрешено беспрепятственно рыться в военных архивах. И с какой целью? Чтобы с помощью сотрудников адмиралтейства найти документы,

которые (пусть ценой компрометации британского флота) спасли бы престиж германского флота, пиратствовавшего под девизом: «Готт, штрафе Энглянд!» («Боже, покарай Британию!»). Недаром говорят: политика не имеет сердца, она имеет голову!

С видом победителя вернулся адвокат Кранцбюллер из Лондона. Он положил на стол Трибунала добытые в Англии «доказательства». Смысл их заключался в том, что и британский флот в своей борьбе с германским был далеко не безупречен в обращении с нормами международного права. Кранцбюллер предъявлял суду один за другим секретные документы британского адмиралтейства. Отсюда оставался уже один шаг до реабилитации гитлеровского флота и его гроссадмирала.

Но на этом «странные» события не ограничились. Присутствовавшим на процессе нетрудно было заметить, что находившиеся в зале суда морские офицеры США не раз во время перерывов переговаривались с Кранцбюллером. Внимательно за этим следил со своего места на скамье подсудимых и сам Дениц. Время от времени после бесед с американскими морскими офицерами Кранцбюллер подходил к Деницу. Вскоре раскрылась тайна этих кулуарных разговоров. Адъютант присутствовавшего на процессе американского адмирала заявил Деницу: морские офицеры США готовы засвидетельствовать, что германский военно-морской флот, которым командовал Дениц, зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Если и имели место в ходе боевых действий отступления от требований международного права, то германский флот допускал их не в большей мере, нежели американский. А для того чтобы это заявление не носило голословный характер, Кранцбюллеру порекомендовали послать от имени Деница запрос командующему американским флотом на Тихом океане адмиралу Нимицу. Адвокат не преминул воспользоваться этим любезным советом новоявленных друзей Деница. Спустя некоторое время Дениц через Трибунал направил запрос Нимицу. Последний, находясь далеко от Нюрнберга, но проникнутый тем же чувством, что и его собратья, незамедлительно шлет Нюрнбергскому Трибуналу весьма успокоительные для Деница показания, в частности о том, что американские подводные лодки на Тихом океане действовали точь-в-точь, как германские в Атлантике, и что по

этому поводу имелся специальный приказ от 7 декабря 1941 г. «О ведении неограниченной подводной войны против Японии».

После своего освобождения Дениц выпустил книгу «Десять лет и двадцать дней», воздающую должное его американским покровителям и гитлеровским морским пиратам, которые, по глубокому убеждению нынешнего президента германского союза моряков (Деница уже успели избрать на этот пост), «могут гордиться своими делами во время войны».

Что это за генералы, которых надо понуждать к войне!

Надо ли говорить, что уже прохождение перед Трибуналом дела Деница вдохнуло надежду в германских милитаристов.

Наступил день, когда Международный Трибунал приступил к рассмотрению дела по обвинению германского генерального штаба.

В распоряжении Трибунала уже находилось огромное количество доказательств преступной деятельности гитлеровского генштаба.

В зале суда стали все чаще появляться американские военные. На гостевой галерее в окружении американских генералов сидел военный министр США Паттерсон. Нетрудно было заметить, что адвокат Латернзер все чаще навещается в газетный киоск, находившийся поблизости от судебного зала. Сообщения американской печати его радовали. Американская военщина явно нервничала в связи с рассмотрением в Нюрнберге «дела военных». Похоже на то, что приговор германскому генштабу будет приговором не только германской военщины: ведь в Нюрнберге, хотя бы того представители западных держав или не хотят, делается попытка вскрыть агрессивную роль военщины, и по существу далеко не только германской. Ясно было, что советская делегация вовсе не намерена препятствовать такому ходу событий. И вообще, кто это придумал садиться за один стол с русскими для такого щекотливого дела! Уже после процесса американский журнал «Кольерс» писал: «Судья

Джексон чувствовал с самого начала, что присутствие русских на процессе вызовет критику».

Американская военщина отлично сознавала всю опасность осуждения германского генерального штаба: это, во-первых, затрудняет использование германских генералов как будущих союзников и, во-вторых... Впрочем, это «во-вторых» достаточно откровенно высказал американский журнал «Джорнел оф криминал лоу энд криминалоджи».

Ссылаясь на Обвинительное заключение, требовавшее осудить наряду с герингами и кейтелями и германский генштаб как преступную организацию, журнал с тревогой писал в дни процесса:

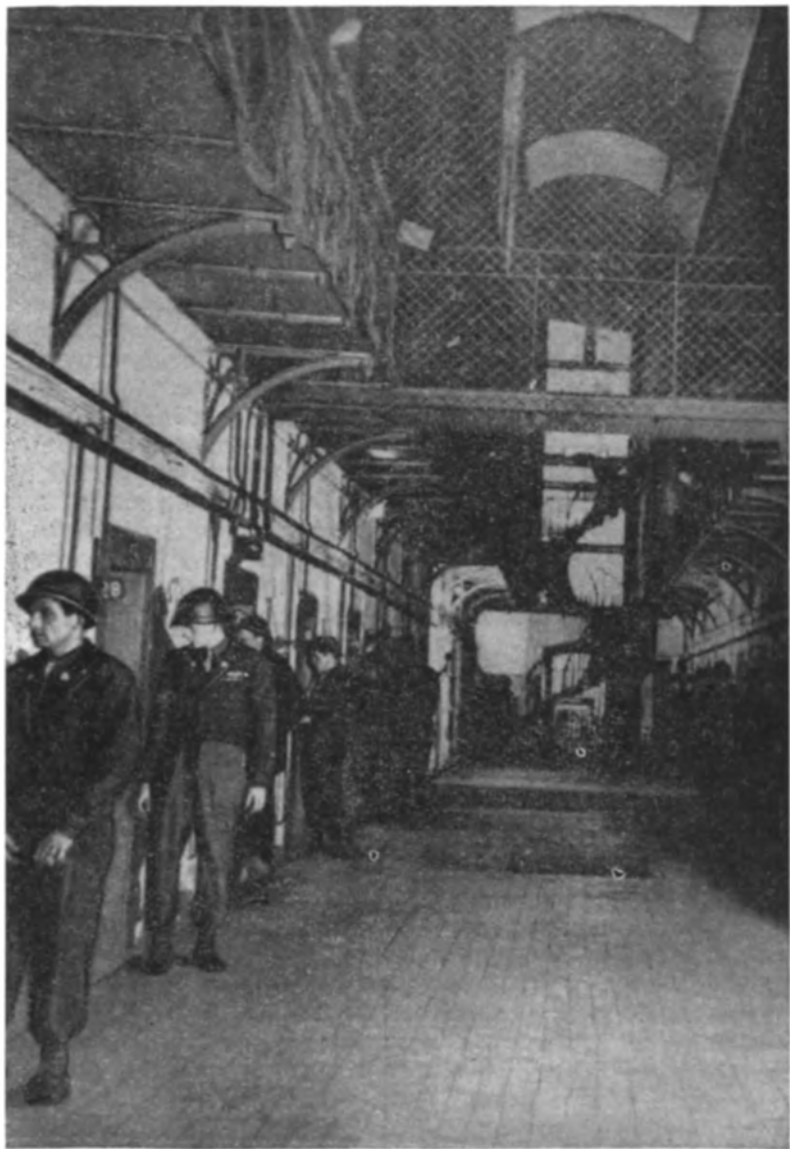
«На основании такой теории права когда-нибудь могли бы быть подвергнуты заключению или казнены питомцы Вест-Пойнта (военная академия США. — А. П.), а также других военных колледжей и школ... и, само собой разумеется, чины генштаба и отдела мобилизационных планов, если бы США когда-нибудь, от чего боже упаси, проиграли бы войну...»

Американская реакционная печать в те дни рвала и метала по поводу попыток признать преступной организацией германский генштаб. Американская военщина обрушилась на обвинителей Нюрнбергского процесса за то, как писал в дни процесса журнал «Арми энд Нэви», что они «не питают никакого уважения к военной профессии, а также к тем, кто должен готовиться к войне...»

...В такой обстановке Латернзер приступил к осуществлению защиты германского генерального штаба. Нюрнбергский процесс был первым, но далеко не последним судебным процессом, где Латернзеру пришлось выступать в качестве защитника германских милитаристов. Уже на следующем процессе — по делу Кессельринга — он демонстративно явился в суд в форме германского лейтенанта.

Латернзер вызвал в суд в качестве «свидетелей» многих гитлеровских генералов, как раз тех, кто значился в списке генерального штаба и подлежал бы суду и наказанию, если бы генштаб был признан преступной организацией. Перед судом, таким образом, появились Манштейн, Кессельринг, Рундштедт и многие другие.

Затем Латернзер произнес речь, которой рукоплескала вся империалистическая военщина,

Внутренний вид Нюрнбергской тюрьмы, где были заключены главные военные преступники.

Прежде всего адвокат решил убедить суд в том, что германский генеральный штаб никогда ничего общего не имел с Гитлером, с его политикой агрессии. Более того, если на то пошло, то Латернзер готов поделиться с Международным Трибуналом одним секретом: германские генералы враждовали с Гитлером, сделали все, чтобы не допустить его к власти, а когда он стал германским канцлером, то делали все, чтобы сорвать его планы.

Произведя разорение в своем историческом багаже и не очень заботясь о логике, Латернзер вспомнил Карлейля, который потребовался затем, чтобы доказать, что германские генералы, как военные в любой стране, в политику не вмешиваются и высшее благо находят в беспрекословном подчинении.

«Кто становится солдатом, — с видом победителя цитировал адвокат Карлейля, — тот телом и душой принадлежит своему командиру. Он не должен решать, справедливо или несправедливо дело, за которое он идет в бой. Его враги выбраны не им, а для него. Его долгом является повиноваться, а не спрашивать».

Вот эти слова Карлейля лучше всего и должны были характеризовать положение германских генералов. Они были лишь подчиненными, и их несчастье, глубокое несчастье, в том, что их руководителем оказался такой неудачник, как Гитлер. Он делал все сам, он и виновен во всем. Это Гитлер и его камарилья составляли агрессивные планы, а генералам оставалось лишь исполнять их.

«Образ Гитлера, — усердствовал адвокат, — воистину можно сравнить с Люцифером. Люцифер, с колоссальной быстротой взлетая ввысь, оставляет светящийся след, достигает предельной высоты и затем низвергается в бездну; точно то же произошло с Гитлером. Кто слышал когда-либо, чтобы Люцифер нуждался во время своих безумных взлетов в помощниках, советчиках или в тех, кто подгонял бы его? Разве он, напротив, не увлекает за собой, благодаря своей стремительности, всех остальных, достигая высот и затем низвергаясь вместе с ними в пропасть? Разве можно себе представить, чтобы человек такого рода, подготавливая план, посвящал бы в него других, собирал вокруг себя заговорщиков и при этом искал бы совета и помощи для своего взлета?»⁷.

⁷ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 38, стр. 19274.

Итак, картина ясна: Люцифер, сатана и повелитель ада, он же Гитлер, не нуждался в помощи и советах генералов. Более того, если поверить адвокатскому красноречию, генералы все делали для того, чтобы задержать Гитлера, помешать ему ввергнуть мир в пучину войны. Гитлер не послушался их предостережений и даже, как уверяет Латернзер, возмущенно воскликнул: «Что это за генералы, которых я, как глава государства, должен всячески понуждать к войне!».

То, что говорил Латернзер 15 лет назад, стало теперь официальной линией пропаганды в боннской Германии. В основе этой пропаганды лежит стремление реабилитировать гитлеровскую армию, оправдать привлечение ее не только к руководству бундесвером, но и к занятию командных постов в НАТО. Линия эта столь же проста, сколь примитивна.

Но представим себе на минуту ситуацию, при которой Гитлер оказался бы на скамье подсудимых в Нюрнберге рядом с другими главными немецкими преступниками и так же, как и другие, имел бы адвоката. Положение такого адвоката, конечно, было бы еще более незавидным, чем положение других защитников на процессе. Никогда еще в истории судебных процессов не раскрывалась столь огромная по своим масштабам и изуверству преступная деятельность одного человека. Именно поэтому Гитлер столь трусливо ушел от ответственности, боясь предстать перед судом народов. Все это так. Тем не менее нетрудно представить себе, что адвокат сатаны начал бы свою защиту с того, что попытался бы опровергнуть обвинение своего подзащитного в том, что он один и виновен во всем.

И надо сказать, что не имея никакой возможности помочь своему подзащитному по существу, этот адвокат располагал бы несметным количеством доказательств, которые показали бы, что не столько Гитлер нашел генералов, сколько генералы нашли его, что ефрейтор, как это и полагается низшему чину, в действительности не делал ни одного шага в военной области без генералов.

Извольте, напомнил бы адвокат Трибуналу, ведь еще в сентябре 1923 года при рождении национал-социалистской партии рядом с Гитлером на параде босвых союзов шел Людендорф. Ноябрь 1923 года. Мюнхенский

путч. Опять же во главе нескольких тысяч нацистов в колонне движутся рядом Гитлер и Людендорф. Декабрь 1932 года — январь 1933 года. В Германии идет напряженная политическая борьба. Решается вопрос — быть или не быть нацистам у власти. И в этот решающий момент не кто иной, как командующий рейхсвером генерал Шлейхер встречается с Гитлером. Шлейхер именем рейхсвера клянется провести «народного трибуна» в рейхсканцлеры. Гитлер так доволен этой беседой, что обращается к генералу со словами: «Нужно на перекрестке прибить доску: „Здесь произошла достопамятная беседа Адольфа Гитлера с генералом фон Шлейхером“». «Мы ищем канцлера», — эти слова сказал фон Шлейхер Папену в критические дни, предшествовавшие фашистскому перевороту. «Мы» — это и есть германская военщина, возглавлявшаяся тогда Шлейхером. Он так и сказал в те дни, что надо создать правительство на базе «объединения рейхсвера с НСДАП».

В том-то и дело, что без помощи монополий, без прямой и активной поддержки германских милитаристов гитлеровцы и мечтать не могли о том, чтобы прийти к власти. И Джефри Нокс, являвшийся в те годы председателем Международной комиссии в Сааре и хорошо изучивший создавшуюся тогда в Германии ситуацию, имел немало оснований для того, чтобы заявить: «Мы должны прежде всего понять, что... нацистская партия до тех пор, пока ее не подобрали руководители прусской военщины, была всего лишь жалкой шайкой сводников и бродяг, не имевшей ни малейшего значения»⁸.

Хорошо известно, что свою первую большую речь перед командующими вермахта 5 ноября 1937 г., в которой он наметил хронологию агрессивных актов, нацистский фюрер произнес по шпаргалке, составленной ему военным министром Бломбергом. Любопытно, что ни в этой, ни в других речах перед генералами Гитлер, угрожая Советскому Союзу, Англии, Франции, Польше, ничего не говорил о возможном нападении на Данию, Норвегию. Более того, Гитлер считал, что не нужно нарушать ситуацию на Севере, так как в случае, если возникнут не-

---

⁸ Цит. по «СС в действии. Документы о преступлениях СС», ИЛ, 1960, стр. 8.

предвиденные обстоятельства, можно, как говорил Гитлер, рассчитывать на нейтралитет скандинавских стран.

И тем не менее, как известно, Дания и Норвегия оказались первыми странами, которые были подвергнуты в 1940 году гитлеровскому нападению. Идея нападения на скандинавские страны, как это было установлено в Нюрнберге, как раз была выдвинута одним из столпов германской военщины — адмиралом Редером.

Не кто иной как адмирал Карлс являлся автором «Проекта плана морской войны против Англии». Этот документ был составлен в сентябре 1938 года. В этом плане он писал: «Война против Англии одновременно означает войну против империи, против Франции, вероятно, против России, а также против значительного количества заморских стран, фактически против от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{3}$ всего мира»⁹. Итак, адмирал Карлс поставил точки над «и». Он показал, что германская военщина отлично сознавала, что война, в которую германский фашизм и милитаризм ввергли Германию, была войной не только против Европы, но и против всего мира.

По мере того как предъявлялись эти и подобные им документы, настроение официальных и неофициальных защитников германского милитаризма явно падало.

Но Латернзер был неистощим в своих «аргументах» защиты германской военщины. Оказывается, лучшим доказательством мирных, антигитлеровских настроений германского генералитета являются события 20 июля 1944 года. Адвокат решил доказать, что эти события — лучшее свидетельство принадлежности основной массы германских генералов не к верноподданнической клике Кейтеля и Йодля, а к антинацистской группе Бека и Вицлебена.

Сталинград — без двух минут двенадцать

В этот день, 20 июля, в германской верховной ставке близ Растенбурга, что в Восточной Пруссии, «фюрер», с особо приближенными лицами склонившись над картами, обсуждал безрадостные перспективы военного положения.

И именно здесь, в святая святых фашистского логова,

---

⁹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 6, стр. 225.

так и называвшегося «Вольфшанце»¹⁰, в 12 часов 40 минут сработал механизм замедленного действия и оглушительный удар потряс и разрушил летний павильон. Взлетели вверх обломки мебели и обрывки карт, смешались стоны умирающих и панические крики.

А в это время в огромном берлинском здании военного министерства на Бендлерштрассе фельдмаршал Вицлебен и бывший государственный советник Герделер, генерал-полковники Бек и Гепнер, генерал Ольбрихт и другие в томительной тишине ждали известий из ставки. Здесь собрались те, кто, убедившись, что военное счастье окончательно изменило Гитлеру, «накануне катастрофы... попытались спрыгнуть с поезда, мчащегося к пропасти»¹¹.

Для них взрыв не будет неожиданностью. Более того, они уверены в удаче и настроены оптимистично. Ведь все давно продумано и взвешено до деталей. Пусть только сработает механизм мины, а уж механизм заговора выверен с немецкой педантичностью. Гепнер и Ольбрихт поднимают тост за успех заговора. За мир. Но только за тот мир, который им нужен. За мир на Западе. А с Востоком они еще померятся силами.

Но заговор не удался. Гитлер, хотя и был оглушен взрывом, но остался цел.

В кровавых отблесках вступает в свои права ночь на 21 июля. Гиммлер, знавший о подготовке покушения и выжидавший его результатов, чтобы, быть может, самому занять место Гитлера, приводит в движение гестапо. Начинаются аресты и расстрелы на месте.

С этого момента и возникает легенда о германских генералах — «мужественных противниках Гитлера», легенда, которую на Нюрнбергском процессе защитники германского генштаба так широко пытались использовать.

Пытались, но были разоблачены огромной массой бесспорных доказательств.

Существовали ли разногласия между Гитлером и генералами, вернее определенной группой генералов во

---

¹⁰ Логовище волка — нем.

¹¹ В. Ульбрихт, К истории новейшего времени, ИЛ, 1957, стр. 37.

главе с Бекон? Да, и против этого не спорили и в Нюрнберге.

Но разногласия между Бекон и его сторонниками, с одной стороны, и нацистской верхушкой — с другой, касались не общего направления агрессивной политики и ее целей, а лишь методов и сроков практического осуществления этой линии. «Плохо не то, что мы делаем, а то, как мы это делаем», — так формулировал разногласия сам Бек. Он считал необходимым максимально подготовить Германию к ведению большой войны и опасался образования сильной антигитлеровской коалиции держав.

Если Бек и другие генералы более трезво, чем Гитлер, оценивали военный потенциал своей страны и ее вероятных противников и считали, что ближайшее столкновение этих сил будет неблагоприятным для Германии, то Гитлер лучше генералов разглядел капитулянтский характер тех, кто, стоя у руля западных буржуазных стран, любой ценой был готов оплатить движение Германии на Восток.

Заговорщики решили действовать осенью 1938 года, ибо опасались, что авантюрная политика Гитлера в отношении Чехословакии приведет к конфликту на два фронта: с одной стороны — с Советским Союзом, который придет на помощь Чехословакии, с другой — с Англией и Францией, которые вступят в войну в соответствии со своими обещаниями Чехословакии.

После того как Гитлер отклонил компромиссные предложения западных держав и признал недостаточными уступки чехословацкого правительства, накануне мобилизации генералы решили действовать. 28 сентября 1938 г. Вицлебен прибыл к Гальдеру за приказом об аресте и расстреле Гитлера. В этот момент неожиданно стало известно, что в Мюнхене состоится встреча глав четырех держав. Это сразу же изменило планы путчистов.

Именно поэтому, объяснил Гальдер, он отменил приказ об убийстве Гитлера. Прибыл мистер Чемберлен, капитулировал перед Гитлером, и опасность войны на два фронта была устранена одним ударом. Гитлер возвратился из Мюнхена бескровным завоевателем.

Гизевинус на вопросы адвоката Шахта Дикса ответил:

«...Это было 28 сентября в полдень.., в последний момент выступление было отменено».

«Дикс: В результате Мюнхенского соглашения?»

Гизевиус: Само собой разумеется»¹².

Как показал на Нюрнбергском процессе один из участников заговора Гизевиус, Вицлебен, когда ему сообщили, что существует негласное соглашение с западными державами о предоставлении Гитлеру свободы рук на Востоке, то есть против СССР, заявил, что «если действительно существует такое соглашение, то он, разумеется, не может начать путч»¹³.

Вот она, квинтэссенция оппозиционности германского генералитета!

...1939 год. Германский генеральный штаб обрушил германскую армию на Польшу. Началась вторая мировая война.

Теперь, когда гитлеровские полчища легко переходили границы одной страны за другой, когда над многими европейскими столицами развевались штандарты с паучьей свастикой, теперь и те, кто в тревожные предмюнхенские дни желал бы устранить Гитлера, были готовы уверовать в близкое осуществление бредовой идеи мирового господства. И сам Гитлер, войдя летом 1940 года в Париж, снимаясь на фоне Эйфелевой башни, с усмешкой сказал своему придворному фотографу: «Снимай, Гофман, — затем снимешь меня в Букингэмском дворце, а там и перед небоскребами...»¹⁴.

Даже после вероломного нападения гитлеровских орд на Советский Союз многие из тех, кто всегда считал гибельной для Германии войну на два фронта, под влиянием успехов, достигнутых немцами на Востоке, и отсутствия второго фронта на Западе, пересмотрели свои позиции и с нетерпением ожидали того, казалось, уже близкого дня, когда Гофман снимет Гитлера на фоне Кремля.

В этой обстановке вопрос об антигитлеровском выступлении внутри Германии с повестки дня надолго оказался снятым и не возникал до начала 1943 года, пока сокрушительное поражение немецко-фашистских войск в четырехмесячном грандиозном сражении под Сталинградом не ознаменовало собой начало коренного перелома в ходе второй мировой войны.

¹² «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 21, стр. 125.

¹³ Там же, стр. 118.

¹⁴ «Правда», 17 декабря 1945 г.

Гитлер явно начал проигрывать войну. Только в этих условиях стал зарождаться заговор. Надо идти на мир с Западом, а потом, объединившись с ним или с его благословения, продолжать войну на Востоке. Но Гитлер — не та фигура, с которой Запад будет вести переговоры. Поэтому его надо убрать и таким образом расчистить путь к сепаратному миру.

Положение на фронтах с каждым днем ухудшалось. В своей речи 18 февраля 1943 г. Геббельс признал, что в результате Сталинградской битвы «...оставалось лишь две минуты до двенадцати...», то есть до полного разгрома.

И смысл заговора 1944 года в том и состоял, чтобы успеть за оставшиеся «две минуты» соскочить с мчавшегося к пропасти поезда, спастись любой ценой.

Эврика Латернзера

Все это на Нюрнбергском процессе стало слишком очевидным, чтобы серьезно можно было оперировать ссылками на участие генералов в заговоре как доказательством миролюбия германской военщины.

...Латернзер с тревогой наблюдал, как обвинители, предъявляя один документ за другим, беспощадно разрушают все здание его защиты. Он понимал, что все его литературные упражнения и исторические экскурсии явно недостаточны даже для представителей западных держав в Трибунале. Уж слишком тяжелыми и неопровержимыми были обвинения против генерального штаба. Вот почему для своей речи он припас один такой запасной юридический вольт, который должен был дать возможность тем, кто этого хотел, не оспаривая самих доказательств, спасти гитлеровских милитаристов от петли.

Требуя признать германский генеральный штаб преступной организацией, обвинители одновременно представили Международному Трибуналу список германских фельдмаршалов, адмиралов и генералов, составлявших этот штаб. Всего в нем числилось 107 человек. И в этот момент своей речи Латернзер решает бросить на весы последний по счету, но первый по важности аргумент. Он великодушен. Он готов на минуту признать, что все, что говорили обвинители, это святая правда, что германские генералы совершили все те преступления, о которых

говорилось на процессе. Но где же все эти лица, вопрошает адвокат. Конечно же, в тюрьме! Признание германского генерального штаба преступной организацией преследует цель наказания его членов.

Так не проще ли будет, заявил Латернзер, «четырем победоносным державам... на практике разрешить вопрос об индивидуальной виновности или невиновности этих 107 людей с помощью 107 отдельных судебных разбирательств»?

Расчет здесь был верным. Генералы действительно находятся в тюрьмах, но, по счастливой случайности, — в американских и английских. То была осень 1946 года. Уже успел выступить с речью в Штутгарте государственный секретарь США Бирнс. Он ясно дал понять, что милитаристская Германия ближе США, чем столь недавно союзная Россия. Подсудимые уже с удовольствием прочитали речь Черчилля в Фултоне. Стрелка барометра явно пошла вправо. Все говорит за то, что время сработает на Гудериана и Манштейна, Хойзингера и Шпейделя, Руге и Каммхубера. Надо во что бы то ни стало оттянуть время. Надо дать улечься бушующим страстям. А там уже американская Фемида скажет свое слово.

Как же поступил Международный Трибунал в этом важнейшем вопросе? Доказательства виновности германского генерального штаба были слишком очевидны, чтобы западным судьям можно было просто от них отмахнуться. Именно поэтому Трибунал признал, что германские генералы «были ответственны в большой степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей. Они опозорили почетную профессию воина». Трибунал признал также, что «без их (генералов. — А. П.) военного руководства агрессивные устремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными (разрядка моя. — А. П.)»¹⁵.

Казалось бы, после таких признаний Трибунал объявит гитлеровский штаб преступной организацией, как он объявил таковой СС или руководящий состав нацист-

---

¹⁵ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 7, Госюриздат, 1961, стр. 434.

ской партии. Но, увы, вопреки решительному протесту советской делегации, выраженному в Особом мнении советского судьи И. Т. Никитченко, Международный Трибунал отказался признать германский генеральный штаб преступной организацией. Слишком велико было влияние международной реакции в этом остром вопросе, чтобы американские, английские и французские судьи не реагировали на него. В итоге — отказ от признания, выраженный в следующих словах: «Трибунал считает, что не следует принимать какого-либо решения о признании преступной организацией генерального штаба и верховного командования. Хотя количество лиц, которым предъявлено обвинение, больше, чем в имперском кабинете, оно все же настолько мало, что путем индивидуальных судов над этими офицерами можно будет достигнуть лучшего результата, чем путем вынесения Трибуналом решения, требуемого обвинением».

Читатель без труда заметит, что западные судьи целиком восприняли рецепт адвоката Латернзера. Но они решили пойти дальше в своем стремлении угодить реакционной военщине. Оказывается, гитлеровский генеральный штаб не был «организацией» в том смысле, как это имелось в виду Обвинительным заключением. Систему единого руководства германского генштаба «можно сравнить с похожей... системой, используемой другими вооруженными силами, как, например, с англо-американским объединенным штабным руководством...

По этой теории (обвинительного заключения. — А. П.) верховное военное руководство любой другой страны также является ассоциацией, а не тем, чем оно в действительности является — собранием военных, определенным числом лиц, которые в известный период времени занимали высокие военные посты»¹⁶.

Надо ли говорить, что после того, как гитлеровскому генеральному штабу было дано такое вегетарианское определение, нетрудно было уже воспринять совет Латернзера.

Так завершилось рассмотрение дела нацистского генштаба. Гитлеровские генералы с восторгом встретили такое решение Трибунала. С нескрываемым удовлетворением отозвалась на отказ Трибунала признать гитлеров-

---

¹⁶ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 7, стр. 433.

ский генеральный штаб преступной организацией американская военщина. «Каждый штабной офицер, — писал в те дни орган американской армии «Старс энд страйпс», — встретит с одобрением приговор Трибунала, не установивший прецедента для привлечения к ответственности военных».

„Отдельные судебные разбирательства“

Итак, генштаб не объявлен преступной организацией, но предстояло организовать серию «отдельных судебных разбирательств» в отношении виднейших гитлеровских фельдмаршалов и генералов.

...Камера в нюрнбергской тюрьме. В ней сидит бывший начальник гитлеровского генерального штаба Гудериан. Это он проповедовал и жестоко проводил в жизнь теорию танкового «блицкрига». Это по его приказам совершались бесчисленные преступления на оккупированных территориях. В один из дней после окончания Нюрнбергского процесса двое американских военных проследовали в камеру Гудериана. «Неужели за отдельным судебным разбирательством», — промелькнуло в голове у Гудериана. Но обитатель камеры был немало удивлен, когда узнал о цели этого визита. Дело в том, что в то время американская военщина была обеспокоена необходимостью реорганизации управления вооруженными силами с учетом опыта войны. Американское командование решило, что неплохо было бы посоветоваться с... Гудерианом. Так в камере военного преступника Гудериана был рожден любопытнейший документ — «План реорганизации управления вооруженными силами Соединенных Штатов». Недолго думал Гудериан над тем, что предложить своим новым хозяевам, — он преподнес им гитлеровскую структуру управления во главе с всесильным генеральным штабом. Гудериан неплохо разобрался во вкусах правящей верхушки США. Его план был встречен с восторгом и одобрен председателем объединенной группы начальников штабов генералом Омаром Брэдли. Трумэн, как заявил Гудериан, «также встал на эту точку зрения».

Так началась серия «отдельных судебных разбирательств». Прежде всего, западные державы, уже с первых

лет после войны вставшие на путь восстановления германского милитаризма, сделали для себя приятное открытие — по смыслу решения Международного Трибунала они вовсе не обязаны судить каждого из 107 гитлеровских фельдмаршалов и генералов. Достаточно того, что приговорены к повешению и повешены Геринг, Риббентроп, Розенберг, Кейтель, Иодль и другие. Правда, сенатор Тафт, потрясенный судьбой этих гитлеровцев, сказал, что «Соединенные Штаты еще долго будут сожалеть о приведении в исполнение Нюрнбергского приговора».

Нашелся еще один скорбящий. Им оказался Эйзенхауэр. Будучи проинформирован о том, что Кейтель и Иодль осуждены к смертной казни, Эйзенхауэр коротко заметил обратившимся к нему корреспондентам: «Я был удивлен, что судьи так легко сочли возможным осудить военного человека. Я думал, что судьба военных составит специальную заботу Трибунала»¹⁷. Но обеспокоенного генерала Эйзенхауэра поспешил утешить английский реакционный журналист Монтгомери Бельджион: «...Не могло существовать большего заблуждения, — писал он, — нежели предположение, что последнее слово было сказано, когда за людьми, осужденными к заключению, захлопнулись ворота тюрьмы или когда трап выскочил из-под ног тех, кто был приговорен к повешению»¹⁸.

Да, история показала, что реакционные правящие круги западных держав сделали все, чтобы сохранить гитлеровских генералов, спасти их от гнева народов, от справедливого суда, от тех самых «отдельных судебных разбирательств», которые были обещаны западными судьями в Нюрнберге.

Хойзингера и Шпейделя удалось зачислить в «противники» Гитлера и на этом основании вообще не судить, Рундштедт и Штраус были освобождены «по плохому состоянию здоровья». Провожая из Англии Рундштедта, этого палача Варшавы, Киева, Донбасса, английские реакционные газеты называли его «настоящим джентльменом и рыцарем». Вскоре на свободе оказался и Гальдер, которого пропустили через «денацификационную камеру», где председателем по счастливой случайности оказался его

---

¹⁷ J. Bernstein, Final Judgement, N. Y., 1947, p. 232.

¹⁸ M. Belgion, Victor's Justice, L., 1949, p. 23.

приятель и сообщник по военным преступлениям нацистский офицер Оскар фон Дефиц.

В заключении еще находился гитлеровский фельдмаршал Манштейн. Это он отдавал приказы о расстреле пленных партизан, об уничтожении комиссаров Советской Армии, приказывал рассматривать их не как военнопленных, а как «мятежников». По приказам Манштейна были совершены чудовищные преступления в Польше.

Советский Союз и Польша в соответствии с Московской декларацией 1943 года «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» потребовали от английского правительства выдачи Манштейна. Последовал отказ — правительство Великобритании намерено само отдать Манштейна под суд.

Подготовка этого суда началась с того, что английские покровители гитлеровской военщины учредили сбор средств для организации защиты Манштейна. Адвокатом вызвался быть член британского парламента Пэйджет. На суде он лихо расправлялся с предъявленными Манштейну обвинениями. Английского защитника особенно возмутило «незаконное» обвинение в том, что Манштейн приказал расстреливать политических работников Советской Армии. Цинично и нагло Пэйджет заявляет в суде, что советских комиссаров «нельзя было признавать законно воюющими, и в соответствии с обычаями они подлежали смертной казни»¹⁹. Для того, чтобы ясно было, о каких обычаях он говорит, Пэйджет решил напомнить английским судьям, что «как поляки в 1919 году, так и наши белогвардейские союзники после первой мировой войны отказались рассматривать комиссаров в качестве военнопленных»²⁰.

Видимо, аргументация Пэйджета возымела силу — Манштейн вскоре после милосердного приговора оказался на свободе. Сегодня Манштейн живет и здравствует в Западной Германии, пишет книги, в которых прославляет германский милитаризм, а заодно, конечно, и своих западных спасителей.

Живут и действуют многие десятки других гитлеровских генералов, возглавляя бундесвер и готовя новые планы агрессивных войн.

¹⁹ R. Paget. Manstein. His Campaigns and His Trial, L., 1951, p. 135.

²⁰ Ibid.

«Разве подсудимые могли ожидать, что мы превратим наши американские места заключения в убежища для наших врагов от справедливого гнева наших союзников? Разве для этого мы жертвовали жизнями американцев, чтобы взять этих людей в плен лишь затем, чтобы спасти их от наказания?» Эти слова были сказаны главным обвинителем США на Нюрнбергском процессе Джексоном. Как звучат эти слова теперь, когда американская военщина в тесном союзе с гитлеровскими генералами стремится к новым военным авантюрам против тех самых народов, которые спасли человечество от порабощения его фашизмом?

«Отдельные судебные разбирательства», как и следовало ожидать, превратились в сплошное судебное надувательство. Как правильно заметил один из обвинителей на Нюрнбергском процессе, гитлеровский генеральный штаб, будучи призван к ответственности, сначала распался на 107 отдельных кусочков, как детские кубики, выброшенные на пол, а потом, когда опасность миновала, эти кубики вновь собрались вместе, и мгновенно, как бы по волшебству, возник прежний зловещий рисунок.

Не потребовалось слишком много времени, чтобы убедиться в правоте Особого мнения Советского Союза, протестовавшего против отказа Международного Трибунала признать гитлеровский генеральный штаб преступной организацией. В исторической справке «Правда о политике западных держав в германском вопросе», изданной в 1959 году МИД СССР и МИД ГДР, правильно указывается, что цель, которую ставили перед собой реакционные круги уже тогда, в Нюрнберге, заключалась в том, чтобы «оправдать свои действия по сохранению кадров вермахта и создать своего рода морально-политическую основу для их последующего использования при формировании новых агрессивных германских вооруженных сил»²¹.

Читатель уже видел, что исторические события, последовавшие за Нюрнбергским процессом, показали всю обоснованность такого вывода.

На Нюрнбергском процессе много времени было затрачено при допросах Кейтеля и Редера на то, чтобы

---

²¹ «Правда о политике западных держав в германском вопросе. Историческая справка», Госполитиздат, 1959, стр. 78.

выяснить, какими тайными путями германской военщины удалось вооружиться вопреки ограничениям Версальского договора.

С каким удовлетворением отмечают гитлеровские генералы, командующие бундесвером, что ныне им вовсе не приходится скрывать свои вооружения. Нет, теперь уже нельзя говорить, как во времена генерала Ганса фон Секта, что Германия вооружалась тайно или нарушила запрет держав-победительниц. «Разве США и Англия сами не толкают нас по пути вооружения?»—говорят Хойзингер и Шпейдель.

Благодарность с большой дороги

«...Нашей неизменной задачей является уничтожить немецкий милитаризм и нацизм и обеспечить такое положение, чтобы Германия никогда больше не могла нарушить мир во всем мире. Мы полны решимости разоружить и распустить все вооруженные силы Германии, сломить навсегда немецкий генеральный штаб, которому неоднократно удавалось восстановить немецкий милитаризм».

Трудно забыть эти благородные, преисполненные заботой о мире слова Ялтинской декларации 1945 года. И люди верили, верили в то, что разум не допустит повторения черных лет истории, повторения того, что стоило миру гекатомб человеческих жертв. В уничтожении германского милитаризма народы видели прочную гарантию мира; благородное намерение союзных держав породило надежду на то, что с фашизмом и милитаризмом будет раз и навсегда покончено...

...8 августа 1945 года народы увидели подтверждение своих ожиданий. В этот день в Лондоне представители СССР, США, Англии и Франции подписали Соглашение о судебном преследовании и наказании главных немецких военных преступников. Союзные державы решили, что наряду с гитлеровскими подручными — Герингом, Риббентропом и др. должны быть подвергнуты суду и наказанию германский генеральный штаб, его руководители, генералы, которые «несут главную ответственность за планирование, подготовку, начало и ведение незаконных войн».

Это было 8 августа 1945 года.

Прошло ровно 15 лет.

...8 августа 1960 года. В Вашингтоне виднейшие представители американской армии собрались на ежегодное заседание ассоциации армии Соединенных Штатов. Все возбуждены. Нетрудно догадаться, что ожидалось нечто особенное. И это «нечто особенное» не замедлило появиться на трибуне ассоциации. Американским генералам предстояло выслушать речь человека, с которым многие из них уже встречались в Европе, на полях сражений второй мировой войны.

...Генерал Шпейдель не вдавался в исторические экскурсы, он предпочитал не вспоминать о второй мировой войне, о своей верной службе фюреру, о лагерях смерти, где наряду с русскими и французами были умерщвлены тысячи американских и английских военнопленных. Разве об этом надо сейчас говорить. Он сказал то, что переполняло его душу...

«Разрешите мне начать с выражения благодарности из глубины моего сердца... Тот факт, что мы, немцы, заняли свое место в Европейском сообществе и взяли на себя наши обязанности в деле защиты этого сообщества вместе с нашими союзниками, объясняется в значительной степени моральной, духовной и материальной поддержкой, которую мы получили от вас, Соединенных Штатов. Без этой помощи мы никогда не смогли бы создать, организовать и обучить вооруженные силы Федеративной Республики... Мы всегда будем благодарны за это и никогда не забудем об этом проявлении дружбы и величия с вашей стороны. Я хочу, чтобы вы знали это, и я подчеркнуто говорю вам об этом с самого начала».

И чтобы слушателям стало совсем ясно, сколь велик вклад Америки в дело возрождения германской армии, Шпейдель с явным самодовольством говорил об американской 7-й армии в Германии, «подчиненной мне в порядке тактического и оперативного командования». Про себя Шпейдель подумал и о создании баз бундесвера в Испании, Греции, о согласии де Голля предоставить бундесверу базы во Франции. Скоро-скоро можно будет не только говорить о территориальных захватах, но и наступить уже кое-кому на горло...

Отказ признать преступным гитлеровский генеральный штаб, как уже видел читатель, мотивировался западными судьями и тем, что, по их глубокому убеждению, генштаб не представлял собой «организации». Не помогло и то, что, даже выступая в качестве свидетелей в суде, гитлеровские генералы по привычке говорили не от собственного лица, а все время подчеркивали свою общность и сплоченность как касты. Отвечая на вопросы обвинителей, каждый из них говорил как бы от лица всего генералитета. «Мы все считали себя лицами, которым вверено единство Германии...», — говорил Манштейн. «Гитлер достиг таких результатов, которых мы очень желали», — показывал Бломберг. «Национал-социалистские идеи были идеями, которые были заимствованы из старых прусских времен и... были нам давно известны и без национал-социалистов», — говорил Рундштедт. «Национал-социалистская цель объединения соответствовала нашим взглядам», — подчеркивал в своих показаниях тот же Манштейн.

...Прошло 15 лет. Давно уже создан бундесвер, действует и его штаб. До поры до времени гитлеровские генералы предпочитали орудовать через боннских политиков — Аденауэра, Штрауса и других. Но вот летом 1960 года гитлеровские генералы сочли, что пришло время. «Мы не солдаты дьявола, — заявил генерал Эвербах, — мы тоже воевали против коммунизма». Время для того, чтобы открыто сообщить о существовании германского генерального штаба, самое подходящее — совещание в верхах в Париже торпедировано правительством США, сорвана работа комиссии по разоружению.

Гитлеровские генералы решили, что именно в этой обстановке впервые за последние пятнадцать лет должен прозвучать «громовой голос» возродившегося германского милитаризма.

11 июля 1960 г. в Киле собрались руководящие генералы бундесвера. На этом совещании с докладами выступили бывший заместитель начальника гитлеровского генерального штаба и главнокомандующий бундесвером генерал Хойзингер и бывший гитлеровский офицер вермахта и нынешний министр обороны ФРГ Штраус. Оперативный штаб бундесвера выступил с меморандумом, в котором в ультимативной форме содержатся три требования: введение всеобщей воинской повинности, лега-

лизация атомно-водородного вооружения бундесвера, дальнейшее укрепление связей ФРГ с НАТО.

Кто же авторы «меморандума», кто подписался под этим документом, уже открыто свидетельствующим о том, что гитлеровские генералы торопятся и что, по их мнению, уже пора действовать?..

Ну уж, конечно, Хойзингер — он жаждет реванша за провал разработанных им в свое время планов агрессии против Польши, Чехословакии, Советского Союза. Бывший начальник генштаба нацистской Германии генерал Цейтцлер говорил, что «генерал-лейтенант Хойзингер был незаменим для Гитлера». «Сохраним для будущего те старые основы, которые у нас были», — таково кредо военного преступника гитлеровской Германии Хойзингера.

Под «меморандумом» подписался и генерал Каммхубер — в недавнем прошлом правая рука Германа Геринга, а ныне командующий военно-воздушными силами бундесвера. Хорошо известен и третий из подписавших — это адмирал Руге, тот самый Руге, который 22 года назад дал приказ открыть огонь по польскому побережью, начав этим разбойничьим актом вторую мировую войну.

Итак, первым пунктом требований генерального штаба бундесвера явилось введение всеобщей воинской повинности. Нужно создать миллионную армию.

Не надо слишком хорошо разбираться в истории последних десятилетий, чтобы понять, что означает для германских милитаристов введение всеобщей воинской повинности. Еще живы Шахт и Нейрат, те самые министры гитлеровского правительства, которые вместе со своим «фюрером» подписали 16 марта 1935 г. закон о введении в Германии всеобщей воинской повинности. Пусть спросят их граждане Федеративной Республики Германии, сколько мирных лет они оставили Европе после введения этого закона? Ныне Хойзингер и Штраус, требуя введения всеобщей воинской повинности, кричат о том, что она необходима как «средство обороны». Как будто нечто другое говорил Гитлер, как будто 21 мая 1935 г. нацистский рейхсканцлер не выступил с речью, в которой пытался успокоить взбудораженное общественное мнение заверением в мирных намерениях Германии. Но по странному стечению обстоятельств именно в этот самый день, 21 мая 1935 г., в гитлеровской Германии был

принят секретный «закон об обороне империи», который стал одной из серьезных вех в подготовке гитлеровцев к агрессивной войне. Генерал Томас, который руководил военной экономикой и вооружением гитлеровской Германии, говорил об этом законе как о краеугольном камне подготовки к войне.

Пожалуй, единственное отличие рассматриваемых исторических ситуаций 1935 и 1960 годов состоит в том, что, вводя всеобщую воинскую повинность, Гитлер все же не решался говорить тогда о территориальных притязаниях Германии к другим странам, а нынешние ученики его Штраус и Хойзингер уже давно ведут разнузданную реваншистскую пропаганду и, таким образом, не скрывают откровенно агрессивную сущность своих требований о введении всеобщей воинской повинности.

Введение всеобщей воинской повинности в гитлеровской Германии означало, что германский милитаризм уже приступил к конкретному планированию своей агрессивной программы.

16 марта 1935 г. был принят закон о всеобщей воинской повинности, а уже 2 мая 1935 г. германский генштаб завершил составление плана так называемой операции «Шулунг». План этот предусматривал осуществление первых агрессивных актов против одной из юго-восточных стран, под которой, очевидно, подразумевалась Чехословакия. План предусматривал, что «операция должна после передачи слов „выполнять Шулунг“ быть проведена неожиданным ударом с молниеносной быстротой...». Далее следовало весьма характерное указание: «Подготовка к операции будет проведена независимо от существующего неудовлетворительного состояния нашего вооружения». Гитлеровские генералы торопились...

Так было в 1935 году. Так ведут себя гитлеровские генералы и в 1960 году. Они торопятся ввести всеобщую воинскую повинность и одновременно уже разрабатывают конкретные агрессивные планы.

Недавно из ФРГ бежали два видных офицера бундесвера, нашедших политическое убежище в ГДР. Один из них — офицер авиации по связи с печатью майор Бруно Винцер, другой — адъютант генерала авиации бундесвера Каммхубера (одного из авторов меморандума) капитан Адам фон Глига.

Штраус был в полной панике.

Первое время в боннском «пентагоне» молчали об исчезновении этих двух офицеров. Но когда уже стало невозможным скрывать этот факт, боннская печать сообщила, что Винцер находится в Швейцарии. Последовало опровержение швейцарских властей. Тогда в Бонне внесли поправку: оказывается, — и на этот раз точно — Винцер скрывается в Аргентине. Правительству этой южноамериканской республики уже не раз приходилось расхлебывать кашу в связи с тем, что ее территорию облюбовали для «отдыха» видные нацисты типа Адольфа Эйхмана, поэтому оно решительно заявило, что никакого Винцера в Аргентине нет. На этот раз аргентинские власти сказали правду. Бруно Винцер вместе с Адамом фон Глига оказались в Берлине, а чтобы быть точнее, — в демократическом Берлине. И власти ГДР не скрыли этого. Более того, они созвали широкую пресс-конференцию, на которой бежавшие из ФРГ ответственные офицеры бундесвера рассказали о причинах перехода в ГДР. В частности, они сообщили известные им данные о подготовке западногерманским генштабом войны против социалистических стран.

«Первая мысль, — заявил майор Винцер, — состоит в том, чтобы отрезать друг от друга государства — участники Варшавского пакта, используя также Австрию как подступ. Я поясню: первая армейская группа наступает на юге, по границе между ГДР и Чехословакией, до границы Одер — Нейссе, отрезая таким образом эти две страны друг от друга. Затем эта армейская группа поворачивает на север, в направлении Франкфурт-на-Одере и на Берлин. Таким образом, ГДР будет отрезана от Польши. Затем предпринимается попытка натравить Польшу на СССР, заставить Польшу играть роль буферного государства против СССР. Мысль не нова, скажете вы: она всегда привлекала германских милитаристов.

Что касается второй армейской группы, то она должна продвигаться по границе между Чехословакией и Австрией, разъединить их и окружить Чехословакию. В министерстве Штрауса считают, что при вторжении в Австрию сопротивления никакого не будет, ибо австрийская армия слаба, и, кроме того, она окажет поддержку, как и союзы солдат, служивших в прежнем вермахте. Таким образом, войска быстро дойдут до Венгрии, где

рассчитывают встретить поддержку вооруженных групп. Следовательно, Чехословакия будет отделена и от Венгрии. Обходным движением будет завершено окружение Чехословакии, и Венгрия будет отрезана от Польши. В то же время будут продолжаться операции военно-морского флота в направлении на Росток и в устье Одера. Окружение ГДР будет полным».

Таким образом, бундесверовские генералы в разработке своей агрессивной программы придерживаются гитлеровского календаря, сочетая введение всеобщей воинской повинности с конкретным агрессивным военным планированием.

Понятно поэтому, с какой тревогой народы Европы восприняли сообщение о наглом меморандуме западногерманских милитаристов.

Наряду с требованием о введении всеобщей воинской повинности генеральный штаб бундесвера в ультимативной форме требует легализовать атомно-водородное вооружение западногерманской армии.

Известно, что в течение многих лет народы всего мира ведут решительную борьбу за запрещение применения атомного оружия, за изъятие его из вооружений всех стран, где оно имеется. Советский Союз в своих предложениях о запрещении ядерного оружия неоднократно подчеркивает его огромную опасность. Совершенно очевидно, что в руках агрессивной военщины атомное оружие превращается в средство массового истребления людей, в орудие таких чудовищных провокаций, которые могут совершенно неожиданно и против воли миролюбивых стран и народов вызвать мировой пожар.

Именно поэтому и стремятся западногерманские гитлеровские милитаристы к получению в свое распоряжение ядерного оружия.

Наглое требование бундесверовских генералов на этот раз в очень яркой форме показало, чего стоят всякие «гарантии» и «обязательства», когда они становятся на пути империалистической агрессивной политики.

Пятнадцать лет назад было подписано соглашение в Потсдаме о разоружении германских милитаристов. Оно оказалось погрязшим в Западной Германии во всех его пунктах.

Десять лет назад боннское правительство и правительства западных держав заверяли, что не будет армии

в Западной Германии. Сегодня уже существует трехсот-тысячный бундесвер, оснащенный наиболее совершенным вооружением.

Пять лет назад Парижские соглашения ограничили вооружение бундесвера обычными видами оружия. Было торжественно заявлено, что армия ФРГ не будет иметь атомного, химического, биологического и других видов наступательного оружия. Кому не известно, что сегодня бундесвер располагает ракетами и управляемыми снарядами разных типов!

Три года назад западные державы и правительство ФРГ торжественно декларировали, что бундесвер не будет располагать атомным оружием. Сегодня бундесвер уже располагает ракетами, приспособленными к переносу атомных и водородных зарядов, а генеральный штаб бундесвера требует в своем меморандуме атомного оружия, «находящегося по меньшей мере на таком же уровне, как и оружие противника». «Без этого оружия, — пугают бундесверовские генералы, — свободному миру осталось бы только капитулировать... перед мировым коммунизмом».

Нетрудно, таким образом, заметить, что агрессивный меморандум германских милитаристов, во многом напоминающий гитлеровские документы, похож на них и по форме изложения. Сколько раз в этом документе упоминается «угроза коммунизма»!

Они прибегают к этому отравленному тезису геббельсовской пропаганды, будто не существовало гитлеровского режима, не существовало самого Геббельса. Именно поэтому в меморандуме боннских генералов утверждается, что германскому народу «постоянно угрожает воинствующий коммунизм», что «цель противника — большевизация Германии», что «большевизм» угрожает миру.

Может быть, в заключение о том, чего в действительности стоят подобные обветшалые пропагандистские упражнения Бонна, следовало бы привести слова бывшего английского премьер-министра Антони Идена, сказанные им в 1943 году, когда он был министром иностранных дел в правительстве Черчилля. 21 февраля 1943 г. на митинге в Лондоне Иден говорил:

«Предпринимались и будут предприниматься всевозможные попытки возбудить подозрения, разжечь вражду

между союзниками. Весь старый хлам снова вытаскен наружу. Значительное место в этом театре марионеток занимает пугало большевизма. К счастью, нам нетрудно распознать это ярко размалеванное чучело. Это — старый знакомый, появившийся в первые дни нацистского режима. Из него высыпалось уже немало опилок, он не совсем повинуется манипуляциям Геббельса, но все же снова прибегают к услугам этого чучела»²².

Бедность в аргументации заставляет современных агрессоров прибегать к тому же чучелу, которое было и без того распотрошено много лет назад.

Сегодня процесс восстановления германского милитаризма дошел до такого уровня, когда западногерманская армия стала уже крупнейшей силой в Западной Европе.

Но опасность восстановления германского милитаризма определяется в современных условиях не столько силой его, сколько авантюризмом, исторически заложенным в военной идеологии прусской военщины. Тем большая ответственность ложится на западные державы, без помощи которых германский милитаризм не мог бы поднять голову. Мы вспомнили об истории с германским генеральным штабом в дни, когда исполняется 15-летие приговора Нюрнбергского процесса, вспомнили потому, что эта история еще раз разоблачает попытки реакционной пропаганды снять ответственность с западных держав за восстановление германского милитаризма.

Каждый человек, переживший ужасы второй мировой войны, каждый человек, сколько-нибудь знакомый с историей этой войны, не может спокойно отнестись к тому, что германский генеральный штаб вновь выступил на арену мировой политики, способствуя самому опасному развитию международных отношений.

Собравшиеся в Киле нацистские генералы потребовали атомного оружия. Разве не кроется чудовищная опасность в том, что этого требуют люди, которые уже доказали свою способность пойти на любую провокацию? История подготовки и развязывания второй мировой войны уже достаточно ярко показала, что германские милитаристы способны на любую авантюру, лишь бы достичь

---

²² «Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны», т. I, Госполитиздат, 1946, стр. 489.

своих преступных целей. Об этом говорят биографии тех самых гитлеровских генералов, которые сегодня руководят бундесвером и поставили свои подписи под «кильским меморандумом».

Каммхубер, например, мог бы рассказать, как он по поручению Геринга разрабатывал в 1938 году план чудовищной провокации — убийства германского посла в Праге — с целью создания предлога для нападения на Чехословакию. Этот же Каммхубер, который сегодня требует для бундесвера атомного оружия, мог бы вспомнить и еще один красочный эпизод своей биографии. В 1940 году германская авиация готовилась к массированным террористическим налетам на мирные города Франции и Англии. Но требовался предлог. Каммхубер не замедлил его создать. Эскадрилья «Эдельвейс» по его приказаниям обрушила сотни бомб на немецкий город Фрейбург, а затем этот налет приписали французской авиации.

И теперь этому человеку Запад вкладывает в руки атомное оружие. Чего еще может ждать человечество от генерал-provокатора? Очень многого. Да и сам он достаточно точно определяет свою задачу, заявляя, что если он начнет действовать с помощью ракет, оснащенных водородными боеголовками, то «исход войны практически будет решен на протяжении первых четырех дней».

Вот этим-то и привлекают гитлеровские генералы своих покровителей по ту сторону океана.

«Я представляю страну, у которой нет конкретных оснований относиться к германскому милитаризму с особой благосклонностью. Дважды за мою собственную жизнь английский народ тяжело расплачивался кровью и имуществом в результате германской агрессии». Эти слова принадлежат премьер-министру Великобритании Макмиллану и сказаны им были на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Казалось бы, английский премьер обнаружил понимание всей опасности того мюнхенского курса, на который твердо встали западные державы в наши дни. Но, увы, это были только слова. Подлинная сущность политики США и Англии в германском вопросе была выражена в других, более лаконичных выражениях в той же речи: «Мы обязательно должны освободиться от прошлого и смотреть в будущее».

Трудно назвать эти слова проявлением государственной мудрости. Прошрое германского милитаризма хорошо известно, и в активе его не только «план Барбаросса», но и Дюнкерк, «Зеелеве» — план нападения на Англию. 1

Во время войны во всех странах, подвергшихся германской агрессии, были созданы чрезвычайные и следственные комиссии, которые вели учет страшнейших преступлений германского милитаризма. Немыми свидетелями этих «подвигов» являются Освенцим и Майданек, Дахау и Треблинка. Там нашли свою ужасную смерть не только русские и чехи, евреи и сербы, но и англичане, и французы.

Впервые в человеческой истории люди, повинные в совершении таких чудовищных преступлений, предстали перед судом. И никогда еще суд не располагал такой массой леденящих кровь доказательств, какими располагал Нюрнбергский Трибунал. В распоряжении виднейших юристов мира оказался весь архив гитлеровского правительства, все документы нацистского генштаба. И эту огромную массу доказательств изучали в течение длительного времени, изучали скрупулезно и добросовестно. В течение десяти месяцев перед людьми, облеченными доверием народов всего мира, проходили сотни свидетелей, давали свои показания сами руководители гитлеровской Германии. Никто не мог бы оспорить тот факт, что обвинители четырех держав были достаточно компетентны в оценке того, чем является германский милитаризм и какая опасность проистекает из политики потворствования ему. Вот почему главный обвинитель от Великобритании Шоукросс с полным основанием заявил, что Нюрнбергский процесс является авторитетной и беспристрастной летописью, к которой будущие историки могут обращаться в поисках правды и будущие политики — в поисках предупреждения.

И, что весьма характерно, все обвинители отлично сознавали, что главная задача процесса вовсе не в том, чтобы наказать группу людей, сидевших на скамье подсудимых, а в том, чтобы способствовать всем своим ходом и исходом невозможности повторения страшной трагедии, в которую втянул германский милитаризм народы. Да, главную опасность обвинители видели именно в германском милитаризме, в его олицетворении — гер-

манском генеральном штабе. Вот почему главный обвинитель от США говорил на процессе, что оправдать германский генеральный штаб и другие организации гитлеровской Германии «было бы гораздо большей катастрофой, нежели оправдать всех подсудимых, сидящих сейчас на этой скамье. Эти подсудимые теперь уже бессильны причинить зло, тогда как эти организации еще могут продолжать свое злодейское дело». Как бы предвидя отказ западных судей признать гитлеровский генштаб преступной организацией, Джексон говорил:

«Если эти организации будут здесь реабилитированы, германский народ сделает вывод, что они действовали правильно, и его легко будет снова муштровать во вновь созданной организации под новым названием, но с той же программой».

И действительно, разве что-либо изменилось в политике германского милитаризма от того, что рейхсвер заменили вермахтом, а вермахт ныне называется бундесвером?

Разоблачая германский милитаризм на процессе, главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко в своей речи раскрыл преступный характер германского милитаризма. «Всякому, кто сколько-нибудь следил за политическим развитием Европы после первой мировой войны, хорошо известно, что офицеры и генералы кайзера сразу же обнаружили готовность повторить проигранную игру. Обвиняя в военном разгроме Германии кого угодно, только не себя, они создавали нелегальные военные организации, лелея мечту о реванше, и готовы были продать честь и шпагу любому политическому проходимцу, который не постесняется затеять новую мировую бойню». Надо ли разъяснять, что каждое слово этой характеристики вполне применимо к поведению германских милитаристов после второй мировой войны?

„ПОДЛЕЙШАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ“

Конфуз с Кальтенбруннером

10 декабря 1945 г. Сегодня присутствовавшие в зале Международного Военного Трибунала могли наблюдать весьма любопытную сцену на скамье подсудимых. В момент, когда все подсудимые после завтрака уже сидели на своих местах, американский офицер впервые привел на скамью подсудимых Эрнста Кальтенбруннера, шефа гитлеровского гестапо. Фашистский палач занемог и потому не присутствовал в первые дни на процессе.

Кальтенбруннер ожидал, что он встретит хорошее отношение со стороны соседей по скамье: как-никак позади много лет тесного сотрудничества. Но, увы, со скамьи подсудимых повеяло холодом, как будто морозный воздух ворвался через открытую дверь.

Кальтенбруннер начал приветствовать своих друзей по скамье. Он обратился к генералу Иодлю с целью обменяться рукопожатиями, но тот демонстративно отказался, хотя раньше (Кальтенбруннер это хорошо помнит) считал за честь. Кальтенбруннера посадили рядом с Кейтелем. Шеф гестапо много лет сотрудничал с начальником ОКВ. Кальтенбруннер пытается вступить в разговор с Кейтелем, но последний делает вид, что не слышит его. Кальтенбруннер обращается к адмиралам Редеру и Деницу, но и те не скрывают своего нежелания разговаривать с кровавым палачом.

Люди, наблюдавшие эту сцену, и не подозревали, что именно в это время зарождается новый миф, кото-

рый получит исключительно широкое распространение, — миф о непричастности германского генералитета к зверствам и насилиям, совершенным германским фашизмом во время второй мировой войны.

Отворачиваясь от Кальтенбруннера, Кейтель и Иодль, Редер и Дениц тем самым хотели сказать, будто зверства, массовые расстрелы в лагерях, издевательства над военнопленными, над патриотами — все это делалось гестапо и СС и что-де, мол, мы, германские генералы, решительно ничего общего с этим не имели.

...В зале нюрнбергского трибунала демонстрируется в качестве вещественного доказательства документальный фильм о фашистских зверствах. После демонстрации фильма, смонтированного из немецких кинокадров, Кейтель, когда его спросили о впечатлении, которое произвел на него этот фильм, ответил: «Это ужасно! *Это все грязные свиньи из СС* (курсив мой. — А. П.). Если бы я знал это, я бы сказал своему сыну: «Я скорее убью тебя, чем разрешу тебе вступить в СС. Но я не знал этого...»

Тогда, в 1945 году, в зале нюрнбергского трибунала комедия, учиненная Кейтелем и Иодлем, не могла произвести никакого впечатления, кроме того, что обнаруживала в этих гитлеровских генералах наряду с прочими их качествами и солидную дозу лицемерия. Присутствовавшие в зале суда прекрасно понимали, что вовсе не случайно Кальтенбруннер был посажен между Кейтелем и Розенбергом. Каждый из них выполнял свою палаческую роль в общем человеконенавистническом плане гитлеровской клики, и все они вместе были самым органическим образом связаны.

...Пройдет немного лет. Политическая обстановка в мире радикально изменится. Гитлеровские генералы, особенно те из них, кто располагает «восточным опытом», будут расцениваться реакционными кругами Запада на вес золота. Широким потоком вольются гитлеровские генералы и офицеры в агрессивный бундесвер. Это вызовет резкие протесты общественности, которой хорошо памятли зверства и насилия германской военщины.

Именно поэтому в целях моральной реабилитации нацистского генералитета и был создан миф о непричастности фашистских генералов к террористической политике нацизма во время второй мировой войны.

Современные идеологи германского милитаризма не спорят против того, что зверства совершались. Все дело лишь в том, что повинны в этом лишь СС и гестапо. Совесть же германских генералов совершенно чиста.

Правда, Международный Трибунал в своем приговоре заклеил германскую армию, привел бесчисленные факты чудовищных преступлений, совершенных гитлеровскими генералами. Трибунал указал, что «они были ответственны в большей степени за несчастья и страдания, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей. Они опозорили почетную профессию воина» и «безусловно представляли собой безжалостную военную касту»¹.

Но империалистическая пропаганда, имеющая в современных условиях новую задачу реабилитации гитлеровской армии, ничтоже сумняшеся, отбрасывает в сторону приговор Международного Трибунала, объявляет его бездоказательным. Западногерманский журнал «Анкалаге» назвал Нюрнбергский процесс «подлейшей фальсификацией истории»². Один из таких апологетов гитлеровской армии Морис Бардеш в изданной им книге «Нюрнберг, или обетованная земля» писал: «Моя книга имеет своей целью убедить мир в том, что нельзя слепо принимать на веру приговор, подписанный победителями...

В Нюрнберге немцы были судимы на основе софистики и лжи»³.

В действительности, утверждает Бардеш, германское командование не имеет никакого отношения к зверствам, совершенным гестапо. «Если мы проанализируем документы более глубоко, — пишет он, — то придем к выводу, что не германское верховное командование было ответственным, а отдельные офицеры, которые не могли контролировать себя или поддержать дисциплину своих солдат перед лицом провокаций партизан и участников движения сопротивления»⁴.

---

¹ «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. II, 1954, стр. 1044.

² «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 7, стр. 668.

³ Цит. по J. Sawicki, From Nuremberg to the New Wehrmacht, p. 40.

⁴ Ibid.

Один из ярых защитников гитлеровского генералитета Монтгомери Бельджион в своей книге «Суд победителей» писал, что «во второй мировой войне германская армия вела себя гораздо лучше, чем в первой»⁵. Во время судебного процесса над Манштейном его адвокат, член британского парламента Пэйджет, отвергая обвинение Манштейна в зверствах, бесстыдно заявил суду: «Когда мы встречали вермахт в Африке, Италии и Франции, мы приходили к выводу, что немецкие солдаты были весьма порядочными людьми». Что же касается общеизвестных фактов о зверствах, то Пэйджет цинично заявляет: «Это не было доказано». Пэйджет, как и другие защитники гитлеровских генералов, пытается всю вину свалить на СС и гестапо, а германских генералов, которые в боях якобы «проявляли значительную сдержанность и дисциплину», стремится представить решительными борцами за гуманность.

В бесчисленных мемуарах гитлеровских генералов настойчиво проводится мысль о том, что германский генералитет не только сам не повинен в чудовищных преступлениях, но, более того, всячески противодействовал и саботировал исполнение любых приказов Гитлера, нарушавших международное право. Если поверить Гальдеру и Гудериану, Типпельскирху и Кессельрингу, Манштейну и Блюментриту, то германские генералы были воспитаны на благородных и рыцарских традициях ведения войны и что ничто так не противоречило убеждениям генералов, как идеология нацизма.

Но все эти утверждения рассыпаются в прах, как только они сопоставляются с фактами, с исторической действительностью. Нет необходимости спорить по поводу того, что германская военщина имеет свои традиции, сложившиеся задолго до прихода фашизма к власти. О них писал еще Маркс. Они запечатлелись с особой силой во время франко-прусской войны. Они ярко проявились и в поведении германской военщины во время первой мировой войны. Приведем лишь один пример. Одним из столпов и идеологических вождей германского милитаризма, как известно, был генерал Сект. В 1915 году Сект составил меморандум, в котором он

---

⁵ M. Belgion, *Victor's Justice*, p. 9.

сформулировал цели войны против России. Сект мечтал о создании на территории России огромного германского «хинтерланда» в 10 тыс. кв. миль, из которого русское население было бы изгнано. Указывая на потери Германии в войне, Сект писал: «Что значит по сравнению с этим изгнание 20 млн. человек (русских. — А. П.), среди которых много таких подонков, как евреи, поляки, мазурийцы, литовцы, латыши, эстонцы и др... России, имеющей 400 тыс. кв. миль, придется примириться с потерей земель... Во всяком случае, по-моему, легче изгнать 20 млн. русских, чем переварить 7,5 млн. бельгийцев».

Разве эта программа чем-то отличается от того, что писал Гитлер в «Мейн кампф»? И не правильно ли будет заключить, что именно традиции германских милитаристов явились источником вдохновения для гитлеровцев как в области их агрессивной политики и практики, так и при формировании и осуществлении их человеконенавистнической расовой политики.

Не случайно Рундштедт на Нюрнбергском процессе заявил, что национал-социалистские идеи не представляли для германских милитаристов ничего нового, что они «были заимствованы из старых прусских времен и... давно известны нам и без национал-социалистов»⁶.

Не следует ли признать после этого, что, придя к власти, Гитлер не встретил пустоту в военной идеологии германских милитаристов. Гитлеровская клика, захватив власть, сразу же получила опору в сложившихся взглядах и морали германской военщины.

Международный Военный Трибунал располагал бесчисленными документальными материалами и важнейшими свидетельскими показаниями, устанавливавшими, что грубейшие нарушения общепризнанных законов и обычаев войны, чудовищные зверства и насилия над мирным населением осуществлялись далеко не только СС, СД и гестапо, но не менее активно и вооруженными силами гитлеровской Германии.

Читатель уже помнит, как Кейтель пытался представить себя простачком, выразив «возмущение» преступлениями нацистов, пытаясь приписать их лишь СС. На

---

⁶ «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. II, 1954, стр. 883.

Нюрнбергском процессе было установлено, что даже отдельные гитлеровские генералы, боясь возможной ответственности, высказывали критические соображения по поводу варварского отношения к советским военнопленным. На тексте одного доклада, адресованного в ОКВ по этому поводу, где приводились факты чудовищных расправ с советскими военнопленными и гражданским населением и указывалось, что все это грубейшим образом нарушает общепризнанные положения международного права, Кейтель наложил следующую резолюцию: «Эти положения соответствуют представлениям солдата о рыцарском способе ведения войны. Здесь же (в войне против Советского Союза. — А. П.) речь идет об уничтожении целого мировоззрения. Поэтому я одобряю эти мероприятия и покрываю их. Кейтель»⁷.

Надо ли говорить о том, что одна эта резолюция перечеркивает все лживые утверждения современных адвокатов германского милитаризма о непричастности нацистских генералов к зверствам.

„Им не следует давать пощады...“

Но тягчайшие преступления гитлеровская военщина совершала далеко не только против советских людей. Это теперь идеологи нового союза Запада с германским милитаризмом стремятся доказать, что если гитлеровцы и совершали зверства, то только на Востоке и что «европейская общность» немцев с Западом не позволила даже Гитлеру встать на путь совершения военных преступлений против армий и населения западных стран. Пишет же гитлеровский генерал К. Типпельскирх, что поведение гитлеровской армии во Франции было столь корректным и предупредительным, что французы обращались к солдатам: «Мсье немецкий солдат».

...Майор американской армии Фредерик Роше дал показания, представленные нюрнбергскому трибуналу. Роше был военным прокурором и сообщил нечто такое, что никак теперь не укладывается в рамки западной пропаганды. Роше рассказал о судебном процессе над

---

⁷ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 19, стр. 10.

германским генералом Антоном Достлером. Его судил американский трибунал в Италии в октябре 1945 года. Роше был обвинителем. Определение о виновности и приговор гласили следующее:

«Определение о виновности: Генерал Достлер, в качестве председателя этого трибунала я обязан объявить вам, что трибунал на закрытом совещании после тайного письменного голосования по меньшей мере двумя третями голосов всех членов нашел вас виновным по всем предъявленным вам обвинениям.

Приговор: Там же на закрытом совещании и после тайного голосования по меньшей мере двумя третями голосов своих членов трибунал приговаривает вас к расстрелу»⁸.

Об обстоятельствах этого дела Роше рассказал:

«В ночь на 22 марта 1944 г. 2 офицера и 13 солдат особого разведывательного батальона № 2677 американской армии были высажены с американского военного корабля на итальянском побережье близ Стационе ди Фрамура. Все 15 человек были военнослужащие и находились в разведывательной службе армии Соединенных Штатов Америки. ...Все они были надлежащим образом одеты в полевую форму армии США, и у них не было с собой никакой гражданской одежды. Они имели задание разрушить железнодорожный тоннель на линии между Ла Специа и Генуей. Эта железнодорожная линия использовалась германскими вооруженными силами для того, чтобы снабжать войска на фронте у Кассино и на плацдарме у Анцио.

Вся группа была захвачена утром 24 марта 1944 г. патрулем, который состоял из фашистских солдат... Все 15 человек были подвергнуты допросу в Ла Специа. Затем они находились под арестом до утра 26 марта 1944 г., когда все они были расстреляны. Эти лица не были подвергнуты никакому суду, их не вызывал никакой суд, и их дело не разбиралось в суде. Они были расстреляны по приказу Антона Достлера, тогда командовавшего 75-м армейским корпусом. Антон Достлер являлся подсудимым по этому делу; он сообщил в своих показаниях, что приказал расстрелять 15 американских солдат в соответствии с приказом Гитлера от 18 октяб-

---

⁸ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 6, стр. 259.

ря 1942 г. о борьбе с «командос», в котором говорилось, что «командос» должны расстреливаться и их не разрешается брать в плен даже после того, как они будут подвергнуты допросу. Он также показал, что был бы предан военному трибуналу, если бы не выполнил приказа Гитлера»⁹.

Достлер был расстрелян. Но Достлер был далеко не единственным, кто расстреливал пленных солдат и офицеров союзных армий на Западе.

В основе преступных действий Достлера лежал приказ германского командования, подписанный Гитлером. Приказ этот был издан 18 октября 1942 г. и требовал безоговорочного уничтожения захваченных в плен участников отрядов «командос».

На Нюрнбергском процессе защита германских генералов делала попытки представить дело таким образом, что под «командос» имелись в виду люди, совершавшие диверсионные акты в штатской одежде и таким образом не имевшие права на статус военнопленных. Но эти жалкие попытки уйти от ответственности были разоблачены путем представления Трибуналу подлинного приказа, п. 3 которого гласил:

«3. Поэтому я приказываю, чтобы начиная с настоящего времени все неприятельские агенты, выполняющие так называемые миссии «командос» в Европе или Африке, обнаруживаемые германскими войсками, истреблялись до последнего человека, даже если они с внешней стороны выглядят как солдаты и одеты в форму или состоят в подрывных частях, независимо от того, вооружены они или нет, сражаются они или спасаются бегством. Нет никакой разницы, высаживаются они с морских судов или с самолетов для выполнения своей миссии или сбрасываются на парашютах. Даже если эти личности, когда они обнаружены, по всей видимости, намереваются сдать в плен, то, как правило, им не следует давать пощады. О каждом отдельном случае следует посылать подробный отчет в ОКВ для опубликования этого отчета в коммюнике вооруженных сил»¹⁰.

Нетрудно заметить, сколь откровенно преступен этот

---

⁹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 6, стр. 258—259.

¹⁰ Там же, стр. 251.

приказ,— германское командование требовало расстрела военнопленных, даже если они сдаются.

Подлинная причина отдачи приказа о расстреле заключалась в стремлении уstrasшить солдат союзных армий. В ответ на поступавшие запросы о порядке выполнения приказа о «командос» германский генштаб разъяснил:

«2) расстрелы одетых в военную форму военнопленных, которые выполняют военные приказы, должны проводиться, даже если они сдаются добровольно и просят пощады.

С другой стороны истребление диверсионных групп во время боевых операций не должно держаться в секрете, напротив, об этом следует регулярно писать в коммюнике ОКВ.

Цель этих мероприятий, а именно устрашение, не будет достигнута, если те лица, которые принимают участие в осуществлении операций «командос», не узнают, что их ждет верная смерть, а не безопасный плен»¹¹.

Высадка англо-американских войск во Франции в 1944 году, после которой союзное командование широко практиковало крупные воздушные десанты, вызвала у отдельных германских командующих сомнение, следует ли в новых условиях применять приказ о «командос». В связи с этим 25 июня 1944 г. главное германское командование издало приказ, который гласил: «Даже после высадки англо-американцев во Франции приказ фюрера... от 18 октября 1942 года остается полностью в силе.

Солдаты противника, одетые в военную форму, которые находятся в районе плацдарма, где происходят боевые операции, должны подвергаться обращению, согласно § 5 приказа от 18 октября 1942 года».

Говоря о преступлениях против народов и армий западных стран, можно было бы привести множество других приказов («Мрак и туман», о линчевании союзных летчиков и др.), на основании которых были совершены тягчайшие преступления, можно было бы сослаться на приказы гитлеровского военно-морского штаба, в силу которых без всякого предупреждения топили торговые и пассажирские суда как союзных, так и нейтральных стран, а команда и пассажиры расстреливались.

---

¹¹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 6, стр. 256.

Но, конечно, наиболее тяжкие преступления совершались гитлеровцами на Востоке, в войне против Советского Союза, в войне, в которой, по словам Кейтеля, речь шла «об уничтожении целого мировоззрения».

Именно поэтому к подготовке чудовищных по своему размаху и характеру военных преступлений гитлеровцы подошли с особой педантичностью. Эти преступления во всех деталях были заранее запланированы, причем запланированы еще до начала войны. Таким образом, военные преступления стали неотъемлемой частью военно-стратегического «плана «Барбаросса».

Еще 12 мая 1941 г. верховное командование германской армии издало приказ «Об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками». Этот приказ предусматривал физическое уничтожение захватываемых в плен политических работников Советской Армии. Приказ гласил:

«1. Ответственные политические работники и политические руководители (комиссары) должны устраняться...

3. Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях. В тыл не эвакуируются»¹².

Анализируя чудовищные преступления, совершенные гитлеровской военщиной против советских военнослужащих, Международный Военный Трибунал в своем приговоре констатировал: «Обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной бесчеловечностью. Смерть многих из них являлась результатом не только действий отдельных членов охраны или условий жизни в лагерях, доходивших до крайностей. Она являлась результатом систематического плана совершения убийств»¹³.

Ярким примером грубейших нарушений общепризнанных норм международного права являются правила об обращении с советскими военнопленными, изданные

---

¹² «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 3, Госюриздат, 1958, стр. 94.

¹³ Там же, т. 7, стр. 375.

ОКВ 8 сентября 1941 г. В этих правилах говорилось, что «большевистский солдат потерял... право на то, чтобы с ним обращались как с честным противником в соответствии с правилами Женевской конвенции...».

Правила предусматривали жесточайшую расправу с «большевистскими фанатиками», если последние проявляют хотя бы малейший намек на неподчинение. «Неподчинение, активное или пассивное сопротивление должны быть сломлены немедленно силой оружия».

Для того, чтобы нацистские офицеры понимали, что речь идет не только о фразе («силой оружия»), германское командование нашло нужным в правилах разъяснить, что под этим выражением имеются в виду «штыки, приклады и огнестрельное оружие»¹⁴.

Авторы указанных «правил» недвусмысленно дали понять, что ни с кого не спросится за то, что будет применена сила оружия против беззащитных военнопленных. Более того, в «правилах» указывалось, что «каждый, кто при проведении этого приказа не прибегнет к своему оружию или сделает это недостаточно энергично, подлежит наказанию»¹⁵.

13 мая 1941 г. ОКВ издал распоряжение «О применении военной подсудности в районе «Барбаросса». Это распоряжение предусматривало массовое уничтожение советского мирного населения, причем в качестве одного из «оснований» указывалось на связь мирного населения с движением сопротивления немцам¹⁶.

Распоряжение гласило:

«1. До особого распоряжения военные суды и военно-полевые суды не будут рассматривать дела о преступлениях, совершенных гражданскими лицами из враждебного населения.

2. Войска должны безжалостно избавляться от партизан, независимо от того, сражались ли последние или отступали».

Если не полевые суды, то кто же должен был решать судьбу советских людей, произвольно задержанных на-

---

¹⁴ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 7, стр. 376.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Материалы Нюрнбергского процесса», док. СССР—68.

цистами? Приказ предусматривает, что «лица, подозреваемые (?!) в преступных действиях, должны быть немедленно доставлены к офицеру. Этот офицер решает вопрос о расстреле».

Речь идет о любом офицере, офицере любого звания, ибо только в следующем пункте приказа уже устанавливается ранг офицера, поскольку там идет речь о других полномочиях.

Хорошо известно, что международное право категорически запрещает установление коллективной ответственности и репрессий в отношении мирного населения. Но это, как и многие другие требования международного права, в практике германских милитаристов уступило грубому произволу и террору. Пункт 4 приказа от 13 мая 1941 г. предусматривает:

«По приказу офицера, находящегося в чине по крайней мере командира батальона, должны без промедления приниматься коллективные жестокие меры против тех населенных пунктов, с территории которых производились коварные и предумышленные нападения на вооруженные силы...»

Пытаясь извратить историю и обелить германский милитаризм, современные фальсификаторы утверждают, что если в ходе войны и имели место со стороны германской армии отдельные нарушения международного права, то вызваны они были еще более грубыми нарушениями со стороны Советской Армии.

Но в том-то и сила нюрнбергских документов, что они начисто опровергают эти измышления. Опровергают уже одним тем фактом, что основные приказы германского командования, в которых предписывались и санкционировались военные преступления, разрабатывались одновременно с агрессивным «планом Барбаросса», составляли его неразрывную часть и были изданы, как правило, до войны. Именно таким был цитированный выше приказ о подсудности в районе «Барбаросса» от 13 мая 1941 г. Приказ об ограблении советских территорий был издан 13 марта 1941 г. и служил дополнением к «плану Барбаросса». Приказ об убийстве политических работников Советской Армии был издан 12 мая 1941 года.

Таким образом, уже одно это обстоятельство опровергает выдвигаемую ныне версию об «ответных мерах».

„Я не могу помнить каждую деталь“

..В зал нюрнбергского трибунала ввели генерал-фельдмаршала гитлеровской армии Манштейна. Здесь он еще свидетель, вызванный защитой для того, чтобы убедить суд в непричастности германского генерального штаба к формулированию нацистской политики агрессии и чудовищным преступлениям фашизма.

Адвокаты привели Манштейна затем, чтобы он показал, что только недоразумением можно объяснить выдвинутые против генерального штаба обвинения в совершении грубейших нарушений международного права. Вот послушайте Манштейна, и вы убедитесь, сколь нелепо обвинять германских генералов в совершении военных преступлений. «Я сорок лет был солдатом. Я происхожу из солдатской семьи и воспитан в солдатских понятиях... Наш идеал — и это относится также и к моим товарищам — мы видели не в ведении войны, как таковой, а в воспитании из нашей молодежи честных людей и достойных воинов... Утверждение, что мы, старые солдаты, вели в этой войне нашу молодежь на преступления, превышает все, что может вообразить относительно дурного человек богатой фантазии»¹⁷.

Так говорил фельдмаршал Манштейн, и именно эти и подобные места из своих показаний он охотно приводит в своих послевоенных писаниях.

Современные германские реваншисты всячески поднимают на щит своего кумира и рекомендуют его в качестве образца служения воинскому долгу. Манштейн сейчас в Западной Германии. Это одна из икон, на которую молятся гитлеровцы, так широко внедрившиеся в бундесвер. О нем много пишут, но и сам он о себе пишет весьма охотно.

Но вернемся к Нюрнбергскому процессу. Манштейн, продолжая свою линию, пытается представить войну против Советского Союза как бы двуликой: «Одно лицо — это была военная тактика войны, которую осуществляли мы, солдаты, а другое — идеологическая война, которая велась той или другой стороной, но не нами, солдатами, а другими элементами»¹⁸. Пройдет несколько

¹⁷ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 36, стр. 18166.

¹⁸ Там же, стр. 18149.

лет — и Манштейн, оказавшись благодаря заботам своих западных покровителей на свободе, напишет книгу «Утраченные победы», где он именно в таких же выражениях будет выгораживать гитлеровский генералитет. Можно сказать, что целые куски его показаний на Нюрнбергском процессе будут перенесены в книгу. Но только определенные куски... Манштейн скромно умолчит о некоторых других его показаниях и показаниях других свидетелей о нем. Не вспоминают о них и его поклонники из числа германских реваншистов. Тем более будет полезно вспомнить об этом сейчас.

Манштейн знает, что творили фашисты на советской земле. Он сам был там командующим германскими войсками. Но он пытается избежать ответственности.

«Манштейн: В территориальном отношении мы были ограничены небольшими районами оперативных действий, а в деловом отношении даже и в этих районах мало на что могли повлиять. Все полицейские мероприятия проводил Гиммлер на свою собственную ответственность... Экономикой этих областей распоряжался Геринг. Получение рабочей силы осуществлялось Заукелем. Произведения искусств были зарегистрированы особым штабом Розенберга и находились в его ведении»¹⁹.

Он, Манштейн, конечно, был против гитлеровской расовой политики и осуждал ее. Вот он рассказывает об одном случае, который, безусловно, должен убедить суд в том, что Манштейн был против преследования евреев. Когда он прибыл в распоряжение своей армии в город Николаев, «то рассказывали, что СС (но без точных сведений) в предшествовавший период, то есть до моего прибытия сюда, расстреляли в Бессарабии несколько евреев. Это был слух об отдельном случае. Так как я на следующее утро рано уехал оттуда, то моему ординарцу я приказал передать фюреру СС, что там, где я буду командующим, я не потерплю такого свинства»²⁰.

Если этого еще мало, чтобы убедиться в глубокой порядочности и гуманности господина фельдмаршала, он сообщит суду еще один факт, в данном случае из области его отношения к советским военнопленным:

---

¹⁹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 36, стр. 18151.

²⁰ Там же, стр. 18156.

«Манштейн: Однажды, когда я был командующим армейской группой, я видел, как один немецкий солдат прикладом ударил военнопленного, чтобы дать место моей машине, которая проезжала мимо колонны военнопленных. Я немедленно остановил машину, установил личность этого солдата и на следующий день вызвал к себе его командира, которому приказал наказать этого солдата»²¹.

Так пытался обелить себя гитлеровский фельдмаршал перед лицом истории, отвечая на вопрос адвоката.

Стоило, однако, обвинителю прикоснуться к архивным документам штаба армии, которой командовал Манштейн, как перед нами предстал уже совершенно другой Манштейн. Перед присутствовавшими в зале суда был разоблачен один из тех гитлеровских генералов, которые не только были послушными исполнителями фашистских планов массового истребления советских людей, но и «творчески» обогащали арсенал человеконенавистнической политики нацизма на оккупированных территориях.

Манштейн вынужден признать, что он получал для исполнения приказы ОКВ, в которых предписывалось вселить в каждого советского человека «такой страх, какой один только способен отбить у населения охоту к сопротивлению». Манштейну известно, и он это подтверждает, что существовал приказ генерала Рейхенау, одного из командующих армией, который предписывал столь жестокие методы обращения с советскими людьми, что был разослан всем другим командующим как образец. Да, Манштейн получил этот приказ: «Мне прислали этот приказ, как приказ Гитлера, как образец»²². Но Манштейн на всякий случай не признает еще, что он руководствовался этим приказом.

Но вот дотошный обвинитель через своего помощника предъявляет Манштейну для ознакомления другой приказ и просит его сообщить, знаком ли он с ним. Явная растерянность на лице Манштейна. Нетрудно было гитлеровскому фельдмаршалу сообразить, что как только он признает этот приказ своим, сразу же рухнет вся ле-

---

²¹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 36, стр. 18143.

²² Там же, стр. 18188.

генда о его человеколюбии, о его оппозиционности гитлеровской политике зверств. Но что поделаешь, приказ подписан им лично и датирован 20 ноября 1941 г. С первых же слов рушится попытка представить себя лишь чисто военным человеком, ничего общего не имевшим с идеологическими целями Гитлера. Приказ Манштейна начинался следующими словами: «С 22 июня германский народ находится в состоянии смертельной борьбы против большевистской системы»²³.

Манштейн приказывает реализовать гитлеровскую политику массового истребления еврейского населения, ибо оно «являлось посредником между врагом в тылу и остатками сражающейся Красной Армии и руководством красных. Еврейско-большевистская система должна быть уничтожена раз и навсегда»²⁴.

После оглашения этой части приказа Манштейн уже больше не ссылался на то, что считал свинством расстрел нескольких евреев в Бессарабии. Он предстал перед миром как один из активных проводников гитлеровской политики террора.

Но Манштейну не хочется признавать, что, издав такой приказ, он способствовал массовому и организованному убийству советских людей. Да, Манштейн знал о том, что в расположении его армии действовала эйнзатцкоманда во главе с известным гестаповцем Олендорфом. Но он и понятия не имел, чем она должна заниматься. Она ему не подчинялась, и он не интересовался ее деятельностью. О том, что существовало какое-то соглашение по этому поводу между армейскими и гестаповскими организациями, ему и подавно не известно.

Но на беду Манштейна был захвачен сам Олендорф и доставлен в Нюрнберг, чтобы освежить память фельдмаршала. Обвинители на Нюрнбергском процессе располагали столь бесспорными документальными доказательствами его преступной деятельности, что всякое отрицание ее было абсолютно бессмысленным. Показания Олендорфа были столь разоблачительными, что вызвали ярость на скамье подсудимых. «Вот еще один продающий

---

²³ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 36, стр. 18190.

²⁴ Там же, стр. 18190—18191.

душу врагу. На что эта свинья рассчитывает? Его все равно повесят», — так в состоянии раздражения отзывался Геринг на показания Олендорфа.

Что же сказал этот «свидетель»?

Олендорф признал, что за две недели до нападения на СССР было заключено соглашение между ОКВ, ОКХ (главное командование сухопутных сил) и главным управлением имперской безопасности. Соглашение это предусматривало, что при каждой армии создается гестаповская эйнзатцкоманда, которая будет проводить в жизнь план массового истребления советских граждан. Олендорф признал далее, что существовало четыре оперативные группы — «А», «В», «С» и «Д». Группа «Д» действовала под его руководством на Украине. Этой группе, как заявил Олендорф, «было поручено ликвидировать евреев и политических комиссаров... на русской территории».

«Эймен (американский обвинитель): Когда вы говорите ликвидировать, вы имеете в виду убивать?

Олендорф: Да. Это значит убивать»²⁵.

А знали ли командующие армиями о таком назначении оперативных групп? Судя по показаниям Манштейна и других гитлеровских генералов, они ничего об этом не знали. Подавно это отрицают теперь бывшие гитлеровские генералы, пытающиеся в своих мемуарах представить себя противниками Гитлера. Но Олендорф внес свой корректив в этот вопрос. По этому поводу он заявил на суде: «Гиммлер сообщил мне, что до начала похода против России Гитлер на совещании с командующими фронтами и армиями сообщил эту задачу командующим и указал им на то, что они должны оказывать соответствующую поддержку... Без подобных указаний, которые были даны армии, деятельность этих оперативных групп была бы вообще немыслима»²⁶.

Олендорф располагался со своей оперативной группой при штабе 11-й армии, которой командовал Манштейн. Манштейн категорически отрицал, что ему было известно о деятельности оперативной группы Олендорфа.

---

²⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 6, стр. 2138.

²⁶ Там же, стр. 2140.

Он, конечно не знал, что эта группа ежедневно расстреливает советских людей. Олендорф был более откровенен. Вот его заявление на Нюрнбергском процессе.

«Олендорф: С июня 1941 года по июнь 1942 года оперативные команды сообщили, что уничтожено примерно 90 тыс. человек»²⁷.

Далее Олендорф с эпическим спокойствием рассказывает, что жертв «собирали в одно определенное место. Оттуда их перевозили к месту казни. Как правило, местом казни был противотанковый ров или просто яма. Казни осуществлялись по-военному, по команде»²⁸.

А как же Манштейн? Знал ли он об этом?

Нет, конечно, Манштейн знал, что те или иные советские граждане время от времени передавались в СД. Но кто же мог догадаться, что их там расстреливали...

«Манштейн: Мы думали, что это лицо сначала будет допрошено органами СД, а потом помещено в какой-либо лагерь или что-либо подобное»²⁹.

Но Олендорф опять-таки вынужден «подправить» Манштейна. Он говорит, что именно указаниями командования армии он руководствовался, осуществляя план истребления советских граждан, особенно коммунистов и евреев. Более того, командование торопило его...

«Олендорф: В Симферополе со стороны армии было дано распоряжение соответствующим оперативным командам, касающееся ускорения ликвидации, причем обосновывалось это тем, что в этой области свирепствовал голод и не хватало жилищ»³⁰.

Правда, Манштейн не хотел, чтобы слишком рекламировалась роль армии в этих массовых убийствах.

«Олендорф: В Николаеве был получен приказ 11-й армии, касавшийся того, что ликвидация должна проводиться только на расстоянии не менее 200 километров от штаб-квартиры командующего»³¹.

Постепенно, по мере предъявления все новых и новых документальных доказательств, Манштейн был вынужден признать, что он не только знал о существовании

---

²⁷ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 6, стр. 2141.

²⁸ Там же, стр. 2143.

²⁹ Там же, т. 36, стр. 18148.

³⁰ Там же, т. 6, стр. 2141.

³¹ Там же.

Олендорфа, но даже... Впрочем, послушаем его самого.

«Манштейн: Возможно, что Олендорф был у меня... И так как эти визиты состоялись большей частью в обещанный перерыв, то могло случиться, что я приглашал его пообедать со мной»³².

Постепенно выяснилось, что между командующим 11-й армией Манштейном и гестаповцем Олендорфом существовали самые сердечные отношения. Олендорф время от времени даже делал подарки офицерам Манштейна. И подарки эти были весьма ценные. Офицеры армии Манштейна получали, в частности, золотые часы от Олендорфа. Манштейн пытается отрицать это обстоятельство.

«Манштейн: Что касается часов, то однажды интендант армии был у меня и сообщил мне, что ему было доставлено большое количество часов из Германии»³³.

Манштейн еще раз солгал. Вовсе не из Германии были доставлены эти часы. Более точную справку по этому поводу дал на процессе тот же сподвижник Манштейна — Олендорф.

Вот выдержка из его допроса:

«Эймен (американский обвинитель): Что вы делали с личной собственностью и одеждой казненных?

Олендорф: Ценные вещи изымались при регистрации, то есть в тот момент, когда людей собирали. Они конфисковывались и передавались через главное управление имперской безопасности в министерство финансов или непосредственно в это министерство.

Эймен: Что происходило с часами, которые снимали с жертв?

Олендорф: Часы, по *требованию армии*, поступали в распоряжение фронта»³⁴.

Невольно вновь вспоминаются слова Манштейна: «Я сорок лет был солдатом. Я происхожу из солдатской семьи и воспитан в солдатских понятиях. Примером из моих родственников для меня был Гинденбург». Циничные и лживые слова! Не солдатом, а убийцей и мароде-ром был гитлеровский фельдмаршал Манштейн.

---

³² «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 36, стр. 18154.

³³ Там же, стр. 18209.

³⁴ Там же, т. 6, стр. 2145.

Материалами Нюрнбергского процесса совершенно точно установлено, что Манштейн, как и другие гитлеровские генералы, принимал самое активное участие в реализации планов массового истребления советских граждан. Они хорошо знали и одобряли расстрелы не только взрослых, но и детей. Они хорошо знали, что в их распоряжение для оперативных команд прибывали зловещие „газвагены“. Вот что по этому поводу сообщил Трибуналу Олендорф:

«По внешнему виду нельзя было сделать заключение о назначении душегубок. Это были закрытые грузовики, устроенные таким образом, что во время работы мотора газ из выхлопной трубы проходил в кузов, до отказа заполненный людьми. Через 10—15 минут наступала смерть. В душегубки погружали жертвы и затем везли их к тому месту, где обычно происходили казни. Эта перевозка длилась достаточно для того, чтобы умертвить людей».

«Генерал **И. Т. Никитченко** (член Международного Трибунала от СССР): Вы в своих показаниях говорили, что оперативная группа имела целью уничтожение евреев и комиссаров. Правильно?

Олендорф: Да.

И. Т. Никитченко: А к какой категории вы относили детей? По каким мотивам истребляли детей?

Олендорф: Был приказ о том, что еврейское население должно быть полностью уничтожено.

И. Т. Никитченко: В том числе и дети?

Олендорф: Да»³⁵.

И для того чтобы до конца выяснить вопрос о том, знал ли Манштейн об этих злодеяниях, Олендорф заявил, что во время массовых расстрелов присутствовал представитель от командования армии³⁶. Видимо, Манштейн и его офицеры хотели быть уверенными в том, что программа массового уничтожения советских людей выполняется в соответствии с имеющимися указаниями, а заодно уж не просчитаться в трофеях.

Манштейн, однако, считал свою задачу на оккупированных территориях шире. Он не ограничивался лишь

---

³⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 6, стр. 2162.

³⁶ Там же.

массовыми убийствами. Грабеж, повсеместное ограбление — вот что волновало человека, «воспитанного в солдатских понятиях». Поэтому он всячески требовал от своих подчиненных рыскать по селам и городам и все, что только можно, забирать и отправлять в Германию. Он понимал, что таким образом обрекает население на голод, нужду и постепенное вымирание.

«Подвиги» нацистов на оккупированных территориях.

«В особенности, — писал в своем приказе Манштейн, — в городах противника большая часть населения должна будет голодать. Не взирая на это, ничто... не должно быть из ложного чувства человечности отдано военнопленным или населению...»³⁷.

Когда Манштейна спросили об этом приказе, он пытался отрицать его существование. И лишь после того как ему был предъявлен подлинник, он вынужден был признать свою подпись на нем, но при этом сослался на свою забывчивость. «И это неудивительно, — сказал

³⁷ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 18, стр. 18191.

он,— так как прошло уже много лет, и я за эти годы подписал сотни, может быть даже тысячи, приказов. *Я не могу помнить каждую деталь*».

Что можно сказать о человеке с «солдатскими понятиями», если приказ об ограблении народа, об установлении режима террора и голода он называет «*деталью*».

Так выглядел бывший фельдмаршал германской армии фон Манштейн. На примере деятельности одного гитлеровского фельдмаршала раскрывается вся ложь современной пропаганды западногерманских реваншистов о непричастности германских генералов к чудовищным зверствам фашизма.

Арифметические расхождения

В Западной Германии бывшие отъявленные гитлеровские головорезы из СС и гестапо не стесняются в выражениях, чтобы подчеркнуть родство нацистской армии и эсэсовцев. В этом смысле весьма характерна книга одного из руководителей СС генерала Хаузера, который, говоря о «заслугах» СС, делает ряд весьма ценных признаний. Так, он пишет: «Отношения ваффен-СС к армии можно проследить только на основе личного опыта. Мой опыт показывает, что никогда не было трений между ними и в большинстве случаев эти отношения были сердечными... Высшие армейские командиры были всегда удовлетворены приданными им соединениями ваффен-СС и всегда сожалели, когда их забирали от них»³⁸.

Гитлеровское командование и СС проявили особое взаимопонимание, когда шла речь о борьбе с партизанским движением на оккупированных территориях. Тот самый Кейтель, который делал вид, что возмущен преступлениями СС, 16 сентября 1941 г. подписывает варварский приказ, направленный на усиление борьбы с партизанами на оккупированных советских территориях. В вводной части приказа Кейтель пишет: «С начала кампании против Советского Союза коммунистические восстания разразились повсюду в областях, оккупированных Германией. Действия, предпринимавшиеся коммуниста-

---

³⁸ J. Sawicki, From Nuremberg to the New Wehrmacht, pp. 204—205.

ми, развились из пропаганды, атак на отдельных членов вооруженных сил в открытые восстания и широко развернувшуюся партизанскую войну».

Далее, верховное командование в лице Кейтеля предписывает применять самые жестокие меры расправы с захваченными в плен партизанами и мирным гражданским населением.

«В этом свете следует помнить, что человеческая жизнь в оккупированных странах ничего не стоит. Только необычная жестокость может иметь сдерживающую силу.

Смертный приговор 50 или 100 коммунистам в таких случаях должен рассматриваться как приемлемое возмещение за жизнь одного германского солдата. Метод, которым приводится в исполнение приговор, должен усиливать устрашающее действие. Обратное действие, то есть наложение относительно мягких наказаний с применением лишь угрозы употребления более жестоких мер, не соответствует этим принципам и не должно иметь места»³⁹.

Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко, процитировав этот приказ, обратился к Кейтелю с вопросом — подтверждает ли он правильность текста. Кейтель заявил, что кое-что в цитируемом тексте неправильно.

«Кейтель: Я этот приказ подписал, однако те числа, которые там указаны, являются личными изменениями в приказе, именно изменениями Гитлера.

Руденко: А какие числа вы представили Гитлеру?

Кейтель: Пять — десять человек. Это та цифра, которую я указал в оригинале.

Руденко: Следовательно, у вас расхождение с Гитлером было только в числах, а не по существу?

Кейтель: Смысл был таков, что для достижения устрашающего воздействия за жизнь одного немецкого солдата необходимо было потребовать нескольких человеческих жизней»⁴⁰.

Правда, Кейтель, как и другие гитлеровские генералы, сделал попытку сослаться на то, что опять-таки не

---

³⁹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 6, стр. 2360.

⁴⁰ Там же, т. 19, стр. 6.

армия, а лишь части СС и СД вели борьбу с партизанами, и поэтому если в ходе этой борьбы и совершались преступления, то повинны в этом не генералы, а гестаповцы.

Это утверждение Кейтеля легко опровергалось показанием свидетеля генерала Бах-Зелевского.

Вот что он заявил на процессе.

«Бах-Зелевский: После того как начался поход на Россию, я участвовал в нем как высший руководитель СС и полиции на центральном направлении и в тыловом районе этого направления... Так как число политических соединений и соединений войск СС было очень незначительно, то основные действия против партизан осуществлялись главным образом подразделением вооруженных сил»⁴¹.

Далее Бах-Зелевский рассказал суду о тех преступных методах, которые применялись для того, чтобы уничтожать захватываемых в плен партизан, а заодно под предлогом борьбы с партизанами жестоко расправляться с мирным населением. Бах-Зелевский рассказал, что для борьбы с партизанами формировались специальные подразделения из уголовных преступников. Когда его спросили, знало ли командование вермахта о методах борьбы с партизанским движением и о фактах истребления под этим предлогом славянского и еврейского населения, Бах-Зелевский ответил: «Методы были общеизвестные, так что военное командование тоже должно было знать об этом»⁴².

Во время перерыва Геринг неистовствовал, и скамья подсудимых его еле сдерживала. «О, эта грязная, вероломная свинья! Он ведь самый кровавый убийца, продающий свою душу, чтобы спасти свою вонючую шею». Так прореагировал Геринг на признания Бах-Зелевского.

Иодль, которого показания Бах-Зелевского особенно затронули, побагровел от ярости. «Спросите его, знает ли он, что Гитлер представлял его нам как образцового борца с партизанами», — выпалил он своему адвокату. — «Вот спросите эту грязную свинью об этом».

И эту «грязную свинью» спросили. Спросил адвокат

---

⁴¹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 6, стр. 2390.

⁴² Там же, стр. 2399.

Геринга Штаммер. Собственно, особого смысла в этом не было, ибо Бах-Зелевский понимал всю тщетность попыток укрыться от ответственности и не отрицал собственного участия во всем. Но, так или иначе, вопрос был задан.

«Штаммер: Известно ли вам, что Гитлер и Гиммлер особенно хвалили вас за жестокость мероприятий, которые вы проводили в отношении партизан и за которые вас и наградили?

Бах-Зелевский: Все мои награды, начиная от пряжки к железному кресту, я получил за действия на фронте от *военного командования*»⁴³.

Уж меньше всего такой ответ нужен был защите. Но, что весьма интересно, как в вопросе, так и в ответе, это то, что оба они заключают в себе правду. Нетрудно было заметить, как передернуло Кейтеля после такого ответа Бах-Зелевского.

Впрочем, Кейтелю еще не раз приходилось туго на Нюрнбергском процессе. Этот палач в фельдмаршальском мундире, который все сваливал на СС, гестапо, коль речь шла о преступлениях генерального штаба, оказывался в особо затруднительном положении, когда заходила речь о судьбе советских военнопленных. Вот дает показания генерал генштаба Лахузен:

«Большинство военнопленных оставалось в зоне военных операций... У них не было жилья, продовольственного снабжения, врачебной помощи и т. п., и ввиду большой скученности, недостатка пищи или ее отсутствия... они умирали. Распространялись эпидемии, даже людоедство»⁴⁴.

Рискуя жизнью, военнопленные бежали из лагерей. Это беспокоило гитлеровское командование. И вот новое порождение рабского режима, насаждавшегося гитлеровскими милитаристами на временно оккупированных территориях Советского Союза: генеральный штаб приказывает клеймить советских военнопленных. Кейтель вынужден признать, что он дал приказ об этом. Вот что сказано в этом приказе:

«1) Советские военнопленные подлежат клеймению посредством особого долговременного знака.

⁴³ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 6, стр. 2411.

⁴⁴ Там же, т. 7, стр. 769.

2) Клеймо имеет форму острого угла примерно в 45 градусов с длиной сторон в 1 сантиметр... и ставится на левой ягодице... Царапины, нанесенные раскаленным ланцетом на поверхность напряженной кожи, смочить китайской тушью»⁴⁵.

Этот варварский документ был предъявлен на Нюрнбергском процессе Кейтелю, и он не мог отрицать это неслыханное издевательство над захваченными в плен советскими воинами.

«Кейтель: Дело обстояло следующим образом: летом 1942 года фюрер вызвал к себе в ставку генерал-квартирмейстера сухопутных сил с докладом о положении дел в тылу армии на Востоке. Я неожиданно был привлечен к этому докладу... Генерал-квартирмейстер сообщил о... массовых бегствах военнопленных в России, о том, что бежавшие скрывались среди населения, тотчас же сбрасывали военную форму и надевали гражданское платье, так что их больше нельзя было распознать». Далее он говорит о том, что на этом совещании родилась мысль о клеймении военнопленных.

«...Мне предложили... подготовить проект приказа, как помечать военнопленных, чтобы их можно было распознать, когда они снимут свое гражданское платье. Я дал соответствующее указание в Берлин о подготовке такого приказа...»⁴⁶.

Вряд ли есть необходимость комментировать этот варварский приказ Кейтеля, возродивший худшие традиции эпохи рабства! Мы привели его для того, чтобы еще раз показать, что бесчисленные зверства в самых изощренных формах совершались далеко не только гестапо и СС, но чаще всего исходили из штаба верховного командования германской армии. Это еще раз показывает, насколько тщетными являются современные попытки реакции представить германский генералитет противником гитлеровских зверств.

Самое активное участие принимал германский генералитет в осуществлении фашистской политики рабского труда. Как показали на Нюрнбергском процессе многочисленные свидетели, ни один гитлеровский уполномоченный не мог бы ничего сделать на временно оккупиро-

⁴⁵ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 3, стр. 111.

⁴⁶ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 13, стр. 393.

ванных территориях, если бы он не опирался на поддержку армии и карательных органов. Именно армейские части совершали разбойничьи рейды в города и села, захватывали жителей и увозили затем в Германию. Фактически была санкционирована охота за людьми. Когда возник вопрос о необходимости усилить террористический режим в отношении советских граждан, занятых на германских заводах, то гитлеровский фельдмаршал Мильх заявил: «Список пропущенных должен быть передан в верные и надежные руки Гиммлера»⁴⁷.

Германское командование несет непосредственную ответственность за уничтожение советских военнопленных в концентрационных лагерях, которые охранялись чаще всего войсками вермахта.

Приведем две выдержки из показаний свидетелей на Нюрнбергском процессе. Свидетель Морис Ламп, бывший узник концлагеря Маутхаузен, рассказал Трибуналу, что расстрелы советских военнопленных происходили с ведома германского командования. Ламп заявил: «Мы это знали потому, что при посещении этих людей (Гиммлера и др. — А. П.) их всегда сопровождали лица из генерального штаба, которые в особенности осматривали примыкавшие к тюрьме блоки и самую тюрьму.

...В сентябре 1944 года к нам приехал Гиммлер... В этот день Гиммлеру представили зрелище казни 50 советских офицеров... Блок, где я находился, был как раз напротив крематория и того места, где происходили казни, и я видел этих советских офицеров, которые стояли по пять человек в ряду у блока в ожидании быть вызванными один за другим. Дорога, которая вела в комнату, где совершались казни, была относительно короткая: комната казни была под крематорием. Казнь, в начале которой присутствовал Гиммлер, длилась непродолжительное время и была особенно тяжелым зрелищем. Я повторяю: советских офицеров вызывали одного за другим, и образовывалось нечто вроде конвейера между теми, которые ожидали своей очереди, и теми, которые слышали выстрел на лестнице. Казнь производилась выстрелом в затылок»⁴⁸.

---

⁴⁷ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 6, стр. 1404.

⁴⁸ Там же, т. 9, стр. 3761.

Свидетель Мари Клод Вайян-Кутюрье приводила на суде леденящие кровь факты убийства узников лагеря Освенцима, который охранялся вермахтом.

«После того как люди раздевались, их заставляли пройти в помещение, которое внешне напоминало душевую. Через пробой в потолке в это помещение кидали капсюли с газом. Один из эсэсовцев наблюдал через глазок за тем действием, которое оказывал газ. Спустя пять-шесть минут после того, как газ сделал свое дело, этот эсэовец подавал знак для того, чтобы открыли двери, и люди в газовых масках (это были заключенные) проникали в помещение и вытаскивали тела. Они рассказывали, что заключенные испытывали перед смертью страшные муки. Об этом свидетельствовал тот факт, что тела были переплетены и сцеплены друг с другом, и стоило большого труда их разъединить.

После этого приходила команда, которая занималась тем, что вырывала золотые коронки и снимала искусственные челюсти. Затем трупы сжигали, а пепел просеивали в поисках золота»⁴⁹.

Таковы были результаты тесного сотрудничества германского генералитета с СС, того соглашения, которое за две недели до нападения на СССР было заключено между ОКВ и главным управлением имперской безопасности. Армия охраняла лагерь Освенцим и другие лагеря, а эсэсовцы сжигали и травили в нем сотни тысяч людей. Мы уже видели, что Манштейн и его офицеры не оставались в убытке от этого злодейского преступления.

Среди многих тысяч документов германского генерального штаба на глаза следователя в Нюрнберге попало следующее письмо генерал-фельдмаршала Э. Мильха Гиммлеру:

«Дорогой господин Гиммлер. Благодарю Вас за Ваше письмо от 25 августа. Я с большим интересом прочитал доклад доктора Рашера и доктора Ромберга. Мне сообщили о проводимых экспериментах. Я попрошу этих двух господ в ближайшем будущем прочитать лекцию и показать картины моим подчиненным. Надеюсь, я смогу видеть Вас в случае моего посещения ставки. Оста-

---

⁴⁹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 9, стр. 3805—3806.

юсь с наилучшими пожеланиями. Хайль Гитлер!
Э. Мильх»⁵⁰.

Исследование этого и многих других писем германского командования военно-воздушных сил в адрес СС раскрыло картину ужасных преступлений, совершенных против узников концлагерей, преимущественно против советских военнопленных.

По поручению командования ВВС эсэсовские врачи производили эксперименты над живыми людьми. Были обнаружены отчеты этих врачей, которые направлялись в штаб ВВС. Вот две выдержки из отчетов доктора Рашера из лагеря Дахау за август 1942 года:

«Опыт заключался в следующем: лица, одетые в зимнюю или летнюю форму летчиков и в шлемы, были погружены в воду, причем особый жакет из резины... предохранял их от утопления. Эксперименты проводились в воде при температуре от 2,5 градуса до 12 градусов. Во время некоторых опытов вся голова находилась выше воды, в других же затылок и задняя часть головы были погружены в воду. Электрические приборы отметили температуру 16,4 градуса в желудке и 26,5 градуса в прямой кишке. Смертельный исход наблюдался только в тех случаях, когда замораживанию подвергались затылок и задняя часть головы. Во всех случаях наблюдались значительные изменения в функциях сердца. В результате вскрытия этих трупов было обнаружено большое количество крови — до полулитра в черепной полости. В случаях, когда температура доходила до 28 градусов, лица, подвергавшиеся опытам, всегда умирали, несмотря на все попытки вернуть их к жизни»⁵¹.

Эти опыты производились в связи с тем, что гитлеровские летчики, бомбившие английские города, нередко сбивались над Ла-Маншем и оказывались в холодной морской воде. Эксперименты с холодом преследовали цель найти необходимые средства, которые позволили бы гитлеровским летчикам длительное время до спасения находиться в воде.

Германское командование готовилось к применению отравленного оружия. Надо было установить его действие на человеческий организм. И вот по приказу

⁵⁰ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 5, стр. 1963.

⁵¹ Там же, т. 5, стр. 1964—1965.

командования производятся опыты на живых людях, узниках гитлеровских концлагерей. Процитируем один из отчетов главного врача СС и полиции от 12 сентября 1944 г.:

«11 сентября 1944 г. в присутствии штурмфюрера СС доктора Динга доктор Видман и нижеподписавшиеся провели эксперименты с отравленными пулями. Эти пули, калибр которых 7,65 мм, были наполнены ядом в форме кристаллов. Опыты производились на пяти лицах».

Далее в отчете указывается, что каждый из испытуемых был подвергнут однократному выстрелу в верхнюю часть левого бедра. В двух случаях пули прошли насквозь. На двоих яд не подействовал. «Симптомы трех других были удивительно сходны между собой... Одновременно был сильный позыв к рвоте, один из отравленных пытался вызвать рвоту... Его лицо стало багровым. Лица двух других отравленных... побледнели раньше, чем у первого. Другие симптомы были аналогичны. Позднее моторные центры усилили свою деятельность настолько, что люди катались по полу, бросались, непроизвольно дергали руками и ногами и закатывали глаза. Затем они успокоились — зрачки расширились до максимума и в таком уже спокойном состоянии обреченные находились некоторое время... Смерть наступала через 121, 123 и 129 минут после выстрела».

Сотни и тысячи советских военнопленных, как и другие узники гитлеровских концлагерей, стали жертвами варварского экспериментирования, проводившегося гитлеровскими медиками по поручению командования германской армии.

Адольф Хойзингер дает показания

Мы привели лишь самую незначительную часть той огромной массы документальных доказательств, которая была предъявлена на Нюрнбергском процессе и которая с ужасающей убедительностью устанавливала виновность германского генералитета в чудовищных преступлениях против народов, ставших объектом гитлеровской агрессии. Мы уже видели, что даже малейшее прикосновение к этим документам полностью опровергает попыт-

ки современных западногерманских реваншистов освободить генералитет от ответственности за военные преступления. Известно, какую роль в бундесвере ныне играет гитлеровский генерал Адольф Хойзингер, который, конечно, является одним из первых, кто развязно требует «реабилитировать чистое имя» гитлеровских генералов. Впрочем, Хойзингер ведь тоже дал показания в Нюрнберге. Сегодня он кричит о честности германских генералов, о том, что они ни в чем не повинны, что Нюрнберг — это пропаганда и что германский генштаб оклеветали. А теперь заглянем в протокол допроса Хойзингера в Нюрнберге.

Известно, сколь тяжкими были преступления гитлеровской военщины. Хорошо известно также, что под предлогом борьбы с партизанами гитлеровцы жестоко расправлялись с мирным советским населением. Сегодня западногерманская пропаганда утверждает, что расправы с партизанами, если они даже имели место, — это дело СС и полиции, а не армии. А вот что показал в 1945 году на допросе Хойзингер: «В течение проведения операций против партизан в районах боевых действий все силы, предназначавшиеся для этих операций, находились под командованием соответствующего главнокомандующего армейской группой»⁵².

Весьма многозначительно и следующее признание Хойзингера: «Директивы, касающиеся методов проведения операций против партизан, издавались ОКВ и ОКХ согласно приказам Гитлера и *после консультации с Гиммлером* (курсив мой. — А. П.)». Далее он признает, что ОКХ передавало армейским частям приказы об убийствах советских комиссаров и коммунистов и что «ОКХ было ответственно... за передачу приказов, которые устанавливали основные принципы проведения карательных экспедиций против населения»⁵³.

«Детальная разработка этих вопросов, — заявил Хойзингер, — которая включала в себя порядок обращения с местным населением, а также методы антипартизанской войны... в соответствии с приказом ОКВ были возложены на генерал-квартирмейстера ОКХ».

---

⁵² «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса» т. 6 стр. 2384.

⁵³ Там же.

Тогда, в 1945 году, Хойзингер понимал те цели, которые преследовали нацистская партия и гитлеровский генералитет.

«Моим личным мнением,— признавал он,— всегда было то, что обращение с гражданским населением и методы ведения антипартизанской войны в районах операций, *одобренные высшими военными* (курсив мой.— А. П.) и политическими руководителями, способствовали проведению в жизнь планов систематического уничтожения славянства и еврейства»⁵⁴.

Ну, а как же нынешний организатор бундесвера и тогдашний начальник оперативного отдела ОКХ относился к этим преступлениям? Может быть, он осуждал их по принципиальным и моральным основаниям? Может быть, он считал недопустимым расстреливать пленных партизан или уничтожать мирных советских граждан? Нет, подход г-на Хойзингера был значительно более деловым.

«Совершенно независимо от этого, я всегда считал эти жестокие методы военным безумием, *поскольку они только затрудняли борьбу против врага* (курсив мой.— А. П.)»⁵⁵.

Этот протокол допроса Хойзингера, ныне призывающего бундесвер «быть готовым к действиям на широких просторах России», следует напомнить некоторым не в меру зарвавшимся и завравшимся гитлеровским генералам, стремящимся фальсифицировать историю, спасти себя от ответственности за совершенные чудовищные преступления против народов Советского Союза и других стран Европы.

Гитлеровские генералы составляли важнейшую часть нацистского государства, и им никогда не удастся отделить себя от фашизма и его преступлений.

Почему затыкали рот Эйхману

Последние дни второй мировой войны в Европе. Солдаты Советской Армии подходят к Берлину. В логове фашизма смятение. Руководители гитлеровской клики

⁵⁴ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 6, стр. 2384.

⁵⁵ Там же.

спешат спастись от грозной ответственности за все свои преступления. Гитлер и Геббельс трусливо уходят из жизни, лишь бы не предстать перед судом народов. Другие под любыми предлогами бегут из Берлина, удирают подальше на запад... Гиммлеру не повезло — его схватили, когда он выдавал себя за немецкого беженца. Риббентропу казалось, что он уже спасен, когда, прибыв в Гамбург, спрятался у своего бывшего компаньона по продаже шампанских вин. Но не выдержали нервы сына компаньона, и, по его сообщению, гитлеровского сверхдипломата перевезли в менее комфортабельное помещение. Матерый расист Штрейхер осторожнее — он скрылся в Альпах, но это помогло ему не больше, чем Риббентропу. Так один за другим были извлечены из своих нор гитлеровские руководители, чтобы заполнить скамью подсудимых в Нюрнберге.

...День за днем идет Нюрнбергский процесс. Раскрываются страшные картины преступлений гитлеровского режима. Идет речь об уничтожении 6 млн. евреев. Нет, конечно, подсудимые не спорят, что и это преступление было совершено. Весь вопрос в том, кто его совершил. И сколько бы раз ни возвращался суд к этому преступлению, неизменно называлась фамилия Эйхмана. Это он, Адольф Эйхман, был особоуполномоченным Гитлера и Гиммлера по организованному уничтожению еврейского народа.

Он и должен нести ответственность за это, он и только он, а не Геринг и Гесс, не Риббентроп и Кейтель... Так говорили в Нюрнберге подсудимые и их адвокаты. Что касается обвинителей четырех держав, то у них не было расхождений с подсудимыми насчет того, что Эйхман отвечает за уничтожение 6 млн. человек, равно как у них не было сомнений в том, что без этих подсудимых не было бы и самого Эйхмана.

Подсудимые делали вид, что сожалеют об отсутствии на суде Эйхмана («он бы подтвердил, что мы здесь ни при чем»), а в действительности страшно боялись, как бы комендант суда вдруг не объявил, что свидетель Эйхман доставлен в Нюрнберг...

Увы, этого бояться не следовало. Эйхман в сутолоке событий последних дней войны затерялся в толпах беженцев и таким путем избежал ареста. Шли годы. Считалось, что Эйхмана нет в живых. Адольф Эйхман при-

держивался несколько иного мнения. Впрочем, обер-штурмбанфюрера Эйхмана действительно более не существовало. Он уступил место Рикардо Клементу, мирно проживавшему в Сант-Фернандо, пригороде Буэнос-Айреса, вместе со своей женой Каталиной Клемент (она же Лиза Либль) и тремя сыновьями...

Пятнадцать лет скрывался матерый гитлеровский палач, скрывался и понимал, что только в обстановке возрождающегося германского милитаризма и фашизма возможен такой феномен. Скрывался и в душе завидовал тем, кто бок о бок с ним служил Гитлеру, а теперь не только не должен прятаться, но, более того, занимает высокие посты в правительстве Аденауэра.

...Адольф Эйхман во многом походил на своего «фюрера». Как и Гитлер, Эйхман — недоучившийся студент. Талантами он не блистал. Но для нацистской партии это и необязательно. Эйхман решил подвизаться по антисемитской линии — ведь именно эта линия была одной из наиболее популярных среди гитлеровцев. Антисемитизм стал тем пробным камнем, на котором гитлеровцы испытывали крепость духа звериной ненависти к другим народам. Пусть немцы поднатореют над уничтожением евреев, а там обогащенных опытом убийц можно будет бросить на уничтожение других «неарийских» народов. Эйхман быстро сообразил, что он вполне подходит для выполнения роли палача еврейского народа. Он уже прослыл «экспертом по еврейским делам».

Эсэсовец Эйхман приступил к реализации составленного гитлеровской кликой плана уничтожения целого народа, насчитывавшего в Европе 11 млн. человек. И не вина Эйхмана, что из этих 11 млн. ему удалось к концу войны уничтожить «всего лишь» 6 млн. человек. Продлился война еще год-два — и еще миллионы людей прошли бы через трубы освенцимских крематориев.

15 лет скрывался Эйхман. И как будто бы мир забыл о нем. Он уже не таясь ходил по улицам южноамериканского города. Но вот однажды, когда он возвращался с работы, к нему подошли несколько неизвестных людей. Произошел весьма краткий диалог, из которого Эйхману по крайней мере стало ясно, что эти люди из полиции — то ли аргентинской, то ли какой-то другой. Разберись он в том, что на улице задержали его секретные агенты израильской разведки и подними он шум, все могло по-

вернуться по-иному... Но Эйхман был смел, когда дело касалось уничтожения безоружных людей, он был смел и жесток. Его не раз сравнивали с Торквемадой. Но Торквемада по сравнению с ним — агнец: за все годы пребывания на посту великого инквизитора Торквемада замучил и убил 8000 человек, то есть не больше, чем за один день по указанию Эйхмана сжигали печи Освенцима и Треблинки. Да, он тогда был смел. Но он весь обмяк, потерял остатки самообладания, когда его одернули сзади за фалды пиджака. Он покорно сел в автомашину, а из нее в самолет, который увез его из гостеприимной Аргентины. Итак, Эйхман пойман! Надо его судить — это не вызывает сомнения даже у самого Эйхмана.

Кто должен судить Эйхмана?

Преступления Эйхмана не были связаны с определенным географическим местом, определенной страной, и поэтому, по точному смыслу Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства (1943 г.), он подлежал передаче Международному суду. Именно в пользу создания Международного суда высказался и главный американский обвинитель на Нюрнбергском процессе генерал Тейлор. Но правительство Израиля, не считаясь с общепринятыми нормами международного права, решило предать его своему суду.

Народы Европы, столь жестоко пострадавшие от гитлеровской агрессии и тирании, с надеждой ожидали, что судебный процесс Эйхмана послужит благородной цели борьбы с опасностью новой войны, опасностью возрождения фашизма.

Кто такой Эйхман? Это было хорошо известно всей Европе, всему миру задолго до того, как в Иерусалиме начался процесс. Автору этих строк памятли многие дни Нюрнбергского процесса, когда имя Эйхмана не сходило с языка обвинителей, изобличавших изуверскую политику нацистского режима. Сотни документов были предъявлены обвинителями, и каждый из них гвоздил не только сидевшего на скамье подсудимых шефа гестапо Кальтенбруннера, но и Эйхмана, непосредственного исполнителя чудовищных планов истребления еврейского народа.

Стало известно, что в целях маскировки уже с 1940 года Эйхман начал распространять слухи, будто нацисты намереваются переселить все еврейское население стран, оказавшихся под гитлеровским господством, на остров

Мадагаскар. Под предлогом такого мирного переселения удалось составить списки 11 млн. евреев. 20 января 1942 г. на совещании высших чинов заинтересованных министерств и СС был утвержден план физического уничтожения этих 11 млн. человек и главным исполнителем плана назначен Адольф Эйхман.

Эйхман был изобретателен в совершенствовании способов быстрее решения порученной ему задачи. Начали с массовых расстрелов. Дальше последовала «рационализация» — появились душегубки. Но их пропускная способность оказалась явно недостаточной. Вот тогда и было решено, не отменяя расстрелов и «газвагенов», начать широкое применение газа «Циклон-Б» в лагерях.

Не только обвинители, но даже и адвокаты вынуждены были делать такие заявления, после которых виновность Эйхмана не могла вызвать сомнений. Адвокат Кауфман в Нюрнберге говорил о доминирующем положении Эйхмана в массовом уничтожении евреев⁵⁶, адвокат д-р Маркс говорил, что Мюллер (начальник гестапо) и Эйхман «после Гитлера несут главную ответственность»⁵⁷, адвокат Меркель говорил: «Орудием, которое искали себе Гитлер и Гиммлер для выполнения своего приказа («окончательно решить еврейский вопрос». — А. П.), оказался оберштурмбанфюрер СС Адольф Эйхман...»⁵⁸.

На Нюрнбергском процессе был допрошен ряд свидетелей, разоблачивших Эйхмана. Его ближайший подручный гестаовец Дитер Вислицени дал весьма яркие показания. Он говорил о том, что, работая у Эйхмана в отделе, ему пришлось ознакомиться с приказом Гиммлера об «окончательном решении еврейского вопроса».

«Вислицени: Эйхман пояснил мне смысл этого выражения. Он сказал, что за словами «окончательное решение» скрывается физическое уничтожение еврейской расы...

...Для меня было очевидно, что этот приказ означал смертный приговор миллионам людей. Я сказал Эйхману: «Пусть не допустит господь бог, чтобы наши враги когда-нибудь получили возможность причинить то же самое

⁵⁶ См. «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 5, стр. 687.

⁵⁷ Там же, стр. 748—749.

⁵⁸ Там же, т. 6, стр. 486,

немецкому народу». На это Эйхман сказал мне, что я не должен быть сентиментальным, что это приказ фюрера и что его нужно выполнить»⁵⁹. На вопрос обвинителя, видел ли свидетель Эйхмана в последние дни войны и не называл ли он при этом общее число евреев, которые были убиты, Вислицени ответил: «Да, он высказался тогда очень цинично. Он сказал, что с улыбкой прыгнет в могилу (если его поймают союзники. — А. П.), так как он с особым удовлетворением сознает, что на его совести около 5 миллионов человек»⁶⁰.

Таков Эйхман в описании свидетеля, которого трудно заподозрить в предвзятости. А таких свидетелей было много и еще больше подлинных документов, разоблачающих Эйхмана.

Все это стало достоянием гласности. Более того, еще до суда в Иерусалиме было известно, что преступная деятельность Эйхмана установлена и осуждена Международным Трибуналом в Нюрнберге. Трибунал записал в своем приговоре, что для осуществления политики полного уничтожения еврейского народа «был организован специальный отдел гестапо, который возглавлял Адольф Эйхман», чья деятельность привела к тому, что «было убито 6 миллионов евреев, из которых 4 миллиона было убито в пунктах для истребления людей»⁶¹.

Итак, в сознании человечества виновность Адольфа Эйхмана не вызывала сомнений — она была установлена еще на историческом Нюрнбергском процессе.

У руководителей гитлеровской клики было много времени после окончания войны, чтобы проанализировать плоды своей политики, и в частности плоды антисемитизма. Давая пространные показания, находя любые «обоснования» политике агрессии, ни один подсудимый не только не решился выступить в защиту антисемитизма, но, более того, некоторые из них стали суду доказывать, сколь вредной эта политика оказалась для Германии.

25 октября 1945 г. Роберт Лей, один из руководителей гитлеровской клики, покончил жизнь самоубийством в

⁵⁹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 4, стр. 715—716.

⁶⁰ Там же, стр. 726.

⁶¹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 7, стр. 399, 402.

нюрнбергской тюрьме. Он не нашел лучшего ответа на предъявленное ему обвинительное заключение. В камере было обнаружено письмо Лея, озаглавленное «Мое политическое завещание». Тот самый Роберт Лей, который с упорством маньяка и жестокостью варвара проводил расистскую политику в Германии, писал в своем «завещании»: «Антисемитизмом мы разрушили основную заповедь... Антисемитизм исказил нашу перспективу... Конечно, трудно признаваться в собственных ошибках, но все существование нашего народа стоит под вопросом, и мы, национал-социалисты, должны иметь силу отречься от антисемитизма. Мы должны объявить юношеству, что это было ошибкой... Закоренелые антисемиты должны стать первыми борцами за новую идею. Они должны найти в себе силы побороть себя и должны указать путь своему народу»⁶².

Не один Лей выступил с таким откровением. Бальдур фон Ширах — руководитель «гитлер-югенд» и его идеологический наставник — просил Международный Трибунал позволить ему обратиться по радио к германской молодежи и рассказать ей, как обманывала ее гитлеровская пропаганда. Таким желанием воспылал даже Риббентроп.

К чему все это мы вспоминаем сейчас? А лишь затем, чтобы показать, что судебный процесс Адольфа Эйхмана никогда бы не мог выполнить своей задачи, если бы она была ограничена установлением вины этого одного из гитлеровских сатрапов.

Как-то во время обеда Геринг, находясь уже под судом, высказал сожаление, что ему не удалось на последнем этапе войны договориться с Западом о сепаратном мире. «Поверьте мне, — заметил Геринг, — мы бы все вопросы хорошо и быстро урегулировали. Даже судебные процессы над военными преступниками были бы лучше проведены при нашем сотрудничестве».

Нет сомнения в том, что случись то, о чем мечтал нацист № 2, и окажись на скамье подсудимых Адольф Эйхман, сам Геринг предпочел бы для демонстрации своей «объективности» повесить этого выродка...

Но не означает ли все сказанное, что пойманного в Аргентине Эйхмана следовало просто расстрелять, не

---

⁶² «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 7, стр. 603.

устраивая публичного судебного процесса? Конечно, нет. Мог ли судебный процесс по делу Эйхмана принести пользу человечеству? Конечно, да. В данных обстоятельствах судейская мудрость, видимо, должна была заключаться не в том, чтобы допросить лишних 10 или 15 свидетелей, которые дополняют страшные, но уже известные факты чудовищных преступлений нацизма.

Главные обвинители четырех держав на Нюрнбергском процессе в своих речах подчеркивали то обстоятельство, что основное назначение судебного процесса состоит не только в том, чтобы наказать кучку обанкротившихся преступников, именовавших себя германским правительством. Об этом говорил главный советский обвинитель Р. А. Руденко. Об этом говорил американский обвинитель Роберт Джексон, указывая на то, что «личная судьба (подсудимых) не имеет большого значения для человечества» и что «это судебное разбирательство приобретает значение потому, что эти заключенные представляют в своем лице зловещие силы, которые будут таиться в мире еще долго после того, как тела этих людей превратятся в прах».

Надо отдать справедливость Роберту Джексону — он правильно понял и охарактеризовал задачу Нюрнбергского процесса, гораздо правильнее, чем понимали ее в Вашингтоне в отношении судебного процесса Эйхмана.

Еще задолго до начала процесса Эйхмана за океаном решили, что следование рецептам Джексона совсем не безопасно. Как писала израильская газета «Гацофе», западные державы не скрывают своего недовольства «намерением Израиля вновь развернуть перед всем миром картину нацистских кошмаров». Газета, ссылаясь на сведения, полученные от иностранных дипломатов, писала, что между тогдашним президентом США Эйзенхауэром и американским послом в Израиле Ридом состоялась беседа, посвященная предстоявшему процессу Эйхмана. В результате Рид привез в Тель-Авив «ясное требование правительства США ограничить рамки процесса над убийцей Эйхманом и не пытаться развернуть снова во всей полноте дело нацистских преступлений и уничтожения европейского еврейства».

Именно в те дни 8 человек, одетых в костюмы цвета хаки, с нарукавными повязками с изображением свастики, с плакатами в руках пикетировали около Белого до-

ма в знак протеста против ареста Эйхмана. На одном из плакатов было написано: «Айк, помоги освободить Эйхмана!»

В чем же дело? Почему за океаном проявили такую нервность по поводу процесса Эйхмана? В ответе на этот вопрос заключается и та прогрессивная и благородная цель, которую должен был преследовать судебный процесс над Эйхманом.

С каждым днем все более тревожные известия поступают из Западной Германии. Вновь власть в стране захватили оголтелые милитаристы и реваншисты. Читателю уже известно, какие поистине огромные усилия были предприняты международной реакцией для того, чтобы сфальсифицировать историю, спасти лицо тех откровенных гитлеровцев, которые сегодня верховодят в Западной Германии, спасти лицо тех нацистских генералов типа Шпейделя и Хойзингера, которые в союзе с гестаповцами и штурмовиками типа Оберлендера и Шредера осуществляли планы чудовищного уничтожения людей.

С помощью пропаганды реакция на Западе стремится обелить всех этих гитлеровцев. И вдруг возникла самая серьезная опасность. Схвачен Эйхман. Схвачен гестаповец, который слишком много и слишком многих знает. Эйхмана не уговоришь, что генералы вермахта не знали ничего о преступлениях гестапо. Без них Эйхман ничего бы не сделал. Эйхман, находясь в своей норе и читая западногерманскую прессу, ухмылялся по поводу попыток германских монополистов предстать перед историей в качестве противников гитлеризма. Как будто не Эйхман заключал с ними соглашение об использовании на каторжных работах узников концлагерей. Кто точнее может сообщить миру, сколько эсэсовцев и гестаповцев находится в правительственном аппарате Западной Германии?

Одним словом, надо ли еще доказывать, что, захоти Эйхман предаться воспоминаниям, многоэтажное без фундамента здание реакционной пропаганды о прелестях гитлеровцев, служащих сегодня Аденауэру, рухнет.

А пропаганда эта опасна для мира, ибо она направлена на то, чтобы народы забыли гитлеризм, забыли тех, кто вскормил Гитлера и помог ему развязать войну.

Корреспондент английской газеты «Дейли миррор» недавно опросил многих школьников Западной Германии «Виновны ли немцы в умерщвлении 6 млн. евреев?»

14,2% отказались ответить, 5% ответили, что еще не составили мнения, 8,5% — что немцы не виноваты, 25,2% — что «в известной степени виноваты евреи». Это ли не лучшее свидетельство действительности реакционной пропаганды, стремящейся еще и еще раз обмануть народы!

Международная реакция не хотела судебного процесса над Эйхманом. Уже когда он начался, в штаб-квартире нацистской партии в США был вывешен плакат: «Покончить с несправедливым процессом Эйхмана. Отдать честь Адольфу Гитлеру».

Антисемитизм вновь стал широко распространяться в западных странах, и, как всегда, он имеет своей целью разобщить демократические силы и отвлечь эксплуатируемых от борьбы против их подлинного врага.

О страшных преступлениях гитлеровцев рассказал в Тель-Авиве немецкий священник Генрих Грубер, заключенный нацистами в один из лагерей смерти за помощь еврейскому населению. На вопрос судьи, может ли он назвать имена немцев, помогавших евреям во времена фашизма, Грубер ответил утвердительно. Однако он отказался назвать имена этих лиц, ныне проживающих в Западной Германии, ибо, по его словам, из-за антисемитизма, широко распространенного в этой стране, они могут жестоко поплатиться за проявленную доброту к евреям во время нацизма. «Я могу рисковать только собой», — заявил он в заключение.

Каким же в создавшихся условиях хотели бы народы видеть процесс Эйхмана?

Значение судебных процессов над такими крупными нацистскими преступниками, как Эйхман или Кох, происходящих по прошествии столь длительного после войны времени в условиях возрождения фашизма в Западной Германии и некоторых других странах Запада, состоит не только в том, что будут осуждены и наказаны преступники, но также и в том, что такие процессы должны способствовать разоблачению преступной идеологии и политики фашизма, разоблачению тех сил, которые, игнорируя уроки истории, пытаются вновь повторить гитлеровский эксперимент. Именно в этом должно заключаться общественное звучание таких процессов.

Но как раз такого общественного звучания процесса Эйхмана смертельно перепугалась западногерманская реакция.

По сообщениям газет, западногерманская разведка, возглавляемая гитлеровским генералом Геленом, получила задание помешать проведению открытого процесса Эйхмана, используя все средства, вплоть до его убийства. В Бонне стали слишком серьезно бояться разоблачения на таком процессе многих государственных и политических деятелей ФРГ как бывших гитлеровских преступников. Недаром западногерманская газета «Франкфуртер рундшау» писала, что процесс Эйхмана может подорвать позиции многих нацистов, снова занимающих важные посты⁶³.

Но тревожные настроения западных держав, особенно ФРГ, дошли до Тель-Авива и были там приняты близко к сердцу. Уже очень скоро реакционные правители Израиля, тесно связанные с западными державами единством агрессивных замыслов, дали понять, что с их стороны будет все сделано для того, чтобы не волновать нацистов в Западной Германии. Первой ласточкой был весьма своеобразный текст обвинительного заключения.

Известно, что массовое уничтожение евреев было подготовлено всем ходом развития германского фашизма, его чело­веконенавистнической расовой теорией, призванной идеологически «обосновать» ликвидацию миллионов людей. Но вот перед нами обвинительное заключение по делу Эйхмана. Ведь это факт, что в нем нет ни слова о фашизме, его расовых теориях. Правительство Израиля, претендующее на представительство интересов всех евреев в мире, по существу вошло в союз с реакционными правящими кругами в Бонне, потребовавшими так ограничить процесс Эйхмана, чтобы не пострадали око-

---

⁶³ Еще более ярко раскрыла причину недовольства Аденауэра процессом Эйхмана австрийская газета «Рундблик». Газета писала еще в августе 1960 года: «В Бонне предполагают, что суд над Эйхманом может скомпрометировать некоторых сотрудников боннских министров и ряд видных лиц. Считают также возможным, что на суде Эйхман сделает «нежелательные заявления» о совместной в прошлом работе с лицами, которые ныне занимают высокие посты в боннском правительстве. Чтобы избежать этого, в ФРГ уже предприняты «предупредительные меры». В частности, арестован ближайший сотрудник Эйхмана — Круммей, который, несмотря на совершенные им преступления, все еще оставался на свободе. Кроме того, были арестованы и некоторые другие бывшие работники Эйхмана. Таким образом, если процесс над Эйхманом примет для боннского правительства нежелательный оборот, арест вышеуказанных лиц должен будет послужить оправданием Бонна перед общественностью».

павшиеся на высоких постах в Западной Германии матерые нацисты типа Глобке и Оберлендера.

Прежде всего следовало обеспечить Эйхмана таким адвокатом, который обладал бы масштабным взглядом на цели защиты. Доктор Роберт Серватиус оказался в этом смысле весьма подходящей кандидатурой. У него уже большой и давний стаж защиты гитлеровцев. На Нюрнбергском процессе в 1945—1946 гг. Серватиус защищал национал-социалистскую партию, стремясь доказать, что она не была преступной организацией, и гитлеровского работоторговца Заукеля.

Правда, в Нюрнберге Серватиус доказывал, что ни национал-социалистская партия, ни Заукель не имели ничего общего с массовым уничтожением населения на оккупированных территориях и что в этом виноваты гестапо и СС. Теперь, защищая Эйхмана, виднейшего гестаповца и эсэсовца, и отрицая его вину, Серватиус должен был неизбежно войти в противоречие с самим собой. Но это не страшило его. Ведь его задача состоит вовсе не в том, чтобы спасти Эйхмана, который без того уже приговорен историей, а тех, кто вчера был ближайшим подручным Гитлера, а сегодня находится на больших постах в правительстве Аденауэра.

В первые дни после ареста Эйхман, сознавая свою обреченность, заявил, что он готов «оказать помощь и разъяснить с исторической точки зрения события второй мировой войны, в которых он играл какую-то роль».

Но неожиданно в умонастроении Эйхмана произошли весьма существенные перемены, которые почему-то хронологически совпадают с приездом из Бонна в Тель-Авив доктора Серватиуса.

В начале декабря 1960 года израильская газета «Единот ахронот» в заметке, озаглавленной «Эйхман перестал отвечать на вопросы следователя», писала, что в поведении Эйхмана, ранее подробно отвечавшего на вопросы следователя и заполнявшего целые страницы деталями о своих преступлениях, произошел перелом — он замолчал. Изменение в его поведении наступило вскоре после его встречи со своим защитником — западногерманским адвокатом Серватиусом.

Серватиус был первым, но не единственным снарядом, которым выстрелил Бонн для того, чтобы не допустить опасного развития событий на процессе Эйхмана.

Иене Леваи, венгерский журналист, вылетел в Иерусалим с чемоданом документов, изобличающих Глобке и Эйхмана в совместной преступной деятельности в Венгрии. Но на афинском аэродроме «неизвестными лицами» чемодан был похищен. Леваи прибыл в Иерусалим, но Серватиус молниеносно отреагировал на кражу, выступив против дачи венгерским журналистом показаний в суде, поскольку он не может предъявить документальных доказательств. Правда, Серватиус был озадачен, когда стало известно, что в украденном чемодане находились лишь копии документов...

Тактика Серватиуса на судебном процессе Эйхмана была целиком подчинена единой цели — не допустить того, чтобы процесс вышел за рамки, отведенные ему Бонном и Вашингтоном. Серватиус понимал, что он будет не одинок в этом своем стремлении. В один из дней, когда шел процесс, газета «Джерузалем пост» опубликовала интересное признание генерального директора министерства иностранных дел Израиля Х. Яхила. Яхил заявил: «При подготовке процесса Эйхмана возник целый ряд политических проблем, а поэтому встал вопрос, надо ли расширять процесс для того, чтобы связать действия нацистского правительства с некоторыми ныне существующими правительствами... После многих совещаний, предшествовавших суду, было решено ограничить процесс Эйхмана судом над Эйхманом...»

...Эйхман дает показания в суде. Это уже почти конец процесса. Основное время ушло на допрос свидетелей и предъявление сторонами других доказательств. С благодарностью наблюдал Эйхман за работой своего адвоката. Серватиус не преминул напомнить суду, сколь хорошо отзывались о его подзащитном в прошлом. Вот выдержка из анкеты-характеристики, составленной на Эйхмана инспекцией гитлеровской полиции безопасности.

«Поведение на службе и вне службы — корректен, безупречен.

В денежных делах — щепетилен.

Отношение к семье — хорошее.

Личные качества — активен, выдержан. Обладает чувством товарищества, целеустремлен.

Душевная бодрость — ярко выражена.

Мировоззрение — здоровое.

Слабости, недостатки (прочерк)».

Оказывается, этот «бухгалтер смерти» любил музыку, играл на скрипке и может быть поэтому в Освенциме тысячи жертв загонялись в кремационные печи под звуки оркестра, состоявшего из заключенных евреев. Эйхман не забывал и о них: музыканты следовали в небытие вместе с последней партией обреченных.

Юриспруденция знает понятие — прямые и косвенные свидетели. Прямые — это те, кто сам, лично наблюдал события, о которых идет речь в суде, косвенные — это те, кто знает об этих событиях со слов других. По делу Эйхмана были свидетели особого рода. Это были те, кто не только слышал, не только видел, но о которых в сводках «бухгалтера смерти» указано, что они уже подверглись «окончательному решению вопроса». Это были люди, которые, обливаясь кровью и переползая через горы трупов, чудом оставались в живых и потом, уходя в леса, мстили нацистским захватчикам. «Я очутилась среди тел, — рассказала свидетельница Иоселевская, — я чувствовала, что я задыхаюсь, так как на меня падали люди... Я молила о том, чтобы вторая пуля положила конец моим мучениям... Но я попыталась спастись, выбраться, чтобы не задохнуться... Мне удалось подняться, и я чувствовала, как меня хватали руки тех, кто еще был жив, как они тянули меня за ноги вниз...». История позаботилась о том, чтобы эти люди в 1961 году могли напомнить миру, что такое фашизм.

И они напомнили.

Вот свидетель Фрейберг, узник лагеря смерти в Собибуре. Фрейберг видел, как женщин и детей немедленно по прибытии отделяли от мужчин и сразу же посылали в газовые камеры. Он видел, как эсэсовский проповедник обманывал всех прибывающих рассказами о «работе на Украине» и делал это так убедительно, что большинство шло «в душ» — газовую камеру, — все еще надеясь. Он видел, как эсэсовские охранники заставляли евреев бегать на четвереньках, лаять и кусать других евреев. Он видел, как избивали и вешали за малейшие нарушения. Он видел, как еврейские оркестры были вынуждены играть бесконечные марши, в то время как колонны голых людей шли навстречу своей гибели. Он рассказал о ночных «концертах», во время которых евреев заставляли петь антисемитские песни. Он вспоминает, как один эс-

эсовский офицер назвал свою собаку «менш» («человек») и научил животное кусать «собак», то есть евреев.

«Эта собака дважды кусала меня, — сказал Фрейберг. — Очень частыми были случаи самоубийства. Сотни полубезумных людей каждую ночь бросались на изгородь, по которой бы пропущен ток высокого напряжения».

В те времена дефицитным стал... яд. Люди не хотели подвергать себя эсэсовским экспериментам в лагерях и искали яд. На этом решили зарабатывать опытные дельцы, которые, учитывая спрос, фальсифицировали и этот продукт. В результате многие люди, принимавшие такой яд, испытывали страшные мучения. Вот почему один из жителей гетто, покупая яд для ребенка, сказал: «Мне нужен настоящий яд, я покупаю его для собственного сына».

Вот на суде предъявляется документ, адресованный нацистским институтом «расовых исследований» в Страсбурге эсэсовскому главному врачу Карлу Брандту в конце 1942 года, в котором содержалось требование прислать 150 скелетов «низших существ». Брандт передал это требование Эйхману. Эйхман превратил очередную партию евреев в требуемые скелеты. В 1944 году французские войска, освободившие Страсбург, обнаружили эти скелеты.

Эйхман зарекомендовал себя не только ревностным исполнителем, но и искусным коммерсантом. Эти свои способности Эйхман проявил в 1944 году в Венгрии.

В 1941—1944 годах в этой стране не было частей нацистского вермахта и не производились массовые облавы на еврейское население. Поэтому Венгрия стала местом, куда стремились попасть евреи с оккупированных гитлеровцами территорий Польши, Чехословакии и других стран. К 1944 году в Венгрии уже находилось свыше полумиллиона евреев.

19 марта 1944 года гитлеровцы оккупировали Венгрию. В лагере германского вермахта в Венгрии прибыл Эйхман для осуществления «окончательного решения» еврейского вопроса. Еврейское население Венгрии было приговорено к смерти в печах Освенцима.

Многие тысячи евреев, которым чудом удалось ускользнуть от Эйхмана, принимали активное участие в движении Сопротивления. Под руководством коммуни-

стических партий своих стран евреи плечом к плечу с братьями по оружию сражались в годы второй мировой войны против гитлеровцев. И это был вполне естественный путь.

Но наряду с ним был и другой путь, который больше устраивал кучку буржуазных сионистских лидеров. Это был путь переговоров и сделок с гитлеровцами. Эйхман и вел в 1944 году переговоры с такими сионистскими деятелями в Будапеште. Эйхман предложил освободить и вывезти за пределы оккупированных немцами территорий 1 млн. евреев при условии, что он получит взамен 10 тыс. грузовиков и 1 тыс. т чая или кофе. Он так и сказал: «Товары за человеческие жизни, человеческие жизни за товары». Агент сионистов Бранд помчался на Ближний Восток, сообщил об условиях сделки английскому представителю лорду Мойну. «Миллион евреев! Куда я их дену?» — отреагировал лорд Мойн. Затем об этом было сообщено английскому министру иностранных дел Антони Идену. Время шло. Эйхман повторил свое предложение. Но сделка так и не состоялась.

Гитлеровцы тем временем начали массовую эвакуацию евреев из Венгрии в Освенцим. Их постигла та же судьба, что и евреев других стран.

И только героическая борьба Советской Армии, ее стремительное наступление положили конец палаческой деятельности Эйхмана. Со слезами на глазах благодарили советских солдат уцелевшие жертвы гитлеровских лагерей смерти.

Но вернемся к показаниям Эйхмана на процессе в Иерусалиме.

Это была та стадия судебного процесса, когда суд мог сделать самое полезное для человечества, для еврейского народа во всем мире, о котором на словах так печется правительство Израиля. А от суда не так уж много требовалось — надо было лишь не затыкать рот Эйхману и не позволять этого делать его адвокату.

Было бы неправильно думать, что Эйхман оказался на процессе столь «идейным», чтобы уйти на тот свет, не попытавшись приоткрыть завесу, назвавь те имена, которые не меньше, чем он сам, заслуживали бы забот доктора Серватнуса. Эйхман, находясь в стеклянной камере, ясно через нее видел, чего от него хотят, а вернее чего от него не хотят. Не надо обладать развитой интуицией, что-

бы понимать, что требовалось брать все на себя и не впускать никого из тех, кто сегодня устроился в жизни лучше его, Эйхмана.

Судя по показаниям, Эйхмана время от времени прорывало, возмущало то, что от него требовали большего самопожертвования, чем это позволяли себе сами руководители гитлеровского рейха в Нюрнберге. Да, он не забыл, как вся эта свора сваливала друг на друга, как Шахт обливал грязью Риббентропа, а Штрейхер Геринга.

И Эйхман начал было проговариваться, но только проговариваться.

В дни процесса имя Глобке упоминали так же часто, как оно некогда мелькало на страницах гитлеровских газет, прославлявших ревностную службу этого теоретика и практика нацистской расовой политики.

Боннская режиссура выбивалась из сил, стремясь вытащить увязшего в болоте нацистских преступлений первого помощника канцлера Аденауэра. Специальный представитель ФРГ на судебном процессе в Иерусалиме фон Прейшен, следуя совету Геббельса о том, что ложь для того, чтобы ей поверили, должна быть чудовищной, стал убеждать мир, будто Глобке, оказывается, был лучшим другом еврейского народа и остался служить Гитлеру... по приказанию римско-католической церкви. Продолжая наводнять мир сенсациями, боннская пропаганда стала распространять слухи об участии Глобке в заговоре 20 июля 1944 г. против Гитлера. Говорят, что сам Глобке густо покраснел, узнав эти дотоле несведомые ему детали своей биографии.

В специальном выпуске боннского пресс-бюллетеня «Парламентариш-политишер прессединст» в марте 1961 года было помещено следующее сообщение: «Круги федерального правительства распространяют через нейтральные каналы версии о том, будто бывший оберштурмбанфюрер СС Эйхман ясно и недвусмысленно заявил в Израиле, что ему не знаком статс-секретарь ведомства федерального канцлера д-р Ганс Глобке. Утверждают, будто Эйхман заявил, что по службе он не имел дела с Глобке и никогда не видел документов, подписанных Глобке».

Эйхман поначалу вообще не признавал себя виновным. Он пытался витиевато объяснять, что существовала

целая система звеньев в нацистском аппарате, отдававших приказы об убийствах.

И здесь-то Эйхман и проговорился, назвав Глобке. «Расширение полномочий подчиненного мне отдела,—сказал он,—несомненно явилось результатом инициативы отдела «Н» министерства внутренних дел, во главе которого стоял Ганс Глобке, занимавшийся вопросами лишения германского гражданства и конфискации имущества евреев».

Но именно в этот момент Эйхман замолчал и ничего уже больше не сказал. Ни суд, ни обвинитель, ни тем более защита не стали расспрашивать Эйхмана о Глобке.

Сегодня этот гитлеровец является правой рукой Аденауэра. И о нем Эйхман мог бы многое еще рассказать. Он мог бы сообщить о том, как Глобке готовил пресловутые «Нюрнбергские законы», составившие базу кровавого террора и зверств. Эйхман хорошо знал о том, как высоко ценила гитлеровская клика услуги Ганса Глобке. Писал же нацистский министр внутренних дел Фрик (повешенный в 1946 г. в Нюрнберге) Гессу, предлагая повысить Глобке в должности:

«Старший правительственный советник д-р Глобке, бесспорно, принадлежит к числу наиболее способных и усердных чиновников моего министерства».

Но Эйхман молчал. Он вовсе не был уверен, что показания о Глобке могут способствовать его защите.

Эйхман молчал. Но не молчали Глобке, Шредер, Зеэбом. Эти отпетые гитлеровцы в боннском правительственном аппарате продолжали устраивать сборища, на которых тысячи реваншистов горланили, требуя вернуть им Судетскую область, вернуть для того, чтобы они могли снова учинять погромы, сжигать города и села, одним словом, многократно повторять то, что входит в понятие *Лидице*. Эти реваншисты нагло требуют «самоопределения». А что такое «самоопределение»? Они достаточно выразительно это сказали в своем манифесте в мае 1961 года. «Нам нужна родина без чехов и коммунистов». Они хотят, чтобы Польша была без поляков, Россия без русских, Чехословакия без чехов.

Но какое до всего этого дело суду в Иерусалиме? Он ведь занимается только делом Эйхмана.

Для правящих реакционных кругов Израиля представлялось гораздо важнее сохранить добрые отношения

с властителями на Рейне, чем копаться в их прошлом. Деньги не пахнут! Эту истину в Тель-Авиве давно и хорошо усвоили. Зачем напоминать миру, что Крупп и ему подобные извлекали сотни миллионов марок прибыли на эксплуатации узников Освенцима и Трешлинка? Ведь сегодня Тель-Авив пополняет свою казну и подачками западногерманских монополий в счет «компенсации» за ущерб, причиненный еврейскому народу во время войны. В 1944 году Эйхман предлагал евреям сионистам обменивать несчастных узников концлагерей на автомашины. «Товары за человеческие жизни, человеческие жизни за товары», — цинично говорил Эйхман. А ныне Бен-Гурион и компания перелицевали эту формулу: предпочитают «деньги за кровь».

Продолжая «славные» традиции переговоров 1944 года, Бен-Гурион в 1961 году обещал Аденауэру такую «объективность» судебного процесса над Эйхманом, которая не затронет интересов Бонна. Западногерманский журнал «Шпигель» приводит слова Бен-Гуриона: «Речь идет не о том, чтобы наказать Эйхмана. Для него нет наказания. Странно, что некоторые усматривают в этом процессе мотивы мести... Я принципиально возражаю против смертной казни».

Как оскорбительно прозвучали эти слова для памяти погибших, для тех, кто чудом спасся, кто, истекая кровью, выбрался из Бабьего яра и кого судьба пощадила и сохранила для того, чтобы поведать миру о чудовищных делах эйхманов! Ведь этих людей теперь осталось гораздо меньше, чем уцелело нацистских палачей.

...День за днем Эйхман давал свои показания. Он был сравнительно спокоен, пока допрашивали свидетелей, несчастных людей, случайно выживших. На них Эйхман взирал равнодушно, хотя показания их вызывали обмороки у сидящих в зале суда.

Но по-настоящему его раздражали другие свидетели. Впрочем, если они лишь свидетели, то почему только одного Эйхмана посадили в стеклянный «бокс»?

Чувство неподдельного гнева и зависти было написано на лице Эйхмана, когда показания в суде давали отпетые эсэсовцы. И, видимо, самыми мучительными для Эйхмана были минуты, когда объявлялось, что эти видные гитлеровские каратели, хорошо устроившиеся в Западной Германии, получали охранные грамоты израиль-

ских властей — им гарантировалось добросердечное отношение и даже командировочная оплата.

И здесь нервы Эйхмана стали сдавать — с раздражением он начал называть такие имена, услышав которые д-р Серватиус всполошился. Подсудимый начал выдавать Глобке, он назвал риббентроповских дипломатов, ныне занимающих важные посты в ведомстве г-на Брентано. Всплыла фамилия Вернера фон Баргена, нацистского посла в Бельгии, а ныне посла ФРГ в Ираке. Мир услышал о Гансе Шварцманне, в прошлом подручном Эйхмана во Франции, а ныне посла ФРГ в Ливане. Стало известно, что сообщник Эйхмана по уничтожению 50 тыс. венгерских евреев бывший штандартенфюрер СС Курт Бехер является сегодня крупнейшим предпринимателем в ФРГ с капиталом в 200 млн. марок. Он хорошо принят в боннских правительственных кругах, ибо щедро финансирует партию Аденауэра.

Названы были и другие не менее колоритные имена. Но Эйхман убеждается, что показания его по поводу этих людей — не самое интересное для суда. Обнаружились мемуары Эйхмана — 716 страниц текста, к которому приложен длинный список сообщников Эйхмана. Многие из них с тревогой ожидали, не придется ли перекочевать из этого списка на скамью подсудимых. Беспокойство оказалось напрасным: израильский суд принял из мемуаров лишь 83 страницы, остальные 633 вместе со списком были отвергнуты... В Западной Германии рукоплескали «догадливости» и «объективности» суда.

Журнал «Гаолам газе» пояснил: «Понятно, что разоблачение этих преступников на процессе Эйхмана могло бы испортить отношения между Израилем и Западной Германией и США, так как это повредило бы престижу НАТО и затруднило также вопрос о вооружении Западной Германии».

Эйхман своеобразно отреагировал на такое поведение суда: «Я надеюсь, что после моего процесса мне разрешат написать книгу. Тогда я не побоюсь назвать вещи своими именами. Это послужит уроком будущим поколениям».

Но эта угроза Эйхмана повисла в воздухе. Суд в Иерусалиме упорно придерживался своей сакраментальной формулы: «Дело Эйхмана есть только дело Эйхмана».

Осуждая эту формулу, французский профессор Жан Гелевич с полным основанием сказал: «Если процесс кончится тем, что вся ответственность будет возложена на одного Эйхмана, то он принесет больше вреда, чем пользы».

Боннское правительство поспешило подтвердить эти слова. 29 июня 1961 г. в Бонне бундестаг принял дополнение к закону, гласящее, что все служащие разбойничьих соединений СС, которые в мае 1945 года насчитывали десятилетний срок службы, «имеют право на обеспечение». Почти 600 млн. марок потребовалось бундестагу для оплаты повышенных пенсий более чем двадцати тысячам гитлеровских бандитов, состоявших в эсэсовских соединениях, этой крупнейшей в истории банды убийц, которых еще Международный Трибунал признал преступной организацией. Разве неправ пресловутый генерал танковых войск СС Курт Мейер, заявив, что «Федеративная республика — отечество для всех бывших служащих СС».

Эйхман несколько раз говорил о применении «Циклона-Б» для массового отравления узников: «Здесь сталкивались интересы многих... Все вмешивались в это дело. Некоторые хотели извлечь выгоду для себя и вносили свои рекомендации». Эйхман продолжал: «Я признаю, что знал о поставках газа «Циклон-Б» через моего помощника Гюнтера».

Хорошо известно, что этот газ поставлял эсэсовским лагерям концерн «ИГ Фарбениндустри», тот самый концерн, который и сегодня благоденствует в ФРГ во главе с людьми, во времена Эйхмана наживавшимися сначала на эксплуатации несчастных узников Освенцима, а потом зарабатывавшими на поставках «Циклона-Б» для уничтожения этих людей.

Реакция все предпринимала для того, чтобы в ходе суда над Эйхманом вывести из-под огня боннских милитаристов. Однако официальным и неофициальным адвокатам германского милитаризма не удалось замолчать факты. Помимо воли его организаторов процесс Эйхмана осветил некоторые тайники боннских канцелярий, и народы еще раз увидели отвратительную и опасную картину боннского режима.

Судебный процесс Эйхмана прозвучал как обвинение против правящих кругов западногерманского милитаризма, против Бонна, идущего по пути гитлеровцев.

ЗА КУЛИСАМИ ИМПЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Стыдился ли Шахт Геринга в Нюрнберге?

23 октября 1960 г. В политических кругах Бонна в этот день чувствовалось необычайное оживление. Была объявлена «неделя Африки». Вице-канцлер Эрхард решил: самое время напомнить миру, что, кроме английских и французских, бельгийских и голландских, существуют еще и западногерманские интересы в колониях. Западная Германия хочет «помочь» народам колоний, содействовать их «развитию». Западногерманские дельцы не глупее американских и вовсе не настаивают на том, чтобы иметь своих губернаторов в колониях. Эти времена уже давно прошли, и нужны новые, более гибкие формы. И не теперь, а еще в 1945 году старый германский специалист с большим колониальным вкусом Ялмар Шахт дал понять в своих показаниях на Нюрнбергском процессе, что германские дельцы понимают это не хуже, скажем, американских.

...На Нюрнбергском процессе шел допрос Шахта. Американский обвинитель Джексон, допрашивая его, видимо, несколько переборщил, пытаясь представить Соединенные Штаты противниками колониализма и другим колониальных народов. Джексон стремился раскрыть перед судом суть колониального плана Шахта, который им был предложен Гитлеру и являлся по существу планом вторжения германского капитала в колонии и самого беспощадного их разорения.

Затем он обратился со следующим вопросом к Шахту: «Джексон: Вы считали, что обладание колониями и эксплуатация их были необходимы для той Германии, которую вы намеревались создать?»

Шахта взорвала сама суть вопроса. Как будто Соединенные Штаты захватывали колонии и вторгались в чужие земли для оказания трогательной помощи колониальным народам! И Шахт своим ответом внес ясность:

«Шахт: Если вы замените слово «эксплуатация» словом «развитие», то мне кажется, что всякие недоразумения будут исключены. В таком варианте я соглашусь с вами»¹.

Так один из крупнейших идеологов империализма в сердцах показал, чего в действительности стоят пропагандистские украшения неокolonизаторов, стремящихся доказать, что целью их политики является не эксплуатация и грабеж колониальных народов, а «развитие» этих народов, стремление «цивилизовать» их.

Итак, нынешние западногерманские дельцы уже давно усвоили, что слово «эксплуатация» — это плохая отмычка к колониям. Вот почему вице-канцлер Эрхард решил, что не грех будет воспользоваться уже сложившейся терминологией — «развитие» колоний, оказание «помощи» колониальным и слабо развитым странам. Одним словом, широко разрекламированная «неделя Африки» и должна была «доказать», что Федеративная Республика Германии способна в колониальном вопросе использовать лучшие образцы американской политики.

...В просторном, хорошо освещенном зале одного из боннских особняков Эрхард собрал большое общество, пригласил дипломатический корпус и представителей различных африканских стран. В своей речи вице-канцлер пытался представить политику германских деловых кругов в колониальном вопросе как политику искренней заботы о народах колоний, о готовности чуть ли не пойти на жертвы ради народов колоний. Эрхард не удержался, конечно, от потока клеветнических выпадов против Советского Союза. Используя обветшалые геббельсовские приемы, Эрхард стремился запугать африканские народы «советской угрозой». Клевеща на Советский Союз,

---

¹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 22, стр. 10110.

Эрхард восхвалял западногерманскую свободу, не замечая того, в какое смешное положение он попадает, говоря все это в присутствии гитлеровского генерала Хойзингера, одним своим видом напоминающего о чудовищных преступлениях германского империализма против народов Европы.

Находившийся в зале советский посол А. А. Смирнов дал решительный отпор провокационному и клеветническому выступлению Эрхарда. В знак протеста советский посол покинул зал. Проходя мимо трибуны, посол заявил:

«Г-н министр, народы Европы и наш народ знают и помнят, какую «помощь» несли им «золотые фазаны» (специальные отряды гитлеровских грабителей на территориях оккупированных стран во время второй мировой войны.— А. П.). Народы Африки знают, кто поддерживает их героическую борьбу против колонизаторов, и никакая клевета на советскую политику не обманет эти народы»².

Поведение Эрхарда вызвало возмущение многих присутствовавших на заседании представителей африканских стран, которые встретили заявление советского посла аплодисментами и возгласами одобрения.

Комментируя провокационный выпад Эрхарда, западногерманская газета «Франкфуртер рундшау» подчеркнула: «Что, собственно, дает нашим политикам право набрасываться при любом неподходящем случае на Советский Союз? Смирнов обратил внимание на то, что миллионы русских потеряли жизнь после германского вторжения в Советский Союз... У нас вообще нет никакого основания разыгрывать из себя обвинителей, ибо в мировой истории именно мы являемся теми, кто сидит на скамье подсудимых в первом ряду»³.

...1945 год. Скамья подсудимых. Рядом с Герингом и Кейтелем — Ялмар Шахт. Но бывший гитлеровский министр экономики и президент имперского банка демонстративно не разговаривает с Герингом, этим «убийцей и вором». Он с презрением отворачивается от Кальтенбрунера, «палача с юридическим дипломом». Он не хочет иметь дело с Риббентропом, этим «выскочкой и карьерн-

---

² «Правда», 24 октября 1960 г.

³ Там же.

стом». И вообще, что он имеет общего со всей этой бандой? «Неслыханно, что меня заставляют сидеть с этими преступниками на одной скамье», — сказал Шахт в беседе с тюремным врачом Джильбертом.

В поведении и в словах полномочного представителя германского монополистического капитала и банкира Шахта скрывалась по существу первая попытка германских монополистов уйти от ответственности за преступления гитлеровского режима, отделить себя от нацистской клики, представить дело таким образом, что нет и не может быть ничего общего между деловым миром Германии, между Круппом и Фликом, Цангенем и Тиссенем и этими злодеями — Герингом, Риббентропом, Кейтелем, сидящими на скамье подсудимых.

Это был первый шаг по пути реабилитации тех, кто в действительности вскормил гитлеровский режим, оплатил расходы по захвату им власти, диктовал Гитлеру программу разбойничьих захватов в Европе и кто извлекал огромные прибыли из чудовищных преступлений нацистского режима.

Еще не закончился международный судебный процесс над главными немецкими военными преступниками, как в Нюрнберге уже готовились процессы над крупными германскими промышленниками, виновными в агрессии и военных преступлениях. В том же самом зале, где происходил Нюрнбергский процесс, теперь сидели Альфрид Крупп и его директора.

Самое тяжкое преступление Круппа — заговор против мира и участие в формулировании и осуществлении гитлеровской программы агрессии. Ведь за это же преступление заплатились головой Риббентроп и Кейтель, Геринг и Фрик.

...Американский суд оглашает приговор Круппу. На лице «фюрера германской военной индустрии» благоговейная улыбка. Да, есть еще судьи в Америке! Крупп оправдан по наиболее тяжким обвинениям — в заговоре против мира и соучастии в гитлеровской агрессии.

И как оправдан! С какой формулировкой? О, да! Американские судьи службу знают! Они еще по делу концерна «ИГ Фарбениндустри», оправдывая его руководителей, записали в приговоре: «Если мы снизим уровень участия в военных преступлениях до включения руководителей «ИГ Фарбениндустри», то будет трудно разгра-

ничить виновных и невиновных среди огромной массы немцев».

Понаторев на таких умственных упражнениях, американские судьи в деле Круппа сделали новый шаг вперед в оправдании империалистических монополий. Оказывается, обвинять в подготовке и развязывании агрессивной войны можно лишь «политических деятелей», а отнюдь не промышленников, которые *«не имеют ни голоса, ни контроля в ведении войны и ее развязывании»* (курсив мой. — А. П.). Ну как тут не умилился Круппу!

Приговоры американских судей послужили началом реакционной фальсификации истории второй мировой войны. Вслед за задавшими тон американскими судьями посыпались десятки книг и статей, авторы которых поставили перед собой весьма сложную и по существу неразрешимую задачу — доказать, что империалистические монополии Германии ничего общего с Гитлером, с фашизмом не имели, что им ничего не было известно об агрессивных планах Гитлера и тех чудовищных преступлениях, которые были совершены фашистским режимом против народов Европы. Конечно, таким образом имелось в виду спасти лицо не только германских, но и американских монополий, тесно связанных с германскими.

Если поверить этим идеологам империализма, то в том, что Германия развязала войну, повинны не Круппы и Тиссенy, а... германский народ. Оказывается, утверждает западногерманский реакционный историк Вальтер Герлиц, немецкий народ несет ответственность за метеорный взлет «великого барабанщика» Гитлера, который, видите ли, явился «глашатаем всех неоформленных желаний и стремлений»⁴.

Западногерманский реакционный историк Риттер, развивая мысли Герлица, пишет, что нацистский режим опирался именно на рабочих, крестьян и интеллигентов. Что же касается промышленников, юнкеров-помещиков, генералитета, то все они, оказывается, были злейшими врагами гитлеровского режима. Оказывается, заговорщиков против Гитлера всегда коробило от мысли о «пролетарско шумной сущности гитлеровского движения»⁵.

⁴ Цит. по «Проблемы истории второй мировой войны», ИЛ, 1959, стр. 28.

⁵ «Zeitwende», Hamburg, 1954, XXV. Jahrgang, Juli, S. 444.

Выгораживая монополи, реакционный западногерманский историк Риттер в своей книге «Европа и немецкий вопрос» наивно вопрошает, можно ли рассматривать «гитлеризм как конечный продукт последующего развития прусско-немецкого государственного мышления и является ли жестокий дух завоеваний и агрессий, который развязал вторую мировую войну, характерным для политики Пруссии — Германии?»⁶.

Оказывается, делает открытие Риттер, «национал-социализм является сатанинским извращением подлинно немецких традиций»⁷.

Как бы продолжая мысль Риттера, Ялмар Шахт пытается убедить своих читателей, что, конечно, не монополии привели Гитлера к власти, а напротив, они были той главной силой, которая вела борьбу с Гитлером⁸.

Курт Хессе в своей книге «Политические обвинения против руководителей германской промышленности» пишет:

«Мнение о том, что вся германская промышленность оказала поддержку Гитлеру в захвате власти, является легендой»⁹.

Маститые прусские историки возмущены: кому-то понадобилось оболгать честных рурских промышленников, кто-то придумал в Нюрнберге диковинную сказку о том, что промышленники способствовали приходу Гитлера и его партии к власти! На помощь прусским историкам приходят их американские коллеги. Один из них, американский публицист Л. Лохнер потому и возмущается обвинениями в адрес германских монополий, что считает их «демократами» и злейшими противниками Гитлера. «...Не было идеи, столь далекой от их мнений, чем идея о том, чтобы сделать Гитлера диктатором...», — уверяет он.

Объективные исследователи на Западе не могут не признать решающей роли германских монополий в становлении гитлеровского режима. В этой связи можно указать на А. Баллока, который в своей книге о нацистской

---

⁶ G. Ritter, Europa und die deutsche Frage, München, 1948, S. 193.

⁷ G. Ritter, Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Stuttgart, 1954, S. 91.

⁸ См. «Проблемы истории второй мировой войны», стр. 83.

⁹ J. Sawicki, From Nureinberg to the New Wehrmacht, p. 323.

тирании приводит ряд ярких фактов, свидетельствующих о тесной связи гитлеровской клики с руководителями германских монополий, на основании которых он делает вывод, что основная поддержка для нацистов исходила от могущественной группы владельцев угля и стали в Рейнланде и Вестфалии¹⁰.

Джеймс Мартин длительное время занимался исследованием роли германских монополий в политической жизни страны. Будучи ответственным чиновником американской администрации в Германии, он собрал огромный доказательственный материал из находившихся в его распоряжении архивов ряда германских концернов. И вот к какому выводу он приходит:

«Наши наблюдения над жизнью послевоенной Германии не подтвердили теории, будто нацистский режим возник помимо воли хозяев страны. Пропагандисты стремятся убедить людей, будто, поддерживая гитлеровский переворот, промышленники не понимали, что они открывают ящик Пандоры. Нам пытаются внушить, что от последствий этого своего акта сами промышленники пострадали не менее остального человечества. Но дело обстоит как раз наоборот: из своих бесед с германскими промышленниками мы убедились, что если клика крупных промышленников и недовольна гитлеровским режимом, то только потому, что Гитлер проиграл войну»¹¹.

Но слова Джексона и Мартина давно забыты. Кто из реакционных историков не понимает, что одно дело — слова, хотя и правдивые, но сказанные в обстановке, когда мир еще бурлил и слишком свежи были тяжелые раны войны, другое дело — подлинные интересы сильных мира сего, для которых разбойничья репутация, которую они вполне заслуживают, вовсе не так уж необходима.

Вот почему продажные перья буржуазных историков делают сейчас все для того, чтобы оправдать перед общественным мнением тех, кто в первую очередь виновен в развязывании чудовищных агрессивных войн.

Фальсификаторы истории отлично сознают всю важность их мошеннических трюков: ведь они спасают лицо именно тех германских монополий, которые в тридцатых годах поставили Гитлера у власти, а сегодня являются

¹⁰ A. Bullock, *A Study in Tyranny*, L., 1952, p. 156.

¹¹ Д. Мартин, *Братство бизнеса* («Почтенные все люди...»), ИЛ, 1951, стр. 347.

опорой антинародного и агрессивного режима Аденауэра в Западной Германии.

При этом речь идет не только о самих монополиях, но и о тех, кто их возглавляет. В том-то и дело, что и сегодня делами ряда таких монополий руководят те же люди, которые в трилцатые годы привели Гитлера к власти, а потом вместе с ним совершали чудовищные преступления против народов.

„В зале смех“

Итак, Шахт возмущен тем, что его посадили на одну скамью подсудимых с бандой преступников. Но тот, кто мог бы в первые дни процесса покопаться в душе «гитлеровского чародея», с легкостью обнаружил бы, что Шахт по-настоящему обеспокоен, что не так уж он возмущен соседством Геринга и Риббентропа... Гораздо страшнее для него советский прокурор Руденко, который не пожалел трудов для того, чтобы доказать, что незачем ему, Шахту, так уж стыдиться своих соседей. Одним словом, судя по выступлениям, Руденко, оказывается, намерен доказать, что без Шахта не было бы не только «вора и убийцы» Геринга и «палача Кальтенбруннера», но и самого Гитлера. Разве не Руденко говорил о Шахте как об «одном из последовательных сторонников преступных планов гитлеровцев», у которого «Гитлер и Геринг добивались поддержки» и который «сыграл решающую роль в приходе Гитлера к власти»? Далеко метит советский прокурор. И, что самое страшное,— все это правда, и это Шахт знал куда лучше и полнее, чем кто-либо другой.

Да, Шахту должно было быть не очень уютно на скамье подсудимых.

Перед Международным Трибуналом разворачивалась многообразная жизнь человека, который служил трем режимам, никогда не добивался света ramпы, но всегда писал роли тем, кто играл на сцене и воображал себя подлинным творцом истории.

Беспокоился Шахт. Но не меньше беспокоились и те, кому он всю жизнь служил,— руководители германских монополий, большинство которых в то время еще находилось в тюрьме, ожидая суда. Беспокоились и те монопо-

листы, которые находились далеко от Нюрнберга и даже за океаном, ибо вряд ли можно было выиграть в мнении света, если бы в Нюрнберге стали раскрываться связи Шахта, являвшегося посредником между германскими и американскими монополиями.

У Шахта был адвокат — д-р Дикс, несомненно, способный адвокат, и защищал он Шахта с душой. Это вспомнили потом в Бонне, и способности д-ра Дикса пригодились: через несколько лет он уже выступал не адвокатом, а государственным обвинителем Бонна на процессе против Коммунистической партии Германии. Но на Нюрнбергском процессе Шахт отвел Диксу лишь роль его личного защитника. Адвокатом же в широком смысле слова был сам Шахт — в Нюрнберге он защищал германский монополистический капитал. Шахт понимал, что от приговора по его делу зависела судьба руководителей всех германских монополий, суд над которыми должен был состояться вслед за Нюрнбергским процессом.

...Шло рассмотрение дела Шахта. Одно за другим раскрывались в зале нюрнбергского трибунала те самые доказательства, которые создавали для Шахта атмосферу особого беспокойства.

Вот обвинители предъявляют суду документ о встречах Шахта с Гитлером еще до прихода последнего к власти. Вот судьи уже держат в руках тексты заявлений Шахта в пользу передачи власти Гитлеру, его беседы с Папеном, в которой он в категорической форме требует передать пост рейхсканцлера Гитлеру. Шахт выходит из себя, когда обвинители стали предъявлять суду документы о сборе Шахтом у крупнейших монополистов средств для финансирования избирательных расходов Гитлера и его партии.

Еще 29 августа 1932 г. Шахт писал Гитлеру: «Куда бы моя деятельность ни привела меня в близком будущем, даже если вы меня когда-нибудь увидите в крепости, вы всегда можете надеяться на меня как на надежного помощника».

...Август 1934 года. Шахт назначен имперским министром экономики. Вот документ о том, что его министерство получило задание проводить экономическую подготовку войны. Обвинители предъявляют текст речи Шахта от 4 марта 1935 г. Оглашается фрагмент, к сожалению,

Вверху слева — Шacht собирает деньги в фонд Гитлера; справа — Шacht на суде. Внизу — плоды трудов Шакта.

не самый лучший для Шахта: «Все, что я говорю и делаю, имеет полное согласие фюрера, и я ничего не буду делать и говорить, что не получит одобрения фюрера».

Все это, конечно, весьма неприятно для Шахта. И тем не менее ни один из присутствовавших в зале суда людей, имевших возможность наблюдать Шахта, не мог бы сказать, что он казался сильно удрученным.

Существовало что-то такое, что, очевидно, вносило элемент успокоения в полную тревожных ожиданий жизнь Шахта.

С первых же дней процесса Ялмар Горас Грили Шахт почувствовал, что, кроме д-ра Дикса, у него есть еще защитники, и куда более могущественные, чем его адвокат.

Было время, когда он, Шахт, немало сделал, чтобы эти защитники пополнили свои сейфы. Всю свою жизнь Шахт прожил в спешке, в суматохе. Впервые у него так много свободного времени. Долгие зимние вечера в отдельной камере нюрнбергской тюрьмы настраивали на воспоминания, на анализ. И как ни суди, а многие из тех, кто так влиятелен в заокеанской республике, немало обязаны Шахту.

Разве не он, Шахт, помогал Моргану и Диллону составлять план Дауэса, на котором американские банкиры заработали сотни миллионов долларов. Разве не Шахт дал американским промышленникам крупно заработать на вооружении германской армии. Наконец, не один ведь Шахт ратовал за установление власти Гитлера в Германии. Когда Шахт приезжал в Соединенные Штаты, ему не стоило большого труда убедить нью-йоркскую биржу и вашингтонских чиновников в том, что только передача власти в руки Гитлера обеспечит «порядок в Европе» и «крестовый поход против СССР». Шахт добивался предоставления Германии новых американских займов. Он знал, и знал хорошо, что «деловые люди» Нью-Йорка не могут безразлично относиться к тому, кто сидит в немецком седле. Ведь огромные американские капиталы были вложены в германскую промышленность, и не одному только богу известно, как Форд и «Дженерал моторз» через свои филиальные заводы в Германии помогли создать моторизованные части гитлеровской армии, а Морган — геринговскую авиацию.

И неужели же улетучились из памяти «американских друзей» встречи военного времени? Можно ли забыть, что

в 1942—1943 годах Шахт неоднократно встречается с американскими банкирами в Базеле, предлагая им мир на Западе. Шахт хорошо помнит, с каким сочувствием американские толстосумы отнеслись к его предложениям и как все развивалось вполне удовлетворительно, «пока мы не сели на мель сталинградского несчастья». Неутомимый в своей службе американским интересам, Шахт и после этого предлагает, чтобы германская промышленность стала совместной собственностью американских и германских монополий и Германии было бы предоставлено право продолжать войну против СССР, заключив мир на Западе. Американские друзья одобряют план, а Аллен Даллес делает попытки поставить Шахта у власти...

Но под ударами Советской Армии сначала зашаталась, потом надломилась, а затем и вовсе рухнула та сцена, на которой собирался выступать Шахт.

Шахт все это помнит, но не совсем понимает: неужели американцы заинтересованы в том, чтобы он, Шахт, дал здесь, в Нюрнберге, «чистосердечные» показания? И вообще с каких это пор разрешают людям в судебных мантиях копаться в «святая святых» — в делах банков и концернов! Неужели же американский обвинитель Джексон только затем и направлен в Нюрнберг, чтобы вывернуть наизнанку связи «ИГ Фарбениндустри» с американским концерном «Стандард ойл» и вообще раскрыть перед «черною» великую тайну, в которой рождается война?

Но вскоре Шахт почувствовал, что его судьба далеко не безразлична друзьям за океаном. Шахт следил в ходе процесса за американской прессой и с удовлетворением отметил, что пришли в действие необходимые пружины механизма, способного выгородить его. На всякий случай Шахт решил публично напомнить американским судьям (кто его знает, догадаются ли они сами!) об одном векселе, полученном перед самой войной: «Поверенный в делах США мистер Керк, прежде чем он покинул свой пост в Берлине, прощаясь со мной, заявил, что после войны ко мне отнесутся, как к человеку, совершенно не запятнавшему себя»¹².

Неужели не ясно, что ни Геринг, ни этот «болван» Риббентроп, не говоря уже о Кальтенбруннере, никогда

---

¹² «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 38, стр. 19840.

не пригодятся Западу в политической игре! Но Шахт... Этот ведь из когорты «деловых людей». И вообще кто же лучше знает, как после войны можно с наибольшей выгодой объединить усилия американского и германского «делового мира» в тех же сокровенных целях, которые, увы, оказались пока недостижимыми?

Вот почему всем своим поведением на процессе «поверенный в делах» германо-американских монополий Ялмар Шахт выражал явное презрение к попыткам, видимо, плохо осведомленных американских обвинителей поставить Шахта на одну доску с Герингом или Кальтенбруннером.

...Как-то во время перерыва между заседаниями суда американский офицер охраны обратил внимание на то, что подсудимый Шпеер, бывший гитлеровский министр вооружений, по профессии архитектор, что-то увлеченно чертит.

— Что вы там рисуете? — строго спросил американец.

— Ах, вы об этом чертеже? — отреагировал Шпеер. — Видите ли, Шахт заказал мне проект виллы, которую он собирается построить после окончания этого процесса.

Кивком головы Шахт подтвердил, что он сделал Шпееру такой «заказ».

Спустя несколько дней в зале суда состоялся весьма характерный диалог между главным американским обвинителем Джексоном и Шахтом. Шахт всячески пытался представить себя противником нацизма и для этого сослался на свой уход с поста президента имперского банка, и, хотя он остался министром без портфеля, эта должность была чисто номинальной, и практически он не нес никаких обязанностей. Джексон в этой связи уместно напомнил Шахту, что, даже занимая этот номинальный пост, он, Шахт, продолжал получать от Гитлера 50 000 марок в год.

— А как же иначе, господин обвинитель? — нагло отозвался Шахт. — Я надеюсь, что получу после окончания процесса свою пенсию, в противном случае на что же я буду жить?¹³

На это последовала следующая язвительная реплика американского обвинителя:

---

¹³ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 22, стр. 10134.

«Джексон: Я думаю, что расходы на ваше содержание после процесса будут невелики, доктор»¹⁴.

После этого обмена «любезностями» в судебном протоколе значится следующая ремарка: «*В зале смех*».

Стенографистка, конечно, не могла в протоколе указать, почему и над чем смеялась публика. Автору этих строк памятна обстановка допроса. Публика в зале нюрнбергского трибунала была весьма разношерстной. Были и юристы, были и весьма состоятельные американские туристы, в зале сидели влиятельные журналисты Херста и Маккормика. И, в общем, не так-то легко было определить, над кем смеялись эти люди,— над неуместной самоуверенностью Шахта или наивным оптимизмом обвинителя.

Во всяком случае, очень скоро стало ясно, что уверенность Шахта имела под собой большие основания.

Вопреки протесту советской делегации в Международном Трибунале, требовавшей осуждения Шахта, западные судьи предпочли оплатить выданный Керком Шахту вексель. Такое поведение западных судей отнюдь не мотивировалось стремлением спасти лишь самого Шахта. Обвинение Шахта означало обвинение германских монополий, а через них и американских, поскольку они были самым тесным образом связаны между собой, в том главном, к чему сводилась формула виновности Шахта — оказание помощи гитлеровской партии в захвате власти, финансирование нацистской программы вооружений и агрессивной политики. Таким образом, осуждение Шахта за подобные действия, что вполне соответствовало положениям Устава Международного Трибунала, в то же время означало бы создание прецедента для обвинения большой группы германских монополий. Вот этого-то и не хотели западные судьи. Это и послужило главной причиной оправдания Шахта.

Как же все-таки англо-американское большинство в Международном Военном Трибунале мотивировало оправдательный приговор Шахту? Разумеется, мотивировать надо было так, чтобы оправдательный приговор Шахту был бы одновременно оправдательным приговором германским и всем другим империалистическим монополиям.

¹⁴ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 22, стр. 10134.

В приговоре Международного Военного Трибунала эта деликатная задача решена так: «Перевооружение как таковое не является преступным актом».

Зачем же Шахт проводил гонку вооружений в фашистской Германии? Трибунал отвечает в приговоре, что Шахт «хотел создать сильную и независимую Германию, которая могла бы проводить внешнюю политику, способную завоевать ей уважение»¹⁵. Вот, оказывается, над чем трудился Шахт, вот о чем только и думали крупны и флики, выпуская танки и пушки, снаряды и бомбы.

Эта продукция, оказывается, была единственным средством, при помощи которого Шахт надеялся добиться уважения к гитлеровской политике.

Нетрудно заметить, что аргумент этот ничем не отличается от того, что вскоре после оправдания Шахта приняло название «дипломатии силы» как самой «надежной базы» для плодотворных международных переговоров.

Итак, указав в приговоре, что «перевооружение не является преступным актом», западные судьи утверждали далее, что судом не собрано достаточных доказательств, устанавливающих связь между гонкой вооружений и фашистской политикой агрессии. А раз так, то и вся деятельность Шахта по перевооружению гитлеровской Германии, с точки зрения западных судей, не была преступной. На этом «основании» Шахт оказался в числе оправданных на Нюрнбергском процессе.

Член Международного Военного Трибунала от СССР И. Т. Никитченко выразил в Особом мнении свое несогласие с оправданием Шахта.

Для широких народных масс оправдательный приговор Шахту явился полной неожиданностью и вызвал взрыв возмущения мирового общественного мнения. Это возмущение прогрессивных людей во всем мире, особенно в самой Германии, было столь велико, что Шахт, освобожденный Международным Военным Трибуналом из-под стражи, не решился покинуть здание нюрнбергской тюрьмы и провел еще несколько дней в своей камере, опасаясь народного гнева. Его западным покровителям пришлось с горечью согласиться на предание Шахта германскому «суду по денацификации», который, впрочем, в ко-

---

¹⁵ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 7, стр. 471.

нечном итоге поступил так же, как западные судьи в Нюрнберге.

Всей деятельностью после «оправдания» Шахт сумел доказать своим покровителям, что они не напрасно старались, спасая заодно с монополиями и его самого. Буквально через несколько минут после оглашения приговора Шахт, которому была устроена пресс-конференция, заявил, что у него готов «новый план экономического возрождения Германии». Этот «новый» план являлся по существу старым планом Шахта 1943 года. Шахт снова предложил установить совместную власть американских и германских монополий в немецкой промышленности. В этой связи летом 1947 года Шахт выдвинул проект передачи американскими монополиями 51% акционерного капитала всей немецкой промышленности. По поручению американцев Шахт подготовил сепаратную денежную реформу в Западной Германии...

Не успел выйти в свет «план Маршалла», как Шахт заявил представителю агентства Ассошиэйтед Пресс: «План Маршалла является великолепным началом восстановления экономики Европы... Мир идет по правильному пути. За это я даю самую высокую оценку американской политике».

Шахт прекрасно понимал, что при помощи «плана Маршалла» сотни миллионов долларов вновь потекут в карманы американских и даже западногерманских банкиров. Шахт понимал, что очень скоро американские и германские концерны с новой силой начнут сотрудничать в той самой области вооружения, которая всегда дает огромные дивиденды. А кто-то еще говорил, что не будет больше мощной германской индустрии, что исчезнут крупны и тиссенсы... Говорили и даже готовили международный судебный процесс над германскими фабрикантами оружия. Да разве не понимают на Западе, что такой процесс слишком опасен!

...1946 год. Капитан американской армии тюремный психиатр Джильберт беседует с Шахтом в его камере. Заходит разговор о готовящемся процессе. Шахту известно об этом, ибо его вызывали на допросы в связи с этим процессом.

«Шахт рассмеялся,— вспоминал Джильберт на страницах «Санди экспресс»,— услышав, что германским промышленникам будет предъявлено обвинение в вооруже-

нии Германии. „Если вы хотите предать суду промышленников, способствовавших вооружению Германии,— сказал он,— то вы должны судить своих собственных промышленников. Ведь заводы «Опель», принадлежащие «Дженерал моторз», работали только на войну»¹⁶.

«Смех в зале»! Шахт очень скоро показал американскому обвинителю, что означал этот смех.

...Прошло лишь несколько лет, и германские промышленники. те самые, которые вскормили Гитлера и его партию, стали открыто восстанавливать свое могущество в Западной Германии.

Что же касается судов над германскими монополиями, то перед тем, как они должны были начаться, из Вашингтона последовала директива американским трибуналам в Нюрнберге: «Принять как прецедент приговор, по которому был оправдан Шахт»¹⁷.

В том же самом зале, где заседал Международный Военный Трибунал, началась серия судебных процессов над руководителями крупнейших германских монополий.

„Ни один федеральный судья не получит отпуска!“

С самого начала было решено, что над крупными промышленниками Германии, приведшими Гитлера к власти, принимавшими активное участие в агрессии и извлекавшими огромные прибыли из чудовищных преступлений нацизма, будет проведен отдельный международный судебный процесс.

Но уже рассмотрение Международным Трибуналом дела Шахта ярко раскрыло нежелание западных держав организовать и провести судебный процесс над промышленниками.

Советские представители на Нюрнбергском процессе не пошли ни на какие уступки и заявили Особое мнение по всем вопросам, по которым они не были согласны с западными представителями. Тот, кто присутствовал в дни оглашения приговора и Особого мнения в Нюрнбергском дворце юстиции, мог заметить, какое огромное впечатление произвело Особое мнение на присутствовав-

---

¹⁶ «Sunday Express», Oct. 19, 1946.

¹⁷ «The Nation», Aug. 14, 1948, p. 178.

ших в зале суда. Автору этих строк вспоминается, как многие представители иностранной печати приходили к советским представителям, выражая свою солидарность с Особым мнением.

Что и говорить, рассуждали в Вашингтоне, на процессе промышленников, видимо, возникли бы еще большие затруднения. Хорошо ведь известно, как тесно были связаны германские и американские монополии.

Да, привлекать советских представителей к рассмотрению дела о монополиях нельзя. Понимал это и главный американский обвинитель в Нюрнберге Джексон. И без того он уже подвергся резким нападкам в американской печати за то, что согласился сесть за один стол с... русскими. О нем писали, что в Нюрнберге он «протитуировал» правовые принципы. Высказывалось сожаление, что раньше не разобрались в этом человеке.

Человек, который ознакомится с речами Роберта Джексона на Нюрнбергском процессе, без труда поймет, что эти речи во многом способствовали разоблачению фашизма. Характерная их особенность заключалась в том, что Джексон говорил не только о прошлом, но и о будущем, о той опасности, которая поджидает народы, если их правительства вновь станут на путь потворства нацизму.

И речи Джексона не понравились, а сам Джексон, видимо, почувствовал, что в пылу судебного разбирательства он, увы, хватил лишнего. Своими выступлениями в Нюрнберге он, несомненно, снискал себе популярность в широких кругах американской общественности.

Но, увы, это были не те круги, от которых зависит продвижение по служебной лестнице капиталистического государства. И с Джексоном случилось то, что нередко случается с буржуазными интеллигентами. В американской печати появилась статья его сына, в которой открыто уже предпринималась попытка реабилитировать отца за то, что он решился сотрудничать с советскими юристами.

Серьезным испытанием для Джексона явился вопрос о международном суде над промышленниками.

И Джексон в связи с этим процессом занял позицию, прямо противоположную той, которую он занимал на Нюрнбергском процессе.

В докладе о своей деятельности в качестве главного обвинителя США на Нюрнбергском процессе Джексон вы-

сказался против дальнейшего проведения таких процессов на четырех языках, как это имело место в Нюрнберге, ибо это «неизбежно является самым медленным и дорогостоящим судебным разбирательством». Несмотря на то, что подобный процесс был предусмотрен соглашением союзных держав, Джексон все-таки заявил, будто на Соединенных Штатах «не лежит ни морального, ни юридического обязательства проводить в дальнейшем процессы такого рода»¹⁸.

Вряд ли надо доказывать, что дело, конечно, не в расходах, которые потребовались бы для проведения такого процесса. Джексон был куда более искренен, когда он конфиденциально писал Трумэну:

«Особый процесс специально над промышленниками создаст впечатление, будто они преследуются лишь потому, что они промышленники. Это тем вероятнее, что, преследуя их, мы оказались бы в союзе с советскими коммунистами и французскими левыми»¹⁹.

Уже в апреле 1946 года Джексон в беседе с тогдашним генеральным секретарем национального союза юристов США Мартином Поппером отметил, что международный процесс над промышленниками не встретил бы «поддержку со стороны американской прессы». Как писал потом Поппер об этой беседе, Джексон «не оспаривал, что население требует полного раскрытия связей между этими нацистскими промышленниками и некоторыми нашими собственными хозяевами картелей, тех связей, которые, как установила Комиссия Килгора, серьезно мешали нашим военным усилиям»²⁰.

Поппер вспоминает, что в беседе с ним главный советский обвинитель Р. А. Руденко заявил ему, что Советское правительство стремится к переговорам о выполнении Потсдамской декларации, в которой о нюрнбергских обвиняемых говорилось как о «первом списке обвиняемых». Из этого, как заявил Р. А. Руденко, следует, что должны быть составлены дальнейшие «списки» и что компетен-

---

¹⁸ Цит. по Дж. Уилер, Американская политика в Германии (1945—1950), ИЛ, 1960 г., стр. 163.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 164.

Комиссия Килгора опубликовала специальный доклад и «Официальный черный список». (Там же, стр. 180).

ция Международного Военного Трибунала распространяется на все другие совместно возбужденные обвинения, предъявленные «по общему решению».

Советский обвинитель подчеркнул, что процессы зонального масштаба свелись бы в лучшем случае к символическим жестам для «удовлетворения» общественного мнения. Единственная же гарантия, что все главные преступники из сферы экономики будут привлечены к ответственности, — в строгом выполнении обязательств, вытекающих из Московской и Потсдамской деклараций.

«В чем же истинная причина того, — вопрошает Поппер, — что судья Джексон, поддерживаемый государственным секретарем Бирнсом., предложил президенту Трумэну не проводить международного процесса против нацистских финансистов и промышленников? Ее нельзя искать в тех поверхностных доводах, которые судья приводил в разговоре со мной. Решение наших высших дипломатических и военных чиновников по этому вопросу можно понять только как часть общего плана — выбросить за борт все Потсдамское соглашение о разоружении и денацификации Германии. («Пост меридиэм», 8 сентября 1946 года)»²¹.

Такова была подлинная цель реакционных кругов США. Здесь рассуждали примерно так: можно и, видимо, придется организовать локальные процессы над промышленниками, ибо этого требует общественное мнение. Но речь, конечно, идет только о локальных процессах, проводимых только американскими судами.

Точка зрения правящих кругов США в конечном итоге выкристаллизовалась в конфиденциальном письме Бирнса американскому обвинителю в Нюрнберге генералу Тэйлору. Бирнс писал:

«Соединенные Штаты не могут официально предстать в роли государства, не желающего организации такого процесса... Но если планы этого процесса провалятся, то ли вследствие несогласия между остальными тремя правительствами, то ли вследствие того, что одно или более из трех правительств не согласится на условия и требования, которые необходимы с точки зрения интересов США, то тем лучше»²².

²¹ Дж. Уилер, Американская политика в Германии (1945—1950), стр. 165.

²² «The Nation», Dec. 3, 1949, p. 534.

Итак, было решено, провалив международный процесс, провести серию отдельных судебных процессов. Началась кампания рекламной шумихи по поводу намерения США «покарать» гитлеровских промышленников. И это делалось, конечно, открыто и с большой помпой. В то же время совершенно скрытно началась кампания саботажа даже этих процессов. Как свидетельствует Джордж Уилер, являвшийся после войны начальником отдела американской военной администрации в Германии, первым шагом на этом пути было сообщение верховного судьи США Фреда Винсона, что ни один федеральный судья не получит отпуска для председательствования на этих процессах. Были приняты и другие меры для того, чтобы не допустить на эти процессы способных и демократически настроенных юристов. Наблюдая за тем, как в Нюрнберг стали прибывать неспособные, а главное реакционно настроенные юристы, Абрахам Померанц, американский обвинитель, в знак протеста ушел в отставку. Вернувшись в США, Померанц в одной из своих речей заявил:

«Я видел таких людей, как Геринг, Риббентроп, Штрейхер и Заукель, и знаю их преступления. Однако — что еще важнее — я видел более тихих, но более опасных нацистов — немецких промышленников. Это те самые нацистские промышленники, которые финансировали Гитлера и привели его к власти, давали ему деньги и оружие. Это они проводили агрессивную войну, или, точнее, массовое убийство, это они присвоили украденное у евреев имущество, это они использовали как рабов миллионы и миллионы мужчин, женщин и детей, издевались над ними и посылали потом своих истощенных невольников в газовые камеры. Я видел документальные доказательства всего этого и сверх того — свидетельства еще не получивших огласки дел нацистских промышленников... Немногие из них предаются суду и, возможно, будут осуждены. Остальные останутся безнаказанными»²³.

Померанц далее говорил о том хаосе, путанице и разложении, которые в дни отдельных судебных разбирательств царили в Нюрнберге и «которые должны называться демократией».

---

²³ Дж. Уилер, Американская политика в Германии (1945 — 1950), стр. 166—167.

Так начались процессы над германскими монополистами, повинными в установлении в Германии гитлеровского режима и развязывании серии агрессивных войн.

„Символ самых злобещих сил“

Когда Альфриду Круппу фон Болен сообщили, что на Нюрнбергском процессе обсуждается вопрос о том, предавать ли суду его отца — Густава Круппа, он не мог скрыть своего удивления. Конечно, надо говорить о Густаве, а не об Альфриде. Ведь если уж кто знал и кто имел дела с этой гитлеровской камарильей, то это, конечно, не он, Альфрид, а старый Густав, который сегодня уже и без того разбит параличом. Но пусть говорят в Нюрнберге о нем, о Густаве, — там, глядишь, забудут о сыне.

Тогда, в 1945 году, у Круппов были все основания мечтать о том, чтобы было все забыто из истории последних по крайней мере 15 лет.

И старый Густав, и молодой Альфрид, тот самый, который сегодня властвует в экономике ФРГ, отчетливо понимали, сколь опасно было бы для них, если бы в Нюрнберге стали рыться в памяти и, что гораздо опаснее, в архивных документах.

Объявлено, что на скамье подсудимых в зале Нюрнбергского Трибунала находятся *главные* немецкие военные преступники. В числе главных оказались и Заукель, и Фриче, и Штрейхер. Эти люди немало сделали, чтобы провести в жизнь гитлеровские человеконенавистнические планы. Но как бы поблекли эти фигуры, если бы рядом с ними посадили Круппа, Флика, Пенсгена и других подлинных властителей гитлеровской Германии!

Весть о создании Международного Военного Трибунала, о близком возмездии тем, кто поверг человечество в ужасную катастрофу, с быстротой молнии облетела весь мир. Скамья подсудимых в Нюрнберге сразу оказалась под яркими лучами мощных прожекторов общественного мнения. О Геринге, Риббентропе и других преступниках мировая печать писала много и широко.

Крупп не завидовал Герингу. Альфрид Крупп понимал, что такая слава ведет прямо к эшафоту. Круппы и в период борьбы Гитлера за власть и в эпоху гитлеров-

ского господства не особенно заботились о рекламе. Деловые люди не любят излишнего шума.

...1932 год. Экономический кризис, начавшийся в 1929 году, охватил все страны капиталистического мира. По интенсивности, широте размаха, длительности и тем страданиям, которые он принес широким массам трудящихся, этот кризис не имел себе равных в истории капитализма. Круппы хорошо помнят, что Германия была как раз той страной, которая оказалась наиболее пораженной в ходе этого кризиса. С каждым днем росла безработица и достигла угрожающих размеров — 7 млн. человек. Немецкий народ еще не дошел в то время до открытого штурма капитализма, но идея штурма зрела в сознании масс. Под вопрос было поставлено политическое господство монополий в Германии.

В этих сложных условиях Густав Крупп, не забывший, что его процветание всегда зависело от того, насколько коротким был перерыв между войнами, и его друзья начали решительную ориентацию на новую мировую войну, рассматривая ее как испытанный метод преодоления экономических и политических противоречий. Этот путь казался тем более заманчивым, что на него толкали германских монополистов империалисты Запада.

Но старый Крупп отлично сознавал, что успешная подготовка новой войны будет в значительной мере зависеть от того, насколько быстро удастся покончить с брожением внутри страны, с разрастающимся революционным движением германского пролетариата, руководимого своим испытанным вождем — коммунистической партией. Нужна была сила, которая могла бы обеспечить не только физический разгром демократии, но и противопоставить ей социальную демагогию, умение отвлечь внимание трудящихся от истинных виновников их страданий и направить ярость рабочего класса против левых партий и зарубежных стран.

И такую силу Крупп и Флик, Маннесман и Пенсген нашли в лице фашизма, в лице нацистской партии и ее руководителя Адольфа Гитлера.

Началась серия встреч и переговоров, во время которых «высокие договаривающиеся стороны» с удовлетворением отметили полное совпадение интересов и целей. Уже 11 октября 1931 г. на курорте в Гарцбурге собра-

лись виднейшие руководители германского капитала. Всякое воспоминание об этой встрече теперь, в 1945 году, да еще в такой совершенно неподходящей обстановке Нюрнбергского процесса, уж, конечно, совершенно ни к чему. Ведь именно с этого крупного совещания рурских «богов» и началось решительное наступление на Веймарскую республику, на остатки буржуазной демократии. Там, в Гарцбурге, круппы и тиссенсы поняли, что нацистская партия стоит того, чтобы сделать на нее ставку. Вот почему так широко открылись перед Гитлером и его бандой сейфы рурских монополий.

Когда-то в начале нацистского движения Гитлер, стремясь привлечь на свою сторону германских рабочих, демагогически заявлял о том, что он намерен, придя к власти, передать в руки государства частные концерны и синдикаты. Это было когда-то. Но после того, как Гитлер и его партия стали обильно пользоваться субсидиями германских монополий и по существу перешли к ним на полное содержание, взгляды нацистов на собственность вдруг радикально изменились. Уже в 1932 году рядовые нацисты могли с некоторым удивлением прочитать в седьмом издании программы НСДАП: «Национал-социализм отнюдь не считает, что частное владение даже самыми крупными промышленными предприятиями противоречит интересам всего общества». Удивляться было нечему: кто платил, тот и диктовал программу.

Крупп мог бы вспомнить и другие не менее яркие страницы искреннего сотрудничества с нацистской партией. О, с какой гордостью напомнили бы об этом Гитлеру, если бы он победил! Ему напомнили бы достопамятную встречу 27 января 1932 г. Именно в этот день в Дюссельдорфе на закрытой конференции промышленников Тиссен представил избранной аудитории Гитлера. «Фюрер» познакомил собравшихся со своей программой. Хотя все это делалось втайне, левые партии узнали об этой конференции. Разумеется, полный текст выступления Гитлера на этом собрании так и остался неизвестным, но официально нацистскому издательству в ответ на резкие нападки левой печати пришлось опубликовать обработанную редакцию гитлеровского доклада. Даже это «препарированное» изложение показывает, чем «фюрер» покорила властителей монополий. Демократия была объявлена «господством глупости и принципом разруше-

ния». Было декларировано, что «нелепо строить хозяйственную жизнь на авторитете личности, одновременно отвергая этот авторитет в политике и подсовывая вместо него демократию». Заявление о том, что «мы приняли твердое решение полностью искоренить марксизм в Германии», было встречено, как гласит стенограмма, бурными аплодисментами. Что ж, это полностью отвечало интересам монополий, которые всегда усматривали в демократии покушение на свободу эксплуатации рабочих. Если к этому добавить, что на конференции Гитлер провозгласил широкую программу захвата и эксплуатации чужих народов под демагогическим флагом обеспечения высокого жизненного уровня высшей, то есть немецкой, расы и с этих позиций требовал уничтожения большевизма, который «подрывает наше существование как белой расы», то нет ничего удивительного, что хозяйева монополий встретили окончание доклада бурными и продолжительными аплодисментами. Контакт между оратором и аудиторией был полный. Недаром об этом дне с восторгом писал в своей книге «С Гитлером к власти» министр печати нацистского рейха Дитрих. «...27 января 1932 г. навсегда останется достопамятным днем в истории нацистской партии... Все стулья заняты людьми, представляющими собой сливки западногерманской экономики.., о которых было сказано, что у них вместо сердца в груди главная бухгалтерская книга. Впечатление, произведенное Гитлером на этот круг исключительно трезвых слушателей, поразительно. Раздаются взрывы аплодисментов».

Гитлеру можно было бы напомнить и то, что ровно на следующий день деловые люди Рура снова показали, что они делают самую серьезную ставку на нацистскую партию.

28 января 1932 г. в замке Ландсберг, принадлежащем монополисту Тиссену, происходило секретное совещание: три директора Стального треста — Тиссен, Пенсен и Феглер — встретились с Гитлером, Герингом и Ремом. Тема — образование будущего нацистского правительства. На этом совещании Геринг просит разрешить назначить министром труда представителя рурских промышленников Грауэрта, отъявленного врага рабочих и профсоюзов. Правда, фактически только через год и нацисты и Грауэрт заняли свои министерские места. 1932 год явил-

ся годом больших политических битв в Германии. На выборах в августе нацисты собрали 37% всех поданных голосов. Это была вершина успеха, которого они когда-либо достигали в избирательной борьбе. В последующие месяцы гитлеровская партия резко скомпрометировала себя закулисными переговорами с канцлером Папеном, связями с крупными монополиями, разоблаченными левыми партиями. Туман социальной демагогии фашизма начинал рассеиваться, и миллионы обманутых избирателей постепенно стали прозревать. Вследствие этого на выборах 6 ноября 1932 г. нацисты потеряли 2 млн. голосов, а за коммунистов голосовало 6 млн. избирателей. Затем последовали тяжкие поражения в ряде общинных выборов. Эти потери немедленно вызвали серьезный кризис и массовый выход из нацистской партии, состоявшей из самых разнообразных слоев. Гитлеровская партия шла к катастрофе. Убедительным свидетельством этого служит дневник Геббельса «От «Кайзергофа» до имперской канцелярии». Вот характерная для этого периода запись 8 декабря 1932 г.: «В организации господствует тяжелая депрессия. Инспекторы партии собрались у фюрера. У всех настроение очень подавленное... Фюрер часами ходит по комнате отеля взад и вперед. Потом он останавливается и говорит: „Если партия разрушится, то я в три минуты положу конец всему с помощью пистолета”».

И Крупп хорошо помнит этот момент германской истории. Он помнит (хорошо если бы только он!), что именно в этот момент так потребовалась его личная помощь Гитлеру. И он, Крупп, ее оказал. Не допускать же гибели той силы, на которую так рассчитывали «деловые люди» Германии. Нужна была серьезная мера, нужен был решительный шаг, без которого гитлеровская партия неудержимо скатилась бы в пропасть. И этот шаг сделал Крупп. Вместе с банкиром Шредером и Шахтом и другими финансовыми воротилами Крупп 19 ноября 1932 г. обратился с письмом к президенту Гинденбургу, в котором в категорической форме потребовал назначить Адольфа Гитлера рейхсканцлером. И тогда, в 1945 году, когда решался вопрос о том, как быть с Круппом, было хорошо известно об этом письме, более того, оно в подлиннике находилось в руках нюрнбергских обвинителей.

Не ясно ли, что письмо Круппа и других имело своей целью спасти нацистскую партию, укрепить ее положение? Не ясно ли и другое, а именно: сколь фальшивой является современная пропаганда идеологов империалистических монополий, стремящихся представить крупнов и фликов противниками фашизма, противниками Гитлера. Теперь эти идеологи империалистической реакции стремятся доказать, что «не было идеи, столь далекой от их (монополий. — А. П.) мнений, чем идея о том, чтобы сделать Гитлера диктатором». Но в 1932 году тогдашний канцлер фон Папен был несколько иного мнения о целях и намерениях магнатов германской промышленности. Он даже был несколько обижен на них. Он, Папен, так много сделал для рурских властителей, будучи канцлером. А они вовсе не оценили этого! Разве не обидно было Францу фон Папену, когда к нему от имени германских монополий пришел Шахт и сказал: «Отдайте вашу должность Гитлеру, это единственный человек, который может спасти Германию».

И Крупп хорошо помнит, что, действуя таким образом, старая лиса Шахт имел на это его, Круппа, полное благословение.

Как на грех, в эти тревожные ноябрьские дни 1945 года на память приходят и другие встречи с этим дьяволом.

...Февраль 1933 года. Канун имеющей важнейшее значение избирательной кампании. В доме Германа Геринга, кроме Круппа,— многие другие воротилы германской тяжелой индустрии. Гитлеру нужны деньги, много денег для того, чтобы провести успешно избирательную кампанию. И надо же было Шахту запомнить и дать показание о том, что после того, как Гитлер произнес речь, «старый Густав Крупп поднялся со своего места, благодарил Гитлера и говорил тогда о нем с большим энтузиазмом». Как будто Шахт в тот день говорил нечто иное, как будто он, Шахт, просил Круппа не давать Гитлеру денег. Он не может забыть, какое и на него и на Шахта магическое впечатление произвели слова Геринга: «Жертвы, которые требуются от промышленности, гораздо легче будет перенести, если промышленники смогут быть уверены в том, что выборы 5 марта будут последними на протяжении следующих десяти лет и, может быть, даже на протяжении следующих ста лет».

Ликвидация демократии на сто лет вперед была такой радужной перспективой, перед которой толстосумы, разумеется, не смогли устоять: чековые книжки раскрылись, и закрипели вечные перья.

И перья эти скрипели до тех пор, пока в один присест не было собрано 3 млн. марок на избирательную кампанию Гитлера. А сколько миллионов марок было передано Гитлеру из касс монополий в последующие месяцы, когда нацизм уже утвердился во власти! Эта проклятая бухгалтерия (проклятая потому, что она стала достоянием нюрнбергских прокуроров) тычет в память сумму в 4 838 446 марок, ту самую сумму, которую лично Крупп передал Гитлеру и его партии. Разве это не солидное доказательство «вечных раздоров» между монополиями и гитлеровской партией!

Все эти исторические факты, перед которыми рассыпаются в прах современные мифы о непричастности монополий к захвату Гитлером власти, дали основания главному американскому обвинителю в Нюрнберге Джексону заявить: «Нацистской партии не удалось захватить контроль над Германией до тех пор, пока она не получила поддержку от промышленников».

Американский обвинитель был весьма лаконичен: он не стал расшифровывать, кого он имеет в виду под «промышленниками», иначе к длинному списку германских промышленников он должен был бы прибавить и многих американских банкиров, проявлявших не менее трогательную заботу о Гитлере, чем их германские коллеги.

Итак, Гитлер у власти. И вскоре стало ясно, что правительство нацистов не обмануло ожиданий Круппа и всех тех, кто так щедро давал деньги Гитлеру. С первых же дней гитлеровская клика показала, что она намерена столь же щедро расплатиться со своими кредиторами. Вот почему сразу же была запрещена коммунистическая партия, а заодно уж и социал-демократическая. Для того чтобы господам из Дюссельдорфа и Кёльна было ясно, что речь идет не о простой декларации, гитлеровцы стали налево и направо хватать и сажать в специально для этого созданные концлагеря виднейших и рядовых коммунистов и социал-демократов. Для того чтобы освободить, наконец, монополии от раздражения, которое время от времени им доставляла деятельность

профессиональных союзов, Гитлер издал декрет о роспуске профсоюзов и конфискации их собственности. А чтобы не оставить рабочих без руководства, взамен профсоюзов был создан «Германский трудовой фронт», во главе которого был поставлен ближайший сподвижник «фюрера» — Роберт Лей²⁴.

К вящему удовольствию монополистов в промышленности был введен принцип «фюрерства», и во главе вновь созданных имперских хозяйственных групп оказались крупнейшие немецкие миллионеры, осуществлявшие руководство диктаторскими методами. Указ от 15 июля 1933 г. о картелях по существу вводил принудительное картелирование и подвергал беспощадному экономическому бойкоту предпринимателей, которые осмеливались оказать сопротивление политике монополий.

Но самое главное состояло в том, что, придя к власти, Гитлер начал форсированным темпом готовить Германию к войне, а это означало решительное изменение экономической конъюнктуры для военно-промышленных монополий, и в первую очередь такой, как концерн Круппа.

Имя Круппа на протяжении многих десятков лет в Европе было символом войны. История династии Круппов за 150 лет ее существования — это яркая история немецкой агрессии. Круппы всегда держали тесный союз с руководителями германского разбойничьего империализма — с Бисмарком, Вильгельмом II, а затем и с Гитлером.

Гитлеровская программа завоевания мирового господства была и программой Круппа. Когда 20 февраля 1933 г. Гитлер изложил свои преступные планы, Крупп демонстративно пожал ему руку в знак солидарности и через два дня после этого совещания писал Гитлеру: «Оборот, который принимают политические события, соответствует моим желаниям и желаниям моих директоров».

Крупп немало сделал в так называемые мирные годы перед второй мировой войной, даже еще до прихода Гитлера к власти, чтобы подготовить германскую промышленность для войны. Вот что он писал в своих «Размыш-

---

²⁴ В 1945 году Лей был захвачен союзными властями, включен в список главных немецких военных преступников, но не стал дожидаться решения Международного Трибунала и повесился в своей камере за несколько дней до начала процесса.

лениях о промышленном предпринимательстве», оглашенных на Нюрнбергском процессе: «Величайшая заслуга всей германской военной экономики заключается в том, что она не оставалась праздною во время этих тяжелых лет, хотя ее деятельность и не могла быть освещена по некоторым очевидным причинам. В течение нескольких лет секретной работы был заложен теоретический и практический фундамент для того, чтобы мы были готовы начать снова работать для немецких вооруженных сил в назначенный час, без потери времени или опыта».

И надо сказать, что Гитлер весьма высоко оценил заслуги Круппа в подготовке германской экономики к войне. Густав Крупп был назначен президентом главного совета немецкого хозяйства, а концерн Круппа особым декретом был объявлен «семейным предприятием». Ведь как ни как, а именно Густав Крупп уже в мае 1933 года, в том самом месяце, когда были разгромлены германские профсоюзы, создал фонд Адольфа Гитлера, имевшего своей целью представить большие суммы нацистской партии для СС, СА и других фашистских организаций. Но все эти и другие расходы Круппа по поддержанию гитлеровской партии с лихвой стали окупаться в первые же месяцы фашистского режима огромными прибылями от военных заказов. Концерн Круппа сразу же после прихода Гитлера к власти получил заказы на изготовление зенитных орудий, мортир, танков и танковых деталей, подводных лодок.

За большие заслуги в деле вооружения вермахта крупновские заводы в 1940 году были объявлены «национал-социалистским образцовым предприятием». Глава же концерна — Густав Крупп был награжден «золотым значком почета нацистской партии» и «крестом за военные заслуги» I класса. Не обошел вниманием Гитлер и заслуги младшего Круппа: нынешний единоличный хозяин огромного концерна в ФРГ Альфрид Крупп тогда, перед второй мировой войной, был возведен Гитлером в «фюреры военной экономики» и назначен членом совета вооружений.

Крупп не преминул воспользоваться и плодом расовой политики Гитлера. Деньги не пахнут — это давно уже было усвоено Круппами. Когда нацисты приступили к конфискации, или к так называемой «аризации» фирм, принадлежавших лицам еврейской национальности,

Крупп энергично стал работать локтями, отталкивая своих конкурентов и загребая себе наиболее важные промышленные объекты. В ходе этой «аризации» Крупп захватил фирму «Оренштейн унд Коппель», Гамбургскую судоходную компанию, торговую фирму «Бернхард Блюменфельд».

Но все это были лишь цветочки; ягоды еще впереди. Уже ясно вырисовывались контуры гитлеровских агрессивных актов. Впрочем, Крупп, который был одним из главных поставщиков оружия гитлеровской армии, мог с необходимой точностью определить момент готовности фашистской Германии к реализации ее агрессивной программы.

Крупп готовился к войне так же скрупулезно, как и военные в гитлеровском генеральном штабе. Генштабисты разрабатывали планы захвата чужих территорий, а находившийся в самом тесном контакте с командованием вермахта Крупп готовился к «освоению» захваченных территорий. Для Круппа задача заключалась в том, чтобы прочно закрепиться после победоносного для Германии окончания войны на этих территориях. Речь шла о том, чтобы от общего пирога урвать побольше для фирмы Круппа, захватить больше, чем другие монополии, заводов, фабрик, источников сырья в странах, завоевываемых вермахтом.

Крупп с вожделием смотрел на то, как быстро развивается австрийский завод металлических изделий в Бернсдорфе, поблизости от Вены. Не раз пыталась фирма Круппа приобрести бернсдорфский завод, но безуспешно. Австрийский банк «Кредитанштальт» во время экономического кризиса 1932 года приобрел большинство акций бернсдорфской компании и решительно отклонил домогательства Круппа. И это вполне естественно, ибо в условиях все нараставшего напряжения в отношениях фашистской Германии к Австрии ни австрийское правительство, ни австрийский банк «Кредитанштальт» не испытывали энтузиазма от стремления Круппа стать собственником бернсдорфской компании.

Крупп, конечно, не особенно рекламировал свою неудачу в связи с попытками склонить австрийское правительство продать ему предприятия этой компании. Но он считал, что одному человеку в Германии должно быть известно о его настоящем желании, тем более, что этот

человек уже не раз пользовался услугами Круппа, его деньгами, его поддержкой в решающие минуты. Нетрудно догадаться, что речь идет, конечно, о Гитлере. Именно поэтому еще в феврале 1937 года, более чем за год до захвата Австрии, шурин Густава Круппа г-н Вильмовский в письме к Густаву сообщал, что Ламмерсу, статс-секретарю имперской канцелярии, уже сказано для передачи Гитлеру о том, что Крупп искренне стремится приобрести заводы бернсдорфской компании. В этой связи было сказано Ламмерсу, что Крупп имеет желание незамедлительно встретиться с фюрером. Вскоре Крупп получил соответствующие заверения. Уже самый факт обращения Круппа к Гитлеру достаточно показателен: исчерпав всевозможные легальные способы приобретения австрийских заводов, Крупп обращается к Гитлеру, понимая, конечно, что он этот вопрос может решить лишь единственным способом — захватом.

12 марта 1938 г. германские войска вступили в Австрию, а 13 марта был издан закон о присоединении Австрии к Германии. Все остальное уже было техникой. Герман Геринг дал понять, а банк «Кредитанштальт» быстро понял, что заводы бернсдорфской компании должны быть проданы Круппу. И чтобы уж совсем стало ясно, что Крупп пользуется достаточным доверием у правительства Германии, банку «Кредитанштальт» было дано указание продать заводы не по фактической, а по номинальной стоимости. Как вскоре выяснилось, расчетная стоимость акций была более чем в три раза выше суммы, уплаченной фирмой Круппа за эти заводы.

Так Гитлер оплачивал монополиям свои долги. Можно было кричать на весь мир о стремлении объединить австрийских и германских немцев и именно это представлять причиной «аншлюса», но Круппу и другим монополистам было хорошо известно, в чем состояли действительные цели захвата страны.

Захватив заводы в Бернсдорфе, Крупп тем самым подчинил себе три дочерних общества этой фирмы — в Италии, Швейцарии и Австрии. Этот захват дал ему возможность занять сильные позиции в австрийском банке «Кредитанштальт».

После нападения гитлеровской Германии на Чехословакию Крупп совместно с Герингом по существу захватывает крупнейшие заводы Шкода, а также горнодо-

бывающие предприятия «Эгерлендише Эрцбергбау АГ».

Так каждый шаг германской агрессивной политики приносил огромные прибыли германским монополиям. Надо ли объяснять, почему германские концерны, зная об агрессивной программе Гитлера, с самого начала стали на путь его полной поддержки!

...Май 1940 года. Германские войска напали на нейтральные Голландию и Бельгию. Началось планомерное разграбление этих стран. Прежде всего гитлеровский министр вооружений Шпеер обратился к Круппу с предложением направить своих специалистов в Голландию и отобрать интересующее эту фирму оборудование на голландских заводах. Крупп не заставил себя ждать. Два его представителя — Кох и Генинг выехали в Голландию. В Гааге и Роттердаме в представительствах германского правительства они получили список верфей и предприятий, на которых они могли осмотреть машинное оборудование и материалы в целях отправки их в Германию. Так Крупп начал организованный грабеж голландской промышленности. Этот и подобный ему методы и служили причиной того, что с каждым месяцем войны росла мощь крупповских заводов и астрономически росли прибыли этого грабительского концерна.

В Голландии давно существовала фирма Радемакера, занимавшаяся выпуском специализированной продукции — изготовлением шестерен. Между этой фирмой и фирмой Круппа до войны наблюдалась конкуренция на голландском рынке, поэтому, как только на землю Голландии ступил германский сапог, Крупп получил возможность назначить в фирму Радемакера своих представителей с правом осуществления контроля за заказами и поставками. Но этого Круппу показалось мало. По мере того как продолжалась война, по мере того как все меньше оставалось шансов на ее победоносный исход для Германии, Крупп стал подумывать о будущем. Надо подорвать позиции своего конкурента. И вот в один сентябрьский день 1944 года на заводы фирмы Радемакера явился г-н Героза, руководитель представительства имперского министерства военного производства в Роттердаме. Он предъявил им же подписанный приказ о конфискации оборудования заводов. Вслед за этим на заводах появились специалисты Круппа, приехавшие из Эс-

сена. Начался вывоз оборудования. Заодно Крупп не брезговал и сырьем, обнаруженным на заводах. Представитель Круппа с удовлетворением подсчитал, что из Голландии был отправлен в Эссен 21 железнодорожный эшелон с оборудованием и материалами.

...Приближались дни нападения гитлеровской Германии на Югославию. Это уже была непосредственная подготовка к нападению на Советский Союз.

Шла энергичная подготовка на Бендлерштрассе — в германском генеральном штабе. Готовились и в Эссене. Крупп готовил свой план по Югославии. Стратегический план генерального штаба вермахта должен был быть дополнен экономическим планом рурских магнатов. Что касается Круппа, то он давно уже облюбовал хромовые месторождения в Югославии. Надо было обеспечить их максимальное использование. Хорошая руда — она ведь так необходима крупповским заводам. Да и не только крупповским. Вот в том-то и беда, что не только крупповским... Поэтому надо так сделать, чтобы интересы Круппа, а не других германских монополий, были учтены в первую очередь в Югославии.

У Круппа давно по этому вопросу заготовлен организационный план — надо объединить в одном лице чиновника военно-хозяйственного штаба на Юго-Востоке и представителя крупповского концерна.

...Георг Уфер стал этим лицом. И вот что он показал под присягой после войны:

«Итак, я приступил к своей деятельности в качестве советника военной администрации... в Югославии и как советник военной администрации находился в Белграде в подчинении у полковника Браумюллера, начальника военно-хозяйственного штаба на Юго-Востоке. Одновременно я продолжал свою деятельность в качестве представителя фирмы «Крупп» по хромовым рудникам на территории Югославии. Свою деятельность для фирмы «Крупп» я продолжал с момента назначения меня советником военной администрации и до июня 1944 г., и в течение этого времени я выполнял ее,нося военную форму...»²⁵.

Правда, Круппу не удалось монополизировать все югославские хромовые месторождения. Столкнувшись с

---

²⁵ «СС в действии. Документы о преступлениях СС», стр. 601.

интересами другого хищника — концерном «Герман Геринг», Крупп оказался вынужденным согласиться на создание акционерного общества «Югохром», которое принадлежало на 50% Круппу и на 50% Герингу.

Как только представлялась возможность, Крупп немедленно прибирал к рукам собственность, конфискованную у евреев и других политических противников нацизма. Так, Крупп захватил горнорудную компанию «Хром-Асско», хотя, как показал уже упомянутый свидетель Уфер, «как фирме «Крупп», так и мне был известен тот факт, что речь шла о конфискованной собственности еврея Мозеса Асско»²⁶.

Особенно огромных размеров достигла грабительская деятельность концерна Круппа, когда гитлеровцы осуществили свое преступное нападение на Советский Союз.

Планы разграбления Советского Союза были разработаны гитлеровцами еще задолго до того дня, когда германские войска 22 июня 1941 г. вероломно напали на советскую территорию. Была даже сделана попытка юридически «обосновать» этот грабеж. В изданном имперским правительством Германии постановлении указывалось:

«Что касается положений Гаагских конвенций о ведении сухопутной войны в части, относящейся к управлению территорией, оккупированной иностранной воюющей державой, то они не относятся к СССР, так как Союз ССР следует считать распущенным, и поэтому германскому государству в интересах жителей страны надлежит в оккупированных областях ликвидировать все правительственные и другие органы власти. Ввиду этого допустимы все меры, которые германские органы управления сочтут необходимыми и подходящими для выполнения этого обширного плана»²⁷.

Геринг на совещании гаулейтеров достаточно ясно показал, чего ждет гитлеровская клика от ее агентов на местах, на оккупированных территориях. Перечислив им богатства, имеющиеся на этих территориях, Геринг воскликнул:

«Боже мой! Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачать все возможное...»²⁸.

²⁶ «СС в действии. Документы о преступлениях СС», стр. 603.

²⁷ Там же, стр. 617.

²⁸ «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. 3, стр. 425

Чтобы гаулейтерам стало ясно, чего хочет их шеф, Геринг, ничуть не стесняясь, сказал им:

«...Я намереваюсь грабить и именно эффективно». «Вы должны быть, как легавые собаки, там, где имеется еще кое-что, в чем может нуждаться немецкий народ. Это должно быть молниеносно извлечено из складов и доставлено сюда»²⁹.

Меньше всего Геринг имел в виду «немецкий народ». Гораздо больше его интересовало обеспечение всем, чем возможно, германских монополий. Помнил, конечно, себя Геринг и лично. «Рейхсмаршал великой германской империи» всегда прихватывал заводы и фабрики, присоединяя их к своему концерну «Герман Геринг», и уж, конечно, не забывал он музеи, беспардонно воруя самые дорогие полотна.

Итак, ворвавшись на советскую территорию, гитлеровцы приступили к планомерному грабежу. И самое активное участие в этом приняли, конечно, виднейшие германские монополии, среди которых фирма Круппа занимала одно из первых мест.

В приговоре Международного Военного Трибунала по поводу массового разграбления советских территорий указывается:

«Во многих оккупированных странах Востока и Запада власти сохраняли видимость того, что они платят за все захваченное ими имущество...

В большинстве оккупированных стран Востока не соблюдалась даже эта видимость законности; экономическая эксплуатация превратилась в преднамеренное разграбление...

Оккупация территории Советского Союза характеризуется преднамеренным и систематическим грабежом»³⁰.

После того как было осуществлено нападение на СССР, гитлеровское правительство создало многочисленные полуофициальные монопольные компании по эксплуатации советской экономики. Крупнейшей из них являлась «Берг-унд хюттенверке-Ост» («Горнодобывающие и металлургические заводы Востока»). Активнейшую роль в деятельности этого грабительского концерна играл Альфрид Крупп, являвшийся членом его правления. Стремясь

²⁹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 3, стр. 427.

³⁰ Там же, т. 7, стр. 388.

создать германским монополиям самые благоприятные возможности для эксплуатации и грабежа советской экономики, гитлеровское правительство предоставило этому концерну право закрывать заводы и шахты, находящиеся под его контролем, славить их в аренду и передавать другим компаниям.

Круппы, конечно, приняли самое деятельное участие в этом грабеже. Альфрид Крупп, тот самый, который сегодня хозяйничает в ФРГ, в следующих словах описывал свои переговоры с Плейгером—управляющим «Берг-унд-люттенверке-Ост»:

«Вслед за оккупацией Украины (примерно весна 1942 г.) одно правительственное учреждение в Берлине... рекомендовало фирме Круппа заявить о своей готовности к сотрудничеству в деле пуска украинской чугунно- и сталелитейной промышленности...»

Альфрид Крупп не так-то просто давал свое согласие. Он хотел, конечно, в завязавшейся конкурентной борьбе германских монополий за наиболее эффективный грабеж советских территорий урвать наибольший куш. Поэтому, как показал Крупп, «по согласованию с тогдашними членами совета директоров фирмы Круппа... и со своим отцом я поставил согласие фирмы Круппа в зависимость от того, какие заводы Крупп должен использовать и в какой форме это будет происходить».

Далее Крупп описывает, как он вместе с Плейгером отправился в вояж по Украине. Крупп сообщает: «После осмотра совместно с Плейгером в июне или июле 1942 года многих заводов (в Сталино, Мариуполе, Краматорске и окрестностях этих городов) я предложил моим сотрудникам взять шефство над следующими заводами: машиностроительным заводом в Краматорске, металлургическим заводом им. Ильича в Мариуполе».

«Взять шефство»! Очень скоро советские люди узнали, что означает на языке Круппа «шефство». Крупп приступил к «освоению» заводов. Нет, он не вывозил на первых порах оборудование этих заводов. Крупп надеялся прочно и надолго обосноваться на украинской земле. Ему нравилось, что под дулами германских винтовок быстро и хорошо решается вопрос о рабочей силе. Ему импонировало то, что обязательства кормить русских рабочих весьма относительно. Крупп уже начал получать огромные прибыли от эксплуатации захваченных заводов.

Концерн Круппа протягивал щупальца и к другим крупным заводам на Украине.

Ведь между германскими концернами шла в те дни жестокая конкурентная борьба за получение предприятий и сырья на Украине. А тресты-грабители внимательно следили за шагами своих конкурентов — каждый из них стремился получить «шефство» над наиболее мощными заводами. Вот что доносил в конфиденциальном докладе один из членов правления фирмы Круппа по поводу передачи Круппу Днепропетровского завода стальных конструкций:

«Доверительно я узнал в Берлине следующее: кажется, что возобладает мнение о том, что предпосылкой для восстановления сырьевой промышленности, такой как угольные шахты, электростанции и металлургические заводы, должно явиться привлечение монтажных и ремонтных предприятий, которые возьмут на себя проведение этих работ, используя под немецким руководством русскую рабочую силу...

Наш интерес (курсив мой.—А. П.) в первую очередь относится к Днепропетровскому заводу, который, согласно описанию наших людей, подходил бы нам: высокие производственные помещения, расположен вблизи большой судоходной реки, производительная мощность около 5000 тонн...»

Так германские монополисты торговали заводами и фабриками, построенными руками советских людей.

Пользуясь полной поддержкой командования вермахта, Крупп приступил к новой операции под кодовым наименованием «программа Иван», предусматривавшей строительство военных предприятий на оккупированной территории Украины. По инициативе Круппа было создано новое «общество». Финансирование строительства взяло на себя ОКХ (главное командование сухопутных сил). По условиям соглашения между Круппом и ОКХ заводы боеприпасов после войны должны были перейти целиком в собственность Круппа. Альфريد Крупп твердо верил, что господство Германии на оккупированных территориях будет вечным...

Веря в это, Крупп развил бешеную активность по эксплуатации недр Украины и ее заводов. Все чаще Альфريد Крупп вместе со своими помощниками появлялся в украинских городах, инспектируя «свои» заводы.

Но уже осенью 1943 года нетрудно было понять, что господство немцев далеко не вечно. Советская Армия после разгрома немецко-фашистских сил под Сталинградом могучими ударами гнала германские войска на Запад. Украина пылала в огне. Крупп сделал соответствующие выводы. Теперь он уже был больше всего озабочен приобретением подвижного железнодорожного состава. Агенты Круппа усиленно вывозили советское оборудование. Эшелон за эшелоном уходил из Мариуполя и Краматорска, Сталино и Днепропетровска, увозя турбины и станки, тысячи тонн легированной и хромо-никелевой стали. Крупп грабил и, как говорил Геринг, «эффективно грабил» советскую территорию.

Но грабежом не ограничивались тяжкие преступления этого спрута германского империализма. Одним из наиболее чудовищных преступлений Круппа являлось массовое использование на заводах фирмы (как в самой Германии, так и на захваченных территориях) рабского труда, труда людей, насильственно угнанных гитлеровскими сатрапами с оккупированных территорий. 70 тыс. рабов вынуждены были трудиться в неимоверно тяжелых условиях на заводах Круппа.

14 апреля 1942 г. Крупп демонстрирует Гитлеру новые модели орудий, в том числе крупповское зенитное орудие № 41. Нацистская клика весьма одобрительно отзывалась об усилиях Круппа по оснащению гитлеровской армии. Крупп считает момент подходящим — он просит помочь ему с рабочей силой и считает наиболее удачной мысль о том, чтобы установить сотрудничество с СС и с их помощью широко воспользоваться заключенными в концлагерях. Крупп считает удобным создать свой завод на территории одного из лагерей в Судетах. По этому поводу ведутся переговоры с полковником Лайерсом из управления вооружений сухопутных сил. В телеграмме на его имя фирма «Крупп» сообщает, что она хотела бы «настоятельно рекомендовать господину полковнику Лайерсу, как уже прежде упоминалось, заняться вопросом о производстве фирмы Круппа в концлагере в Судетах...».

Германские генералы, которые теперь стараются представить себя противниками Гитлера, которые стремятся во всех преступлениях гитлеровского режима видеть лишь одного виновника — СС, тогда, в 1942 году, самым внимательным образом отнеслись к просьбе Круппа. Бы-

ли, конечно, и разногласия между ОКХ и Круппом. Эти разногласия не затрагивали вопроса о том, можно ли убивать голодом, холодом, непосильным трудом ни в чем не повинных узников гитлеровских лагерей. Это не вызывало сомнений, как не возникало вопроса и о том, удобно ли вступать в сделки с гестапо, ведавшим лагерями, — этими фабриками смерти. Разногласие заключалось лишь в том, что Крупп хотел использовать заключенных в Судах, а германские генералы, заинтересованные в максимальном расширении военной промышленности, с полным знанием дела рекомендовали Освенцим — как-никак этот лагерь крупнее, больше там заключенных, и организация их использования лучше налажена эсэсовцами.

Итак, Крупп приступил в Освенциме к строительству завода вооружений, имея письменное заверение германского командования о том, что «концлагерь Освенцим предоставит необходимую рабочую силу». Было заключено соглашение с СС о строительстве завода. В июне 1943 года на крупповский конвейер смерти поступили первые тысячи несчастных узников концлагеря. Работать принуждали и детей, и стариков. Среди этих мучеников были и русские, и евреи, и французы, и поляки, и чехи, и голландцы. Здесь расовый вопрос подчинялся одному закону — работать и вырабатываться до смерти, доставляя Круппу огромные дивиденды на поставках оружия гитлеровской армии, того самого оружия, с помощью которого гитлеровцы убивали солдат союзных армий на фронтах и мирных жителей в варшавском гетто, в Лидице и Орадуре. Да, Круппу было чем похвастать перед Гитлером!

Наконец, как-никак Крупп помогал Гитлеру решать и более общую задачу германского фашизма — массовое уничтожение людей. По данным Международного Военного Трибунала, более десяти тысяч мужчин, женщин и детей погибло от бесчеловечных условий труда на предприятиях Круппа. Освенцим был не единственным концлагерем, используемым Круппом. Войдя во вкус и уразумев всю выгоду использования несчастных узников лагерей, Крупп установил уже постоянное сотрудничество с административно-хозяйственным управлением СС, от которого он требовал во все возрастающих размерах поставок заключенных. Эта задача была возложена и на концлагерь Гросс-Розен. На совещании с эсэсовцами из этого

лагеря было решено соорудить для Круппа лагерь-филиал в Фюнфтейхене, где могли бы разместиться к 1 декабря 1943 г. 4 тыс. заключенных.

Характерно, что в письменном ходатайстве о строительстве сталелитейного завода в Марктшtedте, адресованном 2 февраля 1944 г. правительственному учреждению, концерн Круппа в качестве одного из оснований для разрешения строительства приводит следующее: «Главным является то, что имеется концентрационный лагерь, который мог бы принять 4000—5000 заключенных. В настоящее время в нем только 1200 человек».

Все эти и многие другие факты преступной деятельности Круппов были широко известны. Не случайно поэтому, когда закончилась война, когда встал вопрос об ответственности за развязывание агрессии, за чудовищные преступления, совершенные германским фашизмом, никто не сомневался, что рядом с Герингом и Гиммлером должен стоять и Крупп.

Так оно и случилось. Обвинительное заключение по делу главных немецких военных преступников числило в качестве обвиняемых наряду с Герингом и Риббентропом, Гессом и Розенбергом и Густава Круппа.

Теперь, когда идеологические оруженосцы империалистических монополий стремятся доказать, что германский монополистический капитал не только не способствовал приходу Гитлера к власти, но даже делал все для того, чтобы не допустить его к руководству государством, что германские монополии якобы ничего общего не имеют с гитлеровской агрессивной программой и тем более с преступлениями фашизма во время второй мировой войны, полезно напомнить формулу индивидуальной ответственности Густава Круппа по обвинительному заключению Международного Военного Трибунала. Это обвинительное заключение было составлено на основании изучения огромного архивного материала виднейшими юристами США, СССР, Англии и Франции, в числе которых были член Верховного Суда США Роберт Джексон, генеральный прокурор Великобритании сэр Дэвид Максвелл-Файф (ныне лорд-канцлер Англии лорд Килмюр) и другие.

«Обвиняемый Крупп,— указывается в обвинительном заключении,— в период с 1932 по 1945 год был главой концерна «Фридрих Крупп»... Обвиняемый Крупп исполь-

зовал... свое личное влияние и связь с фюрером таким образом, что он способствовал приходу к власти нацистских заговорщиков и укреплению их власти над Германией...; он способствовал подготовке войны...; он участвовал в военном и экономическом планировании и в подготовке нацистскими заговорщиками агрессивных войн и войн, нарушающих международные договоры, соглашения и заверения...; он санкционировал, руководил и принимал участие в военных преступлениях... и преступлениях против человечности..., включая в особенности эксплуатацию и преступное использование людей на работе для ведения агрессивных войн»³¹.

Не случайно поэтому, когда в Международном Военном Трибунале обсуждался вопрос о судьбе Густава Круппа, то не кто иной как главный американский обвинитель Джексон должен был сделать ряд таких заявлений по адресу Круппа, которые не оставляли сомнений в том, что преступникам из этого концерна будет воздано должное. Эти заявления Джексон сделал в связи с попытками немецкой защиты исключить Круппа из числа подсудимых на Нюрнбергском процессе.

«Общественные интересы, которые превышают всякие личные соображения, требуют, чтобы Крупп фон Болен не был освобожден от суда...

Более чем 130 лет эта семья была символом самых зловещих сил, угрожавших миру в Европе...»³².

Приведя многочисленные факты тесного союза Круппа с гитлеровским режимом, факты, устанавливающие то положение, что без Круппа и ему подобных Гитлер не только не мог бы прийти к власти, но не смел бы и мечтать о реализации своей агрессивной программы, Джексон сделал вывод:

«Крупп фон Болен (а также Альфрид Крупп) отдал свое имя, престиж и финансовую поддержку, чтобы привести к власти нацистскую партию в немецком государстве с откровенной программой возобновления войны...

Оба Круппа, Альфрид и Густав фон Болен, как только началась война, за которую они были непосредственно

---

³¹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 1, 1957, стр. 150—151.

³² Там же, стр. 170—171.

ответственны, привели германскую промышленность к нарушению договоров и международного права...»

А дальше, учитывая глубокое возмущение мирового общественного мнения преступлениями нацистских промышленников и находясь под давлением огромного доказательственного материала, Джексон заявил: «Позиция США все время была такова, что крупные промышленники Германии виновны в преступлениях, изложенных в обвинительном заключении столь же, сколько и ее политические деятели, дипломаты и солдаты»³³.

Мы приводим столь подробно эти признания главного обвинителя от США еще и потому, что ныне, в новой обстановке, когда американскому империализму потребовались в агрессивных целях в качестве союзников не только гитлеровские генералы, но и германские монополисты, именно из США потоком идут исторические фальсификации. Цель их — реабилитировать германские монополии (к тому же тесно связанные с американскими), снять с них (а следовательно, и с американских) ответственность за войну.

Это теперь. А тогда, в 1945 году, Джексон с высокой трибуны Международного Военного Трибунала говорил: «Если теперь Трибунал сочтет правильным освободить от судебного преследования (от суда) единственного члена крупповской семьи, то одна из основных целей Соединенных Штатов будет уничтожена...». Можно поспорить, правильно ли представлял себе Джексон в этом вопросе «цель США», но важно другое — американский обвинитель не мог не признать чудовищной преступности действий германских фабрикантов оружия.

С полным основанием Джексон в заключение заявил: «„Интересы правосудия“ не будут соблюдены, если не принять во внимание интересы людей четырех поколений, чьи жизни были отняты оружием Круппа или же находились под его угрозой, а также интересов народов будущего, которые не могут чувствовать себя в безопасности, если Крупп и ему подобные не будут осуждены на таком процессе»³⁴.

Вряд ли надо говорить о том, что советская делегация

---

³³ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 1, 1957, стр. 174.

³⁴ Там же, стр. 175.

в решительных выражениях высказывалась в пользу суда над Круппом.

Конечным результатом, как известно, явилось то, что Густава Круппа не судили в Международном Трибунале, а его сына Альфрида американский трибунал судил так, что вскоре он снова оказался в привычном кресле единоличного владельца могущественного военного концерна в ФРГ, являясь самым богатым человеком в Западной Германии.

Как же и почему это случилось?

Роберт Джексон потому и выступил в Международном Трибунале, что защита, сославшись на тяжелую болезнь Густава Круппа, ходатайствовала по существу об исключении его из списка обвинительного заключения. Против этого резко возразили делегации СССР, США, Англии и Франции. Тогда Джексон, понимая, что сын Густава, Альфрид Крупп, должен ввиду своей активности в оказании гитлеровскому режиму огромной помощи и по существу соучастия в преступлениях этого режима нести ответственность, потребовал произвести замену Густава Альфридом. К этому требованию присоединились обвинители СССР, Англии и Франции. Но это предложение было отклонено Трибуналом. В результате Круппы избежали суда Международного Военного Трибунала.

Ну, а как же со столь многозначительными заявлениями главного американского обвинителя? Эти заявления, казалось бы, не оставляли сомнения в намерении США наказать Круппа. Увы, это были лишь слова, это была лишь дань взбудораженному общественному мнению. Более глубокие интересы международной реакции заключались в том, чтобы не допустить разоблачения деятельности монополий.

Американский империализм сразу же после войны сделал ставку на Западную Германию как на орудие проведения своей антисоветской политики. Именно поэтому с самого начала было решено восстановить германский военно-экономический потенциал. Но точно так же как для воссоздания гитлеровской армии требовались фашистские генералы и офицеры, так и в данном случае, встав на путь ремилитаризации западногерманской промышленности, американские империалисты твердо решили использовать пушечных королей Германии — Круппа и других.

Конечно, все это нельзя было сделать открыто и прямолинейно. Слишком велико было возмущение общественного мнения зловещей ролью германских монополий, чтобы так просто можно было отпустить с богом круппов и фликов. Вот почему первым этапом спасения германских монополистов явился их арест. Но арестовать — не значит еще судить, а судить — не значит еще должным образом наказать.

Задача спасения германских промышленных магнатов была возложена на американскую Фемиду. Первым шагом на этом пути было незаконное оправдание Шахта на Нюрнбергском процессе. Если бы Трибунал признал преступной деятельность Шахта по агрессивному перевооружению Германии, то неизбежно встал бы вопрос и об ответственности руководителей германских монополий, от имени и во имя которых работал Шахт. А если бы Трибунал признал деятельность монополий по перевооружению преступной, то такой приговор явился бы осуждением далеко не только одних германских монополий.

Мы уже говорили о том, что, вопреки требованию советских представителей в Международном Трибунале, судьи западных держав в приговоре указали, что «первооружение не является преступным актом». Так по существу была создана предпосылка для спасения всех германских военных промышленников, участвовавших в подготовке Германии к агрессии и совершении военных преступлений.

То, что это будет именно так, уже ясно было в тот момент, когда, бросив прощальный взгляд на скамью подсудимых, оправданный Трибуналом Шахт покинул зал заседаний Нюрнбергского суда.

Вскоре американские судьи показали это уже в своих приговорах.

Под давлением мирового общественного мнения американские правящие круги оказались вынужденными в 1947 году предать Альфрида Круппа и его директоров суду (Густав Крупп к этому времени умер).

Процесс начался характерным инцидентом: Крупп потребовал, чтобы суд предоставил ему американского защитника из адвокатской фирмы Фолей энд Карват. Суд отказал. Тогда в американской печати эта адвокатская фирма начала травлю Трибунала, угрожая затеять в

Вашингтоне дело «о прекращении всех процессов против немецких промышленников».

Альфрида Круппа защищал известный читателю Кранцбюллер, бывший судья в гитлеровском флоте. Он уже в достаточной мере «отличился» защитой адмирала Деница.

Обладая опытом рассмотрения в Трибунале дела Шахта, адвокаты Круппа и его директоров были настроены весьма оптимистично. Иронизируя по поводу усилий некоторых американских обвинителей, один из адвокатов весьма многозначительно заметил, что обвинение пытается «киркой разрушить небоскреб».

Американский суд, следуя указаниям Вашингтона, оправдал Круппа в наиболее тяжком преступлении — в заговоре против мира и соучастии в гитлеровских планах агрессии. В ход была пущена аргументация, ставшая стандартной после оправдания Шахта.

Но, оправдав Круппа и его директоров по основным пунктам обвинения, американским судьям пришлось все же посадить этих подсудимых в тюрьму за военные преступления, против которых не сумели найти возражений даже изворотливые американские юристы. Однако «заточение» крупповских директоров оказалось недолгим. Крупп и его концерн вновь понадобились американским империалистам для подготовки новой мировой войны.

В августе 1950 года оккупационными властями США был досрочно освобожден осужденный американским трибуналом директор концерна Круппа Генрих Леман; 14 декабря 1950 г. агентство АДН из Бонна сообщило о восстановлении пушечного концерна Круппа. Боннский парламент наметил первое ассигнование на расширение фирмы Круппа в 11 млн. марок. Было объявлено, что руководить концерном будет Альфрид Крупп и его 7 директоров, которые еще «пока» находятся в тюрьме³⁵. В связи с этим верховный комиссар США в Западной Германии Макклой сделал заявление, что он относится к делу Альфрида Круппа «с глубоким пониманием».

Результаты этого «понимания» не замедлили сказаться: 31 января 1951 г. Макклой дал приказ освободить досрочно из тюрьмы Альфрида Круппа, осужденного аме-

³⁵ См. «Правда», 15 декабря 1950 г.

риканцами в 1948 году к 12 годам тюремного заключения. После трех лет так называемого «тюремного заключения» Альфрид Крупп снова на свободе.

Ну, а как же с заводами Круппа, его необъятной промышленной империей, ковавшей оружие агрессии в течение многих десятков лет? Американские власти хорошо знали, что одним из условий установления прочного мира является децентрализация в максимально короткий срок германской экономики «с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений...».

Казалось, что это положение было ясно не только советским властям, которые в самый короткий срок провели в Восточной зоне Германии все необходимые меры по декартелизации германской экономики, но и правящим кругам США. Приведем характерный диалог, имевший место 22 июня 1945 г. в подкомиссии по военным делам сената США. Шел допрос Бернарда Баруха, одного из виднейших представителей Уолл-стрита.

«Сенатор **Килгор**: Господин Барух, станете ли вы, основываясь на ваших сведениях о развитии нацистского режима, разделять ту точку зрения, что такие люди, как Крупп и другие промышленные руководители, принимали активное участие в планировании нынешней агрессивной войны? До какой степени, по вашему мнению, ответственны они за зверства и другие преступления, совершенные нацистами?

Барух: Да, они принимали участие.

Сенатор **Килгор**: Значит, нет никаких сомнений...

Барух: Нет ни малейшего сомнения в том, что они готовили заговор или ковали оружие, что они повинны в убийстве... Сохранять заводы Круппа или какую-либо другую промышленность подобного рода — я полагаю, что об этом никто и думать не может, разве что сумасшедший».

«Разве что сумасшедший»... А что можно сказать по этому поводу человеку, который сегодня пройдет по дюссельдорфской Брейтештрассе, западногерманскому Уолл-стриту, где слепит неоновый свет зловещих реклам «ИГ Фарбениндустри», Круппа, Флика и всех тех, кто так хорошо знаком людям, пережившим ужасы гитлеровской агрессии, кто не забыл, что клеймо именно этих герман-

ских монополий стояло на оружии гитлеровского вермахта?

Но в том-то и дело, что американско-английским правящим кругам, вновь вознамерившимся повторить Мюнхен, потребовались в качестве союзников германские империалисты. А цель, как известно, определяет средства. Империалисты Запада встали на путь широкого использования германского милитаризма как опорной силы агрессии в Европе.

Империалистическая реакция для того, чтобы заставить народы забыть злодеяния германского империализма, пытается фальсифицировать историю. Именно этим целям были подчинены судебные процессы над германскими монополиями.

«Не было такого преступления, на которое было способно нацистское государство, будь то грабеж или порабощение, в котором Крупп не участвовал бы». Эти слова главного американского обвинителя Тэйлора на судебном процессе Круппа давно забыты.

В первые годы после войны под давлением общественного мнения руководители американской и английской внешней политики делали ширококвещательные заявления об их стремлении декартелировать тяжелую промышленность Германии, неизменно способствовавшую подготовке и развязыванию германской агрессии.

Эрнст Бевин в 1946 году говорил: «Английское правительство хочет, чтобы тяжелая промышленность Германии была национализирована».

Ему вторил английский премьер-министр Клемент Эттли, заявляя: «Не может быть речи о том, чтобы разрешить Круппу вновь обрести права собственности на бывшую промышленную империю Круппа или контроль над нею».

Увы, это были только слова, лживые обещания, бронзовые векселя. Их мошеннический характер сколько-нибудь наблюдательному человеку был очевиден уже в момент их выдачи.

Уже в 1947 году, утверждая приговор по делу Круппа, американский военный губернатор в Западной Германии генерал Клей изменил его так, что это явилось первым ударом по Потсдамским решениям о декартелизации и серьезным вкладом в дело восстановления крупповского концерна. Приговор по делу Круппа при всех его недо-

статках предусматривал конфискацию всего крупновско-го имущества в пользу Союзного Контрольного Совета. Клей изменил приговор, указав, что каждый из четырех главнокомандующих Союзных держав вправе конфисковать находящееся в его зоне имущество Круппа. Такое решение, во-первых, *обязанность*, вытекающую из приговора, превратило лишь в *право* союзных держав, а во-вторых, отстранило Советский Союз, больше других стран пострадавший от гитлеровской агрессии и от грабежа самого Круппа, от участия в контроле над имуществом концерна в целом.

Превращение обязанности в право привело к тому, что западные державы фактически не осуществили декартелизации Круппа в своих зонах.

Правда, кое-что было сделано в области демонтажа, но и эти куцые меры были подчинены не целям ликвидации экономического могущества Круппа, а задачам ослабить в некоторых областях конкуренцию с промышленностью западных держав. «...Такие заводы-гиганты,— указывалось в заявлении МИД СССР 11 марта 1947 г.,— созданные специально для целей агрессии, как заводы Германа Геринга, Круппа, Роберта Боша, ИГ Фарбен-индустрии и другие, которые составляли основу трестов, картелей и других промышленных монополий, остаются нетронутыми в Западной Германии или предназначаются для изъятия только частично, что создает предпосылки для быстрого восстановления их прежней военной мощи и значения»³⁶.

Советский Союз решительно протестовал против попыток срыва Потсдамских решений в области декартелизации. На заседании Совета министров иностранных дел 14 апреля 1947 г. Советский Союз вновь категорически требовал «отобрать предприятия у германских монополий и передать их германскому государству, демократизация которого проводится под контролем четырех союзных держав»³⁷.

Но ответом на неоднократные советские требования о ликвидации германских концернов было досрочное освобождение Круппа из тюрьмы, откуда, кстати сказать, он имел возможность руководить своими заводами.

---

³⁶ «Правда», 12 марта 1947 г.

³⁷ «См. «Правда», 16 апреля 1947 г.

В 1951 году Крупп уже был освобожден, а в 1953 году, в результате длительного торга, в котором Крупп уже рассматривался западными державами как «высокая договаривающаяся сторона», было заключено соглашение о реорганизации концерна Круппа. Цель соглашения состояла в том, чтобы обмануть общественное мнение, создать впечатление, что западные державы не забыли своих обещаний. По этому соглашению Крупп обязывался в течение 5 лет начиная с 1953 года ликвидировать 74% своей собственности в металлургической и угольной отраслях промышленности. Это означало, что Крупп должен был реализовать имущество на сумму 160 млн. ф. ст. На проверку же оказалось, что фактически за эти годы реализовано было имущества лишь на 5,3 млн. ф. ст. Когда истек пятилетний срок, в западной печати появилось сообщение, что правительства Англии, Соединенных Штатов и Франции решили предоставить фирме Круппа отсрочку на год, которую просила эта фирма, чтобы приступить к продаже некоторого ее имущества. Фирма Круппа, как значилось в сообщении агентства Франс-Пресс, сослалась на то, что она не в состоянии... найти покупателей для ее угольных шахт и металлургических заводов.

Через год после этого Крупп, наблюдая за политическими процессами, происходящими в мире, счел, что можно уже не маскироваться, и в интервью газете «Нью-Йорк геральд трибюн» заявил, что он не намерен подчиниться приказу западных союзников от 1953 года о продаже своих заводов.

Крупп заявил, что приказ 1953 года передавал весь вопрос на усмотрение западногерманского правительства в случае, если он не подчинится этому приказу, и что западногерманское правительство не имеет средств заставить его подчиниться.

Но самое многозначительное заключалось в словах Круппа о том, что, по его мнению, «правительство Соединенных Штатов практически уже больше не заинтересовано в выполнении этого постановления».

Что верно, то верно. Американские правящие круги делают ныне решающую ставку в Европе именно на Западную Германию. Им нужны Шпейдель и Хойзингер, им стал очень нужен и Крупп, который вложит в руки этих гитлеровских генералов смертоносное оружие.

Хотя Крупп и говорил после освобождения из тюрьмы, что он не намерен больше производить оружие, это его заявление оказалось блефом. Как только ухудшилась экономическая конъюнктура в Западной Германии, как только на горизонте появились первые тучи — предвестники войны, Крупп взялся за привычное дело. К тому же, как писал журнал «Шпигель», «на 103 страницах договора с Круппом нет ни одного слова о том, что Крупп не должен снова производить пушки или танки». Это не было случайным. Вскоре в соответствии с «планом Маршалла» концерн Круппа стал получать от правительства США кредиты, которые помогли ему расширить производство стратегических материалов.

Сегодня, как и при Гитлере, Крупп — самый богатый человек в Западной Германии. Его состояние оценивается в 2,5 млрд. западногерманских марок. А теперь, в связи с усиленной ремилитаризацией, перед Круппом открываются еще большие возможности получения сверхприбылей.

Крупп все более активно втягивается в атомное производство. Он участвует совместно с другими германскими концернами в работах по ведению исследований в области атомной энергии. По сообщению английской газеты «Санди Экспресс», концерн Круппа планирует начать производство деталей для водородных бомб.

Как это и было в течение многих десятков лет, концерн Круппа по-прежнему является важнейшей составной частью военно-промышленного потенциала Западной Германии.

Спасение Круппа от ответственности за чудовищные преступления во время второй мировой войны, восстановление его концерна в послевоенных условиях — все это звенья одной цепи — политики империализма, направленной на развязывание новой агрессии.

„Да, это известно всем директорам „ИГ“ в Освенциме“

Дело руководителей этой крупнейшей германской монополии мало отличается от уже описанного выше дела Круппа.

Репутация «ИГ Фарбениндустри» в Германии и во всем мире была совершенно определенной. Это также была одна из тех монополий Германии, без помощи которых Гитлер не мог бы прийти к власти.

Еще на процессе главных немецких военных преступников были оглашены секретные протоколы совещаний Гитлера с руководителями «ИГ Фарбениндустри» и других монополий, на которых разрабатывались меры по захвату нацистами власти в Германии. 23 ноября 1945 г. был допрошен один из виднейших членов правления «ИГ Фарбениндустри» Георг Шницлер.

В своих показаниях Шницлер описывает ход уже упоминавшегося совещания, созванного 20 февраля 1933 г. Герингом. В этом совещании приняли участие и двадцать других крупнейших промышленников Германии.

«В конце февраля 1933 года четыре члена правления «Фарбениндустри», в том числе и председатель правления доктор Бош и я были приглашены секретариатом президента рейхстага на совещание, происходившее у него на дому, причем в уведомлении не было указано, по какому именно вопросу. Я не помню двух других моих коллег, которые также были приглашены. Я думаю, что я получил это приглашение во время одной из моих деловых поездок в Берлин.

Я пошел на это совещание. На этом совещании присутствовало около 20 человек, большинство из которых, я думаю, были ведущие промышленники Рура. Среди присутствовавших на этом совещании я помню доктора Шахта, который тогда еще не был президентом рейхсбанка и министром экономики, Круппа фон Болен, который в начале 1933 года был председателем имперского объединения, ставшего потом полуофициальной организацией «Рейхсгруппениндустри», доктора Альберта Феглера, одного из руководителей объединенных сталелитейных предприятий, фон Левенфельда — представителя промышленного предприятия в Эссене, доктора Штейна — главу профессионального союза на шахте «Августа Виктория», которая тоже принадлежала «ИГ Фарбениндустри». В то время Штейн был активным членом германской народной партии.

Я помню, что доктор Шахт вел себя, как хозяин. В то время, как я ожидал появления Геринга, в комнату вошел Гитлер, пожал всем руки и сел за стол. В своей длин-

ной речи он говорил главным образом об опасности коммунизма и утверждал, что он одержал над ним решительную победу. Затем он говорил относительно союза, в который вошла его партия с народной партией Германии. В конце речи он перешел к вопросу, который, как мне казалось, был целью этого совещания. Гитлер подчеркнул, насколько важно, чтобы две вышеупомянутые партии завоевали большинство на предстоящих выборах в рейхстаг.

После того как Крупп фон Болен поблагодарил Гитлера за произнесенную им речь и Гитлер покинул комнату, доктор Шахт внес предложение о создании фонда, если я не ошибаюсь, в три миллиона рейхсмарок для проведения избирательной кампании. Эта сумма должна была быть распределена между двумя «союзниками» в соответствии с их значимостью в тот период»³⁸.

Так, вместе с другими концернами «ИГ Фарбениндустри» делал все, чтобы привести Гитлера к власти.

...1938 год. Идет подготовка агрессии против Чехословакии. В планах гитлеровских заговорщиков большое место занимает судето-немецкий «фрайкор». Для ведения своей подрывной деятельности «фрайкор» нуждается в деньгах. Член правления «ИГ Фарбениндустри» Тер-Меер вынужден был признать, что концерн тайно субсидировал этих врагов чешского народа, выдав руководителям «фрайкора» один раз 100 000 и в другой раз 500 000 марок. Конечно, эти «пожертвования» германских промышленников вполне окупились, когда они получили возможность грабить чехословацкую промышленность после захвата страны.

После вторжения германских войск в Судеты правление «ИГ Фарбениндустри» послало Гитлеру телеграмму: «Под глубоким впечатлением возвращения Судето-немецкой области рейху... акционерное общество «ИГ Фарбен» передает в ваше распоряжение полмиллиона рейхсмарок...»

Эти и многие другие ссуды под гитлеровские планы агрессии с лихвой себя оправдали.

Захват Австрии дал возможность «ИГ Фарбениндустри» проглотить химический трест «Пульвер-фабрик Шко-

---

³⁸ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 2, 1958, стр. 13—14.

да-верке Ветцлер». В Чехословакии концерн «ИГ Фарбениндустри» мимоходом «прикарманил» четвертую по величине химическую компанию в Европе «Аусигерферейн».

Вслед за нацистской армией во Францию пришли эмиссары «ИГ Фарбениндустри», захватившие там концерны Кюльмана, Сен-Дени и Сен-Клер дю Рон.

Так извлекал концерн «ИГ Фарбениндустри» непосредственную прибыль из гитлеровской агрессивной политики.

Кровно заинтересованные в осуществлении этой политики, руководители «ИГ Фарбениндустри» для германского командования занимались экономическим шпионажем в тех странах, на которые было запланировано нападение. Обычно каждому такому нападению предшествовала поездка чиновников «ИГ Фарбениндустри» в страну, сбор необходимой информации. Так, в июне 1939 года многие представители этого концерна предприняли поездку в Польшу. 28 июля 1939 г., за месяц до нападения, концерн представил нацистскому правительству подробный список всех польских химических предприятий. В этом же списке указывалось, как должны быть использованы в военных интересах эти предприятия.

Гитлеровцы сполна оплатили концерну его услуги.

Шел 1940 год. Германская армия завоевала ряд стран Европы и спешно готовилась к нападению на другие. Гитлеровцы для производства вооружений крайне нуждались в искусственном каучуке (буна). Концерн «ИГ Фарбениндустри» для расширения производства каучука должен был построить новые заводы. Но нехватало рабочей силы.

Вот тут-то игодились концерну Гиммлер и его эсэсовцы, с которыми у германских промышленных магнатов давно сложились весьма сердечные отношения. Еще в тридцатых годах по инициативе промышленников был создан «Клуб друзей Гиммлера», этот «клуб» ежегодно передавал Гиммлеру по 1 млн. марок.

И Гиммлер не оставался в долгу. Гитлером и Гиммлером была разработана детальная программа уничтожения многих миллионов людей. Для этого были построены десятки концлагерей с соответствующим оборудованием, газовыми камерами, крематориями. кстати сказать,

любезно изготовленными германскими промышленными фирмами. Фирма «Топф и сыновья» построила в лагерном отделении Биркенау четыре мощных крематория и газовые камеры для умерщвления заключенных. В Югославии строительством крематория, рассчитанного на крупный лагерь в Белграде, занималась уже другая специальная фирма — Дидье. Кремационные печи для лагеря Дахау, как известно находившегося в самой Германии, а также ряд печей для лагеря уничтожения в Майданеке построила фирма Кори³⁹.

У руководителей «ИГ Фарбениндустри», как, впрочем, и других монополий, возникла «удачная» мысль: а нельзя ли, прежде чем убивать этих людей, заставить их «выработаться до смерти», как сказал Геббельс. И тогда между Гиммлером и германскими монополиями были заключены соглашения об использовании несчастных узников на каторжных работах. Концерн «ИГ Фарбениндустри» разработал, пожалуй, самую «совершенную систему» того, что было названо «выработаться до смерти».

Итак, концерну требовались новые заводы для производства буны. Проблема рабочей силы решалась просто — заводы надо строить на территории концентрационных лагерей, куда сгружают военнопленных и насильственно угнанных людей из польских, русских, французских, голландских, бельгийских городов и сел. Еще в 1940 году между правлением «ИГ Фарбениндустри» и имперским руководством СС были заключены первые соглашения по этому поводу.

Изобретательность руководителей концерна, тех, кто и сегодня стоит во главе предприятий «ИГ Фарбениндустри» в Западной Германии, была неистощима. С рейхсфюрером СС Гиммлером было достигнуто новое соглашение — концерну «ИГ Фарбениндустри» было разрешено строительство «собственных» концлагерей при предприятиях концерна.

Всему миру известен Освенцим. По признанию начальника этого лагеря Хесса, в нем было уничтожено несколько миллионов человек. И вот на территории этого лагеря «ИГ Фарбениндустри» построил свой огромный завод буны. Недалеко от Освенцима, в Моновице, кон-

---

³⁹ См. «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 3, стр. 303—305.

церн построил и «собственный концлагерь со своим начальником, своей полицией и своей системой «выработки до смерти»... Как только рабочие слабели настолько, что утрачивали необходимую трудоспособность, полиция концерна готовилась к новой операции — уничтожению этих несчастных.

Мозг владельцев концерна продолжал изыскивать новые пути извлечения прибылей. Раз уж эти сотни тысяч людей «вырабатываются до смерти», то нельзя ли заработать на этой последней стадии производственного процесса — на уничтожении людей? И вот возникает идея предложить главному управлению СС ядовитые газы и химикалии, при помощи которых можно наладить массовое, серийное уничтожение «лишних» людей в лагерях. Это тем проще, что в лаборатории «ИГ Фарбениндустри» уже был изготовлен смертоносный газ «табун», эффективность которого была испытана на заключенных лагеря.

Так возник новый источник прибыли концерна «ИГ Фарбениндустри».

А теперь, через 15 лет, находятся такие адвокаты гитлеризма, которые пытаются опровергать факты чудовищных зверств в концлагерях, объявляют все это «коварной выдумкой». И самое удивительное, что такие утверждения подчас исходят от людей, чьи соотечественники тысячами гибли в гитлеровских лагерях.

Так, например, особую активность в этом отношении проявил французский реакционный писатель Морис Бардеш, о котором шла речь выше.

Журнал «Анклаге» тшится доказать, что ни в одном немецком концлагере не имелось «газовых камер или других устройств для массового уничтожения людей» и что то, что выдавалось за газовые камеры и крематории, оказалось... бутафорией. И уж, конечно, «злонамеренной выдумкой» является утверждение о том, что концерны участвовали в массовом уничтожении людей в лагерях.

Так говорят теперь. А вот что говорилось в 1945 году на допросе одного из руководителей «ИГ Фарбениндустри» Шницлера:

«Вопрос: Что вы сделали, когда узнали, что химикалии «ИГ Фарбениндустри» применялись для того, чтобы умерщвлять, убивать людей в концентрационных лагерях?

Ответ Шницлера: Я ужаснулся.

Вопрос: Предприняли ли вы что-либо?

Ответ Шницлера: Я не стал говорить об этом, так как это было слишком страшно. У меня всегда было впечатление, как будто эти газы производились не нами.

Я спросил Мюллера-Кунрада: знаете ли вы, Амброс, и другие директора в Освенциме о том, что газы и химикаты применяются для убийства людей?

Вопрос: Что же сказал он?

Ответ: Да, это известно всем директорам «ИГ» в Освенциме».

Эти выдержки из допроса в достаточно яркой форме раскрывают не только человеконенавистническую сущность империализма, способного из-за стремления к прибылям пойти на любые самые тяжкие преступления, но и то, до какой степени морального падения дошли те, кто сегодня пытается реабилитировать германский фашизм и его злодеяния.

Может быть, тем, кто сегодня хочет возвеличить западно-германские монополии, кто хочет доказать, что эти монополии ничего общего с Гитлером не имели и преступлений не совершали, следовало бы напомнить, как концерн «ИГ Фарбениндустри» производил преступные опыты над заключенными, испытывая на них смертоносные газы, а заодно и различные опасные бактерии. Можно напомнить показания узников Бухенвальда о том, как на заключенных этого лагеря испытывали бактерии сыпного тифа, которые изготовлялись концерном «ИГ Фарбениндустри», причем опыты эти производились в концентрационных лагерях лично самими сотрудниками концерна.

Опыт военного времени по испытанию бактерий тифа на несчастных жертвах фашизма пригодился концерну и после войны.

...Летом 1955 года в городе Хагене (Рур) и близлежащих районах внезапно вспыхнула эпидемия тифа. За короткое время было зарегистрировано более полутора тысяч случаев заболеваний. Сообщение об этом вызвало большую панику. Ведь эпидемия тифа в мирное время — весьма исключительное явление. Началось расследование, и очень скоро следы привели к лаборатории химического завода в Вуппертале — Эльберфельде, где по заданию «ИГ Фарбениндустри» уже в течение ряда лет про-

изводилось искусственное выращивание возбудителей тифа.

Германский концерн не мог забыть своей «старой специальности» и вовсе не хочет верить, что его услуги в этой области больше не потребуются.

Да, хорошие были времена!

Стоило концерну разработать какой-нибудь новый препарат — и он тут же получал возможность испытать его на людях. В знаменитом блоке № 10 в Освенциме химики концерна могли производить любые опыты над любым количеством людей. Как мы уже видели, теперь казенные историки германских монополий пускаются во все тяжкие, чтобы доказать, что между этими монополиями и гитлеровским режимом не было никакого сотрудничества, а более того, возникали все время конфликты. Вот и с эсэсовцами монополии, оказывается, не ладили. Уже больно жадна к деньгам была эта гвардия Гитлера. Подумать только, поставляя «ИГ Фарбениндустрии» людей для опытов в лагерях, они заламывали за каждую жертву непомерно большую цену. В одном из писем фирмы лагерному командиру СС указывалось: «В связи с проведением экспериментов с новым снотворным мы были бы рады, если бы вы предоставили в наше распоряжение некоторое количество женщин. Ожидаем вашего ответа. С уважением...»

Вот второе письмо концерна, из которого видно, какими сквалыгами оказались коммерсанты из «ИГ Фарбениндустрии»: «Мы получили ваш ответ, однако цена 200 марок за одну женщину кажется нам слишком высокой. Мы предлагаем уплатить не более чем 170 марок за голову... Нам нужно приблизительно 150 женщин».

Вряд ли есть необходимость после всего приведенного добавлять новые данные о преступлениях директоров «ИГ Фарбениндустрии». Совершенно очевидно было, что у судей не было бы недостатка доказательств виновности людей, руководивших этим концерном.

Итак, настал день суда. Слушал дело американский трибунал в Нюрнберге. Ходом этого процесса по существу руководили адвокаты, а судьи проявляли исключительную пассивность. Удивляться этому не приходилось, ибо известно было, что состав суда тщательно подобран военным министром Говардом Паттерсоном, бывшим членом адвокатской фирмы «Крават де Герсдорф, Свейн

энд Вуд», которая на протяжении многих лет представляла в США интересы «ИГ Фарбениндустри». Такой подбор судей по крайней мере обеспечивал их полное «равнодушие» к расследованию сотрудничества «ИГ Фарбениндустри» с американскими монополиями.

После войны в США вышла книга американского инженера-химика Говарда Амбрастера «ИГ Фарбениндустри». Амбрастер официально исследовал картельные связи «ИГ Фарбениндустри» в США. Как он пишет в своей книге, на протяжении целого года он добивался от суда возможности предъявить документы, свидетельствующие о роли этого концерна в подготовке и развязывании гитлеровской агрессии и совершении военных преступлений.

«Мои предложения дать свидетельские показания, — заявил Амбрастер, — были отклонены всеми, к кому бы я ни обращался, включая американских обвинителей, трех судей нашей военной администрации в Германии и всех высших чиновников в Вашингтоне... — вплоть до Белого дома».

В процессе суда над руководителями «ИГ Фарбениндустри» были вскрыты мошеннические махинации адвокатов, имевшие своей целью укрыть подсудимых от ответственности. Как было установлено, защитники, в частности адвокат Альт, получили доступ к архивам «ИГ Фарбениндустри» и, пользуясь этим, уничтожили там изрядное количество документов, устанавливавших тяжкие преступления концерна. Слишком тесными были связи американских монополистов с «ИГ Фарбениндустри», чтобы адвокатам, уже добравшимся до архивов концерна, не разрешили «по собственному усмотрению» произвести очистку этих архивов от «лишних» бумаг. И тем не менее в распоряжении суда оказалось достаточное количество обличительных документов. Все теперь зависело от того, увидят ли американские судьи в этих материалах то, что так беспокоило самих подсудимых и их адвокатов.

Американские судьи этого не увидели, чем приятно поразили подсудимых. Американские служители Фемиды зато увидели другое — крайнюю заинтересованность «деловых людей» Уолл-стрита в том, чтобы не очень уж шуметь по поводу «этих немцев».

Прежде всего встал вопрос об ответственности руководителей «ИГ Фарбениндустри» за участие в заговоре

против мира, ответственности за фашистскую агрессию. У суда были более чем достаточные доказательства. Но тщательно подобранный состав суда поступил так, как этого требовали из-за океана.

Характерно, что генерал-губернатор американской оккупационной зоны в Германии генерал Клей в собственноручно написанном письме требовал оправдания директоров «ИГ Фарбениндустри», указав, что лишение их свободы поставит под угрозу сотрудничество военной администрации с деловыми кругами.

Результаты суда соответствовали усилиям международной реакции: из 23 обвиняемых 10 были полностью оправданы, а 13 приговорены к лишению свободы на такой короткий срок, который в большинстве перекрывался сроком предварительного заключения.

Вскоре все руководители концерна «ИГ Фарбениндустри» оказались на свободе.

Так было совершено циничное надругательство над памятью миллионов жертв, погибших в лагерях смерти и отравленных газами «ИГ Фарбениндустри».

Ну, а как же с самим концерном «ИГ Фарбениндустри»? Ведь Потсдамское соглашение требовало провести декартелизацию. Однако американские власти ясно показали, что они освободили руководителей концерна «ИГ Фарбениндустри» вовсе не для того, чтобы те получали пенсии и писали мемуары.

...5 июля 1945 г. американская военная администрация в Германии опубликовала приказ № 2 о ликвидации концерна «ИГ Фарбениндустри». Но прошло только несколько недель, и главный экономический советник генерала Эйзенхауэра Дрейпер заявил о необходимости сохранения центра германской химической промышленности — «ИГ Фарбениндустри».

Дрейпер нашел мощную поддержку в военном министерстве США. И вот когда в декабре 1945 года полковник Бернштейн, расследовавший роль «ИГ Фарбениндустри» в войне и выяснивший преступные связи этого концерна с американскими фирмами, представил в Комиссию Килгора подробный доклад, где указывалось, что 87% военно-промышленной машины «ИГ Фарбениндустри» в Западной Германии сохранилось, и вопреки Ялтинскому и Потсдамскому соглашениям военные химические заводы не только не ликвидируются, а расши-

ряются. Результат этого доклада был весьма своеобразным: Бернштейна «попросили» уйти в отставку.

Еще в 1940 году руководители «ИГ Фарбениндустри», учитывая в огромной степени возросший объем производства и создавшуюся громоздкость в управлении предприятиями концерна, решили, что необходимо произвести его реорганизацию. Наиболее целесообразным считался такой раздел концерна, который обеспечил бы необходимую подвижность и оперативность.

Американские администраторы, видимо хорошо изучившие архив концерна, предложили в «целях декартелизации» разделить концерн на три части. В результате было создано три преемника «ИГ Фарбениндустри» — компания баденских анилино-содовых заводов («БАЗФ»), компания «Фарбверке Хёхст АГ», компания баварских анилино-красочных заводов.

Раздел произошел, но ничего по существу не изменилось. Как и в довоенное время, в указанных трех группах предприятий концерна-гиганта сейчас сосредоточена подавляющая часть химической промышленности Западной Германии.

Не может не вызывать серьезной тревоги то, что преемники «ИГ Фарбениндустри» ныне активно включились в атомное производство в ФРГ. Еще в 1956 году в Западной Германии было создано объединение в составе основных монополий Рура, группы «ИГ Фарбениндустри» и электротехнических концернов. Группа «ИГ Фарбениндустри» наладила производство тяжелой воды.

Следует отметить и то, что Западная Германия является единственным государством в системе капитализма, где атомная промышленность целиком находится в руках частных концернов, и как раз тех, кто составил себе в период фашизма столь преступную славу.

На атомном бизнесе в Западной Германии решили нагреть руки и американские монополисты. Еще во время второй мировой войны Гитлер поручил концерну Дегусса (из группы «ИГ Фарбениндустри») исследования в области атомного горючего. Именно эта компания участвовала в работах по созданию «секретного оружия» для гитлеровской армии. Ныне в Западной Германии концерн Дегусса («ИГ Фарбениндустри») занят производством чистого урана для атомных заводов, которые строятся в районе Карлсруэ. Этот концерн тесно связан с

американским капиталом, в частности с корпорацией «Америкен металл», поставляющей правительству США урановую руду, литий и другие материалы, необходимые для производства атомных и водородных бомб. Небезынтересно отметить также то, что тесно связанная с преемниками «ИГ Фарбениндустри» американская компания «Стандард ойл» (группа Рокфеллера) имеет своего представителя в государственной атомной комиссии ФРГ. Так объединяют свои усилия в производстве оружия массового уничтожения американские и германские монополии, чей союз в прошлом уже стоил жизни миллионам людей.

Таким образом, начисто опровергается усердно распространяющийся в Западной Германии миф о том, что «ИГ Фарбениндустри» не занимается военным производством.

Зловещим является уже тот факт, что «ИГ Фарбениндустри» является одним из инициаторов создания западногерманского общества по финансированию атомных изысканий.

И по-прежнему делами этого концерна руководят те же люди — Амброс, Вурстер, Тер-Меер и др., которые помогали Гитлеру проводить его агрессивную политику, а Гиммлеру — уничтожать миллионы людей в Освенциме и Майданеке, Треблинке и Дахау, наживая на этом огромные прибыли.

ЕЩЕ ОДИН РАЗОБЛАЧЕННЫЙ МИФ

Реализуя свою человеконенавистническую программу на временно оккупированных территориях, творя невиданные в истории зверства и насилия, гитлеровцы рассчитывали сломить волю советского народа к сопротивлению, заставить его пасть к ногам оккупантов. Но расчеты эти провалились. Чем сильнее лютовал враг, тем больше была решимость советского народа освободить свою страну от захватчиков и покарать тех, кто, не считаясь ни с какими нормами права и морали, совершал чудовищные преступления против народов.

Нападая на Советский Союз, германские милитаристы рассчитывали на блицкриг, на то, что в течение нескольких недель им удастся победоносно завершить войну. Еще 31 июля 1940 г. Гитлер заявил наиболее близким ему генералам: «Нападение имеет смысл лишь в том случае, если русское государство одним ударом будет потрясено до корней».

Гитлеровцы были уверены, что после первых же недель наступления Советская Армия будет разбита, а советский народ деморализован, и страна, таким образом, окажется у ног завоевателя. Гитлер и его свора уверовали во внутреннюю слабость Советского государства, они строили свои расчеты на отсутствии морально-политического единства народов Советского Союза, причем источником информации для подобных выводов служила геббельсовская пропаганда.

«Нам нужно только войти в дверь, и тогда все это гнилое сооружение рухнет», — говорил Гитлер Иодлю в период подготовки нападения на СССР.

«Еще до осени вы вернетесь победителями домой», — твердили солдатам гитлеровские генералы. И эти слова с восторгом повторялись в полках фашистской армии.

Читатель уже имел возможность убедиться в том, что Гитлер и его клика игнорировали всякую информацию, которая не укладывалась в геббельсовские схемы.

Не действовали предупреждения Шуленбурга и военного атташе Кестринга об опасностях затеваемой авантюры.

...3 февраля 1941 г. Штаб-квартира Гитлера. Происходит совещание с высшим генералитетом. Обсуждается вопрос о подготовке к нападению на Советский Союз. Гитлер уже тогда говорит, что война против СССР будет представлена как превентивная. Встречая полную и безоговорочную поддержку со стороны подавляющего большинства генералов, Гитлер удивлен тем, что кое-кто пытается выразить сомнение в запланированном нападении.

И дело вовсе не в том, что эти два или три генерала считают аморальным нападать на соседнюю страну, с которой к тому же заключен пакт о ненападении. Государство это очень сильно, и кто его знает, чем кончится такое нападение. Вот берет слово Браухич. Он говорит об огромных размерах русской территории, «которую и сегодня нельзя преодолеть с помощью только мотора», о значительном населении, что означает «большое количество хороших резервов», о «совершенно ином культурном уровне и совершенно ином характере русского населения по сравнению с 1914 — 1918 гг.», о «высоком военном потенциале России»¹. Браухич вспоминает в своих показаниях на Нюрнбергском процессе, что Гитлер отверг все эти соображения. Он еще и еще раз получает полную поддержку своей военной клики. Отдельные осторожные голоса тонут в многоголосом «Зиг хайль!»

Никакие предупреждения о том, что войну с Советским Союзом нельзя ставить в один ряд с завоевательными походами на Западе, уже не действовали. Гитлер

---

¹ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 18, стр. 18093.

продолжал твердить свое. «Следует ожидать,— говорил Гитлер в беседе с командующими армиями еще 5 декабря 1940 г., — что русская армия при первом же ударе немецких войск потерпит еще большее поражение, чем армия Франции в 1940 году»².

9 января 1940 г. в другом разговоре с командующими армиями он дополнил это высказывание, заявив, что «русские вооруженные силы представляют собой глиняный колосс без головы. У них нет хороших полководцев, и они плохо оснащены»³.

Увлеченные победами на Западе, Гитлер и его генералы собирались покончить с Советским Союзом так же быстро, как и с Францией. Один из столпов гитлеровской авантюристической стратегии войны генерал Гейнц Гудериан теперь, после того как он сам был разбит, пытается в своих воспоминаниях встать в позу критика. В статье «Опыт войны с Россией» Гудериан пишет: «Такая непонятная заносчивость привела немцев к убеждению, что, подобно кампаниям в Польше и Франции, война на Востоке будет также молниеносной. Как и во времена Наполеона, распространилось мнение, что для разгрома Советского Союза немецкой армии потребуются восемь — десять недель. Предполагалось, что военная мощь России будет уничтожена еще до наступления осенней распутицы. Исходя из этого, Гитлер рассчитывал ограничиться созданием в России только одной линии опорных пунктов и думал отвести после этого обратно на родину до 60—80 дивизий. По этой причине запасы зимнего обмундирования ограничивались из расчета, что на каждые пять человек потребуется только один комплект»⁴.

Приводя эти слова, Гудериан, автор нашумевшей в 30-х годах книги «Внимание, танки!», основная идея которой как раз и заключалась в проповеди «блицкрига», человек, который и сам пытался осуществить свои теории «молниеносной войны», теперь в пух и прах разносит бывшего шефа, сваливая на него всю ответственность за провал затеянной авантюры. Впрочем, в такую позу обличителя стал не только один Гудериан, но и многие

---

² «Итоги второй мировой войны», стр. 73.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 117.

другие битые в сражениях с Советской Армией гитлеровские генералы. Десятки фельдмаршалов и генералов, так упорно и в деталях разрабатывавших план «блицкрига», теперь пытаются свалить всю ответственность за его провал на «бесноватого ефрейтора».

Тогда, в 1941 году, все эти генералы шли в поход на Восток с полной уверенностью, что русские будут раздавлены так же, как и французы, что с первым же листопадом они, увенчанные новыми лаврами, вернутся в Берлин... А впрочем, в Берлин ли? Нет, гитлеровское командование не станет останавливаться... Надо идти дальше по пути переваривания завоеванного.

Не успела еще закончиться французская кампания, как в штаб-квартире Геринга 19 июня 1940 г. состоялось совещание, запись которого была предъявлена впоследствии Международному Военному Трибуналу. На документе надпись: *«Секретный документ штаба»*. Он озаглавлен: *«Записки в дело о беседе, состоявшейся 19 июня 1940 г. в ставке генерал-фельдмаршала Геринга»*. На совещании германские генералы кроили карту Западной Европы. Это те самые генералы, которые потом, после разгрома нацистской Германии, защищаясь, будут истошно кричать, что они были против агрессивной политики Гитлера и во всяком случае были лишь солдатами и ни во что, не связанное с осуществлением их солдатского долга, не вмешивались. И вот эти «солдаты», судя по записи, решают на совещании, что «Люксембург должен быть присоединен к рейху. Норвегия должна стать немецкой, Эльзас и Лотарингия — снова возвращены империи». Францию решают освободить от тяжелой обязанности управления рядом ее департаментов и передать Германии Бельфорт, Нанси, Бассен де Брие, Шарбоннаж дю Нор...⁵

Только началась война с Россией, и 16 июля 1941 г., как читатель уже видел, гитлеровская клика устроила дешевую распродажу советских территорий. Заодно германские милитаристы хоронили Британскую империю. Мавр сделал свое дело. В одном из германских документов, в котором излагался чрезвычайно оптимистический прогноз хода войны против Советского Союза, указыва-

---

⁵ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 10, стр. 4156.

лось: «Мы полны решимости устранить всякое английское влияние в Европе. Поэтому по окончании войны Англия не будет иметь никакого влияния в международных делах. Островная империя Великобритании может остаться, но все ее другие владения, вероятно, будут разделены между Германией, Соединенными Штатами и Японией»⁶.

8 августа 1941 г. в документе германского командования под заголовком «Задачи дальнейшего ведения войны после окончания восточной кампании» уже намечалось продвижение германских войск через Закавказье в направлении Персидский залив — Иран — Сирия — Египет⁷. Иодль во время допроса на Нюрнбергском процессе признал существование такого плана: «Офицеры генерального штаба, будучи оптимистически настроенными под влиянием первых побед летом, выражали подобные мысли»⁸.

Эти и многие другие планы гитлеровского генерального штаба отражали стремление германского империализма к достижению мирового господства.

Народы всего мира с затаенным дыханием следили за ходом сражений на советско-германском фронте. Кто мог сомневаться в том, что от результатов этой схватки зависит свобода и независимость не только народов Советского Союза. Это была война, в которой советские люди, защищая свою Родину, свою свободу, тем самым боролись за то, чтобы свободной стала Франция, вся оккупированная германскими милитаристами Европа.

На огромных пространствах Советского Союза шла тяжелая и кровопролитная война. Это было время наивысшего напряжения всех духовных и материальных сил нашего государства.

Советский народ и его Вооруженные Силы должны были преградить путь гитлеровским ордам, рвавшимся вперед и стремившимся поработить нашу Родину.

Объединенные и сплоченные вокруг Коммунистической партии, народы Советского Союза поднялись на защиту исторических завоеваний Великого Октября.

---

⁶ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 7, стр. 2552.

⁷ См. «Нюрнбергский процесс. Сборник материалов», т. II, 1954, стр. 178.

⁸ «Стенографический отчет Нюрнбергского процесса», т. 27, стр. 12976.

В войне против германского империализма советский народ преследовал глубоко справедливые, освободительные цели. Но, ведя самоотверженную героическую борьбу за свою свободу и независимость, советский народ и его армия одновременно тем самым оказывали огромную помощь народам Европы в избавлении их от фашистского порабощения. В этом и заключается глубоко интернациональный характер Великой Отечественной войны советского народа.

Вступление Советского Союза в войну коренным образом изменило военно-политическую обстановку. Многие годы дипломатия западных держав способствовала развитию агрессивной политики Гитлера, надеясь в конечном итоге толкнуть его на Советский Союз. Однако история жестоко надсмеялась над незадачливыми западными политиками. Мюнхен обернулся против его авторов и привел к тому, что первыми объектами гитлеровской агрессивной политики оказались сами западные страны. Теперь, когда Советский Союз вступил в войну, правительства Англии и США под давлением народных масс пошли на объединение с Советским Союзом, и таким образом была создана мощная антигитлеровская коалиция.

Борьбу с германским фашизмом вели народы всех стран антигитлеровской коалиции. Сражения происходили на различных фронтах как в Европе, так и в Северной Африке. И любой успех союзных войск, где бы он ни достигался, способствовал победе над врагом. Но решающий вклад в дело разгрома гитлеровской Германии внес Советский Союз и его Вооруженные Силы. Советско-германский фронт, как только он возник, стал главным и решающим фронтом второй мировой войны. Исход в войне зависел главным и определяющим образом от событий на этом фронте. По размаху и масштабам операций советско-германский фронт неизмеримо превосходил все другие фронты. Главные силы германской армии были двинуты на Восток. Сколь бы важным ни был фронт в Северной Африке или в бассейне Тихого океана, все же именно советско-германский фронт в течение четырех лет был центром борьбы против фашистской Германии. После того как Германия поработила ряд стран Западной Европы, гитлеровская клика считала войну против Советского Союза важнейшим звеном в достижении ми-

рового господства. Именно поэтому на Восточный фронт были стянуты основные и наиболее боеспособные соединения германской армии.

Пока шла война, пока Советская Армия принимала на себя основную тяжесть борьбы с гитлеровцами, никто на Западе и не помышлял оспаривать великие усилия Советских Вооруженных Сил в борьбе с германским фашизмом.

Но вот кончилась война. Советский Союз вышел из нее победителем. За короткое время под руководством Коммунистической партии советский народ сумел не только восстановить разрушенное войной хозяйство, но и двинуться семимильными шагами вперед. Грандиозные успехи Советского Союза в коммунистическом строительстве вызывают злобу и серьезное беспокойство империалистической реакции.

Правящие круги западных стран, которые во время второй мировой войны были участниками антигитлеровской коалиции, на протяжении многих лет ведут дорого стоящую народам «холодную войну». Одним из ее проявлений является злобная антисоветская агитация, различные фальсификации, направленные на подрыв в глазах мирового общественного мнения авторитета Советского государства. В частности, в том, что касается истории второй мировой войны, эти фальсификации сводятся также к попыткам принизить роль Советского Союза в победе над гитлеровской Германией. Нет надобности подробно говорить о том, что активную роль в этой фальсификаторской деятельности играют битые нацистские генералы, подвизающиеся ныне в руководстве бундесвером либо на крупных штабных должностях в НАТО. В своих литературных опусах они всячески пытаются внушить читателю явно фальшивую мысль о том, что не Советский Союз, а западные державы сыграли решающую роль в победе над Германией, стремятся принизить роль и значение советско-германского фронта во второй мировой войне.

Известно, что к началу войны против СССР гитлеровская Германия имела в общей сложности 214 дивизий и 7 бригад. Из этого количества сухопутных войск к операциям против Советского Союза было привлечено 152 дивизии и 2 бригады. Таким образом, свыше 70 % всех сухопутных сил гитлеровской Германии было сразу же

брошено на советско-германский фронт. К этому количеству надо прибавить несколько десятков дивизий стран — союзников гитлеровской Германии. Всего же в 1941 году в момент начала войны на советско-германском фронте находилось 190 дивизий противника. К 1943 году из 294 дивизий, находившихся в распоряжении германского командования, 196 дивизий было сосредоточено на советско-германском фронте. Вместе же с вооруженными силами гитлеровских сателлитов Советской Армии противостояло в это время 230 дивизий. На последнем, завершающем этапе войны в начале 1945 года из 313 дивизий и 32 бригад, находившихся в распоряжении гитлеровского командования, на советско-германском фронте действовали 185 дивизий и 21 бригада. В тот же период времени на Западном фронте и в Италии находилось только 108 дивизий и 7 бригад (остальные соединения несли охранную службу в оккупированных гитлеровцами странах).

Эти данные, почерпнутые из архивов гитлеровского генерального штаба, достаточно ярко устанавливают тот факт, что на советско-германском фронте в течение всей войны находилось подавляющее большинство дивизий нацистской Германии и ее сателлитов. Не лишним будет в рассматриваемой связи привести следующие слова У. Черчилля из его послания И. В. Сталину в сентябре 1944 года: «...Именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящий момент сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника»⁹.

Но дело не только в том, что Советской Армии противостояла подавляющая часть войск гитлеровской Германии и ее сателлитов. Против Советской Армии направлялись наиболее боеспособные и технически оснащенные дивизии. На Западном же фронте гитлеровское командование оставило наименее укомплектованные части. Вот как рисует картину оснащенности Западного фронта начальник оперативного отдела войск Западного фронта генерал Бодо Циммерман: «Можно сказать без преувеличения, что Восточный фронт настойчиво выкачивал из

---

⁹ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 260.

немецких армий, находившихся на Западе, всю боеспособную живую силу и боевую технику.

Вследствие этого тактические и организационные мероприятия на Западе сводились к затыканию дыр. Командиры, войска и боевая техника, откровенно говоря, стали второразрядными. С 1943 года основу немецких войск Западного фронта составляли старики, оснащенные устаревшим вооружением. Ни личный состав, ни вооружение не отвечали требованиям предстоящих тяжелых сражений»¹⁰.

Еще более яркое свидетельство того, с кем приходилось сражаться англо-американским войскам на Западном фронте, мы находим в отчете командующего этим фронтом Рундштедта, направленном им в ОКВ. В отчете говорилось, что «на западном театре военных действий большинство немецких солдат слишком стары. Зачастую на службе находились офицеры с искусственными конечностями. Один батальон был сформирован из людей, страдавших болезнями уха. Позднее целая 70-я дивизия была укомплектована солдатами, имевшими желудочные заболевания и нуждавшимися в специальной диете»¹¹.

Вряд ли кто-нибудь решился бы оспорить достоверность этих фактов, изложенных в секретных докладах нацистских генералов германскому главнокомандованию. А если это так, то не говорит ли это о том, что огромным армиям США и Англии противостояли весьма ослабленные и наспех сформированные войска. Можно ли при этих условиях сколько-нибудь серьезно утверждать, что решающие сражения второй мировой войны имели место в Северной Африке или Западной Европе.

Хорошо известно, и это бесспорно признается в любом статистическом справочнике второй мировой войны, что подавляющие по количеству потери в живой силе и технике германские армии несли именно на советско-германском фронте. Достаточно будет указать, что на советско-германском фронте в общей сложности было разгромлено свыше 1000 вражеских дивизий. Это в 5 раз больше того количества дивизий, которые были развернуты врагом к началу войны в 1941 году. Следовательно, в среднем за каждую неделю боевых действий Советская

---

¹⁰ «Роковые решения», стр. 219.

¹¹ Там же, стр. 221.

Армия подвергала разгрому пять дивизий противника. Даже по преуменьшенным данным германского генштаба сухопутных войск, уже за первые пять месяцев войны и, таким образом, еще до начала советского контрнаступления под Москвой потери немецких войск (убитыми, ранеными и без вести пропавшими) составили 743 тысячи человек, или 23,1% от общей численности находившихся на советско-германском фронте немецких войск.

Огромные масштабы операций на Восточном фронте вынуждали гитлеровское командование снимать свои войска с других театров военных действий. Достаточно будет упомянуть, что в 1942 году было переброшено на советско-германский фронт 100 дивизий и 10 бригад, в 1943 году — 58 дивизий и 6 бригад, в 1944 году — 110 дивизий и 28 бригад. Только за четыре месяца 1945 года было переброшено 52 дивизии и 6 бригад. Подобные переброски стали возможными исключительно потому, что обстановка на других театрах военных действий создавала для этого предпосылки.

В письме к Рузвельту от 16 марта 1943 г. И. В. Сталин писал, что «в самый напряженный период боев против гитлеровских войск, в период февраль — март, англо-американское наступление в Северной Африке не только не форсировалось, но и вообще не проводилось, а намеченные для него сроки отложены. Тем временем Германия уже успела перебросить с Запада против советских войск 36 дивизий, из них 6 дивизий танковых. Легко понять, какие затруднения это создало для советской армии и как это облегчило положение немцев на советско-германском фронте»¹².

И тем не менее, несмотря на тяжелые условия борьбы, Советская Армия с честью, героически и самоотверженно, защищала свою страну, подрывая с каждым днем боевые силы германской армии.

Читатель помнит, как в ответ на вопросы обвинителя на Нюрнбергском процессе фельдмаршал Мильх с присущим гитлеровским воякам хвастовством стал перечислять, сколько дней (не лет, не месяцев) требовалось для того, чтобы сокрушить и поставить на колени ту или

---

¹² «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. II, Госполитиздат, 1957, стр. 58.

другую европейскую страну. Ведь, говорил Мильх и другие, гитлеровской армии удалось за несколько недель во Франции сделать то, что кайзеровская армия не могла сделать за четыре года. На Советский Союз гитлеровцы напали, имея в виду эти же расчеты молниеносной войны.

Еще за несколько дней до нападения — 19 июня 1941 г. — гитлеровский генеральный штаб, полностью уверенный в скором разгроме Советского Союза, разослал главнокомандующим сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил директиву Гитлера № 32. Директива эта предусматривала, что после окончания операций в России необходимо форсированным темпом провести военную кампанию по захвату стран Ближнего и Среднего Востока, а также Суэцкого канала. Директива предусматривала операции в бассейне Средиземного моря и последующее вторжение в Англию.

Успешное осуществление агрессии против СССР, таким образом, рассматривалось гитлеровской кликой как главное звено в ее стремлении к мировому господству. Ясно и то, что эта захватническая программа гитлеровцев ставила под серьезную угрозу интересы США и Англии.

«Дрожишь при одной мысли о том, что могло бы произойти, если бы Красная Армия рухнула под напором наступающих германских войск или если бы русский народ был менее мужественным и неустрашимым». Так писала американская газета «Вашингтон пост», отражая тревогу, охватившую некоторые круги на Западе.

Никто, разумеется, в среде англо-американской реакции не беспокоился о том, что Советский Союз понесет большие жертвы в борьбе с агрессором. Боялись другого — как бы быстрая победа над Советским Союзом не привела к такому усилению германского империализма, которое позволит ему успешно осуществить посягательство на англо-американские империалистические интересы.

Но расчеты гитлеровского командования с треском провалились. Советские вооруженные силы, воодушевленные идеями защиты Родины, ее свободы и независимости, сумели в кровопролитных сражениях остановить до зубов вооруженного агрессора. В Сталинграде гитлеровскому вермахту был нанесен сокрушительный по

силе и по своим последствиям удар. Сталинград означал не только конец наступательных операций гитлеровской армии, но и начало ее массового разгрома, начало ее стремительного отступления, которое уже не прекращалось до дня полной и безоговорочной капитуляции. После Сталинграда советские вооруженные силы прочно захватили инициативу в свои руки и широкими наступательными операциями гнали противника, гнали до тех пор, пока он не сложил оружия.

Героизм и самоотверженность советских вооруженных сил, спасших цивилизацию от фашистского порабощения, снискали всеобщую признательность и любовь народов всего мира. Сталинград стал символом свободы и независимости народов. Именем Сталинграда названы площади и улицы ряда городов в Западной Европе, которые уцелели в немалой степени благодаря тому, что оказался в развалинах героический город на Волге, город, где Гитлер сломал себе шею.

...Но находятся теперь люди, которые, описывая историю второй мировой войны и думая уже о третьей, всячески стремятся принизить героические усилия советского народа, советских вооруженных сил в борьбе с германским фашизмом. Оказывается, не сражение под Сталинградом, а операции в Северной Африке были решающими во второй мировой войне. По мнению английского военного теоретика Фуллера, Эль-Аламейн — «самое решающее сухопутное сражение». И вообще, если верить гитлеровскому генералу Типпельскирху, то успех Сталинграда целиком определялся боевыми действиями англо-американских войск в Египте и Северной Африке. Русские, пишет он, «медлили с наступлением, ожидая, пока определится успех наступления 8-й английской армии в Египте и десантной операции в Северной Африке»¹³.

Всякий мало-мальски объективный военный историк понимает, что не Эль-Аламейн, где англичанам противостояло всего 13 итало-немецких дивизий и где сражение носило чисто местный характер, а Сталинград, приведший к разгрому основной группировки германских войск и полному расстройству гитлеровского вермахта,

---

¹³ К. Типпельскирх, История второй мировой войны, стр. 256.

являлся решающим сражением второй мировой войны, сражением, обусловившим коренное изменение в военной и политической обстановке на фронтах. Это вынуждены были тогда, в 1942—1943 годах, признать и многие гитлеровские генералы.

Вот как описывает обстановку и настроение того времени уже упоминавшийся гитлеровский генерал Циммерман:

«Был чудесный весенний день. Когда я вошел в кабинет Рундштедта, он выглядел элегантным и моложавым, как обычно. При любых обстоятельствах фельдмаршал был одет как с иголочки. Но в то утро, судя по его поведению, он был в подавленном состоянии. По первым же словам Рундштедта я понял, в чем дело. «Сталинград пал, — сказал он. — Что теперь будет?» Как и его предшественник на посту главнокомандующего войсками Западного фронта фельдмаршал фон Витцлебен, Рундштедт всегда был уверен, что война с англичанами и американцами во Франции может быть проиграна и, вероятно, уже проигрывается на Восточном фронте, еще до высадки англо-саксонских армий на континент»¹⁴.

Хорошо понимая, что означает разгром под Сталинградом, тогдашний начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-полковник Цейтцлер пишет: «В ноябре (1942 г. — А. П.) я говорил Гитлеру, что потерять под Сталинградом четверть миллиона солдат — значит подорвать основу всего Восточного фронта. Ход событий показал, что я был прав. Сталинградское сражение оказалось поворотным пунктом всей войны»¹⁵.

Так, устами гитлеровских генералов (а кому было лучше знать, как не им, во что обошелся Гитлеру Сталинград) раскрывается вся фальшь утверждений современных реакционных военных историков, стремящихся фальсифицировать события второй мировой войны.

Неоспоримым остается тот факт, что свою гибель разбойничий гитлеровский империализм нашел на полях сражений в России. Здесь он впервые столкнулся с

---

¹⁴ «Роковые решения», стр. 217.

¹⁵ Там же, стр. 189.

Разрушенный Нюрнберг...

мощным и организованным сопротивлением, которое, будучи помножено на исключительный героизм и самоотверженность всего советского народа, встало непреодолимой преградой на пути Гитлера к мировому господству, стало началом близкого конца всего гитлеровского режима.

Нападая на Советский Союз, гитлеровцы полагали, что это будет «веселая война», «военная прогулка». Но авантюристы просчитались, и просчитались гораздо больше, чем германский кайзер в первую мировую войну.

Разгром гитлеровских полчищ на полях сражений на Востоке привел к полному краху гитлеровского государства.

Это теперь фальсификаторы из лагеря западногерманской реакции стремятся навязать истории миф о превентивной войне. Битые гитлеровские генералы из кожи лезут вон, чтобы доказать, что они были против войны с Советским Союзом. Да, им можно поверить, что такой войны, которая сопровождалась разгромом под Москвой, крушением под Сталинградом, падением Берлина, они не хотели.

Народы Советского Союза, потерпевшие огромный урон, больший, чем любой другой народ, преисполнены чувством великой гордости за то, что они внесли решающий вклад в дело разгрома гитлеровского фашизма. С честью и до конца выполнили свою историческую миссию овеянные славой советские вооруженные силы.

Не потому ли среди многоголосого хора современных охотников до новой агрессии против Советского Союза нередко раздаются голоса, предупреждающие от возможной недооценки силы и могущества Советского государства и его армии.

Видимо, невозможно заподозрить Гейнца Гудериана, одного из идеологов «блицкрига» и начальника гитлеровского генштаба, в симпатиях к Советскому Союзу, к Советской Армии. Тем более весьма любопытны выводы, к которым он пришел в своей статье «Опыт войны с Россией». Гудериан прежде всего решил опровергнуть самого себя, заявляя: «Исход любых боевых действий, как правило, а в особенности в России, намечать заранее нельзя. Поэтому ни один военачальник... не может

положиться на успех «молниеносной войны» в России»¹⁶.

Гудериан, конечно, не стал вегетарианцем. Он опроверг свою собственную теорию «блицкрига», но отсюда еще далеко до вывода о том, что не надо больше войн, не надо больше войны с Советским Союзом. Гудериан, напротив, за то, чтобы, объединившись с Западом (он писал свою статью еще до вхождения Западной Германии в НАТО), напасть на Советский Союз. Именно поэтому он в своих «итогах» делает ряд рекомендаций на будущее. Он против недооценки Советского Союза. Гудериан пишет, что «оружие и прочее военное снаряжение, а также обмундирование солдат должны быть изготовлены с учетом своеобразия восточного театра военных действий». Он требует большего внимания к созданию военных баз, которые «должны быть хорошо закреплены, снабжены всеми запасами продовольствия и военных материалов».

Гудериан предупреждает против недооценки личных качеств советских офицеров и солдат. «Русский солдат всегда отличался особым упорством, твердостью характера... Во второй мировой войне стало очевидным, что и советское верховное командование обладает высокими способностями в области стратегии. Было бы правильно и в дальнейшем ожидать от советских командиров и войск высокой боевой подготовки и высокого морального духа и обеспечить хотя бы равноценную подготовку собственных офицеров и солдат». Гудериан озабочен резким падением морального духа немецких солдат в последний период войны. Вместе с тем, пишет он, русские генералы и солдаты «не теряли присутствия духа даже в труднейшей обстановке 1941 года... Следует воспитывать в солдатах такую же твердость и упорство. Несерьезность в этой области может привести к ужасным последствиям»¹⁷.

Послевоенная политика западных держав свелась к тому, чтобы, не теряя времени, восстановить германский милитаризм и попытаться более удачно использовать его против социалистического лагеря. И политика эта своими корнями уходит еще в годы второй мировой войны,

---

¹⁶ «Итоги второй мировой войны», стр. 133.

¹⁷ Там же.

когда империалисты Запада всячески стремились не допустить окончательного разгрома фашизма. Их цель заключалась в том, чтобы, как отметил Н. С. Хрущев, «руками немцев, которые находились в то время под влиянием нацизма, уничтожить все завоевания Великой Октябрьской революции, уничтожить первое в мире социалистическое государство трудящихся. Они хотели, чтобы и немцы в этой войне истекли кровью, чтобы Германия перестала быть опасным конкурентом определенных империалистических государств»¹⁸.

Этим объяснялась и политика затягивания открытия второго фронта в Европе. И лишь тогда, когда советские вооруженные силы, успешно отбив наступление гитлеровских войск, сами перешли в решительное наступление, когда стало совершенно ясно, что «если бы они опоздали с открытием второго фронта, то советские войска могли оказаться не только в Берлине, но и в Париже, тогда, — как отметил Н. С. Хрущев, — наши союзники стали поспешно действовать. Тогда-то и был открыт второй фронт. Было похоже на то, что наши союзники спешили тогда с его открытием, чтобы не дать народам стран Западной Европы самим, с помощью Советской Армии разгромить войска оккупантов»¹⁹.

Отгремели последние залпы второй мировой войны в Европе. Развязывая эту войну, империалисты рассчитывали на то, что в итоге ее будет укреплен капитализм и разгромлен социализм. Международная реакция стремилась к тому, чтобы в результате войны упрочить режим капиталистической эксплуатации как в метрополиях, так и в колониях. Но это был расчет без хозяина. Не для того народы поднялись на борьбу с фашизмом, не для того они жертвовали жизнями миллионов людей, чтобы укрепить антинародные режимы. Исторический опыт первой мировой войны, в итоге которой произошел подрыв позиций капитализма и победа социалистической революции в России, уже показал всю неосновательность таких расчетов.

Вторая мировая война, вопреки надеждам ее организаторов, стоила капитализму еще больших потерь.

---

¹⁸ Н. С. Хрущев, Мир без оружия — мир без войн, т. I, Госполитиздат, 1960, стр. 165.

¹⁹ Там же, стр. 165—166.

Ряд стран Европы и Азии с населением свыше 750 миллионов человек отпал от капиталистического мира. В результате образовался мощный лагерь социалистических стран, занимающий ныне 26% территории земного шара с населением в 1 млрд. человек. Поражение капитализма во второй мировой войне сказалось и в том, что резко усилился процесс распада колониальной системы. Весь ход и исход второй мировой войны, развязанной империалистами и приведшей к огромным человеческим и материальным потерям, содействовал дальнейшему глубокому морально-политическому поражению капитализма, росту ненависти народов к империалистической политике.

Начиная вторую мировую войну, империалисты рассчитывали на то, что им удастся разгромить единственное в мире социалистическое государство — Советский Союз. На деле же Советский Союз вышел из войны еще более окрепшим. Великая победа Советского Союза способствовала освобождению народов ряда стран от капиталистического ига и созданию мощного лагеря социализма, идущего в авангарде борьбы за мир и международную безопасность.

В мирном экономическом соревновании с капитализмом СССР и другие социалистические страны с каждым годом добиваются новых огромных успехов.

Не случайно поэтому многие трезво мыслящие буржуазные деятели выступают ныне против авантюристического курса агрессивной политики наиболее экстремистских кругов империализма. Эти политики понимают всю бесперспективность планов сокрушения социализма силой. Бомбами и пушками они не сумели сокрушить Советский Союз, когда он был единственным в мире социалистическим государством. Тем более бессмысленной и обреченной является политика войны против мощного лагеря социалистических стран.

Отныне курс на новую мировую войну — это курс безумной авантюры, который однажды стоил империалистам потери своего господства в ряде районов земного шара, а теперь грозит полной и окончательной катастрофой всей системы капитализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осень 1961 года. Двадцать два года прошло с момента, когда мир был ввергнут в самую чудовищную по своим масштабам и последствиям войну.

Народилось новое поколение людей, которое лишь по рассказам ветеранов войны знает о кровавом вихре, шесть лет потрясавшем мир. Ушли в небытие десятки миллионов людей, которые, не будь этой войны, имели бы возможность жить, творить, радоваться...

...Май 1945 года. Первая после многих лет радостная весна. Весна мира и надежд. Весна, за которую народы всего мира искренне и от души благодарили Советский Союз, чья героическая борьба спасла человечество от ига фашизма.

Что-то глубоко симптоматичное было в том, что война кончилась в лучах теплого майского солнца.

Люди всего мира верили каждому слову Потсдамской декларации, олицетворявшей решимость великих держав-победительниц никогда больше не допустить войны, не допустить восстановления разбойничьего германского милитаризма. На развалинах чудесных городов, на пепелищах Сталинграда и Ковентри, Орадура и Лидице люди клялись бороться за то, чтобы никогда и никто не смог навязать народам идеологию вражды и ненависти.

Прошли годы. На месте погибших городов поднялись новые, еще более прекрасные. Народы всего мира с чувством огромной радости и гордости наблюдают за выда-

ющимися достижениями Советского Союза и других социалистических стран в их борьбе за построение коммунистического общества. Весь мир славит советского космонавта Юрия Гагарина, впервые в человеческой истории проложившего дорогу в космос. 6 августа 1961 г. в Советском Союзе был осуществлен второй исторический запуск космического корабля, управляемого человеком, советским человеком майором Германом Титовым.

6 августа 1961 г.!

Народы всего мира будут помнить этот день как один из самых замечательных дней в благородной борьбе советского народа за общечеловеческий прогресс.

Но народы не забыли и другой день — 6 августа 1945 г., когда над мирным японским городом Хиросимой была сброшена первая атомная бомба, оборвавшая жизнь многих десятков тысяч людей и еще сегодня глухим и смрадным эхом отзывающаяся в мире. Только человеконенавистнический империализм мог породить это хладнокровное массовое убийство людей.

Замышляемая империалистами новая война грозит человечеству небывалыми жертвами и разрушениями. Даже подготовка к ней несет миллионам людей страдания и лишения.

Следствием закона неравномерного развития капитализма и связанного с этим изменения в соотношении сил между капиталистическими государствами после второй мировой войны — экономический, а вслед за ним политический и военный центр империализма переместился из Европы в США. Американский монополистический капитал, разбухший на дрожжах военных прибылей и гонки вооружений, захватил основные источники сырья, рынки сбыта и сферы приложения капитала, создал негласную колониальную империю, стал самым крупным **мировым эксплуататором**. Американский империализм, прикрываясь фальшивым флагом свободы и демократии, на деле выполняет роль **мирового жандарма**, поддерживая реакционные диктаторские режимы, прогнившие монархии, выступая против демократических, революционных преобразований, развязывая агрессию против народов, борющихся за свою независимость.

Американские монополии и их английские и французские союзники в своей политике подготовки новой миро-

вой войны в Европе главную ставку делают на германский милитаризм и с этой целью предприняли все, чтобы за короткое время возродить его в Западной Германии.

Западногерманские реваншисты, широко используя гитлеровские приемы политики, проповедуют захватнические цели, открыто готовят войну против социалистических государств и других европейских стран. В результате такой политики в центре Европы воссоздается опасный очаг агрессии, угрожающий миру и безопасности всех народов.

На опыте второй мировой войны народы уже убедились, сколь катастрофической для дела мира была политика возрождения германского милитаризма.

Германский милитаризм, ярким выражением которого явился гитлеровский фашизм, ловко использовал ненависть реакционных кругов западных держав к социализму, к Советской стране. Ослепленные этой ненавистью, руководящие деятели Запада сделали все, чтобы помочь Гитлеру реализовать агрессивные замыслы германских империалистов. Опыт истории, однако, показал, что германские империалисты, так истошно кричавшие о «коммунистической опасности», о «походе на Восток», обрушили свои первые уничтожающие удары не на Советский Союз, а на западные страны. Лишь покорив всю капиталистическую Западную Европу, Гитлер двинулся против СССР.

Ковентри и Орадур стали известны миру раньше, чем Бабий яр, и это должно было послужить хорошим отрезвляющим уроком для тех политических деятелей, которые рассчитывали в результате Мюнхена толкнуть гитлеровскую Германию на Советский Союз, а самим занять позицию «третьего, радующегося».

История зло надсмеялась над этими политиками.

...Однако известная талейрановская формула «они ничего не забыли и ничему не научились» и сегодня оказывается вполне применимой ко многим государственным деятелям буржуазного Запада. Германский империализм вновь обрел себе союзников, вновь убедился в популярности лозунга «антикоммунизма». Снова, как в былые времена, германские милитаристы кричат о «европейском единстве», выставляют себя борцами за «интересы Европы».

«Я всегда слышал слово «Европа», — говорил Бисмарк, — от тех политиков, которые требовали от других держав чего-нибудь такого, чего они не отваживались бы потребовать от собственного имени».

Слово «Европа» стало наиболее употребительным в речах боннских реваншистов.

Но история возникновения второй мировой войны срыывает все покровы с этих и многих других приемов современных преемников Гитлера, немало поработавшего для того, чтобы составить политическую программу, годную и для боннской реакции.

Политики США, взявшие на себя неблагодарный труд выгородить западногерманских реваншистов и представить их «поборниками демократии», ссылаются на то, что в ФРГ нет фашизма, нет «фюрера» по имени Гитлер. Да и сам Аденауэр, видит бог, часто предаёт анафеме Гитлера и фашизм. Но разве в этом дело? Авторам подобных утверждений хотелось бы напомнить следующие вполне разумные слова, произнесенные в одной из обвинительных речей в Нюрнберге: «Немецкий милитаризм, если он выступит опять, не обязательно сделает это под эгидой нацизма. Немецкие милитаристы свяжут свою судьбу с судьбой любого человека или любой партии, которые сделают ставку на восстановление немецкой военной мощи»¹. И слова эти принадлежат не советскому обвинителю (хотя и он подписался бы под ними), а представителю американского обвинения — генералу Тейлору.

История показала, сколь основательным было такое предвидение.

Американские империалисты, вкладывающие в руки германских милитаристов оружие агрессии, в то же время делают все, чтобы сорвать усилия Советского Союза и других демократических стран в мирном разрешении германского вопроса. Эта откровенно агрессивная политика США и их союзников по НАТО находит свое наиболее яркое выражение в упорном нежелании покончить с остатками второй мировой войны, подписать мирный договор с Германией и решить на его основе вопрос о Западном Берлине.

«Кто заинтересован в отсутствии германского мирного

---

¹ «Нюрнбергский процесс... Сборник материалов», т. 6, стр. 677.

договора, — говорит Н. С. Хрущев, — какие силы мешают его заключению?

Конечно, не немецкий народ, не народы Европы, которые на протяжении последних десятилетий перенесли ужасы двух мировых войн. Заключению мирного договора сопротивляются те силы Западной Германии, которые помышляют о реванше, вынашивают планы новых военных авантур. Но каждому ясно, что дело не только в боннских милитаристах и недобитых гитлеровцах. Замыслы реваншистов поощряют и поддерживают правящие круги западных держав»².

Отсутствие мирного урегулирования с Германией, поскольку оно поддерживает и развивает международную напряженность в Европе, вполне устраивает врагов мира. Вот почему так методично и упорно отвергаются все усилия Советского правительства, направленные на заключение мирного договора с Германией.

На глазах у всех Западная Германия превращается в опасный очаг войны, к власти в стране пришли самые оголтелые гитлеровцы, руководящие агрессивным бундесвером и воспитывающие его в духе агрессии и реванша. Вновь, как в нацистские времена, установлен тесный союз армии с промышленными монополиями, куящими оружие для разбойничьих авантур.

Сегодня реакционные правящие круги Западной Германии выступают как самые опасные застрельщики политики «с позиции силы», глашатаи «холодной войны».

Правительство США в своих нотах Советскому Союзу по германскому вопросу не в состоянии отрицать реваншистского курса Западной Германии. Но Вашингтон при этом предпринимает попытку с негодными средствами представить дело таким образом, что в Бонне имеют в виду лишь мирные способы решения территориальных претензий.

Правящие круги США, выступающие адвокатами боннской реакции, рассчитывают на короткую память человечества. А напрасно! Ведь только в 1949 году канцлер Аденауэр публично заявил, что он «принципиально против перевооружения ФРГ и тем самым также против создания новых германских вооруженных сил». Это ли не прямой обман, это ли не пример опасного подражания

---

² «Правда», 22 июня 1961 г.

Гитлеру, также до поры до времени успокаивавшего мир заверениями в верности международным договорам. Прошло совсем немного времени, и мир убедился в «искренности» слов боннского канцлера. Растоптав с помощью Запада Потсдамские соглашения и свои собственные заверения, Аденауэр создал агрессивный бундесвер. Затем Аденауэр, опять же методически следуя гитлеровским рецептам, решил, что перед следующим опасным для мира шагом надо дать очередное заверение. Так он и сделал, когда решено было потребовать атомное оружие. Нет, Аденауэр хорошо понимает всю опасность этого оружия. Он, конечно, против атомного вооружения бундесвера. Он и не помышляет о нем. В 1957 году канцлер заявил, что не может приветствовать вооружение ядерным оружием новых держав и что ФРГ не ходатайствовала о поставках ядерного оружия. Но уже в марте 1958 года, по предложению того же Аденауэра, западно-германский бундестаг принял решение об оснащении бундесвера ракетно-ядерным оружием, на основе которого бундесвер получил в свое распоряжение средства доставки ядерного оружия.

Читателю уже известно, что гитлеровские генералы, возглавлявшие некогда фашистский генеральный штаб, в 1960 году открыто потребовали передачи в их руки всех видов ядерного оружия. «В настоящее же время, — указывается в Меморандуме Правительства СССР Правительству ФРГ о мирном договоре с Германией, — атомного оружия домогаются не только генералы, но и само федеральное правительство, руководители которого заявляют об этом публично. И если федеральное правительство констатирует в своем Меморандуме, что в распоряжении бундесвера сейчас не имеется ядерных боеголовок, то это, разумеется, никак нельзя отнести за счет недостатка усилий с его стороны в этом отношении. Похоже, что в данном случае оно лишь пытается выдать, как говорят, „нужду за добродетель,“»³.

В то же время правительство США в своем стремлении представить ФРГ миролюбивым государством продолжает обманные маневры, правда, рассчитанные на маленьких детей и больших дураков. Один из таких обманных маневров, направленных на дезориентацию об-

---

³ «Правда», 5 августа 1961 г.

ественного мнения, состоит в утверждении, будто факт вхождения ФРГ в состав НАТО уже сам по себе является достаточной гарантией того, что Западная Германия не способна угрожать миру.

Позвольте, спросит мало-мальски осведомленный в политике человек, а что же такое само НАТО? С каких это пор откровенно агрессивный союз западных держав является стражем мира?

В ноте Советского правительства США от 3 августа 1961 г. о мирном договоре с Германией указывается, что участие ФРГ в НАТО «создает прямо-таки оранжерейные условия для германского милитаризма». Именно благодаря участию в НАТО и по каналам этой организации в западногерманский бундесвер бурным потоком поступают самые новейшие виды вооружения. Даже гитлеровская Германия не могла перед войной разместить свои базы в других европейских странах. Боннская Германия, пользуясь мандатом НАТО, за короткое время создала ряд баз на обширных просторах Западной Европы. В гитлеровской Германии был широко поставлен военно-экономический шпионаж, связанный с большими расходами и приносивший не только успехи, но и обычные в этом роде деятельности провалы. Бонн продолжает и в этом отношении «славные» традиции Канариса и Гиммлера. Но эта задача ныне во многом облегчена тем, что в органах НАТО военные специалисты ФРГ официально получают доступ к военным секретам этого блока.

С каждым днем западногерманские милитаристы все громче и громче бряцают оружием, они жаждут новой войны, в которой могли бы взять кровавый реванш.

Но обстановка в мире уже не та, она радикально изменилась, и не в пользу тех, кто хотел бы разжечь пожар новой войны.

В новую историческую эпоху неизмеримо возросли возможности народных масс активно вмешиваться в решение международных вопросов. Народы все активнее берут решение вопроса о мире и войне в свои руки. Антивоенное движение масс, принимающее разнообразные формы, — крупнейший фактор в борьбе за мир. Великой организующей силой этой всенародной борьбы выступает международный рабочий класс, самый непримиримый, самый последовательный борец против империалистических войн.

После второй мировой войны возник могучий и сплоченный лагерь социалистических государств. Социалистические революции в странах Европы и Азии нанесли новый мощный удар по позициям империализма. Объединенные силы социалистического лагеря надежно гарантируют каждую социалистическую страну от посягательств со стороны империалистической реакции.

Германский империализм ныне уже не господствует во всей Германии. Значительная часть ее территории принадлежит германскому народу, создавшему миролюбивое, демократическое государство ГДР — первое государство немецких рабочих и крестьян.

Германский фашизм мог утвердить свою власть и развязать войну благодаря разобщенности сил мира и демократии. И в этом отношении обстановка радикально изменилась. Ныне с каждым днем все более активно происходит процесс консолидации международного рабочего движения, одна из задач которого состоит в том, чтобы не допустить новой истребительной войны и дать отпор попыткам наступления реакции.

На страже мира стоят советские вооруженные силы, оснащенные новейшими средствами ведения войны. Учитывая агрессивные замыслы империалистов, Коммунистическая Партия Советского Союза и Советское правительство делают все, чтобы Советская Армия была на высоте задач, которые на нее возложили народы СССР.

Важнейшим фактором мира, важнейшей гарантией международной безопасности является мирная внешняя политика Советского Союза и других социалистических стран.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГИТЛЕРОВСКИЕ АГРЕССОРЫ И ИХ ПОСОБНИКИ . . .	18
Альфа и омега	18
Игра в мяч	23
«Отступить, если появятся французские войска»	24
Заговор против Австрии	27
«Приготовить все для охоты...»	32
ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА . . .	45
«Должны ли мы всё еще стыдиться Мюнхена?»	45
Майский кризис	51
Вопрос Кейтелю	57
Решительный голос Востока	62
Бенеш и реликвии прошлого	67
Подарок на золотом блюде	69
«И не стыдно Жоржу Боннэ!»	71
В камере Геринга	75
Чего следовало бояться Даладьё	81
«Я, конечно, имею в виду Соединенные Штаты»	83
Чего стоил подарок	88
ИМПЕРИАЛИСТЫ РАЗВЯЗЫВАЮТ ВОЙНУ В ЕВРОПЕ . . .	93
Запад ведет двойную игру	93
Критические дни	102
Удар по провокаторам	111
Жребий брошен	116
Глейвиц: кто на кого напал?	119
Во что обошлась двойная игра	126
Рудольф Гесс в Лондоне	141

РОКОВОЙ ШАГ	150
«Я прошу вас освещать дело именно таким образом» . . .	150
«Энергично взяться за русскую кампанию»	158
Переполох на скамье подсудимых	163
Штаб «Ольденбург»	170
«Мы оба сочли это за дурное предзнаменование» . . .	173
Геринг не торопится защищать Германию	178
«Закончить кампанию к началу зимы»	182
«Во-первых., во-вторых., в-третьих...»	186
«Нижеподписавшийся рекомендует Коха гаулейтером Москвы»	190
«Это имя я уничтожу»	194
«ДЕРЕВО С ОТРАВЛЕННЫМИ ПЛОДАМИ»	197
«Прежде чем шлифовать оружие, надо отполировать ре- путацию»	197
Германский генеральный штаб под судом	200
Спасательный круг Деница	203
Что это за генералы, которых надо понуждать к войне! .	205
Сталинград — без двух минут двенадцать	211
Эврика Латернзера	215
«Отдельные судебные разбирательства»	218
Благодарность с большой дороги	222
«ПОДЛЕЙШАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ»	234
Конфуз с Кальтенбруннером	234
«Им не следует давать пощады...»	239
«Я не могу помнить каждую деталь»	246
Арифметические расхождения	255
Адольф Хойзингер дает показания	266
Почему затыкали рот Эйхману	263
ЗА КУЛИСАМИ ИМПЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ	286
Стыдился ли Шахт Геринга в Нюрнберге?	286
«В зале смех»	293
«Ни один федеральный судья не получит отпуска!» . .	302
«Символ самых зловещих сил»	309
«Да, это известно всем директорам «ИГ» в Освенциме» .	336
ЕЩЕ ОДИН РАЗОБЛАЧЕННЫЙ МИФ	348
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	366

Полтораки Аркадий Иосифович
ОТ МЮНХЕНА ДО НЮРНБЕРГА

Редактор *Цыбулевский Б. Л.*
Оформление художника *Ламма Л. И.*
Художественный редактор *Воронцова Л. М.*
Технический редактор *Н. И. Романова*
Корректор *Красовитова И. П.*

А-08645. Сдано в набор 30/VI 1961 г. Подписано
в печать 30/IX 1961 г. Формат 84×108¹/₃₂. Физ.
печ. л. 11,75. Усл. печ. л. 19,27. Уч.-изд. л. 20,02.
Тираж 25 000 экз. Заказ 629. Цена 1 руб.

Издательство Института международных
отношений. Москва, И-90, 4-я Мещанская, 7.

Полиграфический комбинат
Ярославского совнархоза.
Ярославль, ул. Свободы, 97.

